А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Том 9. Пьесы 1882-1885

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 9. Пьесы 1882-1885
Таланты и поклонники
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
Красавец-мужчина
  Действие первое. (Вместо пролога)
  Действие второе
  Действие третье
    Сцена первая
    Сцена вторая
  Действие четвертое
Без вины виноватые
  Действие первое. (Вместо пролога)
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое

Не от мира сего
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
Воевода (Сон на Волге). 2-я редакция
  Пролог
  Действие первое
    Сцена первая
    Сцена вторая
  Действие второе
  Действие третье
    Сон воеводы
  Действие четвертое
  Действие пятое
Комментарии

Аннотация

В девятый том собрания сочинений А.Н. Островского вошли пьесы 1882–1885 годов: «Таланты и поклонники», «Красавец-мужчина», «Без вины виноватые», «Не от мира сего» и «Воевода».

http://ruslit.traumlibrary.net

Александр Николаевич Островский
Собрание сочинений в шестнадцати томах
Том 9. Пьесы 1882-1885

Таланты и поклонники

Комедия в четырех действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Александра Николаевна Негина, актриса провинциального театра, молодая девица.

Домна Пантелевна, мать ее, вдова, совсем простая женщина, лет за 40, была замужем за музыкантом провинциального оркестра.

Князь Ираклий Стратоныч Дулебов, важный барин старого типа, пожилой человек.

Григорий Антоныч Бакин, губернский чиновник на видном месте, лет 30-ти.

Иван Семеныч Великатов, очень богатый помещик, владелец отлично устроенных имений и заводов, отставной кавалерист, человек практического ума, ведет себя скромно и сдержанно, постоянно имеет дела с купцами и, видимо, старается подражать их тону и манерам; средних лет.

Петр Егорыч Мелузов, молодой человек, кончивший курс в университете и ожидающий учительского места.

Нина Васильевна Смельская, актриса, постарше Негиной.

Мартын Прокофьич Нароков, помощник режиссера и бутафор, старик, одет очень прилично,

но бедно; манеры хорошего тона.

Действие в губернском городе.

В первом действии в квартире актрисы Негиной: налево (от актеров) окно, в глубине, в углу, дверь в переднюю, направо перегородка с дверью в другую комнату; у окна стол, на нем несколько книг и тетрадей; обстановка бедная.

Явление первое

Домна Пантелевна (одна).

Домна Пантелевна *(говорит в окно).* Зайди денька через три-четыре; после бенефиста все тебе отдадим! А? Что? О, глухой! Не слышит. Бенефист у нас будет; так после бенефиста все тебе отдадим. Ну, ушел. *(Садится.)* Что долгу, что долгу! Туда рубль, сюда два… А каков еще сбор будет, кто ж его знает. Вот зимой бенефист брали, всего сорок два с полтиной в очистку-то вышло, да какой-то купец полоумный серьги бирюзовые преподнес… Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни две уж всё возьмем. А и триста рублей получишь, нешто их в руках удержишь; все промежду пальцев уйдут, как вода. Нет моей Саше счастья! Содержит себя очень аккуратно, ну, и нет того расположения промежду

публики: ни подарков каких особенных, ничего такого, как прочим, которые… ежели… Вот хоть бы князь… ну, что ему стоит! Или вот Иван Семеныч Великатов… говорят, сахарные заводы у него не один миллион стоят… Что бы ему головки две прислать; нам бы надолго хватило… Сидят, по уши в деньгах зарывшись, а нет, чтобы бедной девушке помочь. Я уж про купечество и не говорю — с тех что взять! Они и в театр-то не ходят; разве какой уж ошалеет совсем, так его словно ветром туда занесет… так от таких чего ожидать, окромя безобразия.

Входит Нароков.

Явление второе

Домна Пантелевна и Нароков.

Домна Пантелевна. А, Прокофьич, здравствуй!

Нароков *(мрачно).* Здравствуй, Прокофьевна!

Домна Пантелевна. Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что ты!

Нароков. И я не Прокофьич, а Мартын Прокофьич.

Домна Пантелевна. Ах, извините, господин артист!

Нароков. Коли хотите быть со мной на «ты», так зовите просто Мартыном; все-таки прилич-

нее. А что такое «Прокофьич»! Вульгарно, мадам, очень вульгарно!

Домна Пантелевна. Люди-то мы с тобой, батюшка, маленькие, что нам эти комплименты разводить.

Нароков. «Маленькие»? Я не маленький человек, извините!

Домна Пантелевна. Так неужели большой?

Нароков. Большой.

Домна Пантелевна. Так теперь и будем знать. Зачем же ты, большой человек, к нам, к маленьким людям, пришел?

Нароков. Так, в этом тоне и будем продолжать, Домна Пантелевна? Откуда это в вас озорство такое?

Домна Пантелевна. Озорство во мне есть, это уж греха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю.

Нароков. Да откуда оно в вас, это озорство-то? От природы или от воспитания?

Домна Пантелевна. Ах, батюшки, откуда? Ну, откуда… Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь в бедности, промежду мещанского сословия: ругань-то каждый божий день по дому кругом ходила, ни отдыху, ни передышки в

этом занятии не было. Ведь не из пансиона я, не с мадамами воспитывалась. В нашем звании только в том и время проходит, что все промеж себя ругаются. Ведь это у богатых деликатности разные придуманы.

Нароков. Резон. Понимаю теперь.

Домна Пантелевна. Так неужто ж со всяким нежничать, всякому, с позволения сказать… Сказала б я тебе словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы» говорить?

Нароков. Да, в простонародии все на «ты»…

Домна Пантелевна. «В простонародии»! Скажите, пожалуйста! А ты что за барин?

Нароков. Я барин, я совсем барин… Ну, давай на «ты», мне это не в диковину.

Домна Пантелевна. Да какая диковина; обыкновенное дело. В чем же твоя барственность?

Нароков. Я могу сказать тебе, как Лир: каждый вершок меня — барин. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелевна. Ты-то?

Нароков. Я-то!

Домна Пантелевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелевна. Нет, зачем? Не божись, не

надо; я и так поверю. Отчего же ты шуфлером служишь?

Нароков. Я не chou-fleur и не siffleur, мадам, и не суфлер даже, а помощник режиссера. Здешний-то театр был мой. <chou-fleur — цветная капуста *(франц.)*, siffleur — свистун *(франц.)*>

Домна Пантелевна*(с удивлением).* Твой? Скажите на милость!

Нароков. Я его пять лет держал, а Гаврюшка-то был у меня писарем, роли переписывал.

Домна Пантелевна*(с большим удивлением).* Гаврила Петрович, ампренер здешний?

Нароков. Он самый.

Домна Пантелевна. Ах ты, горький! Так вот что. Значит, тебе в этом театрашном деле счастья бог не дал, что ли?

Нароков. Счастья! Да я не знал, куда девать счастье-то, вот сколько его было!

Домна Пантелевна. Отчего ж ты в упадок-то пришел? Пил, должно быть? Куда ж твои деньги девались?

Нароков. Никогда я не пил. Я все свои деньги за счастье-то и заплатил.

Домна Пантелевна. Да какое ж такое счастье у тебя было?

Нароков. А такое и счастье, что я делал люби-

мое дело. *(Задумчиво.)* Я люблю театр, люблю искусство, люблю артистов, понимаешь ты? Продал я свое имение, денег получил много и стал антрепренером. А? Разве это не счастье? Снял здешний театр, отделал все заново: декорации, костюмы; собрал хорошую труппу и зажил, как в раю… Есть ли сборы, нет ли, я на это не смотрел, я всем платил большое жалованье аккуратно. Поблаженствовал я так-то пять лет, вижу, что деньги мои под исход; по окончании сезона рассчитал всех артистов, сделал им обед прощальный, поднес каждому по дорогому подарку на память обо мне…

Домна Пантелевна. Ну, а что ж потом-то?

Нароков. А потом Гаврюшка снял мой театр, а я пошел в службу к нему; платит он мне небольшое жалованье да помаленьку уплачивает за мое обзаведение. Вот и все, милая дама.

Домна Пантелевна. Тем ты только и кормишься?

Нароков. Ну нет, хлеб-то я себе всегда достану; я уроки даю, в газеты корреспонденции пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что от театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вот я, человек образованный, с тонким вкусом, живу теперь между грубыми людьми, которые на

каждом шагу оскорбляют мое артистическое чувство. *(Подойдя к столу.)* Что это за книги у вас?

Домна Пантелевна. Саша учится, к ней учитель ходит.

Нароков. Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелевна. Студент. Петр Егорыч. Чай, знаешь его?

Нароков. Знаю. Кинжал в грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелевна. Что больно строго?

Нароков. Без сожаленья.

Домна Пантелевна. Погоди колоть-то: он жених Сашин.

Нароков *(с испугом)*. Жених?

Домна Пантелевна. Там еще, конечно, что бог даст, а все-таки женихом зовем. Познакомилась она с ним где-то, ну и стал к нам ходить. Как же его назвать-то? Ну и говоришь, что, мол, жених; а то соседи-то что заговорят! Да и отдам за него, коли место хорошее получит. Где ж женихов-то взять? Вот кабы купец богатый; да хороший-то не возьмет; а которые уж очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что ж не отдать, парень смирный, Саша его любит.

Нароков. Любит? Она его любит?

Домна Пантелевна. Отчего ж его не любить?

Что, в самом деле, по театрам-то трепаться молодой девушке! Никакой основательности к жизни получить себе нельзя!

Нароков. И это ты говоришь?

Домна Пантелевна. Я говорю, и уж давно говорю. Ничего хорошего, окромя дурного.

Нароков. Да ведь твоя дочь талант, она рождена для сцены.

Домна Пантелевна. Для сцены-то для сцены, это точно, это уж что говорить! Она еще маленькая была, так, бывало, не вытащить ее из театра; стоит за кулисами, вся трясется. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл; так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмется к кулисе, да и стоит не дышит.

Нароков. Ну, вот видишь. Ей только на сцене и место.

Домна Пантелевна. Уж куда какое место прекрасное!

Нароков. Да ведь у нее страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелевна. Хоша бы и страсть, да хорошего-то в этом нет, похвалить-то нечего. Это вот вам, бездомовым да беспутным.

Нароков. О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Да ну тебя с кинжалами! У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут… Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал… Хорошо это? Как ты скажешь?

Нароков. Князь Дулебов! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Ох, уж много ты очень народу переколол.

Нароков. Много.

Домна Пантелевна. И все живы?

Нароков. А то как же? Конечно, живы, и все в добром здоровье, продли им, господи, веку. На-ка, вот, отдай! *(Подает тетрадку.)*

Домна Пантелевна. Это что ж такое?

Нароков. Роль. Это я сам переписал для нее.

Домна Пантелевна. Да что ж это за парад такой? На тонкой бумаге, связано розовой ленточкой!

Нароков. Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!

Домна Пантелевна. Да к чему ж эти нежности при нашей бедности? Небось ведь за ленточку-то последний двугривенный отдал?

Нароков. Хоть и последний, так что ж из этого? Ручки у нее хорошенькие, душка еще лучше; нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелевна. Да к чему, к чему это?

Нароков. Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; так и должно быть, потому что я в нее влюблен.

Домна Пантелевна. Ах, батюшки! Час от часу не легче! Да ведь ты старик, ведь ты старый шут; какой ты еще любви захотел?

Нароков. Да ведь она хороша? Говори: хороша?

Домна Пантелевна. Ну, хороша; так тебе-то что ж?

Нароков. Кто ж хорошее не любит? Ведь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человек влюблен, так сейчас гам… и съел? Из тонких парфюмов соткана душа моя. Где ж тебе это понять!

Домна Пантелевна. А ведь ты чудак, как посмотрю я на тебя.

Нароков. Слава богу, догадалась. Я и сам знаю, что чудак. Что ж ты меня обругать, что ли, этим словом-то хотела?

Домна Пантелевна*(у окна).* Никак, князь подъехал? И то он.

Нароков. Ну, так я уйду тут, через кухню. Адье,

мадам.

Домна Пантелевна. Адье, мусье!

Нароков уходит за перегородку. Входят Дулебов и Бакин.

Явление третье

Домна Пантелевна, Дулебов, Бакин.

Домна Пантелевна. Дома нет, ваше сиятельство, уж извините! В гостиный двор пошла.

Дулебов. Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелевна. Как угодно, ваше сиятельство.

Дулебов. Вы делайте свое дело, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Домна Пантелевна уходит.

Бакин. Вот мы и съехались, князь.

Дулебов. Ну, что же, здесь не тесно и для двоих.

Бакин. Но, во всяком случае, один из нас лишний, и этот лишний — я. Уж такое мне счастье; заехал к Смельской, там Великатов сидит, молчит.

Дулебов. А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умеете, значит, шансы на вашей стороне.

Бакин. Не всегда, князь. Великатов и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю.

Дулебов. Да почему же?

Бакин. Потому что богат. А так как, по русской пословице: «С богатым не тянись, а с сильным не борись», — то я и ретируюсь. Великатов богат, а вы сильны своей любезностью.

Дулебов. Ну, а вы-то чем же хотите взять?

Бакин. Смелостью, князь. Смелость, говорят, города берет.

Дулебов. Города-то, пожалуй, легче… А впрочем… уж это ваше дело. Коли не боитесь проигрыша, так отчего ж и смелость не попробовать.

Бакин. Я лучше готов потерпеть неудачу, чем пускаться в любезности.

Дулебов. У всякого свой вкус.

Бакин. Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства — уж это не много ли чести для наших дам!

Дулебов. У всякого свой взгляд.

Бакин. Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: «Я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то; угодно вам любить меня?»

Дулебов. Да, но ведь это оскорбительно для женщины.

Бакин. А уж это их дело, оскорбляться или нет. По крайней мере, я не обманываю; ведь не могу

же я, при таком количестве дел, заниматься любовью серьезно: зачем же я буду притворяться влюбленным, вводить в заблуждение, возбуждать, может быть, какие-нибудь несбыточные надежды! То ли дело договор.

Дулебов. У всякого свой характер. Скажите, пожалуйста, что за человек Великатов?

Бакин. Я об нем знаю столько же, сколько и вы. Очень богат; великолепное имение в соседней губернии, свеклосахарный завод, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда приезжает он на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей, уж я не знаю. Как он разговаривает с барышниками, я тоже не знаю; но в нашем обществе он больше молчит.

Дулебов. Он деликатный человек?

Бакин. Даже очень: никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он говорит или мистифирует тебя.

Дулебов. Но он очень учтивый человек.

Бакин. Уж слишком даже: в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем; все-то он знает; во все их интересы входит; ну, одним словом, для каждой старухи сын самый почтительный и предупре-

дительный.

Дулебов. А из молодых он, кажется, никому особого предпочтения не дает и держится как-то в стороне от них.

Бакин. С этой стороны, князь, будьте покойны, он вам соперник не опасный; он как-то сторонится от молодых и никогда первый не заговаривает: когда обратятся к нему, так у него только и слов: «Что прикажете? что угодно?»

Дулебов. А может быть, это рассчитанная холодность, он хочет заинтересовать собою?

Бакин. Да на что ему рассчитывать! Он завтра или послезавтра уезжает.

Дулебов. Да… разве?

Бакин. Наверное. Он мне сам говорил; у него уж все приготовлено к отъезду.

Дулебов. Жаль! Он очень приятный человек, такой ровный, спокойный.

Бакин. Мне кажется, его спокойствие происходит от ограниченности; ума не скроешь, он бы в чем-нибудь выказался; а он молчит, значит, не умен; но и не глуп, потому что считает за лучшее молчать, чем говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставил.

Дулебов. В том-то и дело, что папенька оставил ему имение разоренное, а он его устроил.

Бакин. Ну, прибавим ему еще несколько практического смысла и расчетливости.

Дулебов. Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить, и выйдет очень умный, практический человек.

Бакин. Как-то верить не хочется. А впрочем, мне все равно, умен ли он, глуп ли; вот что богат очень, это немножко досадно.

Дулебов. Неужели?

Бакин. Право. Как-то невольно в голову приходит, что было бы гораздо лучше, если бы я был богат, а он беден.

Дулебов. Да, это для вас лучше, ну а для него-то?

Бакин. А мне черт его возьми; что мне до него! Я про себя говорю. Однако пора и за дело. Уступаю вам место без бою. До свиданья, князь!

Дулебов *(подавая руку).* Прощайте, Григорий Антоныч!

Бакин уходит. Входит Домна Пантелевна.

Явление четвертое

Дулебов и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ушли, не дождались?

Дулебов. Вы что за эту квартиру платите?

Домна Пантелевна. Двенадцать рублей, ваше сиятельство.

Дулебов *(указывая в угол).* Тут сыро, должно быть?

Домна Пантелевна. По деньгам и квартира.

Дулебов. Надо будет переменить. *(Отворяя дверь направо.)* А там что?

Домна Пантелевна. Спальня Саши, а направо-то моя комната, а там кухня.

Дулебов *(про себя).* Мизерно. Да… конечно, так невозможно.

Домна Пантелевна. По средствам, ваше сиятельство.

Дулебов. Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисе нельзя так жить, ну, нельзя, я вам говорю, невозможно. Это неприлично.

Домна Пантелевна. Какие же достатки?

Дулебов. Что такое за слово: «достатки»?

Домна Пантелевна. Из каких доходов, ваше сиятельство?

Дулебов. Какое же нам дело до ваших доходов?

Домна Пантелевна. Да где ж взять-то, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, «где взять»! Кому нужно! Никому

до этого дела нет; где хотите, там и берите. Только так нельзя, это… это… ну, просто неприлично, да и все тут.

Домна Пантелевна. Вот кабы жалованье…

Дулебов. Ну, там жалованье или что другое, это уж ваше дело.

Домна Пантелевна. Бенефисты очень плохи берем.

Дулебов. А кто виноват? Чтобы брать большие бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно уметь его выбрать, уметь обходиться…, Я могу вам назвать лиц десять, которых нужно привлечь на свою сторону; вот и великолепные бенефисы будут: и призы и подарки. Это дело простое, давно всем известное. Нужно принимать у себя порядочных людей… А где же тут! Что это такое? Кто сюда поедет?

Домна Пантелевна. А ведь, кажется, публика ее любит, а вот в бенефист так… ничем не заманишь.

Дулебов. Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкие чиновники! Они рады все руки себе отхлопать, по десяти раз вызывают Негину, а уж ведь он, каналья, лишнего гроша не заплатит.

Домна Пантелевна. Что правда, то правда, ва-

ше сиятельство. Конечно, кабы знакомство, так уж совсем другое дело.

Дулебов. Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бывает; это тоже общественное мнение, а на него жаловаться смешно. Надо уметь заслужить любовь публики. Надо, чтоб постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ее друзьями были бы мы, солидные люди. Все мы целый день заняты, кто семейными и хозяйственными делами, кто общественными, у нас свободны только несколько часов вечером; где же удобнее, как не у молодой актрисы отдохнуть, так сказать, от бремени забот, одному — хозяйственных, а другому — о вверенном его управлению ведомстве или районе.

Домна Пантелевна. Уж это очень мудрено для меня, ваше сиятельство. Вы вот эти-то слова Саше и скажите.

Дулебов. Да, скажу, непременно скажу, я за этим и приехал.

Домна Пантелевна. Да вот, кажется, и она бежит.

Дулебов. Только уж вы нам не мешайте!

Домна Пантелевна. Ах, помилуйте, да разве я своему детищу враг.

Входит Негина.

Что ты так долго? Князь тебя давно дожидается. *(Берет у дочери шляпку, зонтик, плащ и уходит.)*

Явление пятое

Дулебов и Негина.

Дулебов *(подходит и целует руку Негиной).* Ах, моя радость, я вас заждался.

Негина. Извините, князь! с бенефисом все хлопочу, такая мука… *(Задумывается.)*

Дулебов *(садясь).* Скажите, пожалуйста, мой дружочек…

Негина *(выходя из задумчивости).* Что вам угодно?

Дулебов. Как эта пьеса, что вы в последний раз играли?..

Негина. «Уриель Акоста».

Дулебов. Да, да… Прекрасно вы играли, прекрасно. Сколько чувств, благородства! Не шутя вам говорю.

Негина. Благодарю вас, князь.

Дулебов. Странные пьесы нынче пишут; не поймешь ничего.

Негина. Да она уже давно написана.

Дулебов. Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Негина. Нет, Гуцкова.

Дулебов. А! Гуцкова… знаю, знаю. Еще у него есть комедия, прекрасная комедия: «Русский человек добро помнит».

Негина. То Полевого, князь.

Дулебов. Ах, да… я смешал… Полевого… Николай Полевой. Он из мещан… По-французски выучился самоучкой, ученые книги писал, всё с французского брал… Только он тогда заспорил с кем-то… с учеными или с профессорами. Ну где же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велели ученых книг писать, приказали водевили сочинять. После сам был благодарен, большие деньги получал. «Мне бы, говорит, и не догадаться». Что вы так печальны?

Негина. Много хлопот, князь.

Дулебов. Вам, моя красавица, надо веселее быть, вам еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утешать чем-нибудь. Вот мы сейчас с вашей матушкой говорили…

Негина. Об чем, князь?

Дулебов. Разумеется, о вас, мое сокровище, а то о чем же! Вот квартира у вас нехороша… Нельзя актрисе, хорошенькой девушке, в такой избе жить; это неприлично.

Негина *(несколько обидясь).* Не хороша квар-

тира? Ну, так что же? Я и сама знаю, что бывают квартиры лучше этой… Вам бы, князь, пожалеть меня, не напоминать мне о моей бедности, я и без вас ее чувствую каждый час, каждую минуту.

Дулебов. Да разве я вас не жалею? Я вас очень жалею, красавица моя.

Негина. Так вы жалейте про себя, ваше сиятельство! Мне нет никакой пользы от ваших сожалений, а слышать их неприятно. Вы находите, что моя квартира не хороша; а я нахожу, что она удобна для меня, и мне лучше не надо. Вам моя квартира не нравится, вам неприятно бывать в такой квартире, так ведь никто вас не принуждает.

Дулебов. Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человека, который вам предан всей душой… Так нельзя…

Негина. Извольте говорить, я слушаю.

Дулебов. Я человек деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я известен своей деликатностью. Я бы никогда не посмел осуждать вашу квартиру, если б не имел в виду…

Негина. Чего, князь?

Дулебов. Предложить вам другую, лучше гораздо.

Негина. За ту же цену?

Дулебов. Ну, какое вам дело до цены?

Негина. Я что-то не понимаю, князь.

Дулебов. Вот видите ли, мое блаженство, я человек очень добрый, нежный — это тоже всем известно… я, несмотря на свои лета, до сих пор сохранил всю свежесть чувства… я еще до сих пор могу увлекаться, как юноша…

Негина. Я очень рада; но какое же отношение имеет все это к моей квартире?

Дулебов. Очень просто. Разве вы не замечаете? Я люблю вас… Лелеять вас, баловать… это было бы для меня наслаждением… это моя потребность; у меня очень много нежности в душе, мне нужно ласкать кого-нибудь, я без этого не могу. Ну, подойдите же ко мне, мой птенчик!

Негина *(встает).* Вы с ума сошли!

Дулебов. Грубо, мой друг, грубо!

Негина. Да с чего вы вздумали? Помилуйте! Я вам никакого повода не подавала… Как вы осмелились выговорить?

Дулебов. Потише, потише, мой дружочек!

Негина. Это что ж такое! Приехать в чужой дом и ни с того ни с сего затеять глупый, обидный разговор.

Дулебов. Потише, потише, пожалуйста! Вы еще

очень молоды, чтобы так разговаривать.

Негина. Вот это мило! «Вы еще молоды»! Значит, молодых можно обижать сколько угодно, и они должны молчать.

Дулебов. Да какая тут обида? В чем обида? Дело самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочного общества и осмеливаетесь осуждать почтенного человека! Что вы, в самом деле! Вы меня обижаете!

Негина *(в слезах).* Ах, боже мой! Нет, это выше сил…

Дулебов. На все есть приличная форма, сударыня! В вас совсем нет благовоспитанности; не нравится вам мое предложение, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежелание учтиво или как-нибудь на шутку свести.

Негина. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мне ваших нравоучений. Я сама знаю, что мне делать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ах, боже мой!.. Да не желаю я вас слушать.

Дулебов. Да что же вы кричите?

Негина. Отчего ж мне не кричать? Я у себя дома, кого ж мне бояться?

Дулебов. Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Негина. Ну, хорошо, хорошо, буду помнить,

Дулебов. Извините, я думал, что вы девица благовоспитанная; я никак не мог ожидать, что вы от всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, как кухарка.

Негина. Да ну, хорошо; ну я кухарка, только я желаю быть честной.

Домна Пантелевна показывается из дверей.

Дулебов. И поздравляю вас! Только честности одной мало, надо быть и поумнее, и поосторожнее, чтобы потом не плакать. Билета мне не присылайте, я не поеду на ваш бенефис, мне некогда; а если вздумаю, так пошлю взять в кассе. *(Уходит.)*

Входит Домна Пантелевна.

Явление шестое

Негина и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Что такое? Что тут у вас? Князь уехал? Уж не рассердился ли он?

Негина. Да пускай его сердится!

Домна Пантелевна. Что ты! Опомнись! Перед бенефистом-то? Да в уме ли ты?

Негина. Да ведь невозможно! Что он говорит! Кабы вы послушали!

Домна Пантелевна. А тебе что! Пускай говорит.

От его слов тебя не убудет.

Негина. Да ведь вы не знаете, что он говорил; что ж вы мешаетесь не в свое дело?

Домна Пантелевна. Очень я знаю, оченно прекрасно все это знаю, что мужчины говорят.

Негина. И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелевна. А что ж такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты знай посмеивайся!

Негина. Ах, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, как вести себя.

Домна Пантелевна. Уж и видно, что знаешь: перед самым бенефистом побранилась ты с таким человеком!

Негина. Маменька, да разве вы не видите, что я расстроена? Я дрожу вся, а вы ко мне пристаете.

Домна Пантелевна. Нет, ты погоди! Ты выслушай от матери резон! Как же это перед бенефистом браниться, ежели которые люди тебе нужные?.. Не могла ты подождать-то? Ну, после бенефиста бранись сколько хочешь, я тебе ни слова не скажу. Потому нельзя тоже им и волю давать; ограничить следует. Ах, мол, ты пугало огородное!..

Негина. Маменька, да довольно уж…

Домна Пантелевна. Нет, постой! А перед бене-

фистом ты должна была учтиво…

Негина. Да я и не бранилась, я только обиделась и сказала, чтоб он оставил меня в покое.

Домна Пантелевна. Вот и глупа, вот и глупа! Ты бы, как можно, старалась учтивее. «Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами оченно довольны и завсегда вами благодарны; только подлостев таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Негина. Что сделано, то сделано; нечего теперь об этом толковать!

Домна Пантелевна. Я вот и не ученая, да знаю, как с людьми разговаривать; а тебя еще учитель учит…

Негина. Что вы еще об учителе?.. Ведь не понимаете вы этого ничего, так нечего вам и мешаться не в свое дело.

Домна Пантелевна. Да чего понимать-то? Обнаковенно студент… Эка важность какая, скажите пожалуйста! Не барон какой-нибудь!.. Видали мы этого звания-то довольно. Только на разговоре их и взять… Голь на голи да голью погоняет. Только один форс, а сертучишка нет порядочного.

Негина. Что он вам сделал… ну, за что вы? За

что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелевна. Ну, да как же, эка особа! И говорить про него не смей! Нет, матушка, никто мне не запретит, захочу вот, так и обругаю, в глаза обругаю. Самые что ни есть обидные слова подберу, да так-таки прямо ему и отпечатаю… Вот ты и знай, как с матерью спорить, как с матерью разговаривать.

Негина. Уйдите!

Домна Пантелевна. Вот еще; «Уйдите»! Да уходи сама, коли тебе со мной тесно.

Негина. Вон кто-то подъехал, кажется… Уйдите, маменька! Кому интересно наши с вами умные разговоры слушать!

Домна Пантелевна. Так вот не уйду же. Ишь ты… Сама разобидит мать как нельзя хуже, да еще разные претензии представляет… «Умные разговоры». Не глупее я тебя с студентом-то с твоим, с лохматым.

Негина *(взглянув в окно).* Великатов! В первый раз к нам… а у нас тут…

Домна Пантелевна. Не беспокойтесь, сударыня, мамзель Негина, знаменитая актриса, обращение не хуже вас знаем… Только я тебе это припомню.

Негина. Смельская с ним.

Домна Пантелевна. Да-с, вот люди умеют же…

Негина. Какие лошади, какие лошади!

Домна Пантелевна. Смельская-то катается, а мы пешечком ходим.

Входят Смельская и Великатов.

Явление седьмое

Негина, Домна Пантелевна, Смельская и Великатов.

Домна Пантелевна. Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

Смельская. Здравствуйте, Домна Пантелевна! Гостя к вам привезла, Ивана Семеныча Великатова.

Великатов кланяется.

Домна Пантелевна. Ах, очень приятно познакомиться. Давно я вас знаю, в театре часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смельская. Здравствуй, Саша! Я сбиралась к тебе, уж и шляпу надела, а Иван Семеныч и заехал; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она ведь у нас затворница.

Негина *(подает руку Великатову).* Ах, что ты! Я очень рада. Вам бы давно догадаться, Иван Семеныч.

Великатов. Не смел, Александра Николавна; я

человек робкий.

Смельская. Да, уж робкий — похоже!

Негина. Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелевна. Вот уж это ты напрасно; Иван Семеныч человек обходительный со всеми, я сама это видала. Гордости этой в них совсем нет.

Великатов. Совсем нет, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Я люблю правду говорить.

Великатов. Я тоже, Домна Пантелевна.

Негина. Садитесь, Иван Семеныч.

Великатов. Не беспокойтесь, сделайте одолжение! У вас, вероятно, какие-нибудь дела есть; вы на нас не обращайте внимания. Я с Домной Пантелевной побеседую. *(Садится у стола.)*

Негина и Смельская говорят шепотом.

Негина *(Смельской).* Вот что, Нина…

Смельская. Неужели?

Негина. Да. Не знаю, что и делать.

Смельская. Как же быть-то? Да ты бы… *(Говорит шепотом.)*

Домна Пантелевна. Да что вы, в самом деле, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великатов. Не мешайте им! У всякого свои дела.

Домна Пантелевна. Какие дела! Всё пустяки.

Ведь я знаю, про что говорят. О тряпках. Вот у них дела-то какие!

Великатов. Для нас с вами тряпки — пустяки, а для них — важное дело.

Домна Пантелевна. Платьишка нет к бенефису, да и денег-то.

Великатов. Ну, вот видите! А вы говорите, что пустяки. *(Взглянув в окно.)* Курочки-то это ваши?

Домна Пантелевна. Которые?

Великатов. А вот кохинхинские.

Домна Пантелевна. Нет, где уж нам кохетинских разводить! Были две гилянки да две шпанки, а петух русский; орел, а не петух — да всех разворовали.

Великатов. А вы любите курочек-то, Домна Пантелевна?

Домна Пантелевна. До страсти, батюшка, всякую птицу люблю.

Входит Мелузов.

Явление восьмое

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов и Мелузов.

Негина *(Великатову).* Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов.

Смельская. Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч — студент; он жених Сашин.

Великатов *(подавая руку).* Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов. Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатов *(почтительно).* Совершенно справедливо; очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей.

Мелузов. Да, коли так… благодарю вас! *(Подходит и горячо жмет руку Великатову.)*

Негина. Пойдем, Нина, я тебе покажу платье! Посмотри, можно ли из него сделать что-нибудь! *(Великатову.)* Извините, что мы вас оставляем! Но я знаю, что вам не будет скучно: вы будете разговаривать с образованным человеком, это не то, что с нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкаф!

Уходят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Явление девятое

Великатов и Мелузов.

Великатов *(заметив на столе книги).* Книжки и тетрадки.

Мелузов. Да, учимся понемножку.

Великатов. И успехи есть?

Мелузов. Некоторые, так сказать, относительные.

Великатов. И того довольно. Времени у Александры Николавны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюме подумать. Не знаю, как вы полагаете, а мне кажется, что это довольно затруднительно: учить и роли и грамматику вместе.

Мелузов. Да, удобств больших не представляет.

Великатов. По крайней мере, есть стремление, есть охота, и то уж великое дело. Честь вам и слава.

Мелузов. Да за что же слава-то, например?

Великатов. За благородные намерения. Кому же в голову придет актрису грамматике учить!

Мелузов. Да вы смеетесь, может быть?

Великатов. Нисколько, помилуйте; я никогда себе не позволю. Я очень люблю молодых людей.

Мелузов. Уж будто?

Великатов. Очень люблю их слушать… это освежает душу. Такие благородные, высокие замыслы… даже завидно.

Мелузов. Чему же тут завидовать? Кто ж вам мешает иметь благородные, высокие замыслы?

Великатов. Нет, где же нам, помилуйте! Нас проза жизни одолела. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

Мелузов. Какие же грехи за вами водятся?

Великатов. Тяжкие. Практические соображения, материальные расчеты — вот наши грехи. Постоянно вращаешься в сфере возможного, достижимого; ну, душа-то и мельчает, уж высоких, благородных замыслов и не приходит в голову.

Мелузов. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатов. А такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало шансов на успех.

Входят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Явление десятое

Великатов, Мелузов, Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Смельская *(Негиной.)* Все это, душа моя, не годится.

Негина. Я и сама вижу. Новое делать — будет очень дорого.

Смельская. Да как же быть-то! ведь нельзя же… Поедемте, Иван Семеныч!

Великатов. К вашим услугам. *(Подает руку Негиной.)* Честь имею кланяться!

Негина. Какие у вас лошади! Вот бы прокатиться как-нибудь.

Великатов. Когда вам угодно, прикажите только. *(Подает руку Мелузову, потом Домне Пантелевне.)* Домна Пантелевна, мое почтение! А как вы на мою тетеньку похожи.

Домна Пантелевна. Да ужли?

Великатов. Ведь это удивительно… такое сходство… чуть не назвал вас тетенькой.

Домна Пантелевна. Да зовите, за чем дело стало!

Смельская. Ну, едемте! Прощай, Саша! Прощайте! *(Кланяется всем.)*

Великатов *(Домне Пантелевне).* До свидания, тетенька!

Уходят Смельская и Великатов. Домна Пантелевна провожает их до двери.

Домна Пантелевна. Ах, прокурат! *(Негиной.)* А

ты говоришь, он гордый! ничего не гордый. Уж на что еще обходительнее. *(Уходит.)*

Явление одиннадцатое

Негина и Мелузов.

Негина *(у окна).* Как покатили! Что за прелесть! Счастливая эта Нина; вот характер завидный.

Мелузов обнимает ее.

Ах, медвежьи объятья!.. До смерти не люблю. Нет, Петя, оставь меня!

Мелузов. Саша, да ведь я от тебя еще ни одной ласки не видал. Хороши жених с невестой!

Негина. После, Петя, после. Дай мне немного успокоиться! Мне теперь не до того.

Мелузов. А коли не до того, так давай учиться!

Негина. Какое ученье! У меня бенефис из головы нейдет; платья нет, вот моя беда.

Мелузов. Не о платье же мы будем говорить, это не мой предмет; по этой части я в преподаватели не гожусь.

Негина. Ох, мне теперь не преподавание нужно, а деньги.

Мелузов. Ну, и по этой части я тоже швах. Вот получу место, запрягусь; тогда будем жить безбедно. Ну, что ж мы будем делать? А вот что, Саша: давай примемся за исповедь!

Негина. Ах, мне всегда это как-то неловко!

Мелузов. Ты меня стыдишься?

Негина. Нет, а как-то вот тяжело… неприятно.

Мелузов. Надо побороть в себе это неприятное чувство. Ведь ты меня просила учить тебя жить; ну, как же я стану тебя учить, не лекции же читать? А вот ты мне говоришь, что ты чувствовала, говорила и делала; а я тебе говорю, как надо чувствовать, говорить и поступать. Так ты постепенно и улучшаешься и со временем будешь…

Негина. Что буду, милый мой?

Мелузов. Будешь совсем хорошей женщиной, такой, какой надо, как это нынче требуется от вашего брата.

Негина. Да, я тебе благодарна. Я уж и так много лучше стала, я сама это чувствую… А все тебе обязана, голубчик… Ну, изволь.

Мелузов *(садится у стола).* Садись со мной рядом!

Негина *(садится подле, Мелузов обнимает ее одной рукой).* Ну, вот слушай! Нынче утром заезжал ко мне князь Дулебов. Говорил, что у меня квартира нехороша, что так жить неприлично; ну, я немножко обиделась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, так никто его не принуждает бывать здесь.

Мелузов. Молодец, Саша! Далее!

Негина. Далее, предложил мне переехать на другую квартиру, хорошую.

Мелузов. Зачем это ему?

Негина. А затем, что у него очень много нежности в душе и что ему, видишь ты, ласкать некого.

Мелузов*(хохочет).* Вот силлогизм неожиданный! Так как мне ласкать некого, а ласкать нужно, то эта квартира не хороша, и вы должны переехать на новую квартиру. *(Хохочет.)* Ай да князь! Одолжил.

Негина. Ты вот смеешься, тебе весело, а я расплакалась.

Мелузов. Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать.

Негина. Да почему же это?

Мелузов. Да ты подумай! Если бы от таких разговоров тебе очень весело было, а я бы заплакал, хорошо ли бы это было?

Негина *(подумав).* Да, уж это было бы очень нехорошо. Ах ты, головка! *(Гладит его по голове.)* Скажи мне, Петя, отчего ты такой умный?

Мелузов. Умный или нет, еще это вопрос; но что я умней многих вас, в этом нет сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете.

Негина. Ну, теперь уж я тебе скажу самую сокровенную вещь… Только ты, пожалуйста, не сердись! это уж наш порок женский. Я сегодня позавидовала.

Мелузов. Кому ты можешь завидовать, милая? В чем?

Негина. Да только ты не сердись! Смельской… что она так весело живет, катается на таких лошадях. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузов. Зависть да ревность — опасные чувства; мужчины это знают хорошо и пользуются вашей слабостью. Из зависти да из ревности женщина много дурного способна натворить.

Негина. Знаю, знаю, видала примеры. Мне так это на минуту в голову пришло, я потом одумалась.

Мелузов. Надо уж что-нибудь одно, Саша. Мы с тобой хотим честную, трудовую жизнь вести, так об лошадях ли нам думать!

Негина. Да, конечно! Ведь и в трудовой жизни есть свои удовольствия, Петя? Ведь бывают?

Мелузов. Еще бы!

Негина. Ты у нас пообедай! После обеда я тебе роль почитаю, так и проведем целый день вместе. Будем привыкать к тихой семейной жизни.

Мелузов. Бесподобно!

Негина *(прислушиваясь).* Это что такое? Подъехал кто-то.

Входит Смельская с двумя свертками в руках.

Явление двенадцатое

Негина, Мелузов и Смельская.

Смельская. Вот, Саша, на! *(Подает один сверток.)* Это Иван Семеныч купил нам по платью. Это тебе, а это мне.

Развертывают и смотрят оба куска.

Мелузов. Да какое же он имеет право делать подарки Александре Николавне?

Смельская. Ах, оставьте, пожалуйста, ваши рассуждения! Ваша философия теперь не к месту. Это совсем не подарок, это он ей за билет в бенефис.

Мелузов. А вам за что?

Смельская. А вам какое дело! За то, что любит меня.

Негина. Именно то, что мне нужно, Нина. Ах, как мило!

Смельская. Ведь я выбирала; уж я знаю, что тебе требуется. Ну, едем, Саша, едем скорей!

Негина. Куда?

Смельская. Кататься, я на лошадях Ивана Семеныча, а потом обедать в вокзал. Он звал всю

труппу, хочет проститься со всеми; он скоро уезжает.

Негина *(задумчиво).* Право, не знаю.

Смельская. Да что ты, помилуй! Об чем тут думать! разве отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его.

Мелузов. Весьма любопытно, как вы поступите в этом случае?

Негина. Знаете что, Петр Егорыч? Я думаю, что мне надо ехать, а то неучтиво. Можно вооружить против себя всю публику: князь уж сердится, да и Великатов может обидеться.

Мелузов. А когда же мы будем к тихой семейной жизни привыкать?

Смельская. Это уж после бенефиса, Петр Егорыч. Время ли теперь о семейной жизни думать. Это смешно даже. Еще семейная-то жизнь успеет надоесть; а теперь нужно пользоваться случаем.

Негина.*(решительно).* Нет, Петр Егорыч, я поеду. В самом деле, отказываться нехорошо.

Мелузов. Как вам угодно; это ваше дело.

Негина. Тут не в том дело, угодно ли мне; может быть, мне и неугодно; а необходимо ехать; конечно, необходимо, и рассуждать нечего.

Мелузов. Так поезжайте!

Смельская. Сбирайся, сбирайся!

Негина. Я сейчас. *(Уходит за перегородку со свертком.)*

Смельская. Вы не ревновать ли вздумали? Так успокойтесь, он через день уезжает, да и я не уступлю его Саше.

Мелузов. «Не уступлю». Вы меня извините, я таких отношений между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смельская. Да где же еще вам понимать! Ведь вы жизни совсем не знаете. А вот поживите между нами, так научитесь все понимать.

Входит Негина одетая.

Ну, идем! Прощайте! *(Уходит.)*

Негина. Петя, ты приходи вечером; мы будем учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всем, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! *(Целует его и убегает.)*

Мелузов*(нахлобучивает шляпу).* Гм! *(Подумав.)* Зашагаем ко дворам! Ничего не поделаешь!

Действие второе

ЛИЦА:
Негина.
Смельская.
Князь Дулебов.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Гаврило Петрович Мигаев — антрепренер.
Ераст Громилов — трагик.
Вася, молодой купчик, приятной наружности и с приличными манерами.
Публика разного рода, более купеческая.

Городской сад. Направо (от актеров) задний угол театра (деревянного) с входной дверью на сцену; ближе к авансцене садовая скамья; налево, на первом плане, под деревьями, скамейка и стол; в глубине под деревьями столики и садовая мебель.

Явление первое

Трагик сидит у стола, опустив голову на руки; из театра выходит Нароков.

Трагик. Мартын, антракт?

Нароков. Антракт. А ты уж опять «за Уралом за рекой»?

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася?

Нароков. А я почем знаю.

Трагик. Мартын, поди сюда!

Нароков *(подходя).* Ну, пришел сюда, ну, что?

Трагик. Деньги есть?

Нароков. Ни крейцера.

Трагик. Мартын… для друга! Велико это слово!

Нароков. Pas un sou[1]; хоть вывороти карманы.

Трагик. Скверно.

Нароков. На что хуже.

Трагик *(покачав головой).* О люди, люди!..

Молчание.

Мартын!

Нароков. Что еще?

Трагик. Займи поди!

Нароков. У кого прикажете? Кредит-то у нас с

---

[1] Примечания: 1

Ни одного су *(франц.)*

тобой необширный.

Трагик. О люди, люди!

Нароков. Да, уж действительно, «о люди, люди»!

Трагик. И ты, Мартын, возроптал?

Нароков. Какая-то гнусная, дьявольская интрига затевается.

Трагик *(грозно).* Интрига? Где? Против кого?

Нароков. Против Александры Николавны!

Трагик *(еще грознее).* Кто он? Где он? Скажи ему от меня, что он со мной будет иметь дело, с Ерастом Громиловым!

Нароков. Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь без толку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многого не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего трагизма; а не хватает у вас грации… грации, меры. А мера-то и есть искусство… Вы не актеры, вы шуты гороховые!

Трагик. Нет, Мартын, я благороден… Ах, как я благороден! Одно, брат Мартын, обидно, что благороден-то я только в пьяном виде… *(Опускает голову и трагически рыдает.)*

Нароков. Ну, вот и шут, ну, вот и шут!

Трагик. Мартын! говорят, что ты сумасшедший;

скажи мне, правда это или нет?

Нароков. Правда, я согласен; но только с одним условием: если вы все здесь умные, так я сумасшедший, я тогда спорить не стану.

Трагик. Знаешь, Мартын, на что мы с тобой похожи?

Нароков. На что?

Трагик. Ты знаешь Лира?

Нароков. Знаю.

Трагик. Так помнишь, там, в лесу, в бурю… Я — Лир, а ты — мой дурак.

Нароков. Нет, не заблуждайся, Лиров нет меж нами; а кто из нас дурак, это я предоставляю тебе самому догадаться.

Из театра выходит Негина.

Явление второе

Трагик, Нароков и Негина.

Негина. Что ж это такое, Мартын Прокофьич? Что они со мной делают?

Нароков *(хватаясь за голову).* Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Негина. Да ведь это обидно до слез.

Нароков. О, не плачьте; они не стоят ваших слез. Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас. Белизна, чистота ваша им

обидна.

Негина *(сквозь слезы).* Послушайте, Мартын Прокофьич, ведь при вас, при вас, помните, он обещал дать мне сыграть перед бенефисом. Я жду, я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом; а он, противный, что же делает! Назначает «Фру-фру» со Смельской.

Нароков. Кинжал в грудь по рукоятку!

Негина. Устраивают ей овации накануне моего бенефиса, подносят букеты; а меня публика и забыла совсем. Какой же у меня может быть сбор!

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза.

Нароков. Дерево он у нас, дерево, дуб, осина.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Мартын Прокофьич, вы только одни меня любите.

Нароков. О да, больше жизни, больше света.

Негина. Я вас понимаю и сама люблю.

Нароков. Понимаете, любите? Ну, вот я и счастлив, да, да… *(тихо смеется)* как ребенок, счастлив.

Негина. Мартын Прокофьич, сделайте одолжение, поищите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы он ко мне на сцену пришел.

Нароков. Я так счастлив, что с удовольствием позову и приведу к вам вашего любовника.

Негина. Он жених, Мартын Прокофьич, а не любовник.

Нароков. Все равно, все равно, голубь мой белый! Жених, муж; но если вы его любите, так он ваш любовник. Но я ему не завидую, я сам счастлив.

Негина. Да зайдите в кассу, узнайте, берут ли на мой бенефис. Я подожду вас в уборной: будем чай пить.

Нароков уходит.

Трагик. Коли с ромом, так и я буду.

Негина. Нет, без рому. *(Уходит на сцену.)*

Трагик. Где мой Вася? где мой Вася? *(Уходит в глубину сада.)*

Входят князь Дулебов и Мигаев.

Явление третье

Дулебов и Мигаев.

Дулебов. Негина нам не годится, говорю я вам. Вы обязаны угождать благородной публике, светской, а не райку. Ну, а нам она не по вкусу, слишком проста, ни манер, ни тону.

Мигаев. Гардеробу не имеет хорошего, а талант большой-с.

Дулебов. Ну, талант! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаев. Действительно, ваше сиятельство, я понимаю не очень много; но ведь мы судим… извините, ваше сиятельство, по карману: делает сборы большие, так и талант.

Дулебов. Ну да, конечно; вы материалисты.

Мигаев. Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, мы материалисты.

Дулебов. Вы не понимаете этого… тонкого… как это сказать… этого шику.

Мигаев. Не понимаем, ваше сиятельство. Но позвольте вам доложить, я в прошлом году выписал знаменитость с шиком на великосветские роли…

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Убыток, ваше сиятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебов. Красы не было? Ну, как это возможно сказать, как можно позволить себе сказать, что красы не было!

Мигаев. Виноват, ваше сиятельство. Краса действительно была: бывало, когда она одевается, так вся труппа подле уборной, кто в двери, кто в щелочки. Ведь у нас уборные прозрачные, ажур устроены.

Дулебов *(хохочет).* Ха, ха, ха! Вот видите! Ну и радость тоже.

Мигаев. Так точно-с, и радость была… для вашего сиятельства, а для меня горе.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ты каламбурист.

Мигаев. Нельзя же без этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше звание такое, ваше сиятельство.

Дулебов. Ты бы водевили писал. Извините, я вам говорю «ты»… Но это только знак расположения, мой милый.

Мигаев. А из чего же мы и бьемся, как не из расположения. Только осчастливьте, ваше сиятельство… А там «ты» ли, «вы» ли — это решительно все равно.

Дулебов. Нет, зачем же! Я учтив, я всегда деликатен. Так что ж вы водевилей не пишете?

Мигаев. Пробовал, ваше сиятельство.

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Театрально-литературный комитет не одобряет.

Дулебов. Странно. Отчего же так?

Мигаев. Не могу знать, ваше сиятельство.

Дулебов. А вы в другой раз, коли напишете, так скажите мне. Я вам сейчас… у меня там. Ну, да что тут. Только скажите.

Мигаев. Слушаю, ваше сиятельство.

Дулебов. А я уж это сейчас!.. у меня там… ну, да что толковать, только скажите… А я вам, вместо Негиной, выпишу актрису настоящую; и собой *(разводит руками)* уж, мое почтение! Пальчики оближете.

Мигаев. Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпеть, не пришлось бы кулаком слезы утирать, ваше сиятельство?

Дулебов. Ха, ха, ха! Вы каламбурист! Нет, право, пишите водевили, пишите, я советую. А актриса, я вам говорю, прелесть.

Мигаев. Цена, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, цена, конечно, подороже.

Мигаев. Из каких же доходов, ваше сиятельство? Где взять прикажете? И так год от году на них цена растет; а сборы все хуже да хуже. Платим жалованье, очертя голову, точно миллионщики. Разве исполу, ваше сиятельство?

Дулебов. Что такое «исполу»! Как так исполу?

Мигаев. Пополам, половину жалованья вы, половину я.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ну, пожалуй… Ну, что такое Негина? Какая это первая актриса! с ней скучно, мой милый, она не оживляет общества, она наводит на нас уныние.

Мигаев. Что же делать! уж если так угодно вашему сиятельству, так я с ней контракта не возобновлю.

Дулебов. Да, непременно.

Мигаев. У нее контракт кончается.

Дулебов. Ну, вот и прекрасно. Вся наша публика будет вам благодарна.

Мигаев. Да публики-то вашей, ваше сиятельство, только первый ряд кресел.

Дулебов. Зато мы даем тон.

Мигаев. Как бы не прогадать.

Дулебов. О нет, не беспокойтесь! Публика к ней охладела; вот посмотрите, в бенефис у ней совсем сбору не будет. Хотите пари?

Мигаев. Спорить не смею.

Дулебов. Да и нельзя со мной спорить; я лучше вас знаю публику и понимаю дело. А я такую актрису выпишу, что она здесь всех одушевит. Мы тогда заживем припеваючи.

Мигаев. Припеваючи? Волком бы не завыть, ваше сиятельство.

Дулебов. Ха, ха, ха! Нет, ты каламбурист, решительно каламбурист. Ах, извините. Это у меня, когда уж очень я разговорюсь, в дружеской беседе, а то я вообще деликатен… я даже и с прислугой… *(Вынимает портсигар.)* Хочешь сигару?

Мигаев. Пожалуйте, ваше сиятельство. *(Берет сигару.)* Дорогие-с?

Дулебов. Я дешевых не курю.

Мигаев. А у меня горе, ваше сиятельство.

Дулебов. Что такое?

Мигаев. Трагик запил. Вон он бродит по саду.

Дулебов. А паспорт у него в порядке?

Мигаев. Когда ж у них в порядке бывают, ваше сиятельство.

Дулебов. Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства.

Мигаев. Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дороже.

Дулебов. А что?

Мигаев. Душа у них очень широка, ваше сиятельство. Мне, говорит, хоть в Камчатку, а ты — мерзавец! Да так он это слово, ваше сиятельство, выразительно выговорит, что не до разговоров, а только подумываешь, как бы ноги унести.

Дулебов. Да, в таком случае лучше лаской.

Мигаев. Уж и то лаской. Удивляются, ваше сиятельство, что укротители ко львам в клетку ходят; нас этим не удивишь. Я скорей соглашусь ко льву подойти, чем к трагику, когда он не в духе или пьян.

Дулебов. Ха, ха, ха! Однако задали они вам страху. Я пойду поищу своих. *(Уходит за театр.)*

Входит трагик.

Явление четвертое

Мигаев и трагик.

Мигаев*(подает сигару).* Хочешь сигару?

Трагик. Грошовая? От тебя ведь хорошей не дождешься.

Мигаев. Нет, хорошая, княжеская.

Трагик. А что ж сам не куришь?

Мигаев. Да у меня свои-то лучше. *(Вынимает серебряный портсигар.)*

Трагик. Вот какой портсигар у тебя, а говоришь, денег нет.

Мигаев. Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя — дареный, в знак памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавриилу Петровичу Мигаеву от публики».

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Толкуй с тобой, коли ты резонов не понимаешь. Вон публика; должно быть, акт кончился. *(Уходит.)*

Трагик *(вслед ему).* Ефиоп! *(Садится к столу.)* О люди, люди! *(Опускает голову на руки.)*

Входят Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

Явление пятое

Трагик, Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

Бакин. Это прекрасно; так их и надо учить, вперед умнее будут. Я в кассу заходил, справлялся; сбору четырнадцать рублей.

Вася. Капитал небольшой-с. Еще завтра поторгуют утром да вечером; оно и понаберется.

Бакин. Сто рублей. Больше не будет.

Вася. И то деньги-с.

Бакин. Не велики. Ведь, чай, и должишки есть, за тряпочки за разные. Без этого актрисы не живут. *(Васе.)* Вам не должна?

Вася. Мы в кредит не отпускаем-с.

Бакин. Скрываете. Я это люблю, это очень приятно, когда общественное мнение так дружно высказывается. *(Великатову.)* Как вы полагаете?

Великатов. Совершенно согласен с вами.

Бакин. Она в лице князя оскорбила наше общество; а общество платит ей за это равнодушием, дает понять, что оно забыло о ее существовании. Вот когда придется ей зубы на полку положить, так и выучится приличному обхождению.

Вася. Чем же госпожа Негина оскорбила его сиятельство?

Бакин. Да вы знаете князя Ираклия Стратоны-

ча? Вот он!

Вася. Как же нам не знать-с, и кто ж в наших палестинах не знает их сиятельства!

Дулебов. Да, мы с ним знакомы давно, я еще и отца его…

Бакин*(Васе).* Значит, вы знаете, что это за человек? Это человек в высшей степени почтенный, это наш аристарх, душа нашего общества, человек с большим вкусом, умеющий хорошо пожить, человек, любящий искусство и тонко его понимающий, покровитель всех художников, артистов, а преимущественно артисток…

Дулебов. Не довольно ли?

Бакин. Каждому по заслугам, князь. И кроме того, человек щедрый, гостеприимный, отличный семьянин. Господа, заметьте это! Это редкость в наше время. Ну, одним словом, человек почтеннейший во всех отношениях. Так я говорю?

Вася. Точно так-с.

Бакин*(Великатову).* Кажется, тут двух мнений быть не может?

Великатов. Совершенно с вами согласен.

Бакин. И этот, господа, почтеннейший во всех отношениях человек и отличный семьянин пожелал осчастливить своей благосклонностью девицу, и именно Негину. Что тут дурного, я вас

спрашиваю. Он очень учтиво говорит ей: «Хотите, душенька, идти ко мне на содержание?» А она изволила обидеться и расплакаться.

Дулебов. Нет уж, Григорий Антоныч, оставьте, сделайте одолжение!

Бакин. Почему же, князь?

Дулебов. Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным.

Бакин. Как вам угодно. Я не знаю… я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Так, изволите видеть, госпожа Негина обиделась. Ей бы и в голову не пришло обижаться, по крайней мере, своим умом ей бы никак до этого не дойти, потому что, в сущности, тут для нее нет ничего обидного. Оказывается постороннее влияние.

Дулебов. Да, я слышал.

Бакин. У этой барышни нашелся наставник студент, значит, дело объясняется просто.

Дулебов. И в театр проникли.

Бакин. Знали бы свое дело, резали бы собак да лягушек; а то вздумали актрис просвещать. Ученая пропаганда между актрисами — дело опасное; против нее надо принять неотложные

меры.

Дулебов. Конечно.

Бакин. Ну, как они просветят их в самом деле; куда ж нам тогда с князем деться?

Дулебов. Ну, уж довольно: прошу вас!

Бакин. Извольте, я кончил. *(Великатову.)* Вы, кажется, хотели уехать сегодня?

Великатов. Не всегда можно рассчитывать наверное. Я действительно хотел уехать сегодня; но теперь мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Бакин. Нажива манит?

Великатов. Это дело рискованное: можно и нажить, а очень легко и потерять.

Бакин. Хорошо бы сегодня поужинать вместе.

Великатов. Что ж, я не прочь.

Бакин. Князь, как вы?

Дулебов. Да, пожалуй, поедемте.

Бакин. Сойдемся здесь по окончании спектакля, да и поедем куда-нибудь! Теперь что там? Дивертисмент?

Вася. Рассказчик какой-то рассказывает.

Дулебов. Что ж, пойдемте посмеемтесь.

Бакин. Коли есть чему, прибавьте, князь.

Бакин, Дулебов и Великатов уходят.

Трагик. Где мой Вася?

Вася *(подходя).* Здесь Вася. Что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Да тебе что нужно-то от меня; говори скорее!

Трагик. Что нужно! Уважение нужно. Разве ты своей обязанности не знаешь?

Вася. Ну, подожди немножечко; уважу. Ведь уж долго ждал, так немножко-то подождать можешь. Я пойду рассказчика послушаю; все наши там. Ну, будь друг, не держи меня!

Трагик. Ступай! Я благороден.

Вася уходит. Со сцены выходят Негина, Смельская и Мелузов; у него на руке плед и накидка Негиной.

Явление шестое

Трагик, Негина, Смельская и Мелузов.

Смельская. Да, Саша, твое положение очень неприятное; я понимаю; только я тут ни в чем не виновата. Ах, Саша, и я в большом затруднении.

Негина. Не может быть: какие у тебя затруднения! Я не верю. Тебе так легко, хорошо живется на свете.

Смельская. А вот видишь. *(Отводит Негину к стороне.)* За мной очень ухаживает князь.

Негина. Так что ж! Уж это твое дело.

Смельская. Конечно, мое дело, я это знаю; но мне и Великатова не хочется упустить.

Негина*(с некоторым волнением).* А разве Великатов тоже за тобой ухаживает?

Смельская. Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит… Он робок, должно быть. Ведь бывают такие характеры. Как мне теперь поступить, уж я и не знаю. Показать князю холодность — наживешь врага; а Великатов, пожалуй, уедет завтра, и его потеряешь. Любезничать с князем будет и неблагодарно с моей стороны, да и Великатов мне гораздо больше нравится.

Негина. Еще бы! Конечно… Кому он не понравится!

Смельская. Ты находишь? А что я узнала про него! Ведь у него миллионное состояние; он только прикидывается таким простым. Уж и не знаю, что мне делать. Поверишь ли, Саша, измучилась.

Негина. Я ведь ничего не понимаю в этих делах; спроси вон Петра Егорыча.

Смельская. Что ты! А он-то что понимает? Он будет городить свою философию; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себе желаешь. Он тебя только с толку сбивает. Философия-то

хороша в книжках; а он поживи-ка попробуй на нашем месте! Уж есть ли что хуже нашего женского положения! Ты домой, так пойдем!

Негина. Мне бы хотелось поговорить с Гаврилом Петровичем, я его дожидаюсь.

Смельская. Так и я подожду.

Подходят к Мелузову, который смотрит на трагика.

Трагик *(поднимая голову, Мелузову).* Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Негина. Он со мной пришел.

Трагик. Александра Николавна!.. Саша! Офелия! Зачем он здесь?

Негина. Это мой жених, мой учитель.

Трагик. Учитель! Чему же он тебя учит?

Негина. Всему хорошему.

Трагик *(Мелузову).* Ну, поди сюда!

Мелузов подходит.

Давай руку!

Мелузов подает руку.

Я сам тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатого купца.

Мелузов. А позволено ли мне будет спросить?..

Трагик. Спрашивай!

Мелузов. Чему, например, вы учите?

Трагик. Благородству.

Мелузов. Предмет серьезный.

Трагик. Я думаю, да-с… я думаю. Это не то, что твоя география какая-нибудь. Значит, мы с тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю пойдем в буфет, выпьем и, разумеется, на твой счет.

Мелузов. Ну, уж извините! На этом поприще я вам не товарищ, я не пью.

Трагик. Саша, Саша! Александра! К нам, к артистам, в храм муз, кого ты водишь с собой!

Мелузов. Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стакан воды выпью.

Трагик. Пошел ты к черту! Уберите его! *(Опускает голову.)* Где мой Вася?

Входят Дулебов, Великатов, Бакин, Вася, за ним лакей из буфета с бутылкой портвейна и рюмками; несколько лиц из публики, которые остаются в глубине сцены.

Явление седьмое

Дулебов садится на скамейку с правой стороны, с ним рядом садится Смельская, неподалеку от них Мелузов и Негина; к ним подходят с левой стороны Великатов и Бакин. Трагик сидит в прежнем положении, к нему подходит Вася и лакей из буфета, который ставит бутылку и рюмки на стол и отходит к стороне. Публика

частию стоит, а частию садится за столики в глубине. Потом Мигаев.

Вася *(трагику, наливая рюмку вина).* Покорнейше прошу, пожалуйте!

Трагик. Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйте!» Скажи: пей! Видишь, как просто — всего только одно слово; а какая мысль глубокая.

Из театра выходит Мигаев.

Негина. Гаврило Петрович, пожалуйте сюда!

Мигаев *(подходя к Негиной).* Что вам угодно?

Негина. На сцене вы всё бегали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь, при посторонних.

Мелузов. Да, интересно будет выслушать от вас мотивы ваших поступков.

Мигаев. Каких поступков-с?

Мелузов. Вы назначили бенефис Александры Николаевны в самом конце ярмарки.

Мигаев. Самое лучшее время-с. По контракту я обязан дать бенефис госпоже Негиной во время ярмарки; но там не сказано, в начале или в конце; это уж мое дело-с.

Мелузов. Вы стоите на почве закона; это я понимаю. Но, кроме закона, существуют еще для человека нравственные обязанности.

Мигаев. Это какие же такие-с, и к чему весь этот разговор?

Мелузов. А вот послушайте: вы отодвинули бенефис до последнего дня, поздно выпустили афиши и не дали Александре Николавне сыграть перед бенефисом. Это ваши поступки.

Мигаев. Точно так-с.

Мелузов. Но Александра Николавна этого не заслужила, потому что в продолжение ярмарки доставляла вам всегда полные сборы, чего другие не делали. Вот и потрудитесь оправдать свое поведение.

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Сколько мне известно, вы у нас в театре не служите; а посторонним я в своих делах отчета не даю-с.

Дулебов. Разумеется. Что за допрос! Он хозяин в театре, он поступает, соображаясь с своими расчетами и выгодами.

Мелузов. Тем не менее такие поступки называются неблаговидными, и господин, позволяющий себе подобный образ действий, не имеет права считать себя честным человеком. О чем я и имею честь объявить вам перед публикой. И затем мы считаем себя удовлетворенными.

Мигаев. Как вам угодно-с, как вам угодно-с, мне

все равно. У публики вкусы разные, на всех не угодишь: вам мои поступки не нравятся, а князь их одобряет.

Мелузов. Какое мне дело до князя! Нравственные-то законы для всех одинаковы.

Мигаев подходит к князю.

Бакин. Вот охота людям даром терять красноречие, проповедовать Мигаеву об честности! Уж это очень наивно. Честность он давно считает предрассудком, и для него разницы между честным и бесчестным поступком не существует, пока его не побили. А вот плюхи две-три влетит, тогда он задумается: должно быть, мол, я какую-нибудь мерзость сделал, коли меня бьют.

Трагик. Да и влетит, и дождется, уж это я ему давно пророчу.

Мигаев*(подойдя к Негиной).* Значит, вы, госпожа Негина, изволите быть на меня в претензии?

Негина. Конечно. И вы еще спрашиваете.

Мигаев. В таком случае, что же вас заставляет служить у меня? Контракт ваш кончается.

Негина. Да, но ведь вы сами просили, чтоб я его возобновила.

Мигаев. Извините, передумал-с. По требованию публики должен на ваше место пригласить другую артистку.

Негина стоит в изумлении.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Вы должны были предупредить меня заранее; у меня были приглашения от других антрепренеров, я всем отказывала, я верила вашему слову.

Мигаев. Словам-то вы напрасно верите. Мы за каждое свое слово отвечать никак не можем, — мы зависим от публики и должны исполнять ее желания.

Негина. Куда же мне теперь, я и не знаю; вы меня поставили в такое положение…

Мигаев. Виноват-с. С другой бы артисткой я так и не сделал; но вы такой талант, для вас никакого ущерба не будет, вас везде примут с радостью.

Негина *(сквозь слезы).* Вы еще смеетесь надо мной… Но хорошо еще, что вы мне это сказали накануне моего бенефиса… я завтра прощусь с публикой… которая меня так любит… Надо напечатать, что я играю в последний раз.

Вася. Мы и без афиш везде разблаговестим.

Негина *(Великатову).* Вы, Иван Семеныч, не уедете до завтра?

Великатов. Нет, еще не уеду-с.

Негина. Значит, будете в театре?

Великатов. Непременно.

Бакин. Только вы этого на свой счет не принимайте: он остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дела — есть в виду какая-то операция.

Великатов. Действительно есть. Эта операция не секрет, господа; я ее не скрою от вас; я хочу купить бенефис у Александры Николавны. Может быть, и наживу что-нибудь.

Негина. Как? Вы хотите купить мой бенефис? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмешка надо мной?

Великатов. Нисколько не шучу. Как вы цените ваш бенефис, что вам угодно получить за него?

Негина. Я ни во что его не ценю, он ничего не стоит. Дай бог, чтобы убытку не было.

Вася. Напрасно изволите беспокоиться, ваш бенефис оченно можно купить-с.

Великатов. Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие? Ведь брал же кто-нибудь очень хорошие бенефисы?

Трагик *(ударяя кулаком по столу).* Я.

Вася. Мы с ним в начале ярмарки триста пятьдесят рублей взяли.

Великатов. Угодно вам получить триста пятьдесят рублей?

Негина. Я не могу; это очень много, это пода-

рок… я не желаю получать подарков, это не в моих правилах.

Великатов. Как приятно слышать такие речи от молодой артистки! Сейчас видно, что у вас есть хороший руководитель, человек с честными, благородными убеждениями.

Вася. Да ничего не дорого, Александра Николавна, помилуйте-с! Уж коли Иван Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет. Я пятьдесят рубликов накину; угодно взять четыреста рублей?

Великатов. Нет, извините, я не уступлю, я предлагаю Александре Николавне пятьсот рублей.

Вася. Шабаш, дальше не пойду; цена настоящая.

Негина. Да что вы делаете, господа? Ведь у меня бенефис половинный, да еще расходы.

Вася. В убытке не будем-с; люди коммерческие; завтра к одиннадцати часам ни одного билета не останется. *(Великатову.)* Позвольте в долю войти! Пожалуйте два бельэтажа и дюжину кресел!

Великатов. Возьмите у кассира да скажите ему, чтобы он деньги за билеты, которые продал, и все оставшиеся билеты, исключая верхних, доставил мне сейчас же! Я здесь подожду.

Вася. Хорошо, я скажу-с. Извольте получить

за два бельэтажа и двенадцать кресел. *(Отдает деньги.)*

Великатов *(принимая деньги).* Тут сто рублей.

Вася. Так точно, в расчете-с. Позвольте, тут наших есть человека четыре, так, может, найдутся охотники; я сейчас сбегаю. *(Уходит в глубь сцены.)*

Великатов. Я еще не получил вашего согласия, Александра Николавна.

Негина *(Мелузову).* Как мне поступить, Петр Егорыч! Я не знаю; как вы скажете, так я и сделаю.

Мелузов. И я не знаю: я в таких вопросах не компетентен. Покуда, кажется, все в законных формах. Соглашайтесь.

Негина *(Великатову).* Я согласна, благодарю вас.

Великатов. Благодарить не за что, я наживу деньги: я должен вас благодарить.

Мигаев*(Дулебову).* А вы, ваше сиятельство, пари предлагали.

Дулебов. Ну, кто же мог ожидать. Это совсем особенный случай.

Бакин*(Великатову).* Мне билетик оставьте! Любопытное это будет зрелище.

Вася возвращается.

Вася. Билеты и деньги кассир сейчас принесет, только кассу подсчитает. Я еще взял десять кресел по пяти рублей. Извольте получить. *(Отдает Великатову 50 рублей.)*

Великатов. Не дорого ли это?

Вася. Ничего не дорого; сейчас четыре билета по пяти рублей продал, а завтра у меня пойдет первый ряд по десяти, да на подарок беру по десяти рублей с рыла.

Дулебов. Уж это надо быть совсем дураком, чтобы в провинциальном театре платить по десяти рублей за кресло.

Вася. Да уж в первом-то ряду, ваше сиятельство, у кассира только одно место осталось.

Дулебов. В таком случае, Иван Семеныч, оставьте его за мной.

Великатов. За десять рублей, князь?

Дулебов. Что ж делать, коли все с ума сошли.

Вася. Ну, Гаврило Петрович, закрывай лавочку! Как Александра Николавна уедет, тебе больше не торговать! Баста! Калачом в театр не заманишь. Так ты и ожидай!

Негина. Дайте мне пальто, Петр Егорыч! До свиданья, господа! Благодарю вас! Вы меня утешили, а уж я плакать собиралась, право, господа, так обидно, так обидно…

Мелузов подает ей пальто, Негина надевает его.

Трагик. Вася, спрашивай шампанского!

Вася. Да разве нужно?

Трагик. Да как же, чудак; ты поступил благородно, так надо тебя поздравить, братец.

Вася. Так давно бы ты сказал. Человек, бутылку шампанского!

Негина. Прощайте, господа!

Великатов. Позвольте вам предложить мою коляску.

Смельская. Предлагаете коляску и себя, конечно, в провожатые?

Великатов. Нет, зачем же! Александра Николавна поедет с своим женихом. *(Мелузову.)* Кстати уж и вас кучер завезет домой; а потом вы его пришлите.

Мелузов. Обо мне-то уж ваши заботы я считаю, извините, лишними. *(Закутывается пледом. Великатов ему помогает.)* Вы напрасно беспокоитесь, я привык обходиться без чужой помощи. Это мой принцип.

Великатов. Но его трудно выдержать: без взаимной помощи люди не обходятся.

Негина *(Великатову).* Вы такой благородный человек, такой деликатный… Я вам так благо-

дарна, я не знаю как и выразить... Я вас поцелую завтра.

Великатов. Очень буду счастлив.

Смельская. Завтра? Это долго ждать. *(Дулебову.)* Князь, а я вас поцелую сегодня, сейчас.

Дулебов. Готов служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной как угодно!

Смельская целует Дулебова.

Негина. Ну, прощайте, господа, прощайте! *(Посылает рукой поцелуи.)*

Трагик. Офелия! о нимфа! помяни меня в твоих святых молитвах.

Действие третье

ЛИЦА:
Негина.
Домна Пантелевна.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Вася.
Трагик.
Матрена, кухарка Негиной.

Декорация первого действия. Вечер, на столе две свечи.

Явление первое

Матрена, потом Домна Пантелевна.

Матрена *(у двери).* Кто там?

За сценой голос Домны Пантелевны: «Это я, Матрена!»

Сейчас отпираю.

Входит Домна Пантелевна.

Киатра-то разошлась?

Домна Пантелевна. Нет еще, не совсем, с полчаса пройдет. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша приедет, так чтобы ей не дожидаться. Самовар-то готов у тебя?

Матрена. Развела, гляди, зашумит скоро.

Домна Пантелевна. А зашумит, так прикрой.

Матрена. Что его прикрывать-то! Наш самовар и зашумит, так не скоро кипеть-то сберется; уж он поет-поет на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, так он хуже, ровно тебе на смех. У меня с ним брани немало бывает.

Домна Пантелевна. Измучилась я в театре-то; жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена. Да, вестимо, летнее дело в четырех стенах сидеть, а народу, поди, много?

Домна Пантелевна. Полнехонек театр, как есть; кажется, яблоку упасть негде.

Матрена. Ишь ты! Чай, в ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелевна. Всего было. Поди-ка погляди самовар-то да сбери в ее комнате! Постой-ка, кто-то подъехал. Саше бы еще рано.

Матрена отворяет дверь, входит Великатов. Матрена уходит.

Явление второе

Домна Пантелевна и Великатов.

Великатов. Здравствуйте, Домна Пантелевна!

Домна Пантелевна. Здравствуйте, Иван Семеныч! Что это вы вздумали…

Великатов. Дело есть, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Так до завтра бы. А то поздно, неловко как-то, у нас об эту пору мужчины не бывают.

Великатов. Не беспокойтесь, Домна Пантелевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про нас с вами никто дурного не скажет.

Домна Пантелевна. Ах вы, проказник!..

Великатов. Стало быть, тетенька, вам и опасаться нечего.

Домна Пантелевна. Да какая я вам тетенька?

Великатов. А что ж, разве бы я в племянники вам не годился?

Домна Пантелевна. Да уж чего еще лучше! Совсем молодец, поискать этакого красавца!

Великатов. А я вам, Домна Пантелевна, деньги привез за бенефис.

Домна Пантелевна. Вот благодарю, вот уж покорно благодарю! Самое это для нас нужное, самое необходимое; потому, Иван Семеныч,

первое дело: долги. Как без них проживешь? Возможно ли?

Великатов. Невозможно, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Все мы люди.

Великатов. Все человеки, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Они, долги-то, у нас хотя и маленькие, а все-таки, ежели который человек с совестью, так беспокойство.

Великатов. Беспокойство, Домна Пантелевна, беспокойство. *(Передавая пакет с деньгами.)* Вот, отдайте Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Благодарны, оченно вами благодарны, Иван Семеныч! Чаю не прикажете ли?

Великатов. Покорно благодарю; не могу, увольте от чаю, Домна Пантелевна! Как-то в душу ничего нейдет, особенно чай; так все словно тоска какая-то, Домна Пантелевна, все словно я не в себе.

Домна Пантелевна. Пахондрия.

Великатов. Действительно, Домна Пантелевна, пахондрия.

Домна Пантелевна. Денег много, а дела нет, вот она и привяжется.

Великатов. Как раз угадали; от этого от самого.

Домна Пантелевна. А то отчего ж бы вам тос-

ковать-то.

Великатов. Это точно, что не от чего. А тоскую, Домна Пантелевна, вот и мечешься на ярмарке-то из трактира в трактир. Поверите ли, вот уж другую неделю все два раза в день пьян… Так думаю, Домна Пантелевна: либо это на меня напущено, либо уж богу так угодно.

Домна Пантелевна. Одиночество.

Великатов. Одиночество, Домна Пантелевна; золотые ваши слова; и разговору больше нет, что одиночество.

Домна Пантелевна. Изберите подругу жизни!

Великатов. Где взять прикажете?

Домна Пантелевна. Женитесь, возьмите барышню хорошую; за вас всякая пойдет, хоша бы самого высокого роду.

Великатов. Боюсь, тетенька.

Домна Пантелевна. Что вы, помилуйте, чего бояться, что тут страшного?

Великатов. Скучнее станет.

Домна Пантелевна. Ах, нет, это вы напрасно. Как же можно! Совсем разница женатый человек, нежели холостой.

Великатов. На фортепианах они очень любят играть; а я этого терпеть не могу.

Домна Пантелевна. Все-таки музыка. Ну, а

холостому какое удовольствие? Окромя, что выпить с приятелями, никакой ему другой радости нет в жизни.

Великатов. А хозяйство, Домна Пантелевна? Как вы об этом скажете?

Домна Пантелевна. Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведет…

Великатов. За мной этот грех водится. У меня в деревне домик хороший, комнат в сорок, лошадей довольно, садик разведен чуть не на версту, с беседками, с прудами…

Домна Пантелевна. Значит, все заведение вполне, как следует быть у хорошего помещика?

Великатов. Все вполне, Домна Пантелевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индейские петухи по двору ходят, все белые.

Домна Пантелевна. Белые! Ах, скажите, пожалуйста!

Великатов. Закричишь им: «Здорово, ребята!» Они тебе отвечают: «Здравия желаем, ваше благородие!»

Домна Пантелевна. Приучены?

Великатов. Приучены. Ну, и утешаешься. По крышам, по заборам павлины сидят, хвосты-то на солнышке так и играют.

Домна Пантелевна. И павлины? Ах, батюшки

мои!

Великатов. Выдешь в парк погулять, по озеру лебеди плавают, всё парочками, всё парочками, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Да неужто лебеди? Вот рай-то! Хоть бы глазком взглянула.

Великатов *(взглянув на часы).* Так мы хорошо, приятно с вами, тетенька, разговорились, что расставаться не хочется; поговорил бы и еще, да некогда, извините, дело есть.

Домна Пантелевна. Уж и я бы поговорила, такой вы для меня приятный… Этакого милого, обходительного человека я и в жизнь не видывала…

Великатов. От бенефиса вашего я, Домна Пантелевна, деньги нажил, так позвольте вам подарочек предложить. *(Уходит в переднюю и выносит сверток в бумаге и подает Домне Пантелевне.)*

Домна Пантелевна. Что же это такое?

Великатов. Платочек.

Домна Пантелевна*(развернув бумагу).* Да какой платочек, помилуйте — скажите, это целая шаль, я сроду такой и не нашивала. Да сколько ж она стоит-то?

Великатов. Не знаю, мне даром досталась, у

купца у знакомого взял по-приятельски.

Домна Пантелевна. Батюшка, да за что же это? Право, уж я и не знаю, что мне… Да уж я вас поцелую, уж позвольте, родной мой… душа моя не вытерпит.

Великатов. Сделайте одолжение, сколько вам угодно.

Домна Пантелевна целует его.

Прощайте! Александре Николавне засвидетельствуйте мое почтение. Может быть, не увидимся. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна провожает его в переднюю, потом возвращается.

Домна Пантелевна. Откуда этакие люди берутся! Батюшки мои! *(Надевает платок.)* Да я его и не сниму теперь. *(Смотрит в зеркало.)* Барыня, ну как есть барыня! Вот человек-то! А то что у нас за люди! Не глядели б глаза мои на них. Ведь вот есть же люди. *(Прислушивается.)* Кто там еще?

Входит Нароков с венками и букетами.

Явление третье

Домна Пантелевна и Нароков.

Нароков. Вот бери, на! Вот лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелевна. Эка невидаль! Куда нам

эти веники-то! На что они!

Нароков. Невежество! Эти венки — знак восторга, знак признательности таланту за счастие, которое он доставляет. Лавры — это диплом на почет, на уважение.

Домна Пантелевна. Сколько небось истрачено на этот хворост! Лучше бы деньгами. Деньгам-то уж мы бы место нашли, а этот ворох… куда его? В печку, только и всего.

Нароков. Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелевна. Ну да, как же, нужно очень всякий хлам беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вот смотри! *(Показывает ему шаль и поворачивается перед ним.)* Вот это подарок! Мило, прелестно, деликатно.

Нароков. Ну, всякому свое, я тебе не завидую; вот дочери твоей завидую. Я себе несколько листиков на память возьму. *(Отрывает несколько листков.)*

Домна Пантелевна. Да хоть все бери, не запла́чу.

Нароков *(вынимает из кармана лист бумаги).* А вот это передай Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Что еще? Записка от кого-нибудь? Уж и так надоели с этими глупостями.

Нароков. Это от меня… это стихи… И я в Аркадии родился.

Домна Пантелевна. Где, Прокофьич, где?

Нароков. Далеко: ты там не бывала и не будешь никогда. *(Показывает Домне Пантелевне стихи свои.)* Вот видишь, бордюрчик: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вот: пчелка сидит, бабочка летает… Я целую неделю рисовал.

Домна Пантелевна. Так ты бы сам и отдал.

Нароков. Стыдно. Вот смотри! *(Указывает на свою голову.)* Седая, лысая! А тут чувства молодые, свежие, юношеские, вот и стыдно. Вот, отдай! Да только ты не брось! Ведь ты грубая женщина, в тебе чувства нет. Для вас, грубых людей, удовольствие бросить, растоптать ногами все нежное, все изящное.

Домна Пантелевна. Да ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всем таким быть. Вот положи на стол; она приедет и увидит.

Нароков *(кладет бумагу на стол).* Да, я чувствительный. Прощай! *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Вот сумасшедший-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другие хуже чудят: кто посуду бьет, кто на людей мечется, кусается; а этот смирный. Подъехал кто-то. Вот Саша, должно

быть. *(Идет к двери.)*

Входит Негина с букетом и коробочкой в руках.

Явление четвертое

Домна Пантелевна и Негина.

Негина *(кладет букет и коробочку на стол).* Ох, устала! *(Садится у стола.)*

Домна Пантелевна. Извозчика-то отпустить?

Негина. Нет, зачем! Я вот отдохну, да прокатиться поедемте, подышать свежим воздухом. Еще не поздно. Ведь он на весь вечер нанят.

Домна Пантелевна. И то, что ж, пусть подождет, не задаром же деньги-то платить!

Негина. Что это на вас за шаль?

Домна Пантелевна. Великатов подарил; от бенефиста, говорит, деньги нажил. А что, хороша?

Негина. Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелевна. Он говорит, что даром досталась.

Негина. Верьте вы ему! Он все так говорит. Так он был здесь?

Домна Пантелевна. Да, заезжал и деньги привез.

Негина. Что ж он со мной не повидался?

Домна Пантелевна. Не знаю, торопится куда-

то, уж не уезжает ли.

Негина. Может быть. Какой он странный, не поймешь его никак. *(Задумчиво.)* А вот этакий мужчина, кабы захотел, кажется, сразу мог бы увлечь женщину.

Домна Пантелевна. Ну, да что уж толковать! Да и не осудишь женщину-то. Как ее осудить! Сердце-то не камень: а таких молодцов немного, пожалуй, другого-то такого и всю жизнь не встретишь. Смиренничай да смиренничай — и проживешь всю жизнь так, ни за что; и вспомянуть будет нечем. Он мне про свою усадьбу рассказывал. Какое у него хозяйство диковинное!

Негина. Что ж мудреного; он очень богат.

Домна Пантелевна. Ты чаю не хочешь ли?

Негина. Нет, погодите немного. *(Взглянув на стол.)* А это что такое?

Домна Пантелевна. Это Прокофьич принес тебе на знак памяти.

Негина *(рассматривая бумагу).* Ах, как мило! Какой он добрый, милый старик!

Домна Пантелевна. Да, добрый, хороший человек; да вот опанкрутился и свихнулся. Ну, как же мы с тобой теперь об деньгах рассудим?

Негина. Что рассуждать-то! Прежде всего надо

долги заплатить, а что останется, на то и жить.

Домна Пантелевна. Да немного останется-то, не разживешься.

Негина. Да, теперь труднее будет, без жалованья-то. А куда поедешь, кого я знаю? Опять же гардеробу у меня нет.

Домна Пантелевна. Сотни две, а то и полторы, больше не останется, вот ты их и повертывай, как знаешь. Надо на них все лето прожить. По три денежки в день, куда хочешь, туда день. Осенью-то нас в Москву зовут, там актрисы нужны стали.

Негина. Бросить разве сцену да выйти замуж, — так Петр Егорыч еще места не нашел. Кабы работать что-нибудь.

Домна Пантелевна. Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот в один день получила, чего в три года не выработаешь.

Негина. Много мы получаем, да и проживать много надо.

Домна Пантелевна. Эх, как ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша с тобой не сладка. Уж, признаться сказать, надоело нищенство-то.

Негина. Надоело… да… надоело… Я думала, думала, да уж и думать перестала. Ну, утро вечера мудренее, завтра потолкуем.

Домна Пантелевна. Само собой: а теперь давай

чай пить. *(Прислушивается.)* Кого еще бог несет?

Входит Бакин.

Явление пятое

Негина, Домна Пантелевна и Бакин.

Бакин. Я к вам чай пить, Александра Николавна!

Негина. Ах, извините, я не могу вас принять, я очень устала, мне надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакин. Ну, полчаса, ну что такое полчаса!

Негина. Право, не могу, я так измучена.

Бакин. Ну, я зайду минут через десять или через четверть часа, вы успеете отдохнуть.

Негина. Нет, нет, сделайте одолжение! Завтра приезжайте, ну когда хотите, только не сегодня.

Бакин. Александра Николавна, я как-то не люблю изменять свои намерения, мне всегда хочется исполнить то, что я задумал, и с моей настойчивостью мне удается.

Негина. Очень рада, что вам удается, но, извините, я вас оставлю, я очень устала.

Бакин. Ну, уходите, а я здесь останусь, в этой комнате, я вот на этом стуле всю ночь просижу.

Негина. Ну, перестаньте шутить! Довольно уж.

Бакин. Не верите? Так я вам докажу, я человек

решительный.

Домна Пантелевна. И я, батюшка, женщина решительная, я ведь и караул закричу.

Бакин *(Негиной).* Послушайте, вы боитесь, что меня у вас застанет кто-нибудь?

Негина. Никого и ничего я не боюсь.

Бакин. Все ваши обожатели теперь ужинают в вокзале, и князь, и Великатов, и Смельская с ними, и просидят там до утра.

Негина. Да что мне за дело!

Бакин. А жених ваш спит, вероятно; да я и не верю, что вы его любите.

Негина. Ах, боже мой, это невыносимо! Я вас и не уверяю ни в чем.

Бакин. Вы его держите при себе только для защиты от ухаживанья, а понравится вам кто-нибудь, ведь вы его бросите, это всегда так бывает.

Негина. Ну, хорошо, хорошо.

Бакин. Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Перед вами человек образованный, обеспеченный… Что я не ухаживаю за вами, не говорю нежностей, не объясняюсь в любви, так это не в моих правилах. Мы не дети, зачем нам притворяться! Будем говорить, как совершеннолетние.

Негина. Прощайте. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Ну, батюшка, поговорили, да и будет. Пора людям покой дать! А то, коли хотите разговаривать, так говорите со мной, я за словом в карман не полезу.

Бакин *(громко).* А я все-таки еще зайду. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Запру сени, уж теперь никого не пущу, хоть умирай там. *(Уходит.)*

За сценой слышен крупный разговор. Выходит Негина.

Негина. Что там такое?

Входит Домна Пантелевна, Вася с бутылкой шампанского и трагик.

Явление шестое

Негина, Домна Пантелевна, Вася и трагик.

Домна Пантелевна. Вот беспутные, право, беспутные! Насильно вломились, никаких резонтов не слушают.

Вася. Да нельзя, Домна Пантелевна, надо же за здоровье Александры Николавны выпить; уж миновать этого дела никак невозможно. А что ж такое! мы честно, благородно, со всем нашим уважением! Никакого безобразия, помилуйте!

Трагик. Еще бы! Коли я тут.

Негина. Да напрасно вы беспокоитесь, я пить

не стану.

Вася. Это как вам угодно-с. Нам больше останется, мы и одни выпьем. *(Кричит за перегородку.)* Милая, умница, дай-ка стаканчиков!

Домна Пантелевна. Да давай уж, я откупорю. *(Берет бутылку и уходит.)*

Трагик *(Негиной).* Ты говоришь, что пить не станешь; а вот я посмотрю, как ты у меня не выпьешь!

Вася. Неволить не надо-с.

Трагик. Я неволить не стану, я буду просить.

Выходит Домна Пантелевна, ставит бутылку и стаканы на стол.

Вася *(наливает).* С вас и начинать, по старшинству-с.

Домна Пантелевна. Не знаю, пить ли, боюсь, захмелею.

Вася. А что ж такое! чего бояться-то? Дело к ночи-с. Хоть и захмелеете, не велика беда. Мы вот с ним этого не боимся.

Домна Пантелевна*(берет стакан).* Ну, Саша, поздравляю тебя! *(Пьет.)*

Вася *(подносит стакан Негиной).* Теперь позвольте вас просить.

Негина. Уж я сказала, что не буду пить.

Вася. Нельзя-с, за что ж обижать? Мы со всем

расположением. Хоть половину-с!

Трагик *(падая на колени.)* Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя просит! Смотри, кто у ног твоих! Громилов, сам Ераст Громилов!

Негина. Ну, извольте, я немного выпью; только уж больше ни за что не стану. *(Пьет.)*

Вася *(помогая трагику подняться).* Сколько угодно-с. *(Берет стакан.)* Остальное мы допьем и ваши мысли узнаем. *(Наливает стаканы.)* Теперь мы выпьем-с. *(Подает стакан трагику.)*

Трагик. Поздравляй за двоих, у меня сегодня красноречие не в порядке.

Вася. Честь имею поздравить-с с успехом-с. Сто лет жизни и миллион денег-с! *(Чокаются с трагиком и пьют.)*

Трагик *(подавая стакан).* Наливай еще! *(Вася наливает, трагик пьет.)* Вся?

Вася *(показывая бутылку).* Вся.

Трагик. Ну, поедем!

Вася *(Негиной).* Прощенья просим! Пожалуйте ручку-с! Извините за невежество-с. Спасибо этому дому, теперь пойдем к другому.

Уходят.

Домна Пантелевна. Вот путаники! Точно их вихрем по городу-то носит. Теперь уж запру, одолели. *(Уходит и скоро возвращается.)*

Явление седьмое

Негина, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ну, уж теперь давай чай пить!

Негина. Я выпью с удовольствием.

Домна Пантелевна*(у перегородки).* Матрена, налей-ка нам по чашечке. *(Негиной.)* Дай-ка подарок-то!

Негина *(подавая коробочку).* Да ведь вы видели, серьги и брошка.

Домна Пантелевна. Да я убрать хочу. Ведь тоже не малых денег стоит. *(Прячет в карман.)* Тем эти вещи хороши, приятны, что, случись нужда, сейчас и заложить можно. Не то что вот эти веники.

Матрена приносит две чашки чаю и уходит.

Негина *(прихлебывая чай).* А какой мне букет Великатов поднес. Посмотрите!

Домна Пантелевна. Ну, что букет! букет как букет. Даром деньги брошены, я так считаю. *(Пьет чай.)*

Негина. Нет, вы посмотрите! Цветы все дорогие, и где он их взял?

Домна Пантелевна*(рассматривая букет).* Да, хорош, уж нечего сказать. *(Находит записку.)* А это что ж такое?

Негина *(читает про себя записку).* Ах, ах!

Домна Пантелевна. Что такое?

Негина *(хватаясь за голову).* Ах, нет, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. *(Достает из кармана записку.)* Это от Петра Егорыча, он мне на подъезде дал. *(Читает про себя.)*

Домна Пантелевна. Читай вслух! что еще за секреты от матери!

Негина *(читает.)* «Да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это. Сегодня в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности, что, просто тебе сказать, пришел в удивление. Я очень рад за тебя. Это редкие и дорогие качества души. После спектакля у тебя, вероятно, будет кто-нибудь; при твоих гостях я всегда чувствую что-то неприятное, не то смущение, не то досаду, и вообще мне как-то неловко. Все они смотрят на меня или враждебно, или с насмешкой, чего я, как ты сама знаешь, не заслуживаю. По всем этим соображениям я после театра к тебе не зайду, но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя. Конечно, я мог бы зайти к тебе и завтра утром; но извини, душа полна через край, сердце хочет перелиться…» *(Отирает слезы.)*

Домна Пантелевна. Ну-ка, прочти другое-то!

Негина. Да нет, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелевна. Ну, вот еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записок, которые читать стыдно, да ведь читаешь ты их мне.

Негина. Ну, мама, соберись с силами. *(Читает.)* «Я полюбил вас с первого взгляда. Видеть и слышать вас для меня невыразимое наслаждение. Извините, что я объясняюсь с вами на письме; по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами. Теперь мое счастье от вас зависит. А счастье мое, о котором я мечтаю, обожаемая Александра Николавна, вот какое: в моей усадьбе, в моем роскошном дворце, моих палатах есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная с меня, рабски повинуется. Так проходит лето. Осенью мы с очаровательной хозяйкой едем в один из южных городов, она вступает на сцену в театре, который совершенно зависит от меня, вступает с полным блеском; я наслаждаюсь и горжусь ее успехами. О дальнейшем я не мечтаю, поживем — увидим. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговор мой я прочту завтра в ваших глазах, если вы меня примете; если же не примете, я с разбитым сердцем, но безропотно удалюсь, наказанный вашим презрением за мою

дерзость. Ваш Великатов». *(Сквозь слезы.)* Мама, да что же это такое? Что он, противный, пишет? Кто ж это ему позволил?

Домна Пантелевна. Что позволил?

Негина. Да так… полюбить меня.

Домна Пантелевна. А разве на это спрашивается позволенье-то, глупая!

Негина. Так бы вот и убила его.

Молчание.

Домна Пантелевна*(в задумчивости).* Лебеди… Лебеди, говорит, плавают на озере.

Негина. Ах, да что мне за дело!

Молчание.

Домна Пантелевна. Саша, Сашутка, ведь никогда еще мы с тобой серьезно не говорили; вот он серьез-то начинается. Живешь, бедствуешь, а тут богатство! Ах, батюшки мои, какая напасть? Вот соблазн-то, вот соблазн-то! Уж не дьявол ли он, прости господи, тут подвернулся? В самый-то вот раз… только что мы про свою нужду-то раздумывали. Ну, как есть дьявол. А уж что ласки-то в нем, что этой всякой добродетели! Да давай же говорить о деле-то серьезно, вертушка!

Негина. «Серьезно», об таком-то деле серьезно! Да за кого ж вы меня принимаете! Разве это «дело»? Ведь это позор! Ты помнишь, что он-то го-

ворил, он, мой милый, мой Петя! Как тут думать, об чем думать, об чем разговаривать! А коли есть в тебе сомнение, так возьми что-нибудь, да и погадай!. Ведь я твоя. Чет или нечет, вот и конец. *(Берет записку Мелузова.)*

Домна Пантелевна. Да что ты! как я могу!.. Это твое дело. Да сохрани меня господи! Да меня бог и люди…

Негина *(дочитывает записку Мелузова).* «Но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя». Ах, бедный, бедный! Как я его мало любила! Вот когда я чувствую, что люблю его всей душой. *(Берет письмо Нарокова.)* Ах, вот и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Уж так меня никто любить не будет. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Домна Пантелевна. Куда ты? куда ты? что ты!

Негина. Ах, отстаньте, не ваше дело!

Домна Пантелевна. Как не мое! Да и ты-то моя.

Негина. Ну, я ваша, что хотите со мной делайте; да душа у меня своя. Я к Пете. Ведь он меня любит, он меня жалеет, он нас с вами добру учил.

Домна Пантелевна. Да как же дело-то? Уж скажи что-нибудь!

Негина. Ах, дело, дело! Ну, завтра, завтра, оста-

вим до завтра. А теперь не мешайте мне. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, может быть, завтра уж не буду. На душе у меня теперь очень хорошо, очень честно, не надо этому мешать.

Домна Пантелевна. Ну, ну, как хочешь, как хочешь.

Негина *(покрываясь шалью).* Я не знаю, может быть, сейчас ворочусь, может быть, до утра… Но чтоб ни словом, ни взглядом…

Домна Пантелевна. Да что ты, разве я не мать тебе, разве я не женщина! Не понимаю я нешто, что мешать тебе нельзя; души, что ль, у меня нет?

Негина. Ну, я иду.

Домна Пантелевна. Да постой, покройся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у тебя золотое. А я все-таки запирать не стану, буду чай пить да тебя поджидать.

Негина уходит. Домна Пантелевна уходит за перегородку. Сцена несколько времени пуста, потом входит Бакин.

Явление восьмое

Бакин (один).

Бакин. Никого нет, и дверь не заперта, и какая-

то тень проскользнула мимо меня — это она; но куда, к кому? Если к жениху, так незачем, он сюда может прийти. Вероятно, пошла погулять в сад, подышать свежим воздухом. Я ее здесь подожду; ну, не прогонит же она, все-таки позволит хоть с полчаса посидеть. Я подержал пари с Великатовым, что буду у ней чай пить и просижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотел его уведомить, примет она меня или нет. А! так я вот что сделаю, я пошлю кучера сказать, что я здесь остался. Если прогонит, то я прошатаюсь где-нибудь до света. *(Отворяет окно.)*

В это время входят Мелузов и Негина, которая проходит за перегородку.

Иван, поезжай в вокзал, скажи, что я здесь остался.

Явление девятое

Бакин и Мелузов.

Мелузов. Нет, вы не останетесь здесь. Велите кучеру подождать, вы сейчас выйдете! Что же вы? Ну, так я прикажу. *(В окно.)* Иван, останься! Барин сейчас выйдет.

Бакин. Какое право вы имеете распоряжаться в чужой квартире? Я вас не знаю и знать не хочу.

Мелузов. Нет, позвольте, зачем вы лжете? И

лжете с дурным намерением. Вам хочется ославить девушку?

Бакин. «Ославить»? визит после театра разве значит «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузов. Хорошо; да зачем посылать кучера объявлять, что вы здесь остались?

Бакин. Вы посетитель райка, разве вы можете понимать отношения между артистами и той публикой, которая занимает первые ряды кресел!

Мелузов. Я вот что понимаю: что вы, посетитель первого ряда кресел, уйдете отсюда, а я, посетитель райка, останусь здесь.

Бакин. Вы здесь останетесь?

Мелузов. Да, останусь.

Бакин. Вот это хорошо! По крайней мере, я сделал открытие, которым могу поделиться…

Мелузов. С кем угодно.

Бакин. Впрочем, вы, может быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузов. Нет, уж будьте покойны, я останусь.

Входит Негина, одетая в пальто.

Явление десятое

Бакин, Мелузов и Негина.

Негина *(кладет Мелузову руку на плечо).* Да,

он останется.

Мелузов. Ну, теперь сомнения ваши кончились, значит, вам остается только одно…

Негина. Удалиться.

Мелузов. И чем скорее, тем лучше.

Бакин. Лучше, лучше! Я сам знаю, что мне лучше.

Мелузов. Нет, не знаете, вы мне не дали договорить. Скорее уйти вам потому лучше, что можете уйти в дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь в пространство посредством окна.

Негина *(обнимая Мелузова).* Ах, милый!

Бакин. Ну, молодой человек, запомните вы это! *(Уходит.)*

Негина. Ах, милый Петя, голубчик мой, поедем сейчас кататься на всю ночь: лошади здесь.

Мелузов. Куда, Саша?

Негина. Куда хочешь, куда только тебе угодно, все, все в твоей воле вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы едем.

Мелузов и Негина уходят.

Действие четвертое

ЛИЦА:
Негина.
Домна Пантелевна.
Дулебов.
Смельская.
Великатов.
Бакин.
Мелузов.
Нароков.
Вася.
Трагик.
Обер-кондуктор.
Кондуктор.
Человек, служащий в вокзале.
Разного рода пассажиры и вокзальная прислуга.

Вокзал железной дороги, зала для пассажиров первого класса; направо *(от актеров)* дверь в виде арки, ведущая в другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на середине, поперек комнаты, длинный стол, на нем приборы, бутылки, канделябры и ваза с

цветами.

Явление первое

Трагик сидит у стола. Потом человек. С платформы слышны голоса: «Станция. Город Бряхимов, поезд стоит двадцать минут, буфет»; «Бряхимов! Поезд стоит двадцать минут».

Трагик. Где мой Вася? Человек! *(Стучит по столу.)*

Человек входит.

Человек. Что прикажете?

Трагик. Где мой Вася?

Человек. Да помилуйте, который раз уж вы спрашиваете! Почем же мы знаем.

Трагик. Ну, так поди вон, братец!

Человек уходит.

Где мой Вася?

Входит Вася.

Явление второе

Трагик и Вася.

Вася. Ну, вот Вася, ну, что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Вот еще! Стало быть, дело есть. Ты говори, что тебе нужно!

Трагик. Чего мы, братец, с тобой сегодня не пили?

Вася. Чего? Да уж, кажется, все, окромя купоросу. А вот что! Довольно бы, перегодим!

Трагик. Да ты любишь меня или нет?

Вася. Ну, вот еще разговаривать-то.

Трагик. За что ты меня любишь?

Вася. За то, что у нас в доме безобразие, а ты талант. Ну, и кончен разговор. Только послушай! что все вино да вино! Дадим ему отдохнуть немножко.

Трагик. Ну, пусть его отдохнет.

Вася. Я приказчика отправляю в Харьков, так нужно растолковать ему все как следует. Пойдем в третий класс, разгуляйся малость!

Трагик. Ну, пойдем. *(Встает.)*

Идут к двери, навстречу им из другой залы выходят Нароков и Мелузов.

Явление третье

Трагик, Вася, Нароков и Мелузов.

Нароков *(останавливая Васю).* Постойте, постойте! Вот вам мои часы. *(Снимает с себя карманные часы и отдает Васе.)*

Вася. Да на что мне твои часы, Мартын Прокофьич?

Нароков. Дайте мне десять рублей, дайте, прошу вас.

Вася. Да часов-то мне твоих не надо, чудак человек.

Нароков. Сделайте милость, сделайте милость! мне крайность.

Вася. А коли крайность, я тебе и так поверю.

Нароков. Не надо, не надо. Возьмите часы: я их выкуплю, они дорогие; я их скоро выкуплю.

Вася. Да на что тебе деньги? Скажи, откройся!

Нароков. Ах, за что вы меня мучаете? Скажите мне, дадите вы или нет?

Вася. Любопытно, братец, что у тебя за дела, что за коммерция.

Нароков. Извините, что побеспокоил. Не надо мне.

Вася. Да изволь, изволь. *(Прячет часы в карман и достает из бумажника деньги.)* На вот, получай! Процентов не возьму, не бойся.

Нароков *(берет деньги и жмет руку Васе).* Благодарю вас, благодарю, вы меня выручили.

Вася и трагик уходят в другую залу.

Мелузов. Их нет и здесь; вы ошиблись, должно быть.

Нароков. Нет, знаю, знаю, да и сердце мне говорит, что она уезжает. Вы видите, что я еще не

могу прийти в себя.

Мелузов. Да, невероятно. Зачем же ей скрывать от меня, зачем меня обманывать! Сегодня утром я получил от нее записку вот какого содержания. *(Вынимает записку и читает.)* «Петя, нынче ты не приходи к нам, сиди дома, жди меня, я сама зайду к тебе вечером».

Нароков. Да, непонятно; но они уезжают, это верно. Я заходил к ним, меня не пустили. Вышла Домна Пантелевна и закричала на меня: «Не до тебя нам, не до тебя, мы сейчас едем на железную дорогу». Я видел чемоданы, саквояжи, узлы… Я побежал к вам.

Мелузов. Пойдемте посмотрим в той зале, подождем их у входа.

Нароков. Я потерял память. Что же теперь, утро или вечер? Я ничего не знаю. Когда отходит поезд?

Мелузов. В семь часов вечера, еще минут двадцать осталось.

Нароков. О, так они еще приедут. Пойдем.

Уходят в другую залу.

Из стеклянной двери выходят Негина, на ней дорожная сумка, Домна Пантелевна, Смельская, Дулебов, Бакин и Матрена с подушками и узлами.

Явление четвертое

Негина и Смельская проходят вперед. Дулебов и Бакин садятся к столу. Матрена кладет узлы и подушки на диван подле двери. Домна Пантелевна перебирает узлы в что-то прячет в них.

Смельская. Как ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Негина. Когда же мне было! Я сегодня получила телеграмму и сейчас же стала собираться.

Смельская. Если б мы с князем не заехали на вокзал, так бы ты и уехала, не простясь.

Негина. Мне некогда было: я ни с кем не простилась, я собралась вдруг и хотела написать вам из Москвы.

Смельская. Так ты в Москву едешь?

Негина. Да.

Смельская. На каких условиях?

Негина. Предлагают очень хорошие, но я еще не решилась, я тебе оттуда напишу.

Дулебов *(Бакину).* Мне представилось, что нынче должен отправиться Великатов, вот я и приехал захватить его; выпью, мол, с него бутылку шампанского в наказание за то, что он уезжает украдкой.

Бакин. И я за тем же.

Дулебов. Однако поезд уж пришел, а его нет еще, должно быть, остался в городе.

Бакин. Ведь эти господа миллионщики любят являться прямо к третьему звонку.

Смельская. *(Негиной).* А как же Петр Егорыч?

Негина. Ах, не говори об нем, пожалуйста!

Смельская. Ты ему сказала?

Негина. Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда приедет, уж ехать бы скорей.

Бакин. Вот и Иван Семеныч!

Из другой залы входят Великатов и обер-кондуктор и останавливаются у двери.

Явление пятое

Негина, Смельская, Дулебов, Бакин, Домна Пантелевна, Матрена, Великатов, обер-кондуктор, потом человек и кондуктор.

Обер-кондуктор *(Великатову).* Начальник станции приказал прицепить особый вагон с семейным отделением.

Великатов. Да, это я его просил. *(Кланяется Дулебову и Бакину.)*

Бакин. Вы едете?

Великатов. Нет, я провожаю Александру Николавну и Домну Пантелевну. *(Обер-кондуктору.)* Когда будет готово, так распорядитесь, чтобы

перенесли эти вещи! Уж похлопочите, чтобы все было хорошо и удобно.

Обер-кондуктор. Будьте покойны.

Домна Пантелевна. Иван Семеныч, взяли билеты-то?

Великатов. Взял, Домна Пантелевна, и всю кладь вашу сдал.

Домна Пантелевна. Так дайте мне билеты-то, а то без билетов не пустят.

Великатов. Я вам после отдам, когда будете в вагон садиться.

Домна Пантелевна. Как бы не опоздать, Иван Семеныч; пожалуй, без нас уедут, у меня сердце не на месте.

Обер-кондуктор. Не беспокойтесь; я за вами приду и сам посажу вас, а уж без меня поезд не тронется. А за вещами я сейчас пришлю.

Домна Пантелевна. Да уж пришлите, только кого понадежнее, чтобы все в сохранности.

Великатов. Так вы распорядитесь!

Обер-кондуктор*(прикладывая руку к шапке).* Сейчас прикажу. *(Уходит.)*

Великатов. Надо, господа, на проводах бутылочку выпить, я уж приказал подать. Александра Николавна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Домна Пантелевна. Да, уж перед отъездом всем

нужно присесть. Матрена, и ты садись!

Все усаживаются у стола со стороны, противоположной арке. Человек входит с бутылкой шампанского, ставит на стол и уходит. Великатов наливает вино в бокалы.

Великатов *(поднимая бокал).* Счастливого пути, Александра Николавна! Домна Пантелевна!

Дулебов и Бакин привстают и кланяются.

Домна Пантелевна. Счастливо оставаться, господа!

Смельская *(целуя Негину).* Желаю тебе счастья, Саша! Пиши, пожалуйста!

Входит кондуктор.

Кондуктор. Какие вещи прикажете брать?

Домна Пантелевна. Вон, батюшка! Матрена, покажи ему, да поди за ним, пригляди хорошенько.

Кондуктор забирает вещи.

Кондуктор!

Кондуктор. Что угодно?

Домна Пантелевна. Ты подушки-то поосторожнее, там по полу не валяйте их!

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Что «маменька»! Прикажешь-то, так лучше. *(Кондуктору.)* Не трожь этот мешочек-то, крайний-то! Говорю, не трожь, там

баранки, еще рассыплешь, пожалуй!

Дулебов и Бакин смеются.

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Да что! Понадейся на них!

Негина. Берите всё, берите всё!

На платформе звонок.

Домна Пантелевна *(быстро встает со стула).* Ай! Поехали.

Великатов. Успокойтесь, Домна Пантелевна, без вас не уедут.

Кондуктор. Это звонок третьему классу, еще времени много осталось. *(Уходит. Матрена за ним.)*

Домна Пантелевна. Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу вымотают.

Входят из другой залы Нароков, за ним человек с бутылкой и Мелузов.

Явление шестое

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов, Бакин, Дулебов. Нароков садится на конце стола, к арке. Человек ставит перед ним бутылку, Мелузов останавливается у двери.

Негина *(подходит к Мелузову).* Ни слова, ради бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи;

я тебе после все скажу. *(Отходит и садится на свое место.)*

Нароков *(человеку).* Ты сомневался, ты сомневался, глядя на меня, заплачу́ ли я тебе? Хорошо! ты хороший слуга! Вот тебе за добродетель награда! *(Дает десять рублей.)* Получи за вино, а сдачу себе возьми!

Человек. Покорнейше благодарю-с! *(Уходит.)*

Мелузов садится рядом с Нароковым, который, налив бокалы себе и Мелузову, встает.

Бакин. Спич, спич, господа! Послушаем.

Нароков. Александра Николавна! первый бокал за ваш талант! Я горжусь тем, что первый заметил его. Да и кому ж здесь, кроме меня, заметить и оценить дарование! Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь… о, проклятие!

Бакин. Запутался, Мартын Прокофьич.

Нароков *(с сердцем).* Нет, я не запутался. В робких шагах дебютантки, в первом, еще наивном лепете, я угадал будущую знаменитость. У вас есть талант, берегите его, растите его! Талант есть лучшее богатство, лучшее счастие человека! За ваш талант! *(Пьет.)*

Негина. Благодарю вас, Мартын Прокофьич!

Бакин. Браво!

Дулебов. А он говорит довольно складно.

Нароков *(Мелузову).* Налейте мне и себе.

Мелузов наливает. Нароков поднимает бокал. Второй бокал за вашу красоту!

Негина *(встает).* Ах, что вы! Зачем!

Нароков. Вы не признаете за собой красоты? Нет, вы красавица. Для меня, где талант, там и красота! Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! *(Пьет и ставит бокал.)* Теперь позвольте мне на прощанье поцеловать вашу руку! *(Становится на колени перед Негиной и целует ее руку.)*

Негина *(сквозь слезы).* Встаньте, Мартын Прокофьич, встаньте!

Великатов. Довольно, Мартын Прокофьич! Вы расстроиваете Александру Николавну!

Нароков. Да; довольно! *(Встает делает несколько шагов к стеклянной двери и останавливается.)*

В дверях из другой залы появляются обер-кондуктор, прислуга и несколько пассажиров.

Не горе и слезы,
Не тяжкие сны,
А счастия розы
Тебе суждены.

Те розы прекрасны,
То рая цветы.
И, верь, не напрасны
Поэта мечты.
Но в радостях света,
В счастливые дни,
Страдальца поэта
И ты вспомяни!

(Отходит к самой двери.)

Судьбою всевластной
Нещадно гоним,
Он счастлив, несчастный,
Лишь счастьем твоим.

(Идет к дверям.)

Великатов и Негина. Мартын Прокофьич, Мартын Прокофьич!

Нароков. Нет, довольно, довольно, больше не могу. *(Уходит.)*

Негина *(знаком подзывает обер-кондуктора).* Скажите, что пора ехать! Прошу вас.

Обер-кондуктор *(взглянув на часы).* Еще немножко рано, а впрочем, как вам угодно. Господа, не угодно ли в вагоны садиться?

Домна Пантелевна. Ах, пустите меня вперед, господа! пустите, а то не поспею.

Обер-кондуктор. Пожалуйте направо, в последний вагон!

Уходят Домна Пантелевна, за ней обер-кондуктор, Негина, Смельская и Великатов, за ними Дулебов и Бакин. Негина скоро возвращается.

Явление седьмое

Мелузов, Негина, потом Великатов и обер-кондуктор.

Негина. Ну, Петя, прощай! судьба моя решена.

Мелузов. Как? Что? Что ты?

Негина. Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузов. Чья же ты?

Негина. Ну, что тебе знать! Все равно тебе. Так надо, Петя. Я долго думала, мы обе с маменькой думали… Ты хороший человек, очень хороший! Все, что ты говорил, правда, все это правда; а нельзя… Уж сколько я плакала, сколько себя бранила… Ты этого не понимаешь. Вот видишь ты; уж всегда так, уж так заведено, уж ведь… ну… все так; что ж, вдруг я одна… это даже смешно.

Мелузов. Смешно? Неужели смешно?

Негина. Да, конечно. Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо…

А если талант… если у меня впереди слава? Что ж мне, отказаться, а? А потом жалеть, убиваться всю жизнь… Если я родилась актрисой?..

Мелузов. Что ты, что ты, Саша! разве талант и разврат нераздельны?

Негина. Да нет, не разврат! Ах, какой ты! *(Плачет.)* Ты ничего не понимаешь… и не хочешь меня понять. Ведь я актриса; а ведь, по-твоему, нужно быть мне героиней какой-то. Да разве всякая женщина может быть героиней? Я актриса… Если б я и вышла за тебя замуж, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену, хотя за маленькое жалованье, да только бы на сцене быть. Разве я могу без театра жить?

Мелузов. Это для меня новость, Саша.

Негина. Новость! Потому и новость, что ты до сих пор души моей не знал. Ты думал, что я могу быть героиней; а я не могу… да и не хочу. Что ж мне быть укором для других? Вы, мол, вот какие, а я вот какая… честная!.. Да другая, может быть, и не виновата совсем; мало ль какие обстоятельства, ты сам посуди: или родные… или там обманом каким… А я буду укорять? Да сохрани меня господи!

Мелузов. Саша, Саша, да разве честная жизнь укор для других? Честная жизнь — хороший при-

мер для подражания.

Негина. Ну, вот видишь ты; значит, я глупа, значит, ничего не понимаю… А мы с маменькой так рассудили… мы поплакали, да и рассудили… А ты хочешь, чтоб я была героиней. Нет, уж мне куда же бороться… Какие мои силы! А все, что ты говорил, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузов. Не забудешь? И за то спасибо!

Негина. Это были лучшие дни в моей жизни, уж у меня больше таких не будет. Прощай, милый!

Мелузов. Прощай, Саша!

Негина. Я как сбиралась, все плакала о тебе. На вот! *(Достает из дорожной сумки волосы, завернутые в бумажку.)* Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузов*(кладет в карман).* Благодарю, Саша.

Негина. Если хочешь, я еще отрежу, хоть сейчас. *(Достает из сумки ножницы.)* На, отрежь сам!

Мелузов. Не надо, не надо.

Великатов отворяет дверь.

Великатов. Александра Николавна, пожалуйте! Сейчас последний звонок.

Негина. Сейчас, сейчас! Уйдите!

Великатов уходит.

Ну, прощай! только ты не сердись на меня! Не

брани меня! Ну, прости меня! А то мне тяжело будет, у меня никакой радости не будет. Прости меня! Я на коленях буду умолять тебя.

Мелузов. Не надо, не надо. Живи, как хочешь, как умеешь! Я одного только желаю, чтоб ты была счастлива. Только сумей быть счастлива, Саша! Ты обо мне и об моих словах забудь; а хоть как-нибудь, уж по-своему, сумей найти себе счастье. Вот и все, и вопрос жизни решен для тебя.

Негина. Так ты не сердишься? Ну, вот и хорошо… ах, хорошо! Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузов. Что ты, Саша!

Негина. Нет, пожалуйста, не откажись. Я, как сестра… я, как сестра, Петя. Ну, доставь ты мне эту радость!.. Как сестра… Чем же я тебе за все добро твое?..

Входит обер-кондуктор.

Обер-кондуктор. Я за вами пришел. Пожалуйте садиться; сейчас поезд отходит!

Негина *(бросается на шею Мелузову).* Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчик! *(Вырывается из объятий и бежит к двери.)* Напиши, Петя, напиши! *(Уходит; за ней обер-кондуктор.)*

Мелузов смотрит в растворенную дверь. Звонок. Слышен свисток кондуктора, потом свист

машины, поезд трогается.

Из другой залы выходят трагик и Вася.

Явление восьмое

Мелузов, трагик и Вася.

Трагик. Что ты сказал? Она уехала?

Вася. Да, брат, уехала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видели.

Трагик. Ну что ж; мы с тобой будем плакать в одну урну и заочно пожелаем ей счастливого пути.

Входят Смельская, Дулебов и Бакин.

Явление девятое

Мелузов, трагик, Вася, Смельская, Дулебов и Бакин.

Бакин *(хохочет).* Это бесподобно! Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!» А он говорит: «Пусть увезут, я нисколько не обижусь. До свиданья, господа!» Бесподобно! Значит, он их повез в свою усадьбу!

Смельская. Это очень заметно было; я сейчас догадалась. Разве Негина может ехать в семейном вагоне? Из каких доходов? Ей с маменькой место в третьем классе, прижавшись в уголку.

Бакин. Так зачем же он врет, что провожает?

Смельская. Чтоб избежать разговоров; скажи он, что едет вместе с ними, сейчас бы пошли насмешки, остроты; да вы первые бы начали. А он стыдится, что ли, или просто не любит таких разговоров, я уж не знаю. Он сделал очень умно.

Дулебов. Я вам говорил, что он человек умный.

Бакин. А мы-то желаем счастливого пути госпоже Негиной! Да чего уж счастливее. Ну, если б я знал это, я бы от души пожелал Великатову голову сломать. А ведь бывает же, князь, что иногда стрелочник пьян напьется… Вот теперь встречный поезд проходит; вдруг на разъезде трах!

Мелузов бросается к двери.

Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великатов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят.

Мелузов останавливается.

Побеседуемте, молодой человек! Или вы, может быть, застрелиться торопитесь? Так я вам не помешаю, стреляйтесь, стреляйтесь! Ведь студенты при всяких неудачах стреляются.

Мелузов. Нет, я не застрелюсь.

Бакин. Пистолета не на что купить? Так я вам куплю на свой счет.

Мелузов. Покупайте для себя.

Бакин. Что же вы теперь, за какое дело приметесь? Опять учить?

Мелузов. Да. Что же больше делать? Это наше занятие, наша обязанность.

Бакин. И опять актрису?

Мелузов. Хоть бы и актрису.

Бакин. И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихом себя считать?

Мелузов. Смейтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я вас обезоружу, я сам вместе с вами буду смеяться над собой. Ведь смешно, действительно смешно. Бедняк, на трудовые деньги выучился трудиться: ну и трудись! А он вздумал любить! Нет, этой роскоши нам не полагается.

Смельская. Ах, какой милый! *(Посылает рукой поцелуй.)*

Мелузов. У нас, у горемык, у тружеников, есть свои радости, которых вы не знаете, которые вам недоступны. Дружеские беседы за стаканом чаю, за бутылкой пива о книжках, которых вы не читаете, о движении науки, которой вы не знаете, об успехах цивилизации, которыми вы не интересуетесь. Что ж нам еще! А я вторгся, так сказать, в чужое владение, в область беспечального пребывания, беззаботного времяпровождения, в сферу

красивых, веселых женщин, в сферу шампанского, букетов, дорогих подарков. Ну, как же не смешно! Конечно, смешно.

Смельская. Ах, какой он милый!

Бакин. Вы не обидчивы; а я думал, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузов. Дуэль? Зачем? У нас с вами и так дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете.

Трагик. Благородно! *(Васе.)* Спрашивай шампанского!

Мелузов. Вот и давайте бороться: вы свое дело делайте, а я буду свое. И посмотрим, кто скорее устанет. Вы скорее бросите свое занятие; в легкомыслии немного привлекательного; придете в солидный возраст, совесть зазрит. Бывают, конечно, и такие счастливые натуры, что до глубокой старости сохраняют способность с удивительною легкостью перелетать с цветка на цветок; но это исключения. Я же свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу. *(Надвигает шляпу и закутывается, пледом.)*

Вася. Шампанского!

Трагик. Полдюжины!

Красавец-мужчина

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аполлинария Антоновна, пожилая дама.

Зоя Васильевна Окоемова, ее племянница, молодая женщина.

Аполлон Евгеньич Окоемов, её муж.

Наум Федотыч Лотохин, богатый барин, пожилой, дальний родственник Окоемовой.

Федор Петрович Олешунин, молодой человек, среднего состояния, землевладелец.

Никандр Семеныч Лупачев, пожилой барин, очень широко живущий и бросающий деньги. Репутации не безукоризненной; в хорошем обществе не принят.

Сосипатра Семеновна, сестра его, пожилая дама, одевается богато и оригинально, ведет себя самостоятельно и совершенно свободно, не стесняясь приличиями.

Пьер, Жорж — молодые люди, приятели Лупачева, без определенных занятий; похожи друг на друга, одеты и причесаны одинаково безукоризненно, по последней моде; молчаливы, скромны

и совершенно приличны.

Василий, человек в вокзале.

Акимыч, старый слуга Лотохина.

Паша, горничная.

Сусанна Сергеевна Лундышева, молодая вдова, племянница Лотохина.

Иван, лакей Сосипатры Семеновны.

Действие первое
(Вместо пролога)

Сад летнего клуба. Действие в городе Бряхимове.

Явление первое

Входят Пьер и Жорж, потом Василий.

Пьер *(ложась на садовый диван)*. Жорж, ты что пил сейчас?

Жорж. Коньяк.

Пьер. Хорошо?

Жорж. Выпей, так узнаешь.

Пьер. Да мне не хочется.

Жорж. И мне не хотелось.

Пьер. Зачем же ты пил?

Жорж. От нечего делать. Пьер, что это за чудак с нами обедал?

Пьер. Наум Федотыч какой-то. Какое имя глупое, Жорж! По фамилии Лотохин. Приезжий. А кто он такой, кто ж его знает.

Жорж. Знают.

Пьер. Кто?

Жорж. Буфетчик Василий.

Пьер. Что ж он говорит?

Жорж. Говорит, что Лотохин, его барин, богатый человек, старого веку, нынешним не чета. Какого-то «старого веку», какая-то «не чета». Ничего этого я не понимаю.

Пьер. Все-таки ты знаешь больше моего, а меня спрашиваешь.

Жорж. Что я знаю? Что он старого веку, да какая-то «не чета» — только и всего. Я думал, что ты больше меня просвещен на этот счет.

Пьер. Ну, мои сведения очень ограниченны. Лотохин приехал откуда-то, кажется из Москвы, покупает здесь имение, собирает о нем справки. Все это здесь бывает часто; никому бы до него и дела не было; но он человек богатый; оттого им все интересуются. Верно только одно: что он чудак.

Жорж. Я этих чудаков да простаков боюсь немножко.

Пьер. Отчего?

Жорж. А помнишь, в прошлом году какой-то чудак наехал? Лохматый, нечесаный, сюртук в пуху, сапоги нечищеные, шампанское пополам с квасом пил. Бумажника не носил, ассигнации свертывал в комок да по разным карманам рассовывал. Карты в руках держать не умел; а обобрал

всех здесь. После я его видел в Петербурге в Ливадии: раздушенный, завитой, всех опереточных артистов знает, шансонетки не хуже их поет.

Пьер. Да, бывают художники. Вот Василий. Позовем его да расспросим хорошенько. *(Громко.)* Василий!

Входит Василий.

Василий. Что угодно-с?

Пьер. Ты Лотохина знаешь?

Василий. Как же не знать-с. Коли они мой барин, настоящий, природный, а не то чтоб… это, однако, довольно для меня удивительно, чтобы не знать, коли я сызмальства был их слуга.

Жорж. Богат он?

Василий *(махнув рукой)*. Ну, что уж! Может, одних вотчин у них в пяти губерниях… и там всего прочего… Про это что ж! Уж всем известно.

Пьер. Да… ну, а зачем он сюда приехал?

Василий. Именье покупают.

Жорж. Зачем ему? У него и так много.

Василий. Они не с тем, чтоб… а как, собственно, у сродственницы.

Пьер. У какой сродственницы? Кто она?

Василий. Уж это я не могу знать-с. Потому как… изволите видеть, я с ихним камардином, с Акимычем говорил… *(Таинственно.)* Они в отель-

Париже стоят, три нумера занимают… можете судить… «Мы, говорит, именье покупать, только, говорит, мы не за барышом гонимся, а по родственному расположению».

Пьер. В карты он играет?

Василий. Этому они не подвержены, а обыкновенно, как господа, когда со временем, для компании, отчего же… это они могут… Потому, выиграть ли, проиграть ли, это им какой расчет! А чтоб гостям удовольствие… Ну, обнаковенно, как завсегда в хороших домах.

Жорж. Давно он приехал?

Василий. Да как вам доложить! Дня четыре будет-с, а пожалуй и всех пять. Только они сродственницу свою еще не видали; в именье ездили, осматривать; а вчера приехали обратно.

Пьер. Ну, а больше ты ничего не знаешь?

Василий. Да помилуйте, я все знаю. Дяденька у них генерал, в коннице служили — так уж вот барин!..

Жорж. Где же он теперь?

Василий. В чужих краях-с.

Жорж. Ну так что же нам! Бог с ним!

Василий. Опять сестрица двоюродная, за барином замужем, которые откупами занимались, так, боже мой, брови у них… Кажется, изойди весь

белый свет… Да нет, невозможно…

Пьер. Ну, довольно, будет с нас.

Василий. Больше ничего не прикажете.

Пьер. Ничего. Ступай!

Василий уходит, Лотохин и Сосипатра входят.

Явление второе

Пьер, Жорж, Сосипатра и Лотохин.

Сосипатра. Вы извините, что для первого знакомства брат приглашает вас обедать не домой, а в трактир.

Лотохин. Ничего-с. Я сам бездомовник, человек кочующий; зимой по клубам, а летом по родным кочую.

Сосипатра. У вас много родни?

Лотохин. Очень много-с, и, к несчастию, все родственницы: племянницы, внучки, сестры двоюродные, троюродные, девицы да вдовы-с. Невест много. Опека большая.

Сосипатра. Какое же это несчастие? Разве бедные? Помогать надо?

Лотохин. Нет-с, богатые, есть даже очень богатые.

Сосипатра. Чего ж лучше.

Лотохин. Красота мужская нашему семейству очень дорого обходится.

Сосипатра. Я вас не понимаю.

Лотохин. Если изволите, я вам объясню.

Сосипатра. Сделайте одолжение.

Лотохин. Только, сударыня, я заранее прошу вашего извинения: может быть, придется сказать что-нибудь такое…

Сосипатра. Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродетель и излишней стыдливостью не отличаюсь, особенно в мужском обществе. Да вот у меня платок. *(Показывает носовой платок.)* Коли что такое, так я закроюсь; а все-таки послушаю, я очень любопытна.

Лотохин. Да нет-с, сказать что-нибудь неприличное я себе не позволю; а может быть, вам покажется, что я не очень лестно отзываюсь о женском поле.

Сосипатра. Только-то? Так не бойтесь; я сама не очень высокого мнения о нашем поле. *(Пьеру и Жоржу.)* Вы, шалопаи, чему смеетесь? Говорят люди солидные…

Лотохин. Умудренные опытом.

Сосипатра. Так вы должны слушать с почтением; это вам вперед пригодится, потому что вы еще молокососы. А то лучше убирайтесь.

Пьер. Нет, уж позвольте!

Жорж. Это очень интересно.

Сосипатра. Ну, так ведите себя скромно и сидите, как умные дети сидят.

Лотохин. Так вот, изволите видеть, много у меня родственниц. Рассеяны они по разным местам Российской империи, большинство, конечно, в столицах. Объезжаю я их часто, я человек сердобольный, к родне чувствительный… Приедешь к одной, например, навестить, о здоровье узнать, о делах; а она прямо начинает, как вы думаете, с чего?

Сосипатра. Об шляпках, конечно, о платьях, вообще о тряпках.

Лотохин. Никак нет-с. Она начинает: «Ах, он меня любит!» Кто этот, «он» — я почти никогда не спрашиваю: потому что ответ один, стереотипный-с: «Мой жених, он хорош, умен, образован!»

Сосипатра. Да, правда ваша. А потом окажется, что он так же умен и образован, как вот эти милые особы.

Пьер. Вы нас в пример глупости выставляете? Mercі!

Сосипатра. У женщин, коли мужчина хорош да ей нравится, так он уж и умен, и образован; это я по себе знаю. И вы, господа, дождетесь, что вас будут считать умными.

Жорж. Так обижаться не прикажете?

Сосипатра. Еще бы! Не ломайтесь, пожалуйста.

Жорж *(со вздохом)*. Что же делать, Пьер! Перенесем.

Пьер *(со вздохом)*. Перенесем, Жорж.

Лотохин. Так вот-с: «Ах! он меня любит!» Ну что же тут делать? Остается только радоваться. Любит, так и пускай любит. Хотя, конечно, пожилому человеку не очень интересно любоваться на эти восторги. Он тебя любит, ну и знала бы про себя. Ведь это ее дело, так сказать, келейное и общественного интереса никакого не представляет, зачем же знакомым-то свои восторги навязывать. Другая ведь уж далеко не малолетняя, уж давно полной и довольно веской зрелости — так пудов от шести с половиною весу, — а все прыгает да ахает: «Ах, он меня любит!», «Ах, он меня любит!» Так, знаете ли, неловко как-то становится.

Сосипатра. Да, это скверно, я терпеть не могу; мне просто стыдно становится. Я очень понимаю, что вам должно быть скучно слушать эти их излияния, но ведь от этого легко избавиться. Махнуть рукой и уехать. Рад, мол, твоей радости, и бог с тобой, матушка! Блаженствуй!

Лотохин. Нельзя-с. Уж я вам докладывал, что

я человек сердобольный; уж тут смотри в оба; а прозеваешь — беда! Вот извольте послушать. Заедешь к этой же родственнице этак через месяц или через два; уж совсем другой тон в доме, переход из мажора в минор. Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носик покраснел, и разговор уж другой: «Ах, он меня разлюбил».

Пьер и Жорж смеются.

Сосипатра. Чему вы смеетесь? Бесчувственные!

Лотохин. Утешать уж тут напрасно; чем ее утешишь? Такие недуги время врачует: глядишь, через месяц и оправится, и повеселеет немножко, а через два опять заахает. Тут уж у меня совсем другая забота начинается: между охов и вздохов стараешься разведать, нет ли, кроме сердечного ущерба, еще имущественного.

Сосипатра. Да, это важный вопрос.

Лотохин. На первых порах, разумеется, ничего не узнаешь. «Ах, да стоит ли об этом говорить! Да все это вздор! Какие тут расчеты! Я все эти мелочи презираю». Ну сейчас ревизия, расспросы, и видишь, что имение расстроено, долги. «Это, мол, как же так?» — «Ах, боже мой, да что ж тут удивительного? Я готова была для него всем пожертвовать, даже жизнию, а вы пристаете.

Разве можно было ожидать, что человек с такой прекрасной наружностью имеет такую коварную душу? Этого никогда не бывает, никогда! я вас уверяю, это исключение. У кого наружность хороша, у того и душа благородная, это уж всегда, всегда, всегда! и не разговаривайте больше со мной». Вот и толкуйте с таким народом.

Сосипатра. Господа кавалеры, правда это или нет?

Пьер. Спросите у Жоржа! Я еще не жених пока, а он уж…

Жорж. Молчи, пожалуйста! Это не честно.

Пьер. Молчу.

Лотохин. Иной молодой человек, красивой наружности, такую брешь в капитале и именье-то сделает, что хоть по миру ступай. Вот почему я и стараюсь предупреждать такие катастрофы. Как увижу, что какая-нибудь родственница заахала, я тут и вьюсь.

Сосипатра. Что же вы можете сделать, если женщина действительно влюблена?

Лотохин. На разные хитрости подымаюсь, а коли уж ничто не берет, так отступного даю. Лучше уж тысяч пять — десять бросить, чем все состояние потерять. Ведь навертываются и хорошие женихи-с, дельные, солидные, — да как и

не быть при таком приданом! — так не нравятся: люди очень обыкновенные — проза. Подавай им красавцев. Глядишь, глядишь кругом, ну, слава богу, думаешь, нет красавцев, все люди как люди. И вдруг откуда ни возьмись красавец тут как тут. И где только они их откапывают? Все не было, все не было, а вдруг какой-нибудь длинноволосый уж ходит около. В бархатном сюртуке, в голубом либо в розовом галстуке, художник какой-нибудь непризнанный, певец без голосу, музыкант на неизвестном инструменте, а то так и вовсе темная личность, а голову держит гордо. Выскочит замуж БОТ за этакого проходимца, разоренье-то разореньем, да кого еще в родню-то введет! Через этакого красавца и сама-то попадет в общество, в котором и мужчине быть совестно, и нас-то наделит родственником, что не только руку подать стыдно, а того и гляди увидишь их на скамье подсудимых за мошенничество! Наказание! Наша фамилия хорошая, уважаемая; вот один только недостаток.

Пьер. Да неужели у вас все так влюбчивы?

Лотохин. Почти что все; ведь это родом бывает, в нашем семействе такая линия вышла.

Сосипатра. Да, действительно, у вас забота большая, если вы не шутите. Мне кажется, что вы

просто хотели занять меня забавным разговором после обеда, вот и придумали историю о своих родственницах.

Лотохин. Как угодно-с, спорить с вами не стану. Если мой разговор показался вам интересен, с меня и этого довольно. *(Встает.)* Извините, я пойду чайку напиться. Московская привычка.

Сосипатра. Я вас удержу не надолго, позвольте только один вопрос.

Лотохин. К вашим услугам.

Сосипатра. Вы только для одних родственниц так хлопочете, или случается и для посторонних?

Лотохин. В каком отношении?

Сосипатра. Например, устроить имение, подать совет в запутанном деле.

Лотохин. Если имею досуг, так с удовольствием-с.

Сосипатра. Не сделаете ли вы мне одолжение Дать несколько советов по моим делам? Мне обратиться не к кому, у меня нет знакомых деловых людей. Все вот такие. *(Указывая на Пьера и Жоржа.)*

Пьер. Кланяйся, Жорж!

Жорж. Кланяйся, Пьер!

Лотохин. Рад служить чем могу.

Сосипатра. Притом же мне с вами очень ловко будет; вы человек пожилой, бывалый, видали виды, с вами могу говорить не стесняясь.

Лотохин. К вашим услугам, к вашим услугам. Я хоть сегодня же к вам заеду.

Сосипатра. Милости просим.

Входит Лупачев.

Вот и потолкуем.

Явление третье

Лотохин, Сосипатра, Пьер, Жорж и Лупачев.

Лупачев. Об чем это вы толковать собираетесь?

Сосипатра. О серьезных делах.

Лупачев. Не верьте ей: никаких у нее серьезных дел нет.

Пьер. Ты напрасно. Мы и сейчас о серьезных делах толковали.

Жорж. То есть мы с Пьером слушали, а разговаривали они.

Лупачев. Любопытно.

Пьер. О женских слабостях.

Лупачев. Вот разговор нашли! Женскими слабостями надо пользоваться, а разговаривать о них не стоит.

Сосипатра. Ну, я домой. *(Лотохину.)* Извините,

что задержала. Вы хотели чай пить. До свиданья. *(Подает руку Лотохину.)*

Лотохин. Мое от меня не уйдет. *(Уходит.)*

Сосипатра. Господа Аяксы! кто нынче дежурный, чья очередь меня провожать?

Жорж *(подавая руку Сосипатре)*. Моя-с.

Сосипатра и Жорж уходят.

Пьер. Что тебе за охота ублажать этого чудака. Угощаешь его обедами, шампанским; не в коня корм.

Лупачев. Ты еще молод, чтоб меня учить. Уж поверь, что я ничего даром не делаю. Он москвич, клубный обыватель, знает все трактиры и рестораны, такие люди нужны. Приедешь в Москву, он тебя такими обедами и закусками угостит, что целый год помнить будешь. А что мне за дело, что он чудак! Мне с ним не детей крестить. Поесть, выпить умеет и любит, вот и нашего поля ягода. Кто это? никак, Зоя Васильевна?

Пьер. Да, они с теткой, а кавалером у них Олешунин.

Лупачев. Что за прелесть женщина! И кем окружена! Кабы этому бриллианту хорошую оправу. Нашла себе красивого мужа и рада. Эко счастье этому барашку! Ей не красивого, а богатого.

Пьер. Такого, как ты?

Лупачев. Да, эта женщина заблестела бы: я бы не пожалел ничего. Ну, да еще подождем; чего на свете не бывает.

Пьер. А Олешунин постоянно при ней. Уж не влюблен ли?

Лупачев. Он и любить-то не умеет, а умеет только ревновать. Он до тех пор не обращает внимания на женщину, пока она не полюбила кого-нибудь; а как полюбит, так он сейчас обижаться, почему не его.

Пьер. Это бы ничего, а вот скверно, что он очень скуп и дает взаймы деньги малыми суммами за большие проценты, да еще с залогом.

Входят Зоя, Аполлинария Антоновна и Олешунин.

Явление четвертое

Лупачев, Пьер, Зоя, Аполлинария Антоновна и Олешунин.

Аполлинария *(Олешунину)*. Нет, нет, вы никогда меня не убедите, и напрасно вы проповедуете такие идеи! вам жизнь не переделать. *(Подает руку Лупачеву и Пьеру, Зоя и Олешунин тоже.)* Да вот мы спросим Никандра Семеныча, он не меньше вашего знает.

Лупачев. Все, что я знаю, Аполлинария Ан-

тоновна, я знаю про себя, а резонерством не занимаюсь.

Аполлинария. Нет, позвольте; скажите, пожалуйста, за кого должна девушка выходить замуж?

Лупачев. Я не знаю, за кого она должна выходить, я знаю только, как это обыкновенно делается. Девушка, если она свободна, выходит замуж за того, кто ей нравится.

Аполлинария *(Олешунину)*. Ну, вот, слышите! *(Лупачеву.)* А он говорит, что девушка не должна обращать внимания на наружность мужчины, а на какие-то душевные качества.

Лупачев. Отчего ж ему и не говорить так, Аполлинария Антоновна? Всякий судит по-своему. Так говорят кавалеры, которые не имеют счастия нравиться женщинам.

Аполлинария. Ах, вот прекрасно! Слово в слово, как я говорила.

Олешунин. Нашли себе поддержку и обрадовались. Не очень ли смело с вашей стороны, Никандр Семеныч, сказать, что я не нравлюсь женщинам?

Лупачев. Да я не про вас, я говорил вообще. Вы, может быть, и нравитесь, чего на свете не бывает.

Аполлинария. Можете и вы понравиться, коли женщина никого лучше не видала. Ну, а увидит Аполлона Евгеньича, так извините.

Зоя. Зачем вы трогаете моего мужа, оставьте нас в покое. Наше безмятежное счастье никому не мешает. Я не горжусь своим мужем, хотя и имела бы право. Я знаю, что не стою его и счастьем своим обязана не себе, не своим достоинствам, которых у меня мало, а только случаю. Я благодарю судьбу и блаженствую скромно.

Олешунин. Не понимаю, решительно не понимаю, за что вы себя унижаете и что такое особенное находите в своем муже.

Аполлинария. Ах, боже мой! Ну вот, подите говорите с человеком! Да что вы, или у вас глаз нет, или уж о себе очень много мечтаете!

Пьер. Не спорьте, Федор Петрович! Окоемов лучше вас.

Олешунин. Да в каком смысле, желаю я знать?. Пьер. Просто лучше, да и все тут. Не спорьте, не спорьте, нехорошо.

Олешунин. Ах, отстаньте, пожалуйста! Ну, положим, что лучше; только от этих красавцев женщины часто страдают.

Аполлинария. Так уж было бы от кого. От такого мужа и страдать есть счастье; а с немилым вся

жизнь есть непрерывное страдание. Зато когда видишь, как все женщины завидуют тебе, как зеленеют от злости — вот и торжествуешь, вот все страдания и все горе забыто.

Олешунин. Зависть, ревность, злоба, торжество! Все это так мелко, так ничтожно!

Аполлинария *(горячо)*. Да в этом вся жизнь женщины. Подите вы! Что ж ей, астрономией, что ли, заниматься!

Пьер. Браво, Аполлинария Антоновна,

Лупачев. браво!

Аполлинария. Да в самом деле, господа, что же это такое! Нет, это ужасно! Винят мою Зою за то, что она нашла себе красивого мужа.

Зоя. Тетя, довольно об этом.

Аполлинария. Погоди, Зоя. Да надо радоваться этому; по крайней мере все, кто ее любит, радуются; а я просто торжествую. Когда она была еще маленькой девочкой, я ей постоянно твердила: «Зоя, ты богата, смотри не погуби свою жизнь, как погубила твоя несчастная тетя». Ах, что это был за ребенок! Это был воск! из нее можно было сделать все, что угодно. И я сделала из нее идеал женщины, и образовала, н воспитала ее именно в тех понятиях, которые нужны Для женского счастия.

Олешунин. Любопытно, что это за понятия.

Аполлинария. Да уж, конечно, не ваша философия. Теперь на нее мода прошла. Теперь нужен простой, натуральный ум. Я надеюсь, господа, что я не глупа.

Лупачев. Кто же смеет в этом сомневаться.

Пьер. Кто смеет, Аполлинария Антоновна!

Аполлинария. Я ей говорила: «Не спеши выходить замуж, пусть тебя окружает толпа молодых людей; ты богата, женихи слетятся со всех сторон, жди, жди! Может, явится такси красивый мужчина, что заахают все дамы и девицы, вот тогда на зависть всем и бери его. Бери во что бы то ни стало, не жалей ничего, пожертвуй половиной состояния, и тогда ты узнаешь, в чем заключается истинное счастье женщины!» И моя Зоя торжествует. Да, я могу гордиться: я устроила ее судьбу. И если я сама не видала радостей в своей жизни, так живу ее счастием и ее радостями.

Лупачев. Да на что вы-то можете жаловаться? Сколько мне известно, вы никакого горя в жизни не испытали.

Аполлинария. Вы не знаете моего горя и не можете его знать, его надо чувствовать; а чувствовать его может только женщина.

Лупачев. Значит, это горе особое, женское?

Пьер. Женского рода?

Олешунин. Мужчина может всякое горе понять, если только оно человеческое.

Пьер. Погодите, не мешайте.

Аполлинария. Понять — пожалуй, но чувствовать вы не можете так, как женщина. Я вышла замуж очень рано, я не могла еще разбирать людей и своей воли не имела. Мои родители считали моего жениха очень хорошим человеком, оттого и отдали меня за него.

Лупачев. Да он и действительно был хороший человек.

Аполлинария. Я не спорю. Я могла уважать его, но все-таки была к нему равнодушна. Я была молода, еще мало видела людей и не умела еще различать мужчин по наружности, по внешним приемам; для меня почти все были равны, потому я и не протестовала. Но ведь это должно было прийти, и пришло; я вступила в совершенный возраст, и понятие о мужской красоте развилось во мне; но, господа, я уж была не свободна… выбора у меня уж не было. Должна я была страдать или нет? Нет, это драма, господа!

Лупачев. Да, действительно, положение затруднительное.

Аполлинария. Ведь все-таки глаза-то у меня

были ведь я жила не за монастырской стеной; я видела красивых мужчин и видела их очень довольно; господа, ведь я человек, я женщина, не могла же я не сокрушаться при мысли, что будь я свободна, так этот красавец мог быть моим, и этот, и этот.

Лупачев. Как «и этот, и этот»? да неужто…

Аполлинария. Ах, какие вы глупости говорите! Я хотела сказать «или этот, или этот…»

Лупачев. То-то, а уж я было подумал.

Аполлинария. С вами невозможно говорить.

Лупачев *(взглянув на часы)*. Да мне и некогда. Пора на железную дорогу, сейчас придет поезд.

Зоя. Вы уезжаете?

Лупачев. Нет, я встречаю.

Зоя. Кого-нибудь из наших общих знакомых?

Лупачев *(смеясь)*. Да нашего общего знакомого — мужа вашего.

Зоя. Ах, что вы, как же это?

Лупачев. Я сегодня получил телеграмму.

Зоя. Почему же он меня не известил?

Лупачев. Не знаю. Вероятно, хотел сделать вам сюрприз.

Зоя. Ах, так и я с вами. Поедемте, поедемте.

Лупачев. Не очень ажитируйтесь. Еще поспеем; это очень близко.

Зоя. Нет, поедемте! Прощайте, господа.

Аполлинария. Зоя, как я рада за тебя. А я к вам уж завтра утром.

Лупачев, Зоя и Аполлинария уходят.

Явление пятое

Пьер и Олешунин.

Пьер. Охота вам ухаживать за женщиной, которая влюблена в своего мужа, как кошка.

Олешунин. Влюблена? Вы думаете? Позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь.

Пьер. Да вы видели, как она бросилась встречать мужа!

Олешунин. Она слепая женщина, она не видит, что он ее разлюбил давно; он уж забыл об ее существовании и даже не известил ее о своем приезде. А эта ее радость не больше, как экзальтация, которая скоро пройдет.

Пьер. Однако вот не проходит; а она уж давно замужем.

Олешунин. Советы сумасшедшей тетки парализуют мое влияние. Но я ей скоро глаза открою; она увидит ясно, что за человек ее супруг благоверный.

Пьер. И тогда?

Олешунин. Тогда она будет ценить человека по

его внутренним достоинствам, а не по внешним.

Пьер. Ничего этого не будет, а если и будет, так вам нет никакой выгоды; потому что не одни же вы имеете эти внутренние достоинства, есть люди, которые имеют их больше вашего.

Олешунин. Но я первый научил ее правильно оценивать людей; я уж и теперь пользуюсь некоторым расположением ее, а тогда она, конечно, предпочтет меня всем.

Пьер. Ничего этого нет и ничего не будет.

Олешунин. Хотите пари?

Пьер. Нет, не хочу. Да мы с вами далеко зашли, вернемтесь назад. Вы говорите, что откроете ей глаза насчет мужа? — так знайте, что ни одному слову вашему она не поверит.

Олешунин. Посмотрим.

Пьер. И все передаст мужу. А он, я вам скажу, такой человек, такой человек, что…

Олешунин. Такой же он человек, как и все люди.

Пьер. Ну, нет… Он такой человек, такой человек…

Олешунин. Ну, что «человек, человек»?! Не съест же он меня.

Пьер. Ну, не поручусь. Боже мой, что он с вами сделает!

Олешунин. Пожалуйста!.. Не очень-то я его боюсь. Да оставьте этот разговор; вон подходит какой-то незнакомый человек.

Пьер. Это знакомый: Наум Федотыч Лотохин, богатый барин из Москвы. Хотите, я и вас с ним познакомлю?

Олешунин. Пожалуй.

Входит Лотохин.

Явление шестое

Пьер, Олешунин и Лотохин.

Пьер *(Лотохину)*. Вот позвольте вас познакомить еще с одним из наших: Федор Петрович Олешунин.

Лотохин *(подавая руку)*. А я Лотохин, Наум Федотыч. Очень приятно, очень приятно. А где же Никандр Семеныч?

Пьер. Он поехал на железную дорогу встречать приятеля своего, Аполлона Евгеньича Окоемова.

Лотохин. Окоемов-с? Вы адрес его знаете?

Пьер. На Дворянской улице, в собственном доме… То есть в доме жены, но это все равно. Извозчики знают… Вы с ним знакомы?

Лотохин. Нет, незнаком, но он мне родственник. Племянница моя, впрочем очень дальняя, замужем за ним.

Пьер. Она сейчас была здесь.

Лотохин. Очень жаль, что мы не встретились; впрочем, я бы ее не узнал, мы лет десять не видались. Надо будет заехать, поглядеть на их житье-бытье! Что за кроткое созданье была эта сиротка. Она воспитывалась у тетки. Что они, согласно живут?

Пьер. А вот спросите у Федора Петровича, он У них каждый день бывает.

Олешунин. Согласно-то согласно, да не знаю, Долго ли это согласие будет продолжаться.

Лотохин. Почему же вы так думаете?

Олешунин. Она женщина прекрасная, про нее ничего сказать нельзя; ну, а он… *(Пожимает плечами.)* Не пара ей.

Лотохин. Да не мотает он, не сорит деньгами?

Пьер. Ничего подобного.

Олешунин. Ну, все-таки он проживает довольно но, кажется, не выше средств.

Лотохин. И слава богу! С меня и довольно а остальное как хотят; это уж их дело. Я только с экономической стороны.

Олешунин. Любопытно бы было присутствовать при их встрече. Каким холодом он ответит на ее восторги!

Входит Жорж.

Явление седьмое

Пьер, Олешунин, Лотохин и Жорж.

Пьер. Откуда ты?

Жорж. С железной дороги. Видел трогательную встречу супругов Окоемовых: объятия, поцелуи, слезы.

Олешунин. Разумеется, со стороны жены.

Жорж. Нет, и со стороны мужа тоже, да еще в придачу он навез ей кучу разных дорогих подарков.

Олешунин. Не понимаю.

Лотохин. Что ж тут непонятного? Так и должно быть.

Жорж *(Лотохину)*. Никандр Семеныч просит вас, если вы свободны, провести сегодня вечер у него. Он извиняется, что не успел сам вас пригласить; он торопился на железную дорогу.

Лотохин. Это все равно. Хорошо, я приеду.

Жорж. Поедем, Пьер! *(Лотохину.)* До свидания!

Пьер. Поедем, Жорж! *(Лотохину.)* До свидания!

Пьер и Жорж уходят. Олешунин молча кланяется и уходит в другую сторону.

Явление восьмое

Лотохин, потом Акимыч.

Лотохин. Что за чудеса! Зоя с мужем живет в трогательном согласии, мотовства нет; а имение продают за бесценок? Что их заставляет? Никак не догадаешься. Ну, утро вечера мудренее: завтра заеду к ним и разберу все дела.

Входит Акимыч.

Что ты, Акимыч?

Акимыч *(сняв шапку)*. Письмо к вам, барин-батюшка. Думал, что, пожалуй, мол, нужное; так и побрел вас разыскивать. Извольте! *(Подает письмо.)*

Лотохин. От кого бы это? Рука женская. Должно быть, от Сусанны Сергевны?

Акимыч. Надо быть, что от них-с. Коронку-то у них на письмах я заприметил, так сходственная.

Лотохин *(распечатывает письмо)*. Надень шапку-то!

Акимыч. Ну, вот… что уж… не зима… *(Отходит к стороне.)*

Лотохин *(пробежав глазами несколько строк)*. Что такое, что такое? Глазам не верю. *(Читает.)* «Милый дядя! Как я рада, что ты в настоящее время в Бряхимове. Судьба, видимо, мне бла-

гоприятствует. Мне нужно как можно скорее продать мое бряхимовское имение; тем на месте ты скорей найдешь покупщика. Пожалуйста, не очень торгуйся. Ты такой скупой, что ужас». Батюшки! Что ж это такое! *(Читает.)* «Мне денег, дядя, денег нужно; от них зависит не только мое счастие, но и жизнь. Доверенность и все документы я пришлю завтра, а вернее, что сама приеду. Вашему хваленому жениху, умному, практичному человеку, как вы его величали, я отказала. Нет, дядя, не того жаждет душа моя. Я не хотела много распространяться в письме, но не могу, нет сил скрыть моей радости. Милый дядя, я нашла свой идеал; ах, милый дядя, я встретила… да, я встретила человека… Он молод, умен, образован, а как хорош собой, ах, как хорош!» Ну, эта песенка знакома мне. *(Читает.)* «Но, милый дядя, пожалей меня, несчастную, есть препятствия! Чтобы побороть их, нужны деньги, нужно много денег!» Нет, я не выдержу, закричу караул. *(Читает.)* «Для того-то я и продаю имение, я ничего не пожалею!» Акимыч, караул! Грабят!

Акимыч. Чего изволите, барин-батюшка?

Лотохин. Грабят, говорю тебе, грабят!

Акимыч. Что же это! Да, господи, помилуй!

Лотохин. Пойдем домой! Грабят, грабят, ка-

раул!

Действие второе

Зала в доме Окоемовых, в глубине входная дверь; направо *(от актеров)* дверь в гостиную, налево — в кабинет Окоемова; мебели и вся обстановка приличные.

Явление первое

Окоемов и Аполлинария (выходят из двери налево), потом Паша.

Окоемов. Так вы без меня поживали довольно весело?

Аполлинария. Ну, какое веселье! Не знали куда деться от скуки.

Окоемов. И за вами никто не ухаживал; может ли это быть?

Аполлинария. За кем «за вами»?

Окоемов. За женой моей и за вами.

Аполлинария. Да кто же смеет!

Окоемов. О, если за тем только дело стало, так смелые люди найдутся.

Аполлинария. Как это у вас язык-то поворачивается такие глупости говорить.

Окоемов. Не понимаю, чего это здесь молодые

люди смотрят! Две женщины свободные, живут одни, а молодежь зевает. Нет, я бы не утерпел.

Аполлинария. Да перестаньте! как вам не стыдно! про меня, пожалуй, говорите что хотите; а про жену не смейте! Она вас уж так любит, что и представить себе невозможно.

Окоемов. Как это ей не надоест.

Аполлинария. Что «не надоест»?

Окоемов. Да любить-то меня.

Аполлинария. Ах, что вы говорите! Это невыносимо, невыносимо.

Окоемов. Ну, люби год, два, а ведь она за мной замужем-то лет шесть, коли не больше.

Аполлинария. Ведь это мужчины только непостоянны; а женская любовь и верность — до гроба.

Окоемов. Ах, не пугайте, пожалуйста! Что ж вы мне этого прежде не сказали, я бы и не женился.

Аполлинария. Да, понимаю… Вы шутить изволите, милостивый государь. Вам весело, что вы завоевали два такие преданные сердца, как мое и Зои, вот вы и потешаетесь. А я-то разглагольствую.

Окоемов. Нет, что за шутка! Я серьезно.

Аполлинария. Ну да, как же, серьезно! Вы, я думаю, во всю свою жизнь ни разу серьезно-то с

женщинами не разговаривали. Да, впрочем, вам и не нужно, вас и так обожают.

Окоемов. Так вы, бедные, скучали? Это жаль. Неужели даже Федя Олешунин не посещал вас?

Аполлинария. Вот нашли человека.

Окоемов. Вы уж очень разборчивы; чем же Федя Олешунин не кавалер! Один недостаток: сам себя хвалит. Да это не порок. Человек милый; я его очень люблю.

Аполлинария. Ну, уж позвольте не поверить. Это такой скучный, такой неприятный господин! А что он про вас говорит, кабы вы знали.

Окоемов. Да знаю, все равно; я его за это-то и люблю.

Аполлинария. Он ужас что говорит; он говорит, что женщины не должны обращать внимания на внешность мужчины, не должны обращать внимания на красоту! Да что ж, ослепнуть нам, что ли? Нужно искать внутренних достоинств: ума, сердца, благородства..

Окоемов. Да, да, да.

Аполлинария. Да скоро ль их найдешь… Мужчины так хитры… Да и вздор все это.

Окоемов. Он правду говорит, правду. Это лучший друг мой. И я прошу вас быть с ним как можно любезнее. И Зое скажите, чтоб она была

ласковее с Олешуниным; этим она доставит мне большое удовольствие.

Аполлинария. Вот уж не ожидала.

Окоемов. Нет, я вас серьезно прошу.

Аполлинария. А коли просите, так надо исполнять; я не знаю, у кого достанет сил отказать вам в чем-нибудь. Для нас ваше слово закон. Зоя так вас любит, что она за счастие сочтет сделать вам угодное. Да и я... Ох... еще это неизвестно, кто из нас больше любит вас, она или я.

Окоемов. А что ж вы молчали до сих пор, что меня любите!

Аполлинария *(конфузясь)*. Да, может быть, вы не так понимаете...

Окоемов. Да что уж толковать! Ну, берегитесь теперь!

Аполлинария. Ах, что вы, что вы!

Окоемов. Да уж поздно ахать-то. *(Обнимает одной рукой Аполлинарию.)* Ну, подите же к Зое, а то она приревнует; да поговорите ей насчет Олешунина.

Паша *(вводит)*. Федор Петрович Олешунин.

Окоемов. Проси ко мне в кабинет. *(Уходит в кабинет.)*

Паша уходит в переднюю.

Аполлинария. Ах, что это за мужчина! Он ка-

кой-то неотразимый. На него и обижаться нельзя, ему все можно простить!

Входит Зоя.

Явление второе

Аполлинария и Зоя.

Зоя. Ах, тетя, я не могу опомниться от радости. Как он меня любит, как он меня любит!

Аполлинария. Счастливая ты, Зоя, счастливая!

Зоя. Прежде он иногда бывал задумчив, как будто скучал; хоть не часто, а бывало с ним. А ведь это, тетя, ужасно видеть, когда муж скучает; как-то страшно делается…

Аполлинария. Ну, еще бы.

Зоя. Какой веселый приехал, сколько мне подарков привез; ко мне постоянно с лаской да с шутками. Я его давно таким милым не видала.

Аполлинария. Он и со мной все шутил. Он просил, чтоб мы были как можно любезнее с Олешуниным.

Зоя. Неужели? Зачем это?

Аполлинария. Он говорил, что считает его лучшим своим другом, и очень хвалил его.

Зоя. Я догадываюсь: он, вероятно, хочет пошутить над ним, подурачить его. Он и прежде любил посмеяться над ним. Что ж, тетя, сделаем

ему угодное; это для нас ничего не стоит.

Входят из кабинета Окоемов и Олешунин.

Явление третье

Зоя, Аполлинария, Окоемов и Олешунин.

Окоемов. Очень, очень благодарен вам, добрейший Федор Петрович! Из моих друзей только вы ведете себя, как истинно порядочный человек. Как я из дому, так все и бросили мою жену; хоть умирай со скуки.

Олешунин. Я всегда был так привязан к Зое Васильевне и к ее семейству; зачем же меняться мне?

Окоемов. Да я, признаться, и не жалею, что здешняя молодежь без меня не обивала мои пороги. Все они так пусты, так ничтожны, что от их разговоров, кроме головной боли, никаких следов не остается.

Зоя. Да, уж лучше одним проскучать, чем слушать глупые анекдоты Пьера или Жоржа.

Аполлинария. И другие не лучше их.

Окоемов. Да уж и вы-то хороши! что у вас за интересы, что за разговоры, как вас послушать. Вы таких людей, как Федор Петрович, должны на руках носить. Он один затрогивает серьезные вопросы, один возмущается вашей мелочностью

и пустотой. Проще сказать, он один между нами серьезный человек. Я не говорю, чтобы в нашем городе уж совсем не было людей умнее и дельнее Федора Петровича; вероятно, есть немало.

Олешунин. Конечно, но…

Окоемов. Но они с нами не водятся; а ему спасибо за то, что он нашим пустым обществом не гнушается,

Аполлинария. Да мы ему и так очень благодарны.

Окоемов. Нет, мало цените. Ведь мало вас ценят, Федор Петрович?

Олешунин. Но я надеюсь, что со временем…

Окоемов. Непременно, Федор Петрович, непременно. *(Аполлинарии.)* Ведь умных и дельных людей ни за что не заманить в нашу компанию. Они очень хорошо знают, что учить вас и нас уму-разуму напрасный труд, что ровно ничего из этого не выйдет; а он жертвует собой и не жалеет для вас красноречия.

Зоя. Да я всегда с удовольствием слушаю Федора Петровича.

Окоемов. И прекрасно делаешь, Зоя. Я прошу тебя и вперед быть как можно внимательнее к Федору Петровичу. Его беседы тебе очень полезны. Не бойся, я к нему ревновать не стану, я знаю,

что он человек высокой нравственности.

Олешунин *(пожимая руку Окоемову)*. Благодарю вас! Вы меня поняли. Я не люблю хвалить себя, я хочу только, чтоб мне отдавали справедливость. Я скажу вам откровенно… я читал жизнеописания Плутарха… Для меня очень странно, за что эти люди считаются вескими. Я все эти черты в себе нахожу, только мне нет случая их выказать.

Окоемов. Может быть, и представится.

Олешунин. Положим, что я не считаю себя великим человеком.

Окоемов. Отчего же? Это вы напрасно.

Олешунин. Но что я не хуже других, это я знаю верно.

Окоемов. Конечно, конечно. Так вот вы и слушайте, что говорит Федор Петрович. Все это вам на пользу. Конечно, истины, которые он вам проповедует, так сказать, дешевые и всякому гимназисту известные; но вы-то их не знаете. Вот в чем его заслуга.

Зоя. Пойдемте ко мне, Федор Петрович, я вас чаем напою с вареньем.

Уходят Зоя, Аполлинария и Олешунин. Паша показывается из передней.

Паша. Никандр Семеныч.

Окоемов идет навстречу. Входит Лупачев.

Явление четвертое

Окоемов и Лупачев.

Лупачев *(подавая руку)*. Ты что-то, я замечаю, весел приехал. Это добрый знак. С чем поздравить?

Окоемов. Погоди, еще поздравлять рано.

Лупачев. Но все-таки что-нибудь да есть. Я по глазам твоим вижу. Ты не мечтатель, пустыми надеждами не увлечешься.

Окоемов. Ну конечно.

Лупачев. Ты всегда довольно верно рассчитываешь шансы.

Окоемов. Все слухи, все сведения, которые я получил от тебя, оправдались. Могу сказать, что я съездил недаром.

Лупачев. Я не спрашиваю, понравилась ли она тебе…

Окоемов. Нет, отчего же? Все, что говорили, правда; она и довольно молода, и хороша собой, характер прелестный, живой, веселый.

Лупачев. А существенное?

Окоемов. Достаточно, очень достаточно; самым широким требованиям удовлетворяет. Одним словом, с такими средствами доступно все.

Лупачев. Но ведь не богаче же Оболдуевой?

Окоемов. О да, конечно, куда же! У Оболдуевой, кроме богатейших имений, несколько миллионов денег. Это черт знает что такое — это с ума можно сойти!.. Десятки тысяч десятин чернозему, сотни тысяч десятин лесу, четыре винокуренных завода, полтораста кабаков в одном уезде. Вот это куш!

Лупачев. Не удалось тебе с ней познакомиться; а хлопотал ты очень.

Окоемов. Да и познакомился бы, если б она была свободна; а то у нее отец, человек с предрассудками. Меня даже и не пустили в их общество; отец не хотел, потому, видишь ли, что у меня репутация не хороша.

Лупачев. Да как же он смеет так говорить про тебя? Чем твоя репутация не хороша?

Окоемов. Идиот; что с него взять-то!

Лупачев. Умному человеку пользоваться своим умом позволяется, а красивому человеку пользоваться своей красотой предосудительно. Вот какие у них понятия. Оболдуева, кажется, на днях сюда приедет; сестра что-то говорила.

Окоемов. Сюда? *(Несколько времени находится в задумчивости.)* Э, да что тут думать! Она приедет с отцом, он ни на шаг ее от себя не отпускает, значит мне туда ходу нет. Это мечты, будем го-

ворить о деле.

Лупачев. Ты, разумеется, наводил справки?

Окоемов. Самые подробные, и документы видел. В моем положении рисковать нельзя: ведь такой шаг только раз в жизни можно сделать.

Лупачев. И что же?

Окоемов. Более полутораста тысяч доходу.

Лупачев. Брависсимо! Ты меня извини, что я вмешиваюсь в твои дела и вызываю тебя на откровенность! Ты знаешь, что и я тут заинтересован немножко.

Окоемов. Еще бы!

Лупачев. Значит, ее судьба решена. *(Кивает по направлению к гостиной.)*

Окоемов. Что ж делать-то! Нужда.

Лупачев. Да уломаешь ли?

Окоемов. Никакого нет сомнения. Они обе с теткой такой инструмент, на котором я разыграю какую хочешь мелодию. А жаль бедную.

Лупачев. Погоди жалеть-то! Коли она умна, так будет не бедней тебя.

Окоемов. Что толковать-то! Ты богат как черт.

Лупачев. Допустим и это. Ты меня не попрекай, что я богат; я не виноват, родители виноваты. Как они наживали, это не мне судить: я сын почтительный, мне только остается грешить на

их деньги.

Входят Зоя и Олешунин.

Явление пятое

Окоемов, Лупачев, Зоя и Олешунин.

Зоя. До свидания, Федор Петрович, не забывайте! Мы всегда рады вашему посещению.

Олешунин раскланивается и уходит.

Лупачев *(Зое)*. Сияете!

Зоя. Сияю, Никандр Семеныч.

Окоемов. Ну, вы побеседуйте, а я пойду приведу в порядок кой-какие счеты.

Лупачев. Прощай! Я уеду сейчас домой, вечером увидимся.

Окоемов уходит.

Зоя. Ах, Никандр Семеныч, как он меня любит! Ведь уж мы не первый год муж и жена, а точно неделю тому назад обвенчаны.

Лупачев. Да, он порядочный человек, он свои обязанности помнит.

Зоя. Какие обязанности? Любить жену разве обязанность? Я люблю его, потому что он мне нравится, я думаю, и он тоже.

Лупачев. Когда люди сходятся по любви, так они и живут в любви, пока не надоедят друг другу; а когда бедный человек берет за женой

большое приданое, так он рад ли, не рад ли, а обязан любить.

Зоя. И вы можете так дурно думать о моем муже и вашем друге.

Лупачев. Я ничего о нем не думаю; я говорю только, как это обыкновенно бывает у людей.

Зоя. Но разве не могут быть исключения?

Лупачев. Конечно, могут; и желаю, чтобы любовь вашего мужа была исключением.

Зоя. Какие у вас мрачные взгляды на жизнь!

Лупачев. Зато я никогда и не разочаровываюсь, я этого горя не знаю; а вам, с вашими розовыми взглядами, придется разочаровываться постоянно и много страдать.

Зоя. Не пугайте, пожалуйста!

Лупачев. Предостерегать не значит пугать. Пора вам, Зоя Васильевна, приходить в совершеннолетие. Браки между людьми неравного состояния по большей части торговые сделки. Богатый мужчина если женится на бедной, то говорят, что он берет ее за красоту; то есть, проще сказать, платит деньги за ее красоту.

Зоя. Как это нехорошо покупать женщин за деньги!

Лупачев. Точно так же нехорошо и женщинам покупать красивых мужей.

Зоя. Да этого никогда не бывает, вы клевещете на женщин.

Лупачев. Нет, бывает, и очень часто.

Зоя. И что же это за женщины, которые без любви выходят замуж за богатых людей? Это значит продавать себя. Это разврат. Я презираю таких женщин.

Лупачев. Погодите презирать, погодите! Во-первых, ни одна женщина не скажет вам, что она выходит замуж по расчету, а будет уверять, что любит своего жениха. И не верить ей не имеете никакого права, потому что в ее душе не были. Во-вторых, девушки часто жертвуют собой, чтоб спасти от нищенства свою семью, чтоб поддержать бедных престарелых родителей.

Зоя. Ах, да, конечно. Я поторопилась. Извините!

Лупачев. Погодите, погодите! Продавать себя богатому мужу, конечно, разврат; но и богатой женщине разбирать красоту мужскую и покупать себе за деньги мужа, самого красивого, — тоже разврат; но тут есть разница: между продающими себя часто попадаются экземпляры очень умные и с сильными характерами; тогда как те, которые бросаются на красоту, по большей части отличаются пустотою головы и сердца.

Зоя. Вы не знаете женщин, оттого так и говорите.

Лупачев. Нет, знаю лучше вас. Деньги — это дело прочное, существенное, а красота — блестящая игрушка, а на игрушки бросаются только дети.

Зоя. Зачем вы мне это говорите?

Лупачев. На всякий случай; может быть, и пригодится.

Зоя. Вы ужасны, вас слушать невозможно.

Лупачев. Как хотите, я с своими разговорами не навязываюсь.

Зоя. Но иногда и боль бывает приятна, и потому я вас слушаю.

Лупачев. Вот и ваш брак. Я не знаю, может быть, и в самом деле он был следствием обоюдной горячей любви — это вам знать; но в глазах посторонних он имел вид торговой сделки.

Зоя. Нет, уж это слишком! я вам говорю, что я люблю Аполлона, люблю и люблю безумно.

Лупачев. Безумно? Ну и прекрасно: так уж и не сетуйте, не жалуйтесь и принимайте с покорностью последствия, которые непременно следуют за всяким безумием.

Зоя. Это что еще?

Лупачев. А вот будемте продолжать разговор. Угодно?

Зоя. Хорошо… Истощайте мое терпение…

Лупачев. В браках, которые основаны на денежных расчетах, любовь пропорциональна деньгам: чем больше денег, тем больше и любви; убывают деньги, и любовь убывает; кончаются деньги, и любовь кончается, а часто и раньше, если в другом месте окажется для нее богатая практика.

Зоя. Послушайте, я на вас буду мужу жаловаться.

Лупачев. Жалуйтесь! А если ваш муж думает так же, как и я? тогда кому жаловаться?

Зоя. Во всяком случае, уж не вам.

Лупачев. Напрасно. Вы меня не обегайте, я гожусь на многое. До свидания. *(Подает руку.)* Быть хорошенькой женщиной — привилегия большая.

Зоя. Да, это по вашей денежной теории.

Лупачев. Что ж делать! Прежде была теория любви, теперь теория денег.

Зоя. Прощайте, извините! Разговор зашел так далеко, что я боюсь услышать от вас что-нибудь дерзкое.

Лупачев уходит.

Сколько раз меня расстроивал этот человек. После того разговора с ним щемит сердце, как перед

бедой, уж лучше разочароваться и страдать, чем совсем не верить в людей.

Входит Лотохин.

Явление шестое

Зоя и Лотохин.

Лотохин. Не узнали?

Молчание.

Ну, задумались; так, значит, не узнали. Родственник ваш, только дальний.

Зоя. Ах, Наум Федотыч! То-то мне сразу что-то очень знакомое показалось, да боялась ошибиться. Да ведь уж сколько лет мы не видались-то!

Лотохин. Да лет шесть, коли не больше.

Зоя. Забыли вы меня, совсем забыли.

Лотохин. Вы в Москве не бываете, мне сюда не дорога — вот и не видались; а забыть, как можно! Помним. Знаем, что вы живете под крылышком у тетеньки Аполлинарии Антоновны, изредка получаем от нее известия о вас… Кстати, как ее драгоценное здоровье?

Зоя. Она здорова.

Лотохин. И все так же молода душой?

Зоя. Все так же.

Лотохин. Ну, вот и прекрасно. Надо правду сказать, слухов об вас было мало; но это я счи-

таю хорошим знаком. По пословице: нет вестей — хорошие вести. Знаем, что вы вышли замуж, слышали, что живете согласно, порадовались за вас. Да и нам полегче на душе стало, одной заботой меньше: выпустили птенца из гнездышка, пусть порхает на своей воле.

Зоя. Ах, Наум Федотыч, как он меня любит!

Лотохин. Кто он-то?

Зоя. Муж.

Лотохин. Ну, слава богу, слава богу! Что ж тут удивительного, что он вас любит! это его прямая обязанность.

Зоя. Нет, вы представьте… ах, милый Наум Федотыч, вы только представьте себе, как он меня любит, как балует…

Лотохин. Да-с, уж это обыкновенно так бывает; я очень рад-с. Вы мне сказали, ну, я так знать и буду, и распространяться об этом нечего.

Зоя. Нет, я не могу… Ах, кабы вы знали!.. Ведь мне все завидуют.

Лотохин. Завидуют? Чему же-с?

Зоя. Да ведь он у меня красавец.

Лотохин. Красавец! Да-с… это дело другого рода… Виноват-с. Это обстоятельство значительно усложняет дело, и вы уж мне позвольте предложить вам несколько вопросов.

Зоя. Сделайте одолжение! Я очень рада отвечать на все ваши вопросы; я так довольна, так счастлива!

Лотохин. Позвольте-с! Красавец! Значит, тут любовь-с безотчетная и безрасчетная.

Зоя. Да, да, страстная любовь и взаимность; одним словом, полное счастие…

Лотохин. Из всего этого позвольте мне заключить, что у него собственного состояния не было.

Зоя. Ах, да какое же мне до этого дело! Никогда я не спрашивала, есть у него состояние или нет. Того, что у нас есть, с нас довольно, и мы живем очень хорошо; а мое ли, его ли состояние, это решительно все равно. Мы муж и жена, зачем нам делить? У нас все общее.

Лотохин. Неоспоримая истина. Против этого и говорить ничего нельзя.

Зоя. Я думаю.

Лотохин. Но если у него не было состояния, так долгов не было ли? Вы не удивляйтесь, что я вас о долгах спрашиваю! У мужчин-красавцев постоянно бывают долги — это их всегдашняя принадлежность.

Зоя. Ничего этого я не знаю. Я знаю только одно, что мы любим друг друга, с меня этого довольно.

Лотохин. Конечно, довольно: чего ж еще-с!

Зоя. Как с вами легко и приятно говорить, вы во всем со мной соглашаетесь; а другие так осуждают меня за мою нерасчетливость, за мою доверчивость.

Лотохин. Как можно осуждать! Сохрани бог. Но у вас, когда вы были девицей, был большой капитал.

Зоя. Да, я знаю.

Лотохин. Где же он, как вы им распорядились?

Зоя. Он там… у него… Ведь должна же я была принести мужу приданое. Вы только подумайте, Наум Федотыч; он явился, ослепил здесь всех; все девушки и женщины стали бредить им. Ведь решительно все, даже и те, которые не имели никакого права на него, то есть разные бесприданницы. Он был нарасхват, за ним ухаживали до бесстыдства… Я его полюбила с первого взгляда; но где же мне! Это все устроила тетя; я ей обязана. Разумеется, тут помогло больше всего счастье; что я перед ним! Он мог бы взять гораздо больше приданого.

Лотохин. Но у вас еще есть отличное имение.

Зоя. Оно мне досталось после свадьбы от дяди.

Лотохин. Значит, вы живете на проценты с капитала и на доходы с имения?

Зоя. Да, конечно.

Лотохин. И вам достаточно?

Зоя. Совершенно достаточно.

Лотохин. Зачем же вы продаете имение?

Зоя. Какое имение?

Лотохин. Ваше наследственное, золотое дно.

Зоя. Это не мое дело; если он продает, значит, нужно.

Лотохин. И, должно быть, очень нужно, потому что имение продается за бесценок.

Зоя. Как за бесценок? Что это значит?

Лотохин. А вот я вам сейчас объясню. Что стоит это ваше колечко?

Зоя. Сто рублей.

Лотохин. Продайте мне его за пятьдесят.

Зоя. Зачем же его продавать за пятьдесят, когда оно стоит сто? да притом же оно мне дорого: это подарок мужа.

Лотохин. Вот и имение стоит сто тысяч, а продается за пятьдесят; да кроме того, оно должно быть вам дорого, потому что это имение дедов ваших, там они родились и умерли.

Зоя. Право, Наум Федотыч, я ничего не знаю. Вы договорите с мужем.

Лотохин. Да-с, я затем и приехал, чтобы оно не доставалось чужим; все-таки в нашем роду будет.

Зоя. Я сейчас позову мужа. *(Подходит к дверям кабинета.)* Аполлон, Аполлон!

Входит Окоемов.

Явление седьмое

Зоя, Лотохин и Окоемов.

Зоя *(Лотохину)*. Вот мой муж, Аполлон Евгеньич Окоемов! *(Мужу.)* Это, Аполлон, наш родственник, Наум Федотыч Лотохин; он нарочно приехал сюда, чтобы купить наше имение.

Окоемов. Ах, очень рад! очень приятно познакомиться.

Лотохин. Я давно знаю ваше имение и мог бы купить его за глаза, но я все-таки съездил его посмотреть; я вчера только оттуда. Порасстроили вы его немножко, леску убыло.

Окоемов. Разворовали, Наум Федотыч. Присмотру нет, я очень плохой хозяин; потому я его и продаю.

Лотохин. Уж это ваше дело. Чем вам с комиссионерами возиться, я у вас его куплю без всякого посредничества. Цена недорогая, как я слышал, мы кончим в два слова. Документы у вас готовы?

Окоемов. Все готово, и справки все уж собраны, остается только купчую совершить.

Лотохин. Так уж вы не хлопочите, вам не сдела-

ют так скоро, как мне; я слово знаю. Я сейчас же отсюда заеду к старшему нотариусу. Пожалуйте документы.

Окоемов. Благодарен вам, очень благодарен. Сию минуту доставлю, они у меня на столе. *(Уходит в кабинет.)*

Зоя. Вы долго здесь пробудете?

Лотохин. Да вот только устрою делишки.

Зоя. Надеюсь, вы не в последний раз у нас.

Лотохин. Конечно, куда же мне здесь деться? Я никого не знаю. Да и вы, вероятно, не откажетесь посетить меня?

Зоя. Завтра же заедем с мужем.

Входит Окоемов и подает пакет Лотохину.

Окоемов. Тут все, что нужно. Позвольте, я только возьму доверенность.

Лотохин. Да на что она вам? Мне она нужнее, я велю с нее снять копию. Я так облуплю яичко, что вам останется только в рот положить. В деньгах задержки не будет; мне купчую в руки, а вам деньги, все до одной копеечки.

Окоемов. А как вы думаете, скоро эта процедура может кончиться?

Лотохин. Дня в три, в четыре, не больше.

Зоя. Приезжайте обедать к нам. Когда вам угодно.

Явление восьмое

Окоемов и Зоя.

Зоя *(с лаской)*. Как я рада, что хоть это дело так хорошо устроилось. Ты так хлопочешь, так беспокоишься, мой милый! Ездил по делам в Москву, прожил там больше месяца, без меня. Я уж не говорю про себя, я для тебя все перенести готова; но как тебе-то, я думаю, было скучно без меня.

Окоемов. Да, милая Зоя, имение мы продадим, с этой стороны я покоен; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.

Зоя. Какие же заботы, мой друг?

Окоемов. Зоя, я заранее прошу твоего извинения; я скажу тебе много неприятного для тебя и неожиданного; я во многом должен буду признаться перед тобой.

Зоя. Ах, мой друг, только будь откровенен, я заранее тебя во всем извиняю.

Окоемов. Зоя, я много должен.

Зоя. Только-то? Это еще беда небольшая. Заплатим; ну, в крайнем случае продадим все, будем жить бедно, будем работать. Я для тебя на все готова. Я умею вязать, умею вышивать, вот посмотри. *(Показывает работу.)*

Окоемов. Все это вздор! Перестань ребячиться.

Наступает время, когда ты должна взглянуть на жизнь серьезно. Я попал в такие тиски, что всего твоего состояния мало, чтобы выручить меня. Потом, я не могу жить в бедности, да и ты не можешь; это пустые мечты.

Зоя. Милый, что же делать? Ну, ведь есть же какое-нибудь средство, есть же?

Окоемов. Одно.

Зоя *(дрожа)*. Какое, какое?

Окоемов. Нам нужно разойтись.

Зоя. Как «разойтись»? Что это? Я не понимаю.

Окоемов. Развод, Зоя…

Зоя. Ты шутишь, ты шутишь надо мной? Ну, скажи, милый, ты шутишь?

Окоемов. Не до шуток мне, Зоя; дело серьезное.

Зоя *(бросаясь к мужу и обнимая его)*. Нет, нет, не отдам… умру, умру, а не отдам тебя. Не мучь меня! Я умираю, у меня захватывает дыхание. Милый мой, милый мой! Нет, нет, это невозможно.

Окоемов. Успокойся, Зоя, будь благоразумнее! Никто меня не отнимает у тебя.

Зоя. Так говори, говори! Что ж это? Я ничего не понимаю.

Окоемов. Мы с тобой не расстанемся, мы только разведемся формальным образом.

Зоя *(хватаясь за голову, садится)*. Как… зачем… что же будет?

Окоемов. Слушай, Зоя: я уж разорил тебя; весь твой капитал пошел на уплату моих долгов; часть денег, которые получим за имение, пойдет туда же. Что у нас останется? Разве могу я простить себе, что довел тебя До нищеты? Я должен загладить свою вину и во что бы то ни стало возвратить тебе состояние.

Зоя. Но как же это ты сделаешь?

Окоемов. Я пойду на все, даже на преступление.

Зоя. Это страшно! не говори так! Ах, прошу тебя, не говори!

Окоемов. Другие умом, оборотливостью, талантом зарабатывают себе состояние; а у меня этого нет. У меня только одно достоинство: красивая наружность, я нравлюсь женщинам; этим я и хочу воспользоваться.

Зоя. Ах, что ты говоришь! Аполлон! пожалей меня!

Окоемов. Не возражай, Зоя! То, что я говорю, дело решенное; другого выхода из моего положения нет. В Москве я случайно познакомился с одной дамой. Не ревнуй! Она старуха и безобразна до крайности. Мы часто встречались с ней у

моих знакомых; она думала, что я холостой, и на старости лет влюбилась в меня до безумия.

Зоя. Ты бы сказал ей, что ты женат.

Окоемов. Разумеется, сказал; не обманывать же ее; она, конечно, опечалилась; но…

Зоя. Что «но»? Договаривай!

Окоемов. Но обещала мне полмиллиона, если я разведусь с тобой.

Зоя плачет.

Не плачь, Зоя, полмиллиона все-таки деньги! Ты для меня всем пожертвовала, должен же и я сделать что-нибудь для тебя! Она проживет недолго, прямых наследников у ней нет, все достанется мне, и тогда мы с тобой опять вместе, мы будем счастливы, богаты и уж навек неразлучны. Не плачь же, я уж тебе говорил, что это дело решенное; такой случай может не повториться; надо быть совсем сумасшедшим, чтобы не воспользоваться им. Я близок к нищете, к позору, к отчаянию, быть может к самоубийству, потому что, вместе с собой, я погубил и тебя; я не буду знать ни дня, ни ночи покою, меня замучат угрызения совести. И в таком положении отказываться от денег, от богатства?

Зоя *(сквозь слезы)*. Ну, что ж… разведемся.

Окоемов. Я навсегда обеспечу тебя и себя.

Зоя. Я ничего от тебя не возьму.

Окоемов. Я по крайней мере возвращу тебе все, что отнял у тебя. Зоя, ты меня презираешь?

Зоя. Если б я презирала тебя, я бы не стала тебя слушать и ушла от тебя. Да, ты стоишь презрения; но я к несчастию, люблю тебя и жалею; я не хочу, чтоб ты жаловался, что я помешала твоему счастию… Разведемся.

Окоемов *(целует руку жены)*. Благодарю тебя, милая Зоя. Ты героиня! Я теперь только понял, на какие жертвы способна любящая женщина. Но, Зоя…

Зоя. Что еще?

Окоемов. Ты знаешь законы о разводе?

Зоя. Слыхала…

Окоемов. Надо делать так, чтоб я мог жениться…

Зоя *(с печальной улыбкой)*. Конечно. Иначе зачем же и разводиться. Что же тебе от меня нужно?

Окоемов. Нужно, Зоя, чтоб ты была виновата.

Зоя. Как виновата, в чем?

Окоемов. Чтоб я мог уличить тебя в неверности несомненно, со свидетелями.

Зоя. Ах! ах! нет, нет! Ты забылся, Аполлон! Ты с ума сошел! Ты говоришь с честной женщиной и

вспомни, кто я! Несчастный, ты забыл уважение ко мне… Чем я это заслужила! *(Плачет.)*

Окоемов. Да ты и останешься честной женщиной; ведь все будут знать, что это комедия, что это только предлог…

Зоя. Да нет, нет! невозможно! Ты не знаешь, что такое порядочная женщина. Вы все судите по себе… Вы, мужчины, все так развратны, для вас нравственного чувства не существует, вы не боитесь грязи… А порядочная женщина брезглива… Ты только представь себе: девушка, совершенно чистое существо… Она полюбила тебя, вышла за тебя замуж, чтобы любить тебя всю жизнь; любовь для нее святыня, торжество; она лелеет, бережет ее! Она знает, что с такой любовью к мужу она всю жизнь, куда бы ее ни забросила судьба, останется чиста, непогрешима, уважаема всеми… с этой любовью она неуязвима! Любовь к мужу поддерживает ее, спасает; любовь — это ее душа. И ты хочешь, чтоб я посрамила это чувство каким-то притворством, какой-то комедией! Да чем же мне жить после? что ж у меня в душе останется, для чего мне существовать, когда любовь моя к тебе будет поругана мной? Ведь у меня нет ничего; нет ума, нет знания жизни, теперь даже нет к средств, у меня только одна чистота,

непорочность; зачем же я ее грязнить стану?

Окоемов. Сколько раз я говорил тебе, Зоя: смотри легче на жизнь, смотри легче; с такими правилами нельзя жить! Жизнь должна быть весела, легка, приятна; а ведь так, как ты рассуждаешь, — это уж не жизнь, а вечная трагедия.

Зоя. Нет, нет! обвиняй меня в чем хочешь, только моей любви, моей души не тронь! Ну, скажи, что я зла, ревнива, что я сумасшедшая, что я могу убить тебя, что я глупа, идиотка…

Окоемов. Да за это не разведут! Зоя, чего ты боишься? Мы так устроим, что твоей неверности никто не поверит; мы приищем тебе самого смешного любовника; ну, хоть Федора Петровича… Ну разве возможно представить, чтоб ты серьезно полюбила его…

Зоя. Нет, невозможно, это возмущает меня.

Окоемов. Зоя, спаси меня! *(Падает на колени.)*

Зоя. Нет, не могу; это выше моих сил. Придумай что-нибудь другое.

Окоемов *(встает)*. А когда так, прощай! *(Берет Зою за руку.)* Прощай, моя милая! Взгляни на меня! Ты меня видишь в последний раз. Ты меня ничем не воротишь и нигде не найдешь. Услыхать-то обо мне ты услышишь; твое упрямство принесет плоды… Ты отнимаешь у меня больше

полумиллиона; ты отнимаешь у меня возможность расплатиться с долгами, возвратить то, что я похитил у тебя; ты отнимаешь у меня последнее средство примириться с совестью и сделаться порядочным, честным человеком: ты отнимаешь у меня надежду провести жизнь в довольстве, счастливо, без горя и волнений… И ты думаешь, что я могу равнодушно перенести это, не впасть в отчаяние… Ты услышишь обо мне! Для меня дорога одна: разврат, пьянство, мошенничество… Я буду воровать… да, воровать — и ты услышишь все это. Я сейчас же уезжаю и пропаду для тебя без следа. Прощайся со мной! Прощайся, Зоя, навсегда!

Зоя *(почти без чувств).* Я со-глас-на! *(Падает в обморок.)*

Действие третье
Сцена первая

Комната в гостинице, довольно прилично меблированная; две двери: одна с левой стороны, другая, в глубине, в переднюю; на стене зеркало.

Явление первое

Лотохин входит из средней двери, за ним Акимыч.

Лотохин. Скажи в конторе, чтобы фамилию Сусанны Сергевны не писали на доске, чтобы номера, которые она заняла, отметили за мной! Да не болтай ничего! Кто будет спрашивать, говори, что, мол, дальняя родственница барина, проездом в имение, в другую губернию, всего, мол, на один день. Завтра уезжают.

Акимыч. Слушаю, барин-батюшка. Только Сусанна Сергевна, надо полагать, надолго приехали.

Лотохин. Почему же ты так думаешь?

Акимыч. Чемоданов да сундуков больно с ними много. Давеча как принялась Дуняша разбирать, так, боже ты милостивый, целую комнату завеси-

ла, каких таких платьев нет! И с кружевами, и с цветами, и с живыми птицами райскими. Одних шляпок, никак, дюжина. Как есть целый магазин. Опять же этого белья сквозного, с дырочками да с решеточками, конца нет. Одна штука с широкими рукавами, другая совсем без рукавов, и не придумаешь, на чем она держится.

Лотохин. Ну, по платью никак не узнаешь, надолго ли они едут: что на день, что на месяц, у них все одно. Платья два-три, говорит, непременно нужно взять, Да на всякий случай еще пятнадцать, вот и наберется их много. Ну, ступай же в контору и распорядись, как я тебе приказывал.

Акимыч. Слушаю, барин-батюшка. В одну минуту. *(Уходит.)*

Из левой двери выходит Сусанна.

Явление второе

Лотохин и Сусанна.

Сусанна. Ну, милый дядюшка, теперь примемся за дело. Времени терять не надо. Вот документы. Извольте поглядеть, все ли тут, что нужно.

Лотохин *(берет документы)*. А вот мы положим их пока в карман, к прочим таковым же. На это завтра время будет; утро вечера мудренее. А теперь побеседуем.

Садятся.

Надолго вы сюда пожаловали?

Сусанна. Я не знаю.

Лотохин. А зачем? Вероятно, тоже не знаешь.

Сусанна. Нет, знаю, да не скажу.

Лотохин. А я и спрашивать не стану. Ну вот, что взяла?

Сусанна. Ну, нет уж, дядюшка, прошу извинить. Перемените тон, тут шутки не у места.

Лотохин. Значит, дело серьезное?

Сусанна. Очень серьезное. Я ведь женщина решительная.

Лотохин. Ну, слава богу. Всю жизнь пустяками да тряпками занималась, а теперь серьезничать стала. Рад, очень рад.

Сусанна. Да, очень серьезное, очень серьезное дело… и даже секретное… Конечно, и поговорить, и посоветоваться я бы не прочь, а всего лучше с тобой, но только с уговором.

Лотохин. Диктуйте ваши условия.

Сусанна. Чтоб никаких возражений, ни наставлений не было: я совершеннолетняя.

Лотохин. Да с чего ты выдумала, что я буду читать тебе наставления? Нужно очень! Да живите как знаете, только меня не троньте.

Сусанна. Да, любезный дядюшка, дело серьез-

ное, ах! очень для меня серьезное. *(Встает и подходит к зеркалу.)* А что, дядя, я могу нравиться?

Лотохин. Ах ты курочка моя! Ишь ты, выдумала! Да такая женщина может с ума свести. Ведь уж я старик, а и меня ты за живое задела. Такая ты милая, хорошая сегодня, что вот все посматриваю, с которой стороны поцеловать тебя, чтобы туалету не нарушить.

Сусанна. Ах, как это смешно! Ну что такое туалет! Чему он мешает! Родной дядя, да туалета боится. Что ж, не за версту ж тебе губы тянуть.

Лотохин *(целуя Сусанну)*. Будь я помоложе, так не побоялся бы. Большую тревогу в мужском сердце ты можешь произвесть.

Сусанна *(довольным тоном)*. Ах, дядя! какой вы милый!

Лотохин. Что уж! Очаровательница! хороша-то хороша, да умеешь и товар лицом показать; ну, мужчинам-то и смерть.

Сусанна *(совершенно довольная)*. Ах ты, дядя, какой! *(Грозит пальцем.)* А как ты хорошо меня понимаешь. И ведь это все ты вправду, без хитрости?

Лотохин. Да какая же мне корысть лгать-то?

Сусанна. Ну, благодарю. Да, вот с таким челове-

ком можно говорить обо всем; ну, а уж с другим ни за что бы…

Лотохин. Ну, и поболтаем; благо время свободное.

Сусанна. Дело-то вот какое: я влюблена, милый дядюшка.

Лотохин. Ничего нет удивительного; это очень натурально.

Сусанна. Я женщина свободная и со средствами, я хочу выйти замуж за того человека, которого люблю.

Лотохин. Превосходно.

Сусанна. Я увидала его в Москве, там познакомилась с ним и полюбила. Вот тебе начало истории.

Лотохин. Пока история очень обыкновенная. Теперь, значит, дело стало за тем, чтоб узнать, что это за человек и стоит ли его любить, а тем паче выходить замуж. Потому что пословица говорит: семь раз отмеряй, а один отрежь.

Сусанна. Что это значит? Как отмерять? Я не понимаю.

Лотохин. Это очень просто. Например: ты нанимаешь повара… Для тебя что нужно? Чтоб он не оставлял тебя без обеда, чтоб не отравил тебя.

Сусанна. Да, конечно.

Лотохин. Поэтому ты собираешь о нем справки, требуешь аттестата, чтоб узнать, где он жил, у каких господ, знает ли свое дело и как вел себя.

Сусанна. Это повара, а если мужа… так как же?

Лотохин. И мужа так же. Ты стараешься узнать, в каком он был обществе, его знакомство, интимный кружок.

Сусанна. Зачем же мне это?

Лотохин. Но если он был в обществе шулеров или червонных валетов, так ведь такой тебе не годится, чай? Как ты думаешь?

Сусанна. Ну, само собой, нечего и думать.

Лотохин. А если и из порядочного общества, так надо узнать, не должен ли.

Сусанна. Зачем? Нет, это не надо. Можно заплатить.

Лотохин. Да ведь каков долг? Другому кавалеру и вся-то цена грош, а долгу-то натощак не выговоришь. А если долгов нет, так нет ли каких обязательств.

Сусанна. Какие еще обязательства?

Лотохин. А вот какие: я, дворянин, там, или чиновник и кавалер такой-то, обязуюсь жениться на мещанке такой-то слободы, девице Милитрисе Кирбитьевне, в чем и даю сию расписку.

Сусанна. Да разве такие обязательства быва-

ют?

Лотохин. Бывают. Одна моя знакомая недавно вышла замуж, так у мужа-то таких обязательств оказалось четыре.

Сусанна. Четыре. Как много!

Лотохин. Достаточно и одного, и то скандалу-то не оберешься.

Сусанна. Что же с этими обязательствами делать.

Лотохин. Надо по ним деньги платить.

Сусанна. Сколько?

Лотохин. А сколько мещанская девица потребует, сколько ее совесть не зазрит.

Сусанна. А если ей не заплатить?

Лотохин. Тогда молодого-то мужа потребуют в суд. Это будет спектакль любопытный, особенно для жены. Она может во всей подробности ознакомиться с любовными похождениями своего мужа. Мещанские девицы имеют привычку и на суде в речах своих сохранять прежнюю короткость с своими изменниками. И заговорит она с чувством: «Сердечный ты друг мой, кабы я прежде-то знала, что ты такой мошенник, не стала бы я с тобой и вязаться».

Сусанна. Так и скажет?

Лотохин. Так и скажет. У мещанских девиц

такое правило: «Коли уж денег не возьму, так осрамлю по крайности». И надо правду сказать, что срамить они мастерицы и довели это искусство до высокой виртуозности.

Сусанна. Ха, ха, ха. Как это смешно! Но успокойся, любезный дядюшка! Со мной ничего этого не будет, мой жених не Дон-Жуан, он сам несчастная жертва. Когда он был очень молод, доверчив, его женили чуть не насильно на девушке безобразной, злой, развратной, и притом же много старше его. Вся жизнь его есть непрерывное страдание, пытка.

Лотохин. Так он женат?

Сусанна. Ну, так что же?

Лотохин. Ты сумасшедшая! Нет, Сусанна Сергевна, я за доктором пошлю.

Сусанна. Оставьте, пожалуйста! Нисколько я не сумасшедшая. Он терпел, терпел, наконец хочет развестись с женой. На это нужны деньги, а он беден, вот почему я и хочу заложить свое имение. Говорят, это очень дорого стоит.

Лотохин. А если он возьмет деньги-то, а с женой-то не разведется? После и ищи его с деньгами-то!

Сусанна. Ах, ах, что ты говоришь! Да я ему верю больше себя. Я готова ему все отдать.

Лотохин *(всплеснув руками)*. О! Боже мой! Что ты делаешь!

Сусанна. Да погоди охать-то, я еще не отдала ничего. Знаешь ли, дядя, у меня какой-то странный характер. Я иногда так расчувствуюсь, что готова все отдать, а как придется вынимать деньги, так мне и жалко. У нас в роду была одна такая бабушка, так я, должно быть, в нее.

Лотохин. Эта черта в тебе хорошая. А зачем же мужей-то с женами разводить? Чего только эти женщины не выдумают.

Сусанна. Ах, какой ты, дядя, смешной! Да непременно развод. Я больше имею прав на него, чем его жена.

Лотохин. Каких это? Что ты говоришь?

Сусанна. Да конечно. Я люблю его, а она — нет; я богаче… Коли у нее нет состояния, какое же она имеет право на такого мужа? Наконец, он страдает, я хочу его освободить; это доброе дело. Все это на суде должны принять во внимание.

Лотохин. Ну да, как же, непременно.

Сусанна. Мы обязаны делать добрые дела, жить только для себя — нехорошо; надо помогать и ближнему. Ведь это человек кроткий, нежный, с младенческой душой. Кабы ты послушал, как он рассказывает о своих страданиях! Я плакала,

плакала. Он хорош, умен, образован и в таком несчастном, жалком положении. Ах, как я плакала! Ну, наконец, я не утерпела и приехала.

Лотохин. Зачем?

Сусанна. Я соскучилась.

Лотохин. По ком?

Сусанна. Да не по тебе же, дядя; конечно, по нем.

Лотохин. Да разве он здесь?

Сусанна. Да я уж, кажется, говорила тебе… Он здешний помещик, Аполлон Евгеньич Окоемов.

Лотохин *(пораженный)*. Окоемов!

Сусанна. Разве ты его знаешь?

Лотохин. Да… немного я слыхал о нем.

Сусанна. Что же ты слышал? Скажи!

Лотохин. Я скажу тебе после; я соберу еще некоторые справки.

Сусанна. Кто-то пришел к тебе; я пойду в свой номер. Мне еще работы много, надо гардероб разобрать.

Лотохин. Пойдем, я тебя провожу.

Сусанна и Лотохин уходят в дверь налево. Из средней двери выходят Сосипатра, Пьер и Акимыч.

Явление третье

Сосипатра, Пьер и Акимыч.

Акимыч. Сейчас были здесь… Должно быть, вышли в соседней номер; тут у них родственница, проездом в имение, остановились до завтра. Извольте обождать минутку.

Сосипатра. Хорошо, мы подождем. Доложи поди.

Акимыч. Слушаю-с. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Пьер. Какой Олешунин смешной.

Сосипатра. Это не новость, мой друг! Найди что-нибудь поинтереснее.

Пьер. Я вам самую свежую новость хочу рассказать. Мы сегодня завтракали вместе с Олешуниным, он хвастался какой-то новой победой, говорил, что получил billet-doux.

Сосипатра. От горничной, вероятно.

Пьер. Так и сияет от радости.

Сосипатра. А вам с Жоржем завидно? Пусть его блаженствует, ему это в диковинку.

Пьер. Да правда ли, не сочиняет ли он?

Сосипатра. Коли есть что, так он не утаит, он по всему городу разблаговестит. Он, можно сказать, из одной чести бьется; ему не любовь нужна, а чтоб все знали, что его любят. Посмотри, как он

голову-то подымет.

Пьер. Да он и теперь уж поднял и на нас смотрит с глубоким презрением.

Входит Акимыч.

Акимыч. Сейчас будут. Извиняются. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Сосипатра. Поди, Пьер, подожди меня в общем зале.

Пьер. Здесь Жорж, он на биллиарде играет, мы обед заказали.

Сосипатра. И прекрасно. Я одна домой доеду.

Пьер кланяется и уходит. Из левой двери входит Лотохин.

Явление четвертое

Сосипатра, Лотохин, потом Акимыч.

Лотохин. Извините! Все с женщинами, служба моя тяжелая. *(Подает руку Сосипатре.)* Очень рад вас видеть; благодарю, что осчастливили. Бумаги ваши, отчеты и письма управляющих я разобрал. Надо их обоих сменить, вот и все. Я вам пришлю из Москвы, у меня есть на примете два человека. Дела ваши в отличном положении, только не обращайте внимания на пустяки, а смотрите на существенное. Впрочем, это уж обыкновенный, неизбежный недостаток женского хозяйства.

Мало вывелось кохинхинских цыплят, и вы ужасно разгневались; мечете громы и молнии, грозите всех погнать, а недочет более двухсот четвертей пшеницы вы проглядели и оставили без замечания, и тем поощрили управляющих к дальнейшему воровству. Впрочем, вы можете быть спокойны, ваши имения в хорошем положении. Поменьше гнева и поменьше доверия, и побольше…

Сосипатра. Рассудку, вы хотите сказать? Да мало ли что, где ж его взять. Я вам искренно благодарна и готова, с своей стороны, служить чем могу.

Лотохин. Благодарить меня не за что, а вот одолжить меня вы можете очень.

Сосипатра. С удовольствием одолжу вас всем, чем могу.

Лотохин. Скажите мне откровенно, что за человек Окоемов.

Сосипатра. Извольте. Я его знаю давно и могу вам сообщить об нем многое. Я его знавала хорошеньким мальчиком с ограниченным состоянием; он учился плохо, но в обществе его любили и баловали. Он не кончил нигде курса и рано попал в дурное общество. К сожалению, я должна сказать, что это дурное общество есть

общество моего брата. Вы видели это пошлое трактирное общество, для которого ни дома, ни семьи не существует. Я живу с братом для того, чтоб наш дом имел хоть сколько-нибудь приличный вид. Я уж давно хотела бросить брата, но рассудила, что я старая вдова, ко мне ничего не пристанет, а если я брошу дом, так они будут верхом по комнатам ездить. Вы видели некоторых из наших, вот хоть Пьера и Жоржа. Что это такое? Это недоучившиеся шалопаи, похожие один на другого как две капли воды. Они уж были развратны, прежде чем узнали жизнь, они уж наделали долгов, прежде чем выучились считать деньги. И теперь ждут только богатых дур, чтобы поправить свои обстоятельства и заполучить деньги для дальнейших кутежей. Но какова будет жизнь их бедных жен? Таков же и Окоемов. Он по душе недурной человек, но приобрел трактирные привычки и легкий, почти презрительный взгляд на женщину и ее душу. Ваша родственница, Зоя, влюбилась в него и вышла за него замуж, чему главным образом способствовала ее тетка, помешанная на мужской красоте. Я их предостерегала, но они вообразили, что я завидую счастию Зои.

Лотохин. Согласно ли они живут?

Сосипатра. До сих пор хорошо; хотя он с самого

начала к ней холоден, а она от него без ума. Вот вам пример: у меня есть знакомая девушка, безобразная собой, но очень богатая; он несколько раз выражал мне свое сожаление, что рано связал себя и лишился возможности жениться на этом уроде. Так что, будь только маленькая возможность, он, не задумываясь, бросил бы жену и стал бы ухаживать за этой девицей.

Лотохин. А если б представилась возможность развестись с женой?

Сосипатра. Он бы не задумался ни на минуту.

Лотохин. Он много проживает?

Сосипатра. Теперь нет. Здесь он не мотает; разве где в другом месте. Он часто уезжает.

Лотохин. Долги у него есть?

Сосипатра. Прежде — были; когда женился на Зое, так все заплатил; он тогда много заплатил. А теперь едва ли есть долги, потому что у него нет никакого кредита.

Лотохин. Зачем же он продает за бесценок имение, ведь он Зою-то по миру пустит. Им будет нечем жить.

Сосипатра. Я этого не слыхала. Ну, значит, опять душу продал. То-то он часто ездил в Москву; вероятно, хотел блеснуть, кутил там, играл…

Лотохин. Позвольте, позвольте! Как «душу про-

дал»? Разве у вас люди свои души продают?

Сосипатра. Продают… Это вот как делается: есть особые специалисты-ростовщики, у которых наша беспутная молодежь занимает деньги за огромные проценты в ожидании наследства или выгодной женитьбы. Эти специалисты зорко следят за молодыми людьми и когда видят, что чьи-нибудь фонды начинают падать, то уж не довольствуются простыми векселями, а заставляют их давать подложные документы, то есть делать фальшивые бланки или поручительства от своих родных.

Лотохин. Так вот что значит душу продавать!

Сосипатра. Тогда уж должник в их руках. Они, постоянно пугая их судом, обирают совершенно, а если уж нечего взять, то предъявляют такие документы родственникам. Те поневоле платят, чтоб избавить фамилию от бесчестия и не погубить молодого человека. С Окоемовым, когда он был холостой, уж подобная история была один раз. Скряга дядя заплатил за него тысяч пять; но поклялся, что уж в другой раз он племянника не пожалеет и обратится к прокурору. Вероятно, опять такая же штука. Деньги женины прожил, кредита нет; вот он, в ожидании наследства, и рискнул.

Лотохин. Как бы мне разузнать это дело и распутать? Помогите!

Сосипатра. Извольте, с удовольствием. Он, вероятно, должен тому же ростовщику, которому был должен прежде. Я его знаю. Эти господа сколько жадны, столько же и трусливы. Надо приехать к нему с кем-нибудь из лиц судейских или административных, так только, чтобы попугать его! «И тебя, мол, милый друг, привлекут к ответственности за подстрекательство». Тогда можно будет выкупить векселя довольно выгодно; то есть не придется заплатить вдвое или втрое. Сумма, вероятно, не очень большая, ему много не поверят. Вы это дело можете завтра обделать. Я вас сегодня же познакомлю с молодым прокурором; человек ловкий и обязательный.

Лотохин *(жмет ей руку)*. Благодарю вас, благодарю! У меня есть еще просьба до вас.

Сосипатра. Хоть десять. Рада служить; услуга за услугу.

Лотохин. Ко мне тут приехала племянница из Москвы, вдова богатая.

Сосипатра. Так ей нужно женское общество, что ли?

Лотохин. Нет-с. Вот видите ли, она женщина хорошая и добрая; только немножко…

Сосипатра. Сумасшедшая?

Лотохин. Этого нельзя сказать-с; а уж очень увлекается, доверчива…

Сосипатра. Знаю, знаю, видала много таких.

Лотохин. Так вот-с, Окоемов в Москве очень разжалобил ее, даже до слез-с.

Сосипатра. Чем же?

Лотохин. А тем, что он очень несчастлив; что жена у него и безобразна, и зла, и развратна…

Сосипатра *(с удивлением)*. Скажите пожалуйста!

Лотохин. Ну, моя птичка и расчувствовалась, и дает ему много денег для развода с женой.

Сосипатра. Что такое! Что вы говорите! Это ужасно!

Лотохин. Именье хочет закладывать.

Сосипатра. Богата она?

Лотохин. Очень богата.

Сосипатра. Вот беда! Как тут быть? Я положительно теряюсь. Уж коли она решилась, так не уговоришь.

Лотохин. И слушать не станет.

Сосипатра. А все-таки надо с ней познакомиться.

Лотохин. Я вас сейчас познакомлю.

Сосипатра. Постойте, погодите. *(Задумыва-*

ется.) Я кой-что придумала. Позовите вашего человека.

Лотохин *(растворяет дверь в переднюю).*

Акимыч, сидя на стуле, спит.

Акимыч!

Акимыч *(впросонье).* Ась?

Лотохин. Проснись, проснись!

Акимыч. Асинька, милый?

Лотохин. Проснись, барин зовет!

Акимыч *(встает).* Виноват, барин-батюшка. *(Входит в комнату.)* Что угодно?

Сосипатра. Посмотри в столовой или в биллиардной, здесь ли тот барин, который входил сюда со мной! Если здесь, так приведи его.

Акимыч. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Сосипатра. Что, она общительная, милая женщина?

Лотохин. Это такая душа… просто прелесть! Канарейка, а не женщина.

Сосипатра. Тем лучше.

Лотохин. Вот только…

Сосипатра. Ну, что ж делать! Совершенства нет на свете.

Входит Пьер.

Явление пятое

Лотохин, Сосипатра и Пьер.

Пьер *(раскланявшись с Лотохиным, Сосипатре)*. К вашим услугам. Что прикажете?

Сосипатра. Я давеча забыла тебе сказать… Сегодня вечером приедет Оболдуева.

Пьер. С отцом?

Сосипатра. Нет, одна; она теперь совершенно свободна, отец разбит параличом и уж давно без языка и движения.

Пьер. Вот это новость. Это известие произведет сенсацию.

Сосипатра. Только, пожалуйста, никому не говори, знай про себя.

Пьер. О! Будьте уверены.

Сосипатра. Ну, больше ничего. Прощай!

Пьер. Честь имею кланяться. *(Подает руку Лотохину и уходит.)*

Лотохин. Что это за новость вы ему сообщили и для чего?

Сосипатра. Это уж мое стратегическое соображение.

Лотохин. Зачем же вы просили его никому не сказывать?

Сосипатра. Затем, чтоб он сейчас же рассказал

всему городу. Ну, теперь пойдемте знакомиться с вашей племянницей.

Лотохин *(стучит в дверь налево)*. Сусанна, можно войти? Я с гостьей.

Сусанна *(за сценой)*: «Милости просим»

Сосипатра. Ну, начинается война, война с красавцами. Враг силен, но и мы постоим за себя.

Сцена вторая

Гостиная, с левой стороны *(от актеров)* окно, далее дверь в залу. С правой — дверь в спальню Зои. Ближе к зрителям — камин с экраном, большие щипцы для угля и прочие каминные принадлежности; недалеко от камина небольшой диванчик; мебель мягкая.

Явление первое

Из левой двери выходят Окоемов и Лупачев.

Лупачев. Да, это известие дает совсем другой оборот делу. Тут уж не сотни тысяч, а миллионы,

Окоемов. Попытаем.

Лупачев. Оболдуева и прежде была к тебе неравнодушна, да отец мешал; а теперь, вероятно, для тебя и приезжает.

Окоемов. А вот посмотрим. Не бойся, уж не пропустим, что само в руки плывет.

Лупачев. С моей стороны рассчитывай на всякое содействие.

Окоемов. Только бы Сосипатра Семеновна не помешала.

Лупачев. И ее как-нибудь уломаем.

Окоемов. Тогда успех верный.

Лупачев. А уж московскую барыню за штатом оставишь?

Окоемов. Она и подождет. Что ж делать. Я не виноват, коли богаче ее нашлась. Я бы рад радостью, да расчету нет. Коли тут не удастся, так и за нее примусь; она от меня не уйдет. *(Смотрит в окно.)*

Лупачев. Что ты смотришь?

Окоемов. Да не идет ли наш Дон-Жуан.

Лупачев. Послушай! Ты решился на окончательный разрыв с женой?

Окоемов. Ты знаешь мои дела. Если я и продам имение и как-нибудь расплачусь с долгом, чем же я буду жить потом? Не по миру же мне идти? Если б не это, разумеется, я бы не расстался с Зоей. Я не очень чувствительный человек и порядочно-таки испорчен, а мне ее очень жаль.

Лупачев. С такой сентиментальностью ты

ничего не добьешься путного. Чтоб успевать в жизни, надо быть решительным. Задумал, решил и отрезал без всяких колебаний. Только так и можно достичь чего-нибудь. Только так и наживаются миллионы. Ты должен совсем оттолкнуть от себя жену, показать ей презрение, унизить ее.

Окоемов. Да для чего же это?

Лупачев. Для того, чтобы она поняла, что она опозорена, без средств, что ты для нее потерян навсегда.

Окоемов. И чтоб утопилась?

Лупачев. О нет! До этого не дойдет. Как они мужей ни любят, а любовь к жизни в них сильнее.

Окоемов. Ну, так для того, чтоб она к тебе бросилась?

Лупачев. Ну, уж это как она знает. Если она не глупа, так будет счастлива, и тебе жалеть ее будет нечего.

Окоемов. Признайся! Ты ее любишь?

Лупачев. Это до тебя не касается.

Окоемов. Ты за нее сватался, и тебе отказали?

Лупачев. Положим, что и так; что ж из этого?

Окоемов. Да ведь я ее ограбил, и я же ее отталкиваю; ведь я не разбойник. Нужно же мне успокоиться хоть на том, что она не останется без поддержки, не будет в крайней нищете. *(Хва-*

тает себя за голову.) Впрочем, что ж я! Когда я разбогатею, я ей возвращу все, что отнял у нее.

Лупачев. Да, если позволят тебе безотчетно распоряжаться деньгами. А если будет строгий контроль?

Окоемов. Ах, ведь вот меня счастье, богатство ожидает, а все-таки мне невыносимо скверно… Так скверно, что… кажется…

Лупачев. Ну, философия началась. Пойдем в кабинет, там Пьер и Жорж; нас четверо, сядем играть в винт и развлечемся.

Окоемов. Погоди! *(У двери.)* Паша!

Входит Паша.

Явление второе

Окоемов, Лупачев и Паша.

Окоемов. Паша! Не принимать никого.

Паша. Слушаю-с…

Окоемов. Принять только Федора Петровича, если он придет.

Паша. Они придут-с. Они каждый день ходят.

Окоемов. Так ты ему скажи, что меня дома нет, а дома только барыня, что я уехал на охоту с Никандром Семенычем и не ворочусь до завтра. Так и людям скажи. А мы сядем играть в карты и запремся, чтоб нам не мешали.

Паша. Слушаю-с *(Уходит.)*

Окоемов *(взглянув в окно)*. А вот и Олешунин. Легок на помине. Кажется, я не ошибся. *(Прислушивается.)* Нет… Вот уж он в передней… разговаривает с Пашей. Идем!

Окоемов и Лупачев уходят в кабинет. Входят Олешунин и Паша.

Явление третье

Олешунин и Паша.

Олешунин. Доложите барыне.

Паша. Сейчас доложу-с. *(Уходит.)*

Олешунин. Наконец! *(Смотрит в зеркало и поправляется)* Впрочем, что же наружность? Это вздор. *(Рассматривает волосы.)* Конечно, при всей моей скромности я не могу себе отказать во многих достоинствах… ну, там… ум и прочее… но любопытно, что собственно во мне ей понравилось?

Входит Зоя.

Явление четвертое

Олешунин и Зоя.

Зоя *(потупляясь и шепотом)*. Вы получили мое письмо?

Олешунин *(целуя руку Зои, шутливо)*. А разве вы писали? *(Серьезно.)* Нет, я шучу. Получил.

Зоя *(потупясь)*. Мне совестно вам в глаза смотреть.

Олешунин. Нет, что же… я этого ожидал… Рано или поздно это должно было случиться.

Зоя. Но все-таки… как хотите… я замужняя женщина… я не должна была открывать своих чувств.

Олешунин *(с важностию)*. Отчего же? Конечно, ваше письмо в руках какого-нибудь фата… это другое дело… А я серьезный человек.

Зоя. Вы не удивились… садитесь, пожалуйста. *(Садится на кресло.)*

Олешунин. Помилуйте! Чему же удивляться? *(Очень свободно садится на диван.)* Я себе цену знаю, Зоя Васильевна. Ведь где же этим господам Пьерам и Жоржам понять меня! Оттого они и позволяют себе разные глупые шутки. Но я на них не претендую; они слишком мелки. Вот теперь посмотрели бы они на меня!

Зоя. Ах, что вы говорите! Вы подумайте! Ведь у меня муж… Наша любовь требует тайны.

Олешунин. Да, тайны, тайны. Помилуйте, разве я не понимаю… Только ведь обидно… Я в секрете, в самом глубоком секрете буду таить… Но за что

же такие шутки, когда... вот меня любят... Ведь вы меня любите?

Зоя. Какой вы холодный человек!

Олешунин. Кто холодный? Я? Нет, извините... я вас люблю... я даже очень, очень люблю...

Молча и сконфуженно смотрят друг на друга.

Зоя *(шепотом)*. Федя!

Олешунин *(растерявшись)*. А? Что? Федя... да... *(Стараясь быть развязным.)* Нет, вот что, Зоя... Если б теперь вдруг... луна и там... вдали пруд... *(С пафосом.)* Какое блаженство!

Зоя. Да зачем нам луна? Нет, ты лед, ты лед! *(Встает с кресла и бросается на шею Олешунину.)* Федя, я люблю тебя, люблю...

Олешунин. И я, Зоя, и я... Зоя, ручку!.. Нет, знаешь, Зоя, все-таки любовь... в волшебной обстановке. Это прелесть... Знаешь... когда вся природа ликует...

Зоя *(обнимая Олешунина)*. Федя, Федя!

Входят Окоемов, Лупачев, Пьер и Жорж.

Явление пятое

Олешунин, Зоя, Окоемов, Лупачев, Пьер и Жорж.

Зоя *(прижимаясь к Олешунину)*. Ах, Федя, спаси меня! Он меня убьет! *(Прячется на диване за Олешунина.)*

Олешунин *(растерявшись)*. Что это? Как? Но позвольте… *(Встает с дивана)*

Зоя тихо уходит в дверь направо.

Окоемов. Ну, что тут за разговоры! *(Обращаясь к Лупачеву, Пьеру и Жоржу.)* Вот, господа, вы видели. Кажется, этого для вас довольно, чтоб составить понятие о верности моей супруги.

Лупачев. Чего ж еще!

Пьер и Жорж утвердительно кланяются.

Окоемов. Господа, теперь вы, нисколько не греша против совести, можете показать даже под присягой, что поведение моей жены не безукоризненно.

Лупачев. Нет, этого мало. Я смело скажу, что оно преступно. *(Пьеру и Жоржу.)* Согласны, господа?

Пьер. Совершенно согласен.

Жорж. Без всяких сомнений.

Окоемов. Благодарю! Господа! Я пригласил вас… я хотел весело провести время с друзьями, но случай натолкнул нас на эту печальную сцену; я не думаю, чтобы дальнейшее присутствие в этом бесславном доме было для вас приятно. Я и сам бы бежал из дому, но я, к несчастию, одно из действующих лиц этой семейной драмы; я должен буду выслушивать разные объяснения, я обязан выпить чашу до дна. Господа! оставьте

меня наедине с моим позором.

Лупачев *(подавая руку Окоемову)*. Прощай, бедный друг мой! *(Уходит.)*

Пьер и Жорж подают руки, раскланиваются и уходят.

Явление шестое

Окоемов и Олешунин.

Олешунин. Милостивый государь! тут одно недоразумение; хотя жена ваша действительно предпочитает меня другим, но в этом ничего преступного нет.

Окоемов *(холодно)*. Я знаю.

Олешунин. И все-таки, если вам угодно, я готов дать вам удовлетворение.

Окоемов. Какое тут еще удовлетворение! Ничего этого не нужно. Напротив, я вам очень благодарен.

Олешунин. Но это дело не может кончиться иначе, как дуэлью.

Окоемов. Что за дуэль! Вот еще! Охота мне свой лоб под пулю подставлять.

Олешунин. А! так вы трус? Нет, я требую, непременно требую.

Окоемов. Никакой дуэли не будет, зачем? А вот со мной револьвер, не хотите ли, я лучше вас так

убью? Это мне ничего не стоит. И меня оправдают. Знаете, что адвокат будет говорить?

Олешунин. Оставьте шутки! Я их не люблю.

Окоемов. Нет, оно интересно. Адвокат скажет: горячий, благородный человек застает в доме обольстителя и в благородном негодовании, в горячке, в исступлении убивает его. Можно ли обвинить его? Он действовал в состоянии невменяемости! Ну, что ж вы молчите? Вам не угодно, чтоб я убил вас? Так уходите! Вызывать на дуэль могу я! Но я вас не вызываю, а благодарю.

Олешунин. Какая благодарность? За что?

Окоемов. Вот видите ли: нам нужно было разойтись, это уж наши расчеты, Я долго искал человека, который бы был так легкомыслен…

Олешунин *(грозя пальцем)*. Ссс! Без оскорблений!

Окоемов. Я не говорю ничего оскорбительного; я говорю только: «легкомыслен». Но как же назвать того человека, который поверит, что Зоя может прельститься им, имея такого мужа, как я. Вот нашлись вы, и я вам очень благодарен.

Олешунин. Ну, так нет-с! Не благодарности. Я крови хочу, крови нужно мне вашей, я завтра же пришлю к вам моих секундантов.

Окоемов. Милости просим! Я прогоню их, как

вас.

Олешунин. Я не позволю играть над собой. *(поступает на Окоемова, тот хладнокровно вынимает из кармана карманный пистолет. Олешунин отступает и идет к двери.)*

Окоемов *(ласково)*. Прощайте! *(Подойдя к двери.)* Эй! Кто там! Проводите господина Олешунина.

Входит Зоя.

Явление седьмое

Окоемов и Зоя.

Зоя. Ах, кабы ты мог чувствовать, Аполлон, какая это пытка. Ну, что, мой милый, хорошо я сыграла свою роль?

Окоемов *(сухо)*. Да, так хорошо, что можно усомниться, роль ты играла или действительно любишь Олешунина.

Зоя. Значит, хорошо?

Окоемов. Не мешало бы и хуже; никто тебя не заставлял быть очень натуральной.

Зоя. Ты ревнуешь, мой милый. Как я рада. Значит, ты меня любишь.

Окоемов. Погоди радоваться. Ты не забывай, что ты говоришь с мужем, который сейчас только видел тебя в объятиях чужого человека.

Зоя. Да, несчастный… Аполлон, Аполлон… что ты… Ведь ты сам меня заставил, ты меня упрашивал.

Окоемов. То-то вот, что ты уж очень скоро меня послушалась. Это-то и подозрительно.

Зоя. Ты и умолял, и грозил… Ты знаешь, с каким я отвращением…

Окоемов. С отвращением ли? Кто ж это знает? Женщине, которая так ловко умеет обниматься с посторонними мужчинами, как-то плохо верится.

Зоя. Зачем ты так говоришь? *(В изнеможении опускается на диван.)* Зачем, Аполлон, зачем, зачем?

Окоемов. А затем, чтобы ты поняла наконец, что ты вся в моих руках: что я захочу, то с тобой и сделаю. Пора перестать сентиментальничать-то.

Зоя. Я ничего не понимаю.

Окоемов. Что ты такое? Женщина без состояния, опозоренная, сегодня же весь город узнает о нашем позоре, и мне оттолкнуть тебя с презрением даже выгодно. И я это непременно сделаю, если ты вздумаешь мешать мне.

Зоя *(с трепетом)*. Аполлон, Аполлон! Я боюсь… Мне страшно… ты совсем не тот… ты другой человек.

Окоемов. Тот же или другой — это все равно; люди меняются с обстоятельствами. Нужда всему научит. Кто меня осудит, если я брошу и совсем забуду тебя? Ты будешь жаловаться, плакать, уверять, что я обманул тебя? Кто ж поверит тебе?

Зоя. Ты убиваешь меня! Перестань, перестань! Заговори со мной по-прежнему, с прежней лаской… Ведь мне страшно, мне кажется, что я теряю… хороню тебя! Ах, ах… Ну, улыбнись мне, мой милый! Пожалей меня, ведь я женщина… где же силы, где же силы, друг мой…

Окоемов. Оставь нежности! Не до них… Ты меня раз послушалась, и уж теперь ты в таком положении, что должна слепо повиноваться мне; иначе ты погибнешь.

Зоя. Да я тебя слушаюсь. Приказывай. *(Опускается с дивана на колени и складывает руки.)* Я раба твоя.

Окоемов. Ах! Пожалуйста, без глупостей… Сядь!

Зоя садится на диван в немом отчаянии.

Прежде всего помни, что мы теперь чужие… Зоя слабо вскрикивает. Примирение возможно… мы еще можем быть друзьями, но только с одним условием.

Зоя. Говори, говори! Я вперед на все согласна.

Окоемов. Я требую от тебя, чтоб ты бросила все эти нежности и сентиментальности и поступила благоразумно.

Зоя. Благоразумно? Женщине с чувством это трудно, но изволь, я буду принуждать себя.

Окоемов. Потом, надо бросить все эти предрассудки, там долги разные, приличия и обязанности, которыми вы себя опутываете, как цепями. Живи, Зоя, как живут люди деловые, практические; они не очень-то разборчивы на средства, когда добиваются чего-нибудь большого, существенного.

Зоя. Говори, милый, яснее! Я тебя слушаю со всем вниманием.

Окоемов. Тебе есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой. Глядя на тебя, я бы радовался… Моя совесть была бы спокойнее, потому что причина всего твоего горя — я!

Зоя слушает с напряженным вниманием.

А тут я видел бы тебя опять богатой, любимой. Отчего тебе не сойтись с Лупачевым, он так тебя любит? Полюби и ты его!

Зоя *(вскрикивает)*. Ах! *(Хватает щипцы от камина и бросается на мужа.)*

Окоемов. Что ты, что ты!

Зоя. Ах, извини! *(Щипцы падают из рук ее.)* Ты меня заставил притворяться… Притворяться я могу… но быть бесчестной, нет… как ты смел… как ты смел!..

Окоемов. Зоя, Зоя, успокойся, тише!

Зоя. Нет, я не могу, я не могу, ты тут… *(показывая на грудь)* разорвал все… Мне надо прийти в себя… надо одуматься… после… *(Идет к двери.)*

Окоемов. Зоя, Зоя, выслушай!

Зоя *(у двери)*. Нет, нет, я пойду… Прощай! Что я говорю… Нет, я подумаю…

Окоемов *(идет за ней)*. Зоя, ну, извини! Я грубо выразился!

Зоя. Прощай! То есть я пойду, подумаю… Не ходи за мной… *(Оборачивается, берет Окоемова одной рукой за лицо, пристально смотрит на него. Покачав головой.)* Красавец! *(Уходит в дверь направо.)*

Окоемов делает несколько шагов к двери.

Действие четвертое

Небольшая, но изящно убранная и меблированная гостиная; посередине закрытая богатой портьерой дверь в другую гостиную; направо *(от актеров)* дверь во внутренние комнаты.

Явление первое

Лупачев и Сосипатра выходят из средней двери.

Лупачев. Послушай, сестра! что за дама приехала к тебе вчера поздно вечером?

Сосипатра. Что тебе за интерес знать, кто эта дама? Мало ли их, проездом в деревню, останавливаются у меня.

Лупачев. Она долго пробудет у тебя?

Сосипатра. Да тебе-то что? Она сегодня же уезжает в имение. Я не захотела, чтоб она стояла в гостинице, и перевезла ее к себе.

Лупачев. Кто ж она такая? Не секрет, я думаю.

Сосипатра. Не секрет, да не хочет она, чтоб знали о ее приезде. Не хочет, чтоб ей надоедали визитами.

Лупачев. Да не Оболдуева?

Сосипатра. Ах, отстань, пожалуйста! Ну, хоть и

Оболдуева, тебе-то что за дело?

Лупачев. А в таком случае у меня к тебе будет просьба.

Сосипатра. Какая еще?

Лупачев. И ты должна будешь ее исполнить, потому что это первая и последняя; никогда я к тебе ни с какими просьбами не обращался и не обращусь.

Сосипатра. Да говори, что такое!

Лупачев. Если Оболдуева здесь или будет здесь, познакомь с ней Окоемова и доставь ему случай видеться с ней tete-a-tete!

Сосипатра. Зачем это она ему?

Лупачев. А кто ж его знает. Значит, надо. Чужая душа потемки.

Сосипатра. Уж именно потемки. Да у всех-то у вас души темненькие.

Лупачев. Ну, я к тебе не за моралью пришел. Так уж пожалуйста! Я тебя прошу. Ты и мне сделаешь большое, очень большое одолжение.

Сосипатра. Тебе-то что нужно? Тоже потемки?

Лупачев. Это зависит от взгляда: по-вашему — потемки, а по-нашему — ясный день. Так, пожалуйста, Сосипатра. *(Идет к двери.)*

Сосипатра. Хорошо! *(Идет за ним. Лупачев уходит. Сосипатра, открыв портьеру, видит*

Лотохина.) Пожалуйте сюда, Наум Федотыч!

Входит Лотохин.

Явление второе

Сосипатра и Лотохин.

Сосипатра. Салон у меня — там *(указывает в гостиную)*, а эта комната для друзей, для интимных и деловых бесед.

Лотохин. Какие дела-то, Сосипатра Семеновна!

Сосипатра. Ах, и не говорите! Я давно знаю этих господ, а такого поступка от них не ожидала. Ведь это злодейство! Я наплакалась на Зою. Мне было обидно вообще за женщину: нельзя же так ругаться над чистой привязанностью, над женским сердцем, над нашим добрым именем! *(Плачет.)* Я сразу догадалась, что главным двигателем тут мой братец любезный. Окоемов действует по его указаниям. Зоя всегда нравилась брату; он зубами скрипел, когда она вышла за Окоемова.

Лотохин. Нет, уж не защищайте и Окоемова.

Сосипатра. Ему оправдания нет. Если б его присудили в Сибирь, я бы не очень пожалела. Я говорю только, что Окоемов по натуре не зол, он еще не безнадежно испорчен, он только пустой человек: с хорошими людьми и он будет недурен, а с дурными будет негодяй. Бедная Зоя совсем без

приюта. Вчера на нее было страшно смотреть; а сегодня немного успокоилась.

Лотохин. Да, я знаю, она у меня была; для обеспечения ее материального положения нужны были некоторые формальности, нужна была ее подпись под бумагами. При такой нежной душе она имеет довольно сильный характер.

Сосипатра. Да, характер у нее есть.

Лотохин. Она у вас?

Сосипатра. У меня: сидит в спальне и не выходит. Хороша ее тетенька, Аполлинария Антоновна! Не могла дать угла племяннице; видите ли, у нее какие-то семейные обстоятельства.

Лотохин. Да жалеть-то много не о чем. Она сама не влюблена ли в кого на старости лет?

Сосипатра. Кажется; похоже на то.

Лотохин. А что моя Сусанна Сергевна?

Сосипатра. Я ее вчера перевезла к себе.

Лотохин. Не скучает она?

Сосипатра. Да ей некогда еще скучать-то: вчера целый вечер проболтали; а нынче встали поздно, да на туалет она употребляет часа три — вот и все время. Я успела уж с ней подружиться: такая милая! Она несколько раз заговаривала об Окоемове, но я уклонялась от разговора: я уверяла ее, что его нет в городе, что он в деревне или на

охоте и что его ждут сегодня вечером или завтра. Мне нужно только выиграть время.

Лотохин. На что же вы надеетесь?

Сосипатра. Я распустила слух, что с часу на час жду миллионщицу-невесту, Оболдуеву; до Окоемова уж дошло, и он засылал ко мне, чтоб я ему доставила случай познакомиться с ней и поговорить наедине. Он ее никогда не видал, а уж что-то задумывает. Теперь пусть Сусанна Сергевна с ним увидится; он, в ожидании миллионов, обдаст ее таким холодом, что она совсем разочаруется.

Лотохин. Тщетные надежды. Окоемов не дурак, он знает, что лучше синицу в руки, чем журавля в небе.

Сосипатра. У меня другого средства не было; утопающий хватается за соломинку. Может быть, и еще что-нибудь придумаем. А как ваши дела?

Лотохин. Векселя, при вашем содействии, я выручил довольно дешево. Они действительно были фальшивые. Теперь имение Зои спасено.

Сосипатра. Ну, слава богу!

Лотохин. Можно видеть Сусанну Сергевну?

Сосипатра. Я ее поместила здесь. *(Показывает дверь направо.)* Хотите, вызову?

Лотохин. Сделайте одолжение!

Сосипатра *(у двери)*. Сусанна Сергевна, Наум

Федотыч у нас.

Голос Сусанны: «Иду». Выходит Сусанна.

Явление третье

Сосипатра, Лотохин, Сусанна.

Лотохин *(целуя Сусанну)*. Здравствуй, моя ласточка! Как прыгаешь?

Сусанна. На удивленье! Здорова и весела.

Сосипатра. Вот и кстати, а у нас тут веселый разговор идет. Для веселого человека пищи много.

Сусанна. Что такое? Скажите, пожалуйста! Я очень люблю все веселое.

Сосипатра *(Лотохину)*. Сказать?

Лотохин. Скажите! Она свой человек.

Сосипатра. Вот видите ли! Я бы должна была молчать из чувства местного, так сказать, губернского патриотизма; потому что то, о чем мы разговаривали, нисколько не сделает нам чести, то есть главным образом нашей молодежи.

Сусанна. Молодежи? Ах, это очень интересно! Ну, душечка, Сосипатра Семеновна, скажите!

Сосипатра. Нечего делать, придется накладывать на себя руки и доставлять вам, столичной даме, материал для насмешек над нами, провинциалами.

Лотохин. Только, Сусанна, это секрет; ты нас

не выдавай.

Сусанна. Ну, вот еще! Ах, дядя! Кого я здесь знаю, кому мне выдавать вас! Да хоть бы и знала, так разве я такая?.. Вот уж я не сплетница-то… Я все держу в секрете и про себя, и про других. Мне только самой посмеяться, больше ничего.

Сосипатра. Так уговор дороже денег; потому что я буду называть по фамилиям.

Сусанна. Да кого же я здесь знаю?

Сосипатра. Может быть, кого-нибудь и знаете. Да я вам верю. Вот в чем дело: прошел слух, в чем я немножко виновата, что сюда приедет моя знакомая девица, невеста с миллионным приданым.

Сусанна. Кто такая?

Сосипатра. Купеческая дочь Оболдуева.

Сусанна. Хорошенькая?

Сосипатра. То-то что нет. Она немного горбата и у ней черное родимое пятно, покрытое мелкой шерстью.

Сусанна. На видном месте?

Сосипатра. Да, скрыть мудрено. Оно занимает половину лица: лоб, бровь, левый глаз и полщеки.

Сусанна. Ах! Вот несчастие! Какое горе!

Лотохин. При миллионах-то всякому горю можно помочь; тут и родимые пятна не помеха.

Сусанна. Как же она людям показывается?

Сосипатра. Дома, при знакомых и родных, она всегда в полумаске; а когда выезжает, так надевает густую вуаль.

Сусанна. Так вы говорите, что она приедет?

Сосипатра. Да, ее ждут; и по тому случаю вся наша молодежь с ума сошла.

Сусанна. О таком-то уроде?

Лотохин. Не об уроде, а об миллионах.

Сосипатра. Да, убиваются об этих миллионах не только холостые, а даже и женатые. Об чем они-то хлопочут, я уж не понимало. Разве хотят с женами развестись.

Сусанна. Кто, кто женатые? Это любопытно.

Сосипатра. Да уж я, право, не знаю, говорить ли.

Лотохин. Говорите, не выдадим.

Сосипатра. Да вот Аполлон Евгеньич Окоемов первый.

Сусанна. Ах, нет, не может быть! Я его знаю, я за него ручаюсь.

Лотохин. Погоди горячиться-то!

Сосипатра. Поручиться-то за него я не поручусь; а все-таки не думала, что он раньше других поинтересуется Оболдуевой.

Сусанна. А он что же?

Сосипатра. Уж два раза присылал осведомиться, не приехала ли она.

Сусанна. На что ему? Вот уж это непонятно. Дядя, ведь это совершенно непонятно?

Сосипатра. Просил доставить ему возможность поговорить с ней наедине.

Сусанна. Ах, Сосипатра Семеновна, позвольте, я вас поймала. Как же он мог присылать к вам, коли его в городе нет!

Сосипатра. Он сам говорил брату, что едет на охоту; должно быть, вернулся или остался, совсем не поехал.

Лотохин. Какой ему расчет на охоту в болото ехать! Бекасов да уток хоть целый ягдташ настреляй, все корысть-то не бог весть какая; а тут одну птичку подстрелил — и миллион. Любопытно бы послушать, как и об чем он станет с Оболдуевой разговаривать.

Сосипатра. Тут ничего нет любопытного. Все женатые, когда ухаживают, говорят одно и то же. Чтоб оправдать свой поступок и возбудить к себе сострадание, они обыкновенно жалуются на жен.

Сусанна задумывается.

Будь жена хоть ангел, все-таки на нее посыплются всевозможные обвинения.

Сусанна *(в задумчивости)*. А у Окоемова жена разве хорошая женщина?

Сосипатра. Я не говорю, кто из них лучше; я мужей с женами не сужу. Я говорю только, что у всех женатых одна песенка.

Сусанна. Уж будто непременно он будет бранить жену свою Оболдуевой? Может быть, он об чем-нибудь другом хочет поговорить с ней?

Сосипатра. Не о чем больше ему говорить. Хотите, я вам слово в слово передам его объяснение? «Я страдаю, моя душа разбита; мне нужно, чтоб меня любил кто-нибудь. Моя жена нехороша собой, глупа, зла и к тому же неверна мне. Если вы не можете помочь моему горю, так плачьте вместе со мной!» Варианты, конечно, могут быть разные, но тема все одна.

Сусанна *(горячо)*. Да почем вы знаете?

Сосипатра. Им говорить больше нечего. Поживите с мое, так вы и узнаете. Я готова с вами пари держать, что Окоемов будет именно эти самые слова говорить. Жаль только, что проверить этого нельзя: Оболдуева не приедет.

Сусанна. Ах, как я желала бы выиграть! Уверяю вас, что я выиграла бы непременно! На что будем держать пари?

Сосипатра. Да тут дело не в цене. Что бы ни вы-

играть, только выиграть. Тут задето самолюбие… Ну, хоть на конфеты.

Сусанна. Так извините, выиграю я. *(Задумывается.)* Мне приходит в голову соблазнительная мысль. Какого росту эта Оболдуева?

Сосипатра. Почти вашего.

Сусанна. Она умна, образованна?

Сосипатра. Ни то, ни другое. Из жалости, чтоб ее не мучить и не беспокоить, ее ничему не учили; у ней не было ни учителей, ни гувернанток; она едва знает грамоте. Время свое она проводит большею частью с няньками и самыми простыми горничными и переняла У них и тон, и манеры, и даже самые выражения.

Сусанна. И тон, и выражения эти я знаю. А как она одевается?

Сосипатра. Конечно, богато, только всегда накидывает что-нибудь на плечи, чтобы скрыть горб, а лицо закрывает вуалем или надевает маску.

Сусанна. Подите сюда на минуточку! *(Отводит Сосипатру и что-то шепчет ей.)*

Сосипатра. Превосходная мысль! Я совершенно одобряю.

Входит Иван.

Иван *(Сосипатре)*. Аполлон Евгеньич Окоемов

желают вас видеть.

Сусанна. Так я пойду. Дядя, до свидания!

Лотохин. Еще увидимся; я к вам на целый день.

Сусанна уходит направо.

Сосипатра *(Ивану)*. Проси сюда!

Иван уходит.

Дело идет на лад, Наум Федотыч.

Лотохин. Очень рад, Сосипатра Семеновна.

Входит Окоемов.

Явление четвертое

Сосипатра, Лотохин и Окоемов.

Окоемов *(целуя руку Сосипатры)*. Виноват, Сосипатра Семеновна; давно не был у вас, каюсь. То в Москве, то дела. Теперь опять под ваше крылышко. *(Обращаясь к Лотохину и подавая ему руку.)* А! это вы! Я заезжал к вам сегодня; мне нужны некоторые документы.

Лотохин. Все, что вам нужно, вы сегодня же получите. Я мешать вам не буду. Сосипатра Семеновна, я на минуточку отлучусь; есть делишки. Не прощаюсь. *(Уходит.)*

Сосипатра. Какой ветер занес вас ко мне?

Окоемов. Будто не знаете?

Сосипатра. Знаю, да плохо верится. Зачем вам

Оболдуева? Вы женихом быть не можете; вы женаты. Какие же ваши намерения?

Окоемов. Не исповедуйте! Грехи свои, коли они есть у меня, и намерения я вам объясню после, и вы меня оправдаете. А теперь, если я стою, если в вас осталась хоть капля расположения ко мне, окажите милость.

Сосипатра. Какую прикажете?

Окоемов. У вас Оболдуева?

Сосипатра. Ну, положим, у меня; что ж потом?

Окоемов. Я давно добиваюсь с ней видеться, да отец не позволяет; я надеюсь, что вы будете снисходительнее отца. Дозвольте с ней поговорить!

Сосипатра. Да ведь вы незнакомы.

Окоемов. Это не беда; я отрекомендуюсь. Я знаю, что она меня видела… Не препятствуйте!

Сосипатра. Какой вы плут, однако!

Окоемов. Слово «плут» от вас не брань, а похвала; потому я и не обижаюсь.

Сосипатра. Она здесь! *(Указывает направо.)* Но я хотела, чтоб никто не знал о ее коротком пребывании у меня. Смотрите не проболтайтесь.

Окоемов. Да что вы! С какой стати я стану рассказывать. Я вам позволяю считать меня плутом, но никак не дураком; я хочу сам воспользоваться всеми выгодами пребывания здесь Оболдуевой;

я сам хочу эксплуатировать этот предмет, так какой же расчет накликать конкурентов?

Сосипатра. Откровенно.

Окоемов. Перед вами-то! Что ж мне, святым, что ли, прикидываться? Так ведь не поверите.

Сосипатра. Не поверю. Не хотите ли, чтоб я сообщила вам еще какие-нибудь сведения о девице Оболдуевой?

Окоемов. Сделайте одолжение! Для меня каждая малость дорога; мне все нужно принять в соображение. Во-первых, я забыл, как ее зовут.

Сосипатра. Матрена Селивёрстовна. Еще чего не нужно ли?

Окоемов. Все, что ни скажете, для меня чистое золото.

Сосипатра. Вы ей нравитесь больше всех наших молодых людей.

Окоемов. Да неужели? Вы не шутите?

Сосипатра. Нисколько. Она затем и приехала, чтоб повидаться с вами.

Окоемов. Из чего же вы это заключаете?

Сосипатра. Она сама сказала; она ведь откровенна. Она говорит: «Я очень богата и в своих чувствах стеснять себя не желаю».

Окоемов. Как это мило с ее стороны.

Сосипатра. Теперь не желаете ли, чтоб я вас

представила ей?

Окоемов. Уж осчастливьте до конца, по гроб не забуду.

Сосипатра *(в дверь направо)*. Матрена Селивёрстовна, не прячьтесь! Выползайте на свет божий. Здесь свои.

Выходит Оболдуева.

Явление пятое

Сосипатра, Окоемов и Оболдуева.

Сосипатра. Честь имею представить вам: Аполлон Евгеньич Окоемов.

Оболдуева. Да, это они; я их видела.

Сосипатра. Это ваш гость, а не мой; я могу оставить вас не извиняясь. Вы здесь хозяйка. *(Уходит.)*

Оболдуева *(садясь)*. Присядьте! Что ж вы!

Окоемов. Благодарю вас. *(Садится.)*

Оболдуева. Ну, что ж мы так-то сидим! Об чем же мы будем говорить? Говорите что-нибудь! Мне антиресно вас послушать.

Окоемов. Я давно искал случая; но я боюсь наскучить вам своими жалобами на судьбу; я человек несчастный.

Оболдуева. Да все одно, говорите что хотите, а я на вас смотреть буду.

Окоемов. Я очень несчастлив своей женитьбой, я погубил себя. Долго распространяться о своих горестях я не стану; скажу вам коротко: жена моя глупа, зла и, что хуже всего, неверна мне. Матрена Селиверстовна! помочь вы не можете, хоть пожалейте меня, хоть поплачьте вместе со мной.

Оболдуева. Жалеть всех невозможно, и ежели плакать обо всем, так слез недостанет.

Окоемов. Ах! Я несчастлив оттого, Матрена Селиверстовна, что родился с душой нежной, чувствительной.

Оболдуева. Что ж, это оченно хорошо.

Окоемов. Но моя душа не находит ответа. С горя, с отчаяния, я хотел утешить себя веселой жизнью: я бросился в разгул, в общество людей праздных.

Оболдуева. И частенько таки вы…

Окоемов. Что «частенько»?

Оболдуева. Запиваете-то?

Окоемов. Я не запиваю.

Оболдуева. Да вы не лгите, лучше вы мне всю правду… Вы не стыдитесь! Нет… ежели не надолго да не часто, так раза два-три в год, так это ничего.

Окоемов. Нет, нет, не беспокойтесь! Я ищу любви, Матрена Селиверстовна… ищу и не нахожу…

Я готов полюбить и буду любить всякую женщину. Мне красоты не нужно, мне нужно любящее сердце. Красоту я видал, а сердца не находил.

Оболдуева. Вот, одно сердце страдает, а другое не знает. Я жила здесь в городе, так все глаза проглядела на вас, когда, бывало, делаю проминаж. Я каждый день делаю проминаж в карете и часто встречала вас на улице. Вот тогда я и полюбила вас за вашу красоту.

Окоемов. Какое несчастье, что я этого не знал. Я бы не женился, не сделал этой непростительной глупости.

Оболдуева. Да, уж вам теперь жениться нельзя и любить постороннюю женщину грех; потому что вы в законе живете.

Окоемов. Ну, я греха не побоюсь, я полюблю женщину, если она того стоит и меня любит.

Оболдуева. Это хорошо.

Окоемов. Да и жениться могу, нужно только развестись с женой.

Оболдуева. А это еще лучше, потому крепче, и для всякой женщины приятнее. Какое же это сравнение! муж или другой кто! Муж завсегда при тебе, никуда не уйдет, а другого как удержишь! Ежели вам на развод деньги нужны, так я могу дать сколько потребовается, я за этим не

постою. Кого я полюблю, так тому человеку очень хорошо; и подарки дарю и деньгами даю.

Окоемов. Конечно, что же вам стоит при вашем состоянии.

Оболдуева. У нас есть молодец, просто артельщик, по-русски ходил; а понравился мне, так теперь в спинжаках ходит и при часах.

Окоемов. Вы, с вашими средствами, всякого можете осчастливить.

Оболдуева. Только ведь этого вашего разводу долго ждать.

Окоемов. С деньгами скоро сделаем.

Оболдуева. То-то же. Я еще вам вот что скажу: у меня такой характер, коли я кого люблю, чтобы и меня на ответ любить завсегда, постоянно и аккуратно, и чтоб никаких подлостев.

Окоемов. Да помилуйте, как это возможно! Ваше расположение каждый должен за счастие считать. Вы от измены застрахованы.

Оболдуева. Ну, смотрите же, чтоб никакого даже сумления не было, чтоб мне этим самым сумлением не мучиться. А то я от сумления могу прийти в расстройство. Так сами рассудите, какой же мне антирес за свои же деньги себе расстройство чувств получить?

Окоемов. Совершенно справедливо.

Оболдуева. И при всем том я в расстройстве бываю ужасно как горяча и не только что всякими бранными словами, но и руками бываю неосторожна. Так что меня все домашние даже оченно боятся; потому я в это время никакой осторожности не наблюдаю, а что под руку попало.

Окоемов. Да, конечно, характеры бывают разные.

Оболдуева. Подождите, я подарю вам подарок. *(Встает.)*

Окоемов. Благодарю вас. *(Целует руку Оболдуевой.)*

Оболдуева. Ну, что целовать прежде времени. *(Уходит.)*

Из средней двери выходит Сосипатра.

Явление шестое

Окоемов и Сосипатра.

Сосипатра. С чем поздравить?

Окоемов. С полным успехом. Я блаженствую. Благодарю вас.

Сосипатра. За что? Вы меня обижаете. Это уж ее и ваше дело, я тут ни при чем. И, пожалуйста, вы меня не путайте в эту историю. Она моя гостья, она желала вас видеть; я из гостеприимства не могла отказать ей, а какие у вас и у нее цели и

намерения, это уж до меня не касается.

Окоемов. А вы правду говорили. Она совсем невоспитанна, такая простушка. Это немножко странно на первый взгляд; но ничего, пожалуй даже мило.

Сосипатра. Я эту милую простоту знаю. Она состоит в незнании того, что нужно знать, и в знании того, что не нужно знать. Надо быть глубоко безнравственным, чтобы мириться с такой простотой.

Окоемов. А миллионы-то вы и забыли; миллионы примирят со всем.

Сосипатра. А у меня в гостях еще одна ваша знакомая, московская, Сусанна Сергевна

Окоемов. Ах, увольте!

Сосипатра. Да уж я ей сказала, что вы здесь.

Окоемов. Нельзя ли как скрыться незаметным образом? Скажите, что я к ней заеду сегодня же. Где она остановилась?

Сосипатра. Что вы так перепугались? Видно, дело-то не чисто?

Окоемов. Нет, я тут ничуть не виноват, но она женщина навязчивая; она меня преследует своей любовью.

Сосипатра. Куда же вас спрятать, я не знаю. Да вот и она! Уж вы выпутывайтесь сами, как

хотите!

Из средней двери выходит Сусанна, Сосипатра уходит.

Явление седьмое

Окоемов и Сусанна.

Окоемов. Сусанна Сергевна! Какими судьбами?

Сусанна. Приехала имение закладывать да вас посмотреть.

Окоемов. Разве вы не получали моего письма?

Сусанна. Какого письма?

Окоемов. Я просил у вас извинения; я просил вас забыть меня и оставить все наши переговоры без последствий. Я писал вам, что я опомнился, что моя любовь к вам не была серьезной страстью, что это было какое-то безотчетное и неразумное увлечение, в котором я раскаиваюсь.

Сусанна. Нет, вы не раскаиваетесь, вы еще будете раскаиваться. Вы мне ничего не писали и намерение свое вы переменили только сегодня, когда увидали Оболдуеву.

Окоемов. А хоть бы и так; какое право вы имеете требовать от меня отчета? Вы не жена моя.

Сусанна. Ах, кстати! Я сейчас познакомилась с женой вашей, она очень милая женщина.

Окоемов *(с испугом)*. Она здесь?

Сусанна. Здесь. Что! Испугались?

Окоемов. Нет. Я ничего теперь не испугаюсь; я пойду напролом. Слишком велик куш, чтоб колебаться. Такие случаи не повторяются в жизни.

Сусанна. Ах, несчастный, как вы глубоко падаете. А главное-то, я из-за вас пари проиграла.

Окоемов. Какое пари?

Сусанна *(печально)*. Конфеты. Фунтов пять купить надо будет.

Окоемов. Ну, вот горе какое! Велики деньги!

Сусанна. Хоть и невелики, а все-таки дороже вас; вы и их не стоите. *(Уходит.)*

Окоемов. Что же Оболдуева не идет с подарком? Я бы скрылся в ее комнате.

Входит Пьер.

Явление восьмое

Окоемов, Пьер, потом Иван.

Пьер. Аполлон, я за тобой. Никандр Семеныч тебя дожидается.

Окоемов. Погоди, Пьер! Там жена; а мне не хотелось бы с ней встречаться.

Пьер. Ничего, мы проскользнем незаметно.

Окоемов. Мне надо подождать немного, я сейчас получу значительный куш.

Пьер. Интересные новости! Оболдуева вышла замуж.

Окоемов. То есть скоро выдет, а еще не вышла.

Пьер. Нет, вышла. У Никандра Семеныча сидит их управляющий; он говорит, что она вышла замуж на прошлой неделе за профессора.

Окоемов. За профессора?

Пьер. Белой магии. Никандр Семеныч говорит, что тебе сейчас надо ехать в Москву и кончать дело с Лундышевой.

Окоемов. Оболдуева здесь, говорю тебе; я сам ее видел.

Пьер. Ты ошибаешься. Справки наведены самым тщательным образом: у Сосипатры Семеновны остановилась какая-то барыня, приезжая из Москвы. С ней только одна горничная; я ее видел, прехорошенькая.

Окоемов. Вот эта приезжая-то Лундышева и есть. И я уж дело испортил.

Входит Иван.

Иван *(подавая Окоемову пакет)*. От госпожи Оболдуевой. *(Уходит.)*

Пьер. Вот сейчас все дело объяснится.

Окоемов *(разорвав пакет)*. Мои письма к Сусанне Сергевне Лундышевой. Я попал в ловушку.

Молчание.

Нет, я еще молод для крупных операций. Надо больше хладнокровия… Надо мной насмеялись, как над мальчишкой! И ведь было заметно… ведь я чувствовал, что тут что-то не так. Миллионы-то меня уж очень отуманили, Пьер. Кажется, посади передо мной куклу да скажи, что это Оболдуева, я и то бы стал ручки целовать. Куда же я гожусь после этого? На серьезное, честное дело не способен, при большом плутовстве — теряюсь; остается только мелкое мошенничество.

Пьер. Ты уж слишком мрачно смотришь на жизнь.

Окоемов. Теперь только одна надежда на милость жены. Я готов подчиниться ее приговору, как бы жесток он ни был. Все-таки это лучший выход из моего положения. Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов, а теперь что я? О, с какой радостью пошел бы я теперь в лакеи к самому себе. Бесподобное существование: у беспутного барина лакею житье отличное. Если жалованье получаешь не всегда аккуратно, зато доходы есть, и воровать можно сколько угодно. Потребности небольшие; пиджак с баринова плеча производит на горничных действие поразительное; всегда весел, и никакой ответственности ни перед совестью, ни перед

обществом. Чем не жизнь?

Портьера открывается, входят Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохин.

Явление девятое

Окоемов, Пьер, Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохин.

Сосипатра.

Так тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой.

Зоя Васильевна! я отмстила за вас; теперь оскорбление, нанесенное вам, заглажено если не в вашем сердце, так в общественном мнении. Я мстила вообще за женщину; а за себя расправляйтесь, как знаете! Позор, которым они хотели покрыть вас, обратился на их голову. Русский человек любит посмеяться над ближним, и смеется безжалостно. Вот пусть они попробуют теперь показаться куда-нибудь в публичное место; они оценят силу и меткость русского остроумия. А ваше несчастие послужит нам уроком: другая и призадумается перед замужеством-то, и не кинется очертя голову на шею первому встречному.

Лотохин. Нет, я с вами не согласен. Для женщины уроков нет… Мало ли было подобных историй,

а женщины все те же.

Сосипатра. Ну, по крайней мере у нас в городе или хоть в нашем кружке этот случай послужит предостережением.

Лотохин. Едва ли.

Пьер *(Окоемову)*. Поедем! Пора!

Сосипатра. Куда вы торопитесь?

Пьер. У нас торжественный завтрак. Мы к Аполлинарии Антоновне, она выходит замуж за Жоржа

Лотохин. Ну, вот извольте полюбоваться. Вот вам и уроки! Бабе пятьдесят лет, выходит замуж чуть не за мальчика и рада-радехонька.

Сосипатра. Ну, уж теперь я молчу. Я завтра же уеду в деревню на все лето.

Сусанна. И я тоже.

Лотохин. А мы к тебе с Зоей Васильевной в гости.

Сусанна. Милости просим.

Лотохин. Выпишем твоего полковника, да и обвенчаем вас

Сусанна. Я его боюсь, он очень умен.

Лотохин. Ну, это беда небольшая. Поживете вместе и сравняетесь.

Сусанна. Ты думаешь, я поумнею?

Лотохин. Ну, это редко бывает. А скорее он

поглупеет, как поживет с тобой. Вот и будет пара. *(Окоемову.)* Вы желаете получить документы? Из них я могу возвратить вам только доверенность Зои Васильевны, остальные вам не принадлежат. А доверенность я вам отдам с большим удовольствием, потому что она уж формально уничтожена. Я бы вам советовал уединиться в деревню годика на два, на три и заняться хозяйством, чтобы поправить те ущербы, которые вы нанесли имению. Управлять там будет новый управляющий, а вы будете только присматривать и помогать ему. Впрочем, как вам угодно.

Зоя. А я, как и всегда, хочу заплатить вам за зло добром. *(Отдает Окоемову пакет.)* Вот ваши векселя, я их выкупила. Вы боялись ответственности, эти векселя лежали тяжелым гнетом на душе вашей; в тревоге, в страхе вы готовы были даже на преступление. Теперь вам бояться нечего; ничто вас не тянет в пропасть; перед вами открыты все дороги, и хорошие и худые, и вы совершенно свободны в выборе.

Окоемов. Векселя! О, какое великодушие! Зоя, ты ангел!

Зоя. Вы меня пугали разлукой, и я ее очень боялась; теперь я сама желаю разлуки. Любить мужчину только за красоту я уже считаю без-

нравственным. Вчера я перенесла ужасную пытку; и эта пытка отрезвила меня. Если б вы с уважением, которого я заслуживаю, с любовью, которой я стою, сказали мне: «Зоя, я гибну, ты мешаешь моему счастью, спаси меня!» Я бы не винила вас, и кто знает, как бы я поступила. Я способна на самоотвержение, я вам это доказала. Вы говорили со мной не как муж, не как любящий человек, а как неисправимый, наглый развратник. Добрая, честная женщина способна на бесконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженные оскорбления; в горьких обстоятельствах терпению ее нет конца; но знайте, что есть границы, за которые честная женщина не перейдет никогда. Постарайтесь, — я не говорю исправиться, — постарайтесь найти в своей душе хоть что-нибудь доброе, честное, и я опять полюблю вас и все остальное прощу вам; от вас зависит, чтоб разлука наша не была вечной. Всякий хороший поступок ваш будет приближать вас ко мне и всякий дурной — отдалять от меня, Я уж не убеждаю вас, а прошу вас… вы видите мои слезы… постарайтесь быть порядочным человеком и доставьте мне счастье опять полюбить вас. Прощайте!

Без вины виноватые

Комедия в четырех действиях

Действие первое
(Вместо пролога)

ЛИЦА:

Любовь Ивановна Отрадина, девица благородного происхождения.

Таиса Ильинишна Шелавина, девица, товарка Отрадиной.

Григорий Львович Муров, молодой человек из губернских чиновников.

Аннушка, горничная Отрадиной.

Арина Галчиха, мещанка.

Действие в губернском городе. Комната небогатой квартиры на самом краю города; двери справа и слева во внутренние комнаты, в глубине окно и входная дверь; мебель простая, но приличная, в комнате чисто и уютно.

Явление первое

Отрадина сидит за столом и шьет воротничок. Аннушка подле нее шьет платье.

Аннушка *(откусывая нитку).* Вот, барышня, и готово. Сами скроили, сами и сшили, не хуже

другой портнихи.

Отрадина. Да, разумеется, не хуже.

Аннушка. И какое бесподобное платье вышло.

Отрадина. Ну, уж и бесподобное!.. Нет, вот я вчера к портнихе за выкройкой для воротничка ходила, так видела платье… вот то так уж действительно бесподобное. Таисе Ильинишне подвенечное шьют.

Аннушка. Слышала я, слышала, а платья не видала. Небось дорогое?

Отрадина. Да, дорогое; рублей шестьсот, коли не больше, стоит.

Аннушка. Ай, что вы? Шестьсот?.. Шесть таких бумажек сотельных?

Отрадина. Да ведь белый фай; сколько тут его пошло? Да настоящие брюссельские кружева.

Аннушка. Шесть сотельных! Ай, ай, ай, ай!.. Да на эти деньги можно все приданое сшить; хорошей барышне, благородной можно сделать, а она только одно платье.

Отрадина. Что ж ей не щеголять, коли она так богата!

Аннушка. Все ж бы ей надо хоть немножко постыдиться, не вдруг свое богатство-то показывать.

Отрадина. Что ты за вздор болтаешь!

Аннушка. Да уж очень мудреные дела-то на свете творятся.

Отрадина. Что тут мудреного? Самое обыкновенное дело: деньги ей достались по наследству от богатых родственников.

Аннушка. Да как же это так по наследству, коли у нее, окромя двух теток, и родственников-то нет.

Отрадина. Это ты почем знаешь?

Аннушка. Слухом земля полнится.

Отрадина. Много ведь и пустяков говорят, Аннушка.

Аннушка. Нет, уж чего не было, так говорить не станут. Кому нужно! Бедно ведь жили здесь Таиса-то Ильинишна с своей тетенькой, все их знали, а я так и оченно хорошо; время-то недавнее, всего три года. А познакомился тогда с ними богатый барин, старичок, из Сибири приехал, золотых песков там у него, говорят, много, ну, и увез их отсюда… Тетка-то из Москвы сейчас же и вернулась, а Таиса Ильинишна поехали с ним на теплые воды. Там старик-то и помер, да и отказал все свои деньги и все пески золотые Таисе Ильинишне, вот она и разбогатела. Приехала сюда, да теперь шику и задает. Тетка-то у ней теперь как заместо прислуги.

Отрадина. А ты девушка молоденькая, ты не все говори, что слышишь, — стыдно.

Аннушка. Что ж за стыд, коли правда! Стыдно-то не тому, кто говорит, а тому, кто делает.

Отрадина. Все-таки лучше помолчать. Она мне товарка, мы с ней вместе учились. Мы и до сих пор знакомы.

Аннушка. Так разве она вас понимать может, разве она ценит ваше знакомство-то? Вот уж с месяц она к вам и не заглянет.

Отрадина. Ей некогда, она теперь хлопочет, замуж выходит.

Аннушка. Что и замуж-то выходит, вы от портнихи узнали. А еще приятельницей называется! А ей бы прежде всего к вам: так и так, мол, думаю замуж выйти вот за такого-то. Как посоветуешь? Вот как добрые-то люди делают!

Отрадина. А за кого она выходит, ты не слыхала?

Аннушка. Кто говорит, за офицера; а кто за особых поручениев.

Отрадина. Каких… особых поручениев?

Аннушка. Чиновники такие есть. Вот бы свадьбу-то посмотреть, да венчаться будут, говорят, в имении, пятьдесят верст по железной дороге да там верст двадцать в сторону.

Отрадина. Откуда ты такие сведения получаешь?

Аннушка. Мы скорее вашего всё узнаем. Я от мастериц у портнихи слышала. Кабы дело-то чисто было, так не стала бы венчаться в деревне, точно украдкой.

Отрадина. И все-таки не нужно об ней дурно говорить; такими разговорами можно дело расстроить, помешать.

Аннушка. Помешаешь ей! Да кто ж на ее капитал не польстится, какая бы она ни была. Нет, таким-то всегда счастье; а хорошие барышни жди да пожди. Вот вы скоро ль дождетесь хорошего жениха! Другой бы, может, и взял; вот хоть бы, например, Григорий Львович, да…

Отрадина. Что «да»?

Аннушка. Да приданого нет.

Отрадина. Так ты думаешь, что только за тем и дело стало?

Аннушка. А то за чем же? Нынче народ-то какой? Только денег и ищут; а не хотят того понимать, что коли у вас приданого нет, так вы зато из хорошего роду; образование имеете, всякое дело знаете. А что ваши родители померли, да вам ничего не оставили, так кто ж этому виноват!

Отрадина. Так, так; отлично ты рассуждаешь.

А вот погоди, и я разбогатею, так замуж выйду.

Аннушка. А что ж мудреного вам разбогатеть? У вас есть бабушка богатая.

Отрадина. Во-первых, она очень дальняя родня, а во-вторых, у ней прямых наследников много. Да кстати, она писала мне из деревни, что сегодня будет в городе, так заедет ко мне чай пить. Надо кипяченых сливок изготовить, она до смерти любит. Нет, я и так, без бабушек разбогатею.

Аннушка. С уроков-то разбогатеете? Это в нашей стороне-то? Невозможно этому быть.

Отрадина. Да, правда твоя, здесь сторона купеческая, образование не в ходу.

Аннушка. На что им ученье! Они с капиталами при всем своем полном невежестве прожить могут.

Отрадина. А не разбогатею, так, может быть, и без приданого добрый человек возьмет. Как ты думаешь? У меня такой есть на примете.

Аннушка. Дай-то бог! Только ведь и мужчины-то нынче…

Отрадина. А что?

Аннушка. Да сначала очень завлекательны, а потом часто бывают даже и очень обманчивы.

Отрадина. А ты почем знаешь?

Аннушка. Да ведь я живой тоже человек, разве

не вижу, что на свете-то делается!.. *(Складывает платье.)* В шкаф, что ли, повесить?

Отрадина. Оставь тут! Я его еще раз примеряю и спрячу.

Аннушка. Так пойти за свое дело приняться. У нас в кухне-то никого нет, не вошел бы кто.

Отрадина *(взглянув в окно)*. Ты прежде отопри: Григорий Львович идет; а потом уж и ступай за своим делом.

Аннушка отпирает, впускает Мурова и уходит в дверь направо.

Явление второе

Отрадина и Муров.

Отрадина *(встречая Мурова)*. Ах, мой милый, как я рада!..

Муров. Здравствуй, Люба!.. Ты, должно быть, сегодня рано встала; уж и одета, и причесана, точно ждешь кого.

Отрадина. Чему ты удивляешься, я не понимаю; я всегда так встаю. Да ведь ты сам сказал, что придешь ко мне сегодня рано, тебе нужно о чем-то поговорить со мной.

Муров. Ах, да, я и забыл совсем. Да, точно, я ведь говорил тебе.

Отрадина. Да ты что-то и всегда стал рано при-

ходить ко мне, как будто боишься кого.

Муров. Ах, боже мой! Разумеется, боюсь, только не за себя, а за тебя. Очень просто, я не хочу, чтоб про тебя дурно говорили.

Отрадина. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся. Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: «Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас». Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Муров. Уж чего бы лучше, но, к несчастью, мой друг, это пока невозможно.

Отрадина. Как невозможно? Почему? Что ты говоришь? Я не могу этому поверить.

Муров. Маменька не согласится; да и согласится ли она хоть когда-нибудь, я не знаю, а я без ее воли шага шагнуть не смею.

Отрадина. Что же ей нужно?

Муров. Ей нужно, чтоб я женился на девушке богатой и с сильной родней.

Отрадина. Всё это новости для меня; я тебя знаю четыре года, а ты мне ни слова.

Муров. У меня до сих пор и разговора с маменькой об этом не было.

Отрадина. Да как же так? Ты не имел права молчать, ты обязан был говорить обо мне.

Муров. Что ж делать… Виновато во всем мое

воспитание; я человек забитый, загнанный. Извини меня — ну, я просто боялся. Но, наконец, мне надоело быть постоянно под опекой. Ты сама посуди. Я совершеннолетний, а не смею ступить шагу без позволения, не смею ничем распорядиться: каждый рубль должен просить у нее.

Отрадина. Ну, ну!..

Муров. Я стал просить ее, чтоб она отделила мне часть имения или дала приличное содержание: тысячи три-четыре в год. Она сказала, что не даст мне ни гроша, пока я не женюсь по ее выбору.

Отрадина. Ну, что же ты, что же ты?

Муров. Ах, не спрашивай меня, пожалуйста! У меня голова кругом идет.

Отрадина. Но ты пойми же, что мне нужно знать наверное твои намерения, твои мысли; иначе мне жить нельзя.

Муров. Мои намерения?

Отрадина. Да, да, твои намерения.

Муров *(смущенный)*. Ну, что же… Ну, ты их знаешь… Могу ли я, в состоянии ли я?.. Моя обязанность…

Отрадина. Ну, да, да! Я надеюсь, что ты твердо знаешь свою обязанность. Мне нельзя сомневаться в тебе; а то пытка ведь это, пытка… Ты должен

помнить каждую минуту, что у нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уже понимать начинает. Ласкается ко мне, мамой, мамочкой зовет. А он врозь со мной, он у женщины необразованной, корыстолюбивой… Я измучилась, я ночи не сплю, мне все думается: сыт ли он, покойно ли он спит. Гриша! ты хоть бы поглядел на него, полюбовался. Что это за ангел!

Муров. Ты очень любишь нашего Гришу?

Отрадина *(с удивлением)*. Еще бы. Что это за вопрос? Разумеется, люблю, как только можно любить, как нужно любить матери.

Муров. Да, да… Конечно… А что, Люба, если вдруг этот несчастный ребенок останется без отца?

Отрадина. Как без отца?

Муров. Ах, боже мой! Ведь все может случиться. Я езжу много, могут меня лошади разбить, ну, там… на железной дороге что-нибудь случится.

Отрадина. Да что за разговоры, помилуй! Что ты меня мучить пришел сегодня, что ли?

Муров. Ах, Люба, всегда надо предполагать худшее, чтоб быть готовым. Ну, вот я и думаю: что ты будешь делать с Гришей, если меня с вами не будет?

Отрадина. Ах, отстань, пожалуйста! Пожалей

мои нервы!

Муров. Ох, нервы, нервы! Вот то-то и горе наше, что у вас нервы очень слабы.

Отрадина. Если ты спрашиваешь серьезно, так я тебе отвечу. Ты не беспокойся: он нужды знать не будет. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все, что ему нужно. Разве я могу допустить, чтоб он был голоден или не одет? Нет, у него будут и книжки и игрушки, да, игрушки, дорогие игрушки. Чтобы все, что у других детей, то и у него. Чем же он хуже? Чем он виноват? Ну, а не в силах буду работать, захвораю там, что ли… ну что ж, ну, я не постыжусь для него… я буду просить милостыню. *(Плачет.)*

Муров. Ах, Люба, что ты, что ты!

Отрадина. Да ведь ты сам спрашиваешь, ты сам хочешь, чтоб я говорила. Чего ж ты ждал от меня, какого другого ответа? Неужели ты предполагал, что я его брошу?

Муров. Ах, бедная! Извини меня! У меня и в помышлении не было расстраивать тебя. Оставим эти разговоры, поговорим о чем-нибудь другом.

Отрадина. Ах, да, пожалуйста, о другом. Сделай милость.

Муров. Что ты поделываешь?

Отрадина. Вот платье шила.

Муров. Кому это?

Отрадина. Себе.

Муров. Хорошенькое?

Отрадина. Дешевенькое. Для меня и это хорошо: у меня золотых приисков нет.

Муров. Зато ты сама чистое золото. Да про какие ты прииски говоришь?

Отрадина. А вот про какие! Вчера я видела платье, вот так уж роскошь! Подвенечное, с блондами.

Муров. Чье же это?

Отрадина. Таисы Ильинишны Шелавиной.

Муров. Как? Что? Что ты говоришь?

Отрадина. Я говорю: Таисы Ильинишны. Ты разве ее знаешь?

Муров. Нет, так… слыхал про нее.

Отрадина. Она хорошенькая и богатая, не то, что я. А была бедная девочка; мы с ней давно знакомы, вместе учиться бегали.

Муров. Неужели?

Отрадина. Ленивая такая была и училась плохо; а вот разбогатела и мужа нашла. Еще девчонкой она нас удивляла.

Муров. Чем же?

Отрадина. А тем, что стыда в ней как-то мало было. А сердце все-таки у ней доброе, надо правду

сказать. Не видались мы с ней года три, а встретила меня чуть не со слезами; два раза была у меня, предлагала денег… Я не взяла, разумеется. А вот что хорошо: она обещает доставить мне два урока и постоянную работу. Это для меня очень важно; я могу не тратить моего маленького капитала, поберечь его для сына… а может быть, и на приданое. Послушай! Покажи меня своей матери; я могу ей понравиться, у меня есть способности. Я здесь заглохла. Я, если захочу, могу блеснуть и умом, и своими знаниями, и очаровать старуху.

Муров. Да, да, я не сомневаюсь.

Отрадина. Ну, вот и прекрасно. Я недавно познакомилась с одним семейством, там бывает и твоя мать.

Муров. Все это очень хорошо; но только не теперь; как-нибудь впоследствии.

Отрадина. Отчего же?

Муров. Да вот что, мой друг! Я должен сообщить тебе не совсем приятную новость.

Отрадина. Что еще? Говори скорей! Что за мученье мне сегодня!

Муров. Не бойся! Ничего особенного. Нам надо будет расстаться на время.

Отрадина. Зачем?

Муров. Я еду.

Отрадина. Едешь? Куда же?

Муров. В Смоленскую губернию, потом в Петербург, по делам маменьки.

Отрадина. Надолго?

Муров. Я и сам еще не знаю; месяца на два, а может быть, и больше. Как дело кончится в сенате… Я уж и отпуск взял.

Отрадина. Когда ж ты отправляешься?

Муров. Сегодня вечером.

Отрадина. Так скоро? Что ж ты меня не предупредил? Я совсем не приготовилась; я была так весела сегодня, не думала о разлуке с тобой, и вдруг такое горе. *(Плачет.)*

Муров. Ну, что за горе? Об чем же плакать? Я, может быть, ворочусь очень скоро.

Отрадина. А Гриша? Тебе не жаль его?

Муров. Да разве ему твоей любви мало? Да что, в самом деле, умирать, что ли, я сбираюсь? Ну, перестань же! Мне и так нелегко расставаться с тобой, а как ты еще расплачешься…

Отрадина. Ну, хорошо, ну, я перестану. *(Ласкаясь.)* Ты ведь не долго будешь так мучить меня? Скоро мы с тобой уж совсем разлучаться не будем? А? Скоро? Ну, говори же!

Муров. Да, конечно, скоро.

Отрадина. Ах, бедный! Довольно ли у тебя де-

нег на дорогу-то?

Муров. Довольно! Будет с меня.

Отрадина. Не верю, не верю; твоя матушка не очень расщедрится. *(Достает из стола бумажник.)* Вот возьми рублей сто, бери и больше, пожалуй. Мне не нужно, я получу за уроки, да у меня будет работа. Что ж мне делать без тебя? Буду работать от скуки.

Муров. Да нет же, не могу я и не хочу брать деньги у тебя.

Отрадина. Отчего же это? Разве я тебе чужая? Разве мы не обязаны делиться друг с другом? Да послушай! *(Пристально смотрит на Мурова.)* Ты меня не любишь или хочешь оставить?

Муров. Что за вздор тебе лезет в голову.

Отрадина. Так возьми… Неужели же бы ты не взял от жены своей? Ну, это мой подарок тебе.

Муров. Изволь, я возьму. Только, если я увижу, что у меня своих денег будет довольно, ты уж позволь мне возвратить тебе твой подарок.

Отрадина. Ну, там видно будет. А вот еще, мой друг, возьми этот медальон. *(Снимает с своей шеи медальон.)* Носи его постоянно. Тут волосы нашего Гриши; он тебе будет напоминать о нас.

Муров *(берет медальон)*. Изволь, изволь, мой друг.

Отрадина. Ах, какое мученье, какое мученье!

Муров. А коли мученье, так надо его кончить поскорей. Прощай, Люба, я еду!

Отрадина. Погоди! Вспоминай обо мне почаще, пиши мне!

Муров. Непременно, непременно. О ком же мне и помнить, как не о тебе.

Отрадина. Как приедешь в Петербург, так напиши!

Муров. Разумеется, сейчас же напишу.

Отрадина. Ну, прощай! Поезжай с богом. *(Обнимает его.)*

Муров. Довольно, Люба, довольно! *(Взглянув в окно.)* Что это? Кто-то подъехал в карете.

Отрадина *(взглянув в окно)*. Шелавина, это ее карета.

Муров *(с испугом)*. Ах, как это неприятно!

Отрадина. Да что за беда? Что ты так тревожишься? Ее бояться нечего; она осуждать не станет.

Муров. Как не бояться? Нет, я не хочу, чтоб она меня здесь видела. Это невозможно. Она такая болтливая.

Отрадина. Так ты ее знаешь? А говорил, что не знаком с ней.

Муров. Мне говорили, я слышал… Она идет,

спрячь меня!

Отрадина. Да зачем прятаться? Это странно.

Муров. Ах, вот… я уйду в эту комнату. *(Уходит в дверь налево.)*

Отрадина. Пожалуй; только я не понимаю…

Входит Шелавина с коробкой в руках.

Явление третье

Отрадина и Шелавина.

Шелавина. Здравствуй, душка!

Отрадина. Здравствуй, Таиса! Что у тебя за коробка?

Шелавина. Платье подвенечное. Я ведь замуж выхожу; разве я тебе не говорила?

Отрадина. Нет. Да я знаю, я слышала; я и платье-то видела у портнихи.

Шелавина. Вот прелесть-то! Чудо, как хорошо! Не хочешь ли поглядеть его на мне? Вот я сейчас, тут у тебя, и надену его. *(Хочет раздеваться.)*

Отрадина. Не надо, зачем! Еще, пожалуй, войдет кто-нибудь.

Шелавина. Так пойдем к тебе в спальню! *(Идет к двери налево.)*

Отрадина. Да не нужно, говорю тебе. Я и так знаю, что хорошо.

Шелавина. Ну не надо, так не надо. Что ты

такая сегодня? Левой ногой с постели встала, должно быть.

Отрадина. Что-то нездоровится, да и встала рано, работала сидела. *(Показывает платье.)*

Шелавина. Себе платье шила? Ах ты, бедная! Я прыгаю, веселюсь, а она вон работает сидит. Как судьба-то несправедлива! Ты лучше меня в тысячу раз и умнее, а живешь бедно; а я вот, ни с того ни с сего, разбогатела.

Отрадина. Как же это ни с того ни с сего?

Шелавина. Да, конечно. Свалилось богатство нежданно-негаданно; сошел человек, на старости лет, с ума и наградил. Спасибо ему, я его всегда буду добром поминать; по его милости я как раз и мужа нашла.

Отрадина. Поздравляю тебя!

Шелавина. Не с чем, душечка!

Отрадина. Разве ты не любишь своего жениха?

Шелавина. Да как его любить-то? Шут его знает, что он за человек. Словам его я не верю, да и верить-то им нельзя.

Отрадина. Богат?

Шелавина. Какое богатство! Голь перекатная!

Отрадина. Значит, хорош собой?

Шелавина. Ну, нельзя сказать; так себе.

Отрадина. Так хорошей фамилии, в больших

чинах?

Шелавина *(смеется)*. Да, в чинах. Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин.

Отрадина. Так на что ж ты польстилась? Для чего идешь за него замуж?

Шелавина. Вот я тебе объясню для чего. Я теперь стала богата, а жить-то по-богатому не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счеты да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю. Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть. Считать-то я училась по пальцам, а тут пальцев-то и не хватает. А с имениями-то да заводами что я стану делать? Положиться на управляющих да на приказчиков, так они сейчас мою премудрость постигнут и будут обирать как им угодно. А теперь я в барышах: управляющий даром, да он же и муж, человек молодой, ловкий, — чего ж мне еще! Да к тому же он еще клятву дал из повиновения не выходить.

Отрадина. Однако у тебя будет муж хороший, почтительный.

Шелавина. Ну, какой бы ни был, а уж у нас дело слажено. После свадьбы мы сейчас поедем

в Петербург; он перейдет туда на службу; я еще молода, недурна собой; посмотри, каких мы делов наделаем.

Отрадина. Твой жених чиновник?

Шелавина. Да, чиновник.

Отрадина. А где служит?

Шелавина. Не знаю, право. Так, болтается где-то, у начальника на посылках, должно быть. Да вот, не хочешь ли, я тебе покажу его? Со мной карточка.

Отрадина. Покажи, покажи!

Шелавина. Кажется, я ее в карман сунула. *(Шарит в кармане.)* Да вот она. Измялась немножко. *(Подает карточку Отрадиной.)* Вот гляди!

Отрадина *(взглянув на карточку)*. Ах! Ах!

Шелавина. Что с тобой?

Отрадина. Ничего, я оперлась рукой на стол и накололась на булавки.

Шелавина. Ах, бедная! Больно тебе?

Отрадина. На, возьми. *(Отдает карточку.)*

Шелавина. Ну, что, каков?

Отрадина. Не знаю, что сказать тебе. Наружность у людей так обманчива. *(Опускается на стул.)*

Шелавина. Да, это правда. Но если он обманет меня, так ему же хуже. Со мной шутки плохи. Я

ведь не поцеремонюсь, я его, милого дружка Григория Львовича, и за дверь вытолкаю. Однако мне пора. Я бы и посидела у тебя, да пропасть хлопот в городе. Приезжай на свадьбу, сделай милость!

Отрадина. Нет, нет, благодарю тебя.

Шелавина. Милая моя, ты нездорова. Поди ложись, я тебе пришлю доктора. Если тебе что нужно, ты только скажи мне, пришли ко мне; я для тебя все готова… Ну, прощай, милая, голубка! *(Целует Отрадину и уходит.)*

Отрадина провожает ее до дверей: потом, едва держась на ногах, подходит к столу, опирается на него правой рукой — и с напряжением смотрит на дверь спальни. В двери показывается Муров.

Отрадина *(указывая среднюю дверь)*. Уходите!

Муров. Любушка, выслушай!

Отрадина. Уходите!

Муров *(подавая деньги)*. Твои деньги…

Отрадина *(берет деньги и кладет на стол)*. Уходите, говорю я вам.

Входит Галчиха.

Явление четвертое

Отрадина, Муров, Галчиха, потом Аннушка.

Отрадина. Что ты, Архиповна?

Галчиха. К вам, матушка.

Отрадина. Как же ты ребенка бросила? Зачем ты в городе?

Галчиха. Да, матушка *(утирает фартуком слезы)*, ребеночек-то…

Отрадина. Что, что?

Галчиха. Помирает, матушка.

Отрадина. Как? Что? Аннушка, Аннушка!

Аннушка показывается в двери справа.

Платок, платок! да беги за извозчиком!

Галчиха. Да я на извозчике.

Аннушка уходит.

Отрадина. Что же, что же? Говори, ради бога! Он вчера здоров был.

Галчиха. Вдруг, матушка…. Захрипит, захрипит да весь почернеет.

Отрадина. Доктора, скорей доктора!

Галчиха. Доктор у нас, матушка. Тут земский приехал к нам в слободу, так я его позвала. Он меня и послал.

Отрадина. Что ж он говорит?

Входит Аннушка с платком.

Галчиха. Дурно, говорит, самая болезнь опасная. *(Утирает слезы.)* Часу, говорит, не проживет.

Отрадина. Ай, ай! *(Берет платок и покрывается.)* Побежим, побежим! *(Мурову.)* Ну, теперь вы

совсем свободны.

Муров. Я за вами поеду.

Уходят.

Действие второе

ЛИЦА:

Елена Ивановна Кручинина, известная провинциальная актриса.

Нил Стратоныч Дудукин, богатый барин.

Нина Павловна Коринкина, актриса.

Григорий Незнамов, Шмага } артисты провинциального театра.

Арина Архиповна, Галчиха

Иван, слуга в гостинице.

Комната в гостинице, прилично меблированная, с камином; в глубине дверь в коридор, справа от актеров дверь в другую комнату.

Между первым и вторым действиями проходит семнадцать лет.

Явление первое

Иван стирает пыль с мебели. Дудукин отворяет дверь.

Дудукин *(в дверях)*. Можно войти?

Иван. Пожалуйте, сударь, Нил Стратоныч!

Дудукин *(входя с кульком в руках)*. Что, Елена

Ивановна встала?

Иван. Уж и кофею накушались.

Дудукин. Спроси, примет ли она меня!

Иван. Да они уехамши-с.

Дудукин. Эка досада! А я ей чаю привез, только получили с ярмарки; и икры зернистой стерляжьей: она любит очень.

Иван. Понимаю-с. Пожалуйте, я девушке отдам. Вы, сударь, Нил Стратоныч подождите их; они скоро будут. *(Берет кулек, уходит в дверь направо и сейчас же возвращается.)*

Дудукин. А куда она поехала?

Иван. К губернатору-с.

Дудукин. Зачем?

Иван. Не могу знать-с. Надо полагать, насчет бенефисту-с, так как актеры и актрисы, которые ежели… так уж первым долгом завсегда-с…

Дудукин. Что ты врешь! Какой бенефис! О бенефисе еще и разговору нет. Про бенефисы я всегда прежде всех знаю. С кем поехала? Со Степкой?

Иван. Со Степкой-с.

Дудукин. На пристяжке караковая?

Иван. Караковая-с.

Дудукин. То-то же. А то у него саврасенькая есть, так та пуглива и задом бьет, того гляди через постромку ногу перекинет. С мужчиной

едет — ну, ничего, а женщина сосуд скудельный. Нервы у них.

Иван. Как можно, помилуйте! Сохрани бог!

Дудукин. А зелень у вас к столу есть какая-нибудь?

Иван. Какая уж зелень у нас! Один салат, да и тот больше как вроде кожи. Нешто у нас заведение настоящее? Тоже разве мало слышим брани-то от приезжающих! А мы при чем тут, коли хозяин без понятия.

Дудукин. Ну, так я вам пришлю и салату, и цветной капусты. Подавайте только одной Елене Ивановне; на всех гостей я вам не поставщик. Так повару и скажи!

Иван. Слушаю. Да что вам, сударь, беспокоиться! Ведь уж если наш хозяин не знает, что для хороших господ требуется, так никому вреда, кроме как себе.

Дудукин. Да ведь это свинство, любезный друг.

Иван. Уж это как есть, в полной форме.

Дудукин. Актриса знаменитая!

Иван. Да-с, которые господа видели, так ужасно как ихнюю игру одобряют, даже вне себя приходят.

Дудукин. Мне до вашего хозяина дела нет; да за наш город-то стыдно: мм здешние обыватели.

Где-нибудь, в другом губернском городе, будет Елена Ивановна говорить, что и поместить-то, и накормить-то не умели; приятно это нам будет!

Входит Коринкина. Иван уходит.

Явление второе

Дудукин и Коринкина.

Коринкина. А! Вы здесь! Ну, да, конечно, где же вам и быть!

Дудукин. Ах, красавица моя!

Коринкина. Что такое за красавица! Что за фамилиарность! У меня есть имя и отечество!

Дудукин. Позвольте вам доложить, Нина Павловна, что вы напрасно гневаться изволите. Я даже обязан быть здесь.

Коринкина. Скажите, пожалуйста! Обязан! Зачем это, позвольте вас спросить?

Дудукин. Приехала известная артистка; она в первый раз в нашем городе, никого здесь не знает; я, как представитель здешней интеллигенции…

Коринкина. Ах, оставьте глупости! Какая интеллигенция! Просто появилась новая юбка в городе, вот вы и растаяли. *(Со смехом.)* Обязанности! Отличные у вас обязанности!

Дудукин. Ревнуете, бесценная моя?

Коринкина. Ревновать вас? Не смешите, пожа-

луйста! Мне просто стыдно за вас: как увидите женщину, так и губы распустите. О, противность какая!

Дудукин. Вы только за этим и приехали сюда, мое блаженство?

Коринкина. Опять вы «мое блаженство»! *(Топает ногой.)* Ну, слушайте. У меня сейчас собираются некоторые артисты; мы хотим серьезно поговорить об одном деле, и вы должны тут присутствовать. Я вас везде искала, по всему городу ездила.

Дудукин. Что же это за конгресс у вас собирается, и об чем дебаты будут?

Коринкина. Вы слышали, что вчера наделал Незнамов?

Дудукин. Не только слышал, но почти был свидетелем этого назидательного спектакля; немного опоздал, о чем весьма сожалею.

Коринкина. Он в буфете, во время спектакля, избил Мухобоева.

Дудукин. И прекрасно сделал.

Коринкина. Да ведь Мухобоев почтенный человек, он градским головою хотел быть.

Дудукин. Как ему не хотеть! Да общество-то захочет ли?

Коринкина. Да ведь это два бельэтажа и

несколько кресел в каждый бенефис. Он теперь и в театр не заглянет. Вот мы и собираемся писать письмо Мухобоеву, что Незнамова мы нашим товарищем не признаем и будем требовать от антрепренера его увольнения. Да и я не хочу, чтобы Незнамов вместе со мной служил.

Дудукин. Да вы-то что так уж очень гневаетесь на него, мое очарование?

Коринкина. Ах, он невыносим, невозможен! У него острый и злой язык и самый дурной характер; как только артисты сойдутся вместе, особенно если ему попадет лишняя рюмка, так и пошел, и пошел… и уж непременно придерется к кому-нибудь. А какие он вещи говорит женщинам! Невыносимо, невыносимо! Так бы вот и убила его.

Дудукин. Обижает вас, сочиняет про вас небылицу, выдумывает? За это действительно убить следует.

Коринкина. Да положим, что и не выдумывает; пожалуй, все это правда, что он говорит; да зачем? Кто его просит? Он моложе всех в труппе, ему ли учить! Мы собираемся, чтоб провести время весело, а совсем не затем, чтоб слушать его проповеди. Коли что знаешь, так и знай про себя. Он только отравляет наше общество. Как я рада

буду, если мы от него отделаемся. Такой молодой, еще совсем мальчик, и такой раздражительный!

Дудукин. Раздражали его, так он стал раздражительный. А ему-то самому жизнь сладка ли, спросите?

Коринкина. Пожалуйста, не заступайтесь. Вы здесь останетесь, конечно? Вот вам полчаса сроку для разговоров с Кручининой, впрочем, и четверти часа довольно. Потом заедете за моими ботинками в магазин и в кондитерскую за конфектами, и в двенадцать часов чтоб у меня, ни раньше, ни позже! Слышите, в двенадцать часов! Если вы опоздаете хоть пять минут, то дверь будет заперта для вас.

Дудукин. И надолго?

Коринкина. Навсегда. Я с вами затолковалась, а меня Миловзоров на дрожках дожидается.

Дудукин. Без провожатых не можете?

Коринкина. Уж не ревность ли? Вот еще новости! Ведь он у нас первый любовник в театре; мы с ним каждый день в любви объясняемся; пора бы вам привыкнуть.

Дудукин. Так уж пускай бы он вашим любовником только на сцене и оставался. Вы в провожатые лучше комиков берите, с ними веселее.

Коринкина. Это вам веселье-то нужно, вы

только пустяками и занимаетесь, а я женщина серьезная. Так сказано вам, что в двенадцать часов, чтоб так и было. До свиданья.

Дудукин. Ну, что уж, на крыльях прилечу!

Коринкина уходит. Входит Иван.

Явление третье

Дудукин, Иван, потом Кручинина.

Иван. Елена Ивановна приехали.

Дудукин. Вот и прекрасно.

Входит Кручинина.

Кручинина. Нил Стратоныч, очень рада вас видеть. Извините, я вас на минуточку оставлю, шляпку сниму.

Иван. Тут артисты вас два раза спрашивали.

Кручинина. Какие?

Иван. Не так чтобы очень, не из первых сортов.

Кручинина. Где ж они?

Иван. Здесь, на биллиарде играют.

Кручинина. Ну, пускай играют, пригласи их после. *(Уходит в дверь направо.)*

Дудукин. Как же тебе, братец, не стыдно: ты артистов не знаешь.

Иван. Как их? О, чтоб… И помнил, да забыл. Один-то даже в чужом пальте, не по росту ему, с

большого человека надето.

Дудукин. Шмага?

Иван. Он, он самый.

Входит Кручинина. Иван уходит.

Кручинина. Как вам не стыдно, Нил Стратоныч! Вы опять с приношениями, вы меня уж очень балуете. Мне, право, совестно; каждый день что-нибудь; вот сегодня чаю, икры привезли.

Дудукин. Да ведь надо же вам чем-нибудь питаться; гостиницы у нас в плохом состоянии. А что такое эти безделки: чай, да икра, да и все наши букеты и лавры. Об них и говорить-то не стоит. Все это очень малая плата за то счастье, за те наслаждения, которые вы нам доставляете своим талантом.

Кручинина. Все говорят, что вы очень добрый человек.

Дудукин. Это во мне есть, только ведь это качество наследственное, от родителей, а моей заслуги тут никакой нет-с. Да ведь это дарование не очень важное! Если б и доброты-то во мне не было, так куда ж бы я годился!

Кручинина. Нет, хорошее качество, хорошее.

Дудукин. Дешевенькое-с, мне оно никакого труда не стоит.

Кручинина. Тем-то оно и дорого.

Дудукин. Уж это вам как угодно, спорить не смею. Я человек ограниченный, ни к каким занятиям, даже и хозяйственным, неспособный; так чтобы уж не быть совсем без дела, я себе и избрал специальность — услаждать жизнь артистов.

Кручинина. И артисток?

Дудукин. И артисток. Заедет труппа, например, хоть в наш город, увеселять людей, ровно ничего не делающих, ничем не интересующихся и ничего не желающих, и сядут, как раки на мели. Обыватели у нас большею частью люди солидные, тяжеловесные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные.

Кручинина. Чего же еще!

Дудукин. Но относительно нравов и умственного развития находятся еще в самом первобытном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные. А ведь артисты народ необеспеченный; по-европейски сказать, пролетарии, а по-нашему, по-русски, птицы небесные: где посыпано крупки, там клюют, а где нет — голодают. Как же к ним не иметь сожаления?

Кручинина. Ну, к артисткам-то влечет вас, я думаю, не одно сожаление?

Дудукин. Да-с, да-с. Совершенно справедливо.

Ничего такого возвышенного во мне нет, а грехов много. Обыкновенный старичок, дюжинный, много нас таких-то. У губернатора изволили быть?

Кручинина. Да, благодарить его ездила. Вчера во время спектакля в театральном буфете вышел скандал, в котором обвиняют артиста Незнамова. Антрепренер прибежал ко мне в уборную встревоженный и объявил, что Незнамову грозит беда, что он держится в труппе только вследствие снисходительности губернатора, который уж и прежде обещал выслать его из города, если он будет производить скандалы, так как это случалось с ним не раз, да и паспорт у него не в исправности. После спектакля губернатор пришел на сцену: тут я его и просила за Незнамова; он сказал, что Незнамова следовало бы проучить, но что для меня он готов оставить это дело без внимания, если оно кончится миром. Оно, кажется, уж и кончилось. Скажите, что это за история, и что такое этот Незнамов? Он, кажется, еще очень молодой человек?

Дудукин. Я изложу вам краткую биографию его, как он мне сам передавал. Ни отца, ни матери он не помнит и не знает, рос и воспитывался он где-то далеко, чуть не на границах Сибири, в доме

каких-то бездетных, но достаточных супругов из мира чиновников, которых долгое время считал за родителей. Его любили, с ним обращались хорошо, хотя не без того чтобы под сердитую руку не попрекнуть его незаконным происхождением. Разумеется, он их слов не понимал и разобрал их значение только впоследствии. Его даже учили: он бегал в какой-то дешевенький пансион и получил порядочное для провинциального артиста образование. Так он прожил лет до пятнадцати, потом начались страдания, о которых он без ужаса вспомнить не может. Чиновник умер, а вдова его вышла замуж за отставного землемера, пошло бесконечное пьянство, ссоры и драки, в которых прежде всего доставалось ему. Его прогнали в кухню и кормили вместе с прислугой; часто по ночам его выталкивали из дому, и ему приходилось ночевать под открытым небом. А иногда от брани и побоев он и сам уходил и пропадал по неделе, проживал кой-где с поденщиками, нищими и всякими бродягами, и с этого времени, кроме позорной брани, он уж никаких других слов не слыхал от людей. В такой жизни он озлобился и одичал до того, что стал кусаться как зверь. Наконец, в одно прекрасное утро его из дому совсем выгнали; тогда он пристал к ка-

кой-то бродячей труппе и переехал с ней в другой город. Оттуда его, за неимение законного вида, отправили по этапу на место жительства. Документы его оказались затерянными; волочили, волочили его, наконец выдали какую-то копию с явочного прошения, с которой он и стал переезжать с антрепренерами из города в город, под вечным страхом, что каждую минуту полиция может препроводить его на родину.

Кручинина. Его зовут Григорий…

Дудукин. Да, Григорий.

Кручинина. А много ли ему лет?

Дудукин. Года двадцать три.

Кручинина. Не меньше?

Дудукин. Никак не меньше. Почему вас это интересует?

Кручинина. Так, некоторое совпадение… Да вы не обращайте внимания; это фантазия. Извините, что вас перебиваю.

Дудукин. Что касается вчерашней истории, так это дело обыкновенное; такие истории у нас часто случаются. Вчера один из наших почтенных обывателей, Мухобоев, так увлекся вашей игрой, что запил с первого акта. Стал шуметь в буфете, приставать ко всем, потчевать всех, целовать. Тут случился и Незнамов, он и к нему стал при-

ставать. Незнамов, чтоб отвязаться, хотел уйти из буфета; тогда Мухобоев стал ругаться и оскорбил Незнамова самым чувствительным образом.

Кручинина. За что же?

Дудукин. За то, что тот пить отказался. Я, говорит, ему честь делаю, хочу с ним выпить, а он, какой-то подзаборник, еще смеет отказываться.

Кручинина. Что такое «подзаборник»?

Дудукин. Ребенок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору.

Кручинина. Как это глупо! Неужели еще находятся такие люди, которые позволяют себе подобные выходки?

Дудукин. К несчастью, много их находится. Вслед за этой обидой началось должное возмездие: из почтенного Мухобоева Незнамов сделал что-то вроде отбивной котлетки. Сначала Мухобоев рассвирепел, хотел жаловаться, хотел сослать Незнамова в Сибирь, но добрые люди его скоро уговорили, и все кончилось примирением и общей выпивкой. Между тем на шум явилась полиция, и дело могло кончиться очень дурно для Незнамова, если б не ваше заступничество. А как вы вчера играли! Немудрено, что люди запивают от восторга. Как вы верно передали чувство матери!

Кручинина. На то я актриса, Нил Стратоныч!

Дудукин. Но чтоб верно представить положение, надо прочувствовать, пережить если не то самое, так хоть что-нибудь подобное.

Кручинина. Ах, Нил Стратоныч, я столько пережила и перечувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положение будет новостью.

Дудукин. Значит, лавры-то не дешево достаются?

Кручинина. Лавры-то потом, а сначала горе да слезы.

Дудукин. Но чувство матери, эта страстная любовь к сыну, это отчаяние…

Кручинина. И я была матерью, и я так же видела умирающего сына, как леди Микельсфильд, которую я вчера играла. Только мой сын умер еще ребенком. *(Утирает слезы.)*

Дудукин. Ну, вот я вас и плакать заставил; извините, пожалуйста.

Кручинина. Ничего, иногда и поплакать хорошо; я теперь не часто плачу. Я еще вам благодарна, что вы вызвали во мне воспоминания о прошлом; в них много горького, но и в самой этой горечи есть приятное для меня. Я не бегу от воспоминаний, я их нарочно возбуждаю в себе:

а что поплачу, это не беда: женщины любят поплакать. Я вчера объезжала ваш город: он мало изменился; я много нашла знакомых зданий и даже деревьев и многое припомнила из своей прежней жизни и хорошего и дурного.

Дудукин. Так вы у нас не в первый раз?

Кручинина. Нет, я и родилась здесь, и провела почти всю молодость. Я сначала хотела мимо проехать — меня ждут в Саратове и в Ростове; но ваш антрепренер узнал о моем проезде и упросил меня сыграть несколько спектаклей, чтобы поднять сборы, которые у него плохи, и я не жалею, что здесь осталась.

Дудукин. Вы давно ли уехали отсюда?

Кручинина. Ровно семнадцать лет.

Дудукин. И вы не встретили никого знакомых или родных, и вас никто не узнал?

Кручинина. Родных у меня нет; жила я скромно, почти не имела знакомства, так и узнать меня некому. Вчера я проезжала мимо того дома, где жила, велела остановиться и подробно осмотрела все: крыльцо, окна, ставни, забор, даже заглядывала в сад. Боже мой! Сколько у меня в это время разных воспоминаний промелькнуло в голове. У меня уж слишком сильно воображение и, кажется, в ущерб рассудку.

Дудукин. Это не порок-с, это у многих женщин есть.

Кручинина. Мне ничего не стоит перенестись за семнадцать лет назад; представить себе, что я сижу в своей квартире, работаю; вдруг мне стало скучно, я беру платок, накрываюсь и бегу навестить сына; играю с ним, разговариваю. Я его так живо представляю себе. Это, должно быть, от того, что я не видала его мертвым, не видала в гробу, в могиле.

Дудукин. Как же это случилось? Извините, что я вызываю вас на откровенность.

Кручинина. Я не боюсь быть откровенной с вами; вы такой добрый. Это случилось вот как: мне сказали, что мой сын захворал, в то самое время, когда я узнала, что отец его мне изменяет и потихоньку от меня женится на другой. Я и без того была потрясена, разбита, уничтожена, а тут еще болезнь ребенка. Я бросилась к нему и увидала ребенка уж без признаков жизни: передо мной был посиневший труп; дыхания уже не было, а только слышалось едва уловимое хрипение в горле. Я кинулась его обнимать, целовать и упала без чувств. Так в обмороке меня и доставили домой, а к вечеру у меня открылся сильный дифтерит. Я прохворала месяца полтора и едва еще

держалась на ногах, когда моя бабушка, единственная моя родственница, и то дальняя, увезла меня к себе в деревню. Там мне подали, наконец, письмо, в котором меня извещали, что сын мой умер и похоронен отцом, что малютка теперь на небесах и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его от меня скрывали. Потом мы с бабушкой поехали в Крым, где у нее было маленькое имение, и прожили там три года в совершенном уединении.

Дудукин. А дальнейшая ваша жизнь?

Кручинина. Она представляет мало интереса. Я с бабушкой много странствовала, жила и за границей, и довольно долго; потом бабушка умерла и оставила мне значительную часть наследства. Я стала довольно богата и совершенно независима, но от тоски не знала, куда деться. Подумала, подумала и пошла в актрисы. Играла я больше на юге и в этой стороне не была ни разу. Вот теперь заехала сюда случайно и вспомнила живо и свою юность, и своего сына, о котором и плачу, как вы видите; я ведь странная женщина: чувство совершенно владеет мною, захватывает меня всю, и я часто дохожу до галлюцинаций.

Дудукин. Лечиться надобно, Елена Ивановна; нынче против воображения есть довольно вер-

ные средства: с большим успехом действуют.

Кручинина. Да я не хочу лечиться; мне приятна моя болезнь. Мне приятно вызывать образ моего сына, приятно разговаривать с ним, приятно думать, что он жив. Я иногда с каким-то испугом, с какой-то дрожью жду, что вот-вот он войдет ко мне.

Дудукин. Да если б он и вошел, так ведь вы бы его не узнали.

Кручинина. Нет, мне кажется, узнаю, сердце скажет.

Дудукин. Да вы его воображаете ребенком, а ему теперь, если б он был жив, было бы двадцать лет. Ну представьте, что мечты ваши сбылись, что вы увидите вашего сына… Вот вам сказали, что сейчас он войдет сюда…

Кручинина. Ах, ах! *(Закрывает лицо руками.)*

Дудукин. Вы представляете себе улыбающееся, ангельское личико с беленькими шелковыми кудрями.

Кручинина. Да, да, с шелковыми кудрями.

Дудукин. И вдруг вваливается растрепанный шалопай, вроде Незнамова, небритый, с букетом грошовых папирос и коньяку.

Кручинина. Ах, нет! Ах, довольно, оставьте! Этим не шутят.

Дудукин. Да я и не шучу; я вам докладываю сущую правду. Нехорошо, Елена Ивановна, думать и сокрушаться о том, что было семнадцать лет тому назад; нездорово. Вы много дома сидите, вам нужно развлечение, нужно повеселее жизнь вести. *(Взглянув на часы.)* Ай, ай, как я заговорился с вами. *(Встает, взглянув на камин.)* Однако у вас посетителей-то довольно было!

Кручинина. Это только карточки, Иван их на камин складывает, а я почти никого не принимаю.

Дудукин *(взяв одну карточку)*. Григорий Львович Муров.

Кручинина. Как! Что вы прочли?

Дудукин. Муров, Григорий Львович. Если вы его прежде знали, так теперь не узнаете. Важным барином стал, разбогател страшно и один из главных воротил в губернии. До свидания, совершеннейшая из женщин. *(Целует руку у Кручининой.)* Я вас так и буду называть совершенством.

Кручинина. До свидания, Нил Стратоныч!

Дудукин уходит.

Иван!

Входит Иван.

Дома ли я, нет ли, господина Мурова никогда

не принимай! Слышишь?

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Кручинина. Муров разбогател, стал большим барином, важным лицом в губернии; а как жалок, сконфужен, как ничтожен он был, когда мы виделись в последний раз, когда я выгнала его из моей квартиры. Все это так живо мне представляется, как будто происходило вчера. Накануне этого рокового дня я навещала Гришу. *(Закрывает рукой глаза.)* Архиповна стояла с ним у окна, закрыв его до половины своим шейным платком. Когда я подошла, он забарабанил пальчиками по стеклу и спрятался под платок; потом выглянул и расхохотался. Прыгает так, что Архиповна едва удержать его может, ручонками машет, щечки разгорелись Ну вот, вот он; я как сейчас его вижу!

Входят Незнамов и Шмага, доедая кусок бутерброда.

Явление четвертое

Кручинина, Незнамов и Шмага.

Кручинина *(с испугом отступает)*. Ах!

Незнамов. Ничего, чего вы боитесь?

Кручинина. Извините.

Незнамов. Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу. Как вы

думаете: по искусству или по ремеслу?

Кручинина. Как вам угодно. Это зависит от взгляда.

Незнамов. Вам, может быть, угодно считать свою игру искусством, мы вам того запретить не можем. Я откровеннее, я считаю свою профессию ремеслом, и ремеслом довольно низкого сорта.

Кручинина. Вы вошли так неожиданно.

Незнамов. Да уж мы в другой раз сегодня…

Кручинина. Ах, да, мне сказывали.

Незнамов. Значит, не совсем неожиданно. Я говорю: мы — потому что я с другом. Вот рекомендую! Артист Шмага! Комик в жизни и злодей на сцене. Вы не подумайте, что он играет злодеев; нет, это не его амплуа. Он играет всякие роли и даже благородных отцов; но он все-таки злодей для всякой пьесы, в которой он играет. Кланяйся, Шмага!

Шмага кланяется.

Кручинина. Что вам угодно, господа?

Незнамов. Нам угодно поговорить с вами. Но, разумеется, вы можете сейчас же нас выгнать вон, вы на это имеете полное право. Не стесняйтесь с нами.

Кручинина. Нет, зачем же! Милости прошу! Садитесь, господа!

Незнамов. Сядем, Шмага! Не всегда нас так учтиво принимают.

Садятся. Шмага разваливается в кресле очень свободно.

Дело, собственно, касается меня; но я предоставляю говорить Шмаге, потому что он красноречивее.

Шмага. Мы слышали от нашего патрона, что вы говорили на сцене с губернатором.

Кручинина. Да, я говорила.

Шмага. Вы просили за Гришку Незнамова?

Кручинина. Да, и губернатор обещал, что на этот раз он не примет никаких мер, неприятных для господина Незнамова.

Шмага. Но позвольте, позвольте! Какое же вы имели право просить за Гришку? Он вас не приглашал в адвокаты.

Кручинина. Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня. Мне сказали, что господину Незнамову грозит большая неприятность…

Незнамов. Ну, так что ж? Вам-то что за дело?

Кручинина. Но если я имею возможность без особенного труда избавить кого бы то ни было от неприятности, так я должна это сделать непременно. Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом.

Незнамов *(с улыбкой)*. Счастливить людей, благодетельствовать?

Шмага *(смеется)*. И притом без большого труда. Нет, уж вы счастливьте кого угодно, только *(грозя пальцем)* не артистов. *(Разваливается еще более.)* Артист… горд!

Кручинина *(вставая)*. Ну, что ж делать! Извините! Я поступаю так, как мне велит моя совесть, как мне указывает сердце; других побуждений у меня нет. Оправдывать себя я не считаю нужным: можете думать обо мне, что вам угодно.

Незнамов. Я вам предлагал прогнать нас; это было бы для вас покойнее.

Кручинина. Нет, зачем же гнать! Я и теперь вас не прогоню. И обид, и оскорблений, и всякого горя я видела в жизни довольно; мне не привыкать стать. Мне теперь больно и в то же время интересно; я должна узнать нравы и образ мыслей людей, с которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!

Незнамов. Да-с, я говорить буду. Вот уж вы и жалуетесь, уж вам и больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для разнообразия, не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме

боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее, когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют. Это мне нож вострый! Одного только я прошу у людей: чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!

Кручинина. Я не знала этого.

Незнамов. Ну, так знайте же и не расточайте ваших благодеяний так щедро, будьте осторожнее! Вы хотели избавить меня от путешествия по этапу? Для чего вам это? Вы думаете, что оказали мне услугу? Нисколько. Мне эта прогулка знакома; меня этим не удивишь! Я уж ходил по этапу чуть не ребенком, и без всякой вины с моей стороны.

Шмага. За бесписьменность, виду не было. Ярлычок-то забыл захватить, как его по имени звать, по отечеству величать, как по чину место дать во пиру, во беседе.

Незнамов. Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины; а он что-нибудь, он какая-то единица, у него есть звание, есть вид. На этом виде значится: «Сын отставного канцеляриста; исключен

из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копиистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камлотовой шинели и оставлен в подозрении». Ну, разве не восторг иметь такой документ! У него вид чистый, он счастливец, он всякому может прямо смотреть в глаза, всякому может сказать, кто он и что он. Какая мне радость, что я по вашей милости останусь здесь, в этом городишке? Из театра меня гонят и выгонят; что же я за фигуру буду представлять из себя? Бродяга, не помнящий родства, и человек без определенных занятий! Но в таком звании нигде нельзя жить, ни в каком городе; или уж везде, но только на казенной квартире, то есть в местах заключения. Я не вор и наклонности к этому занятию не чувствую. Я не разбойник, не убийца, во мне кровожадных инстинктов нет; но все-таки я чувствую, что по какой-то покатости, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу. Таких людей лучше не трогать: благодеяния озлобляют их еще больше.

Кручинина. Ах, да отчего же, отчего же?

Незнамов. Да вот, например: мне совсем не до вас; существуете вы на свете, или нет вас — мне решительно все равно; мы друг другу чужие, ну,

и шли бы каждый своей дорогой. А вы навязываетесь с благодеяниями и напрашиваетесь на благодарность. Ну, положим, благодарить вас я не стану; так ведь все равно мне товарищи покоя не дадут. При всяком удобном случае каждый напомнит мне о вашем благодеянии. «Благодари Кручинину, что ты с нами! Кабы не Кручинина, странствовать бы тебе!» И так надоедят мне, что я принужден буду вас возненавидеть. А я этого не желал, я желал оставаться к вам равнодушным. Я понимаю, что благодетельствовать очень заманчиво, особенно если вас все осыпают любезностями и ни в чем вам не отказывают, но не всегда можно рассчитывать на благодарность, иногда можно наткнуться и на неприятность.

Кручинина. И довольно часто. Я это знаю.

Незнамов. И все не унимаетесь?

Кручинина. И не уймусь никогда, потому что чувствую потребность делать добро.

Незнамов. Это довольно странно. Поуняться не мешало бы.

Кручинина. Ну, вот что, господа! Я выслушала вас терпеливо; в том, что своей услугой я сделала вам неприятность, я извиняюсь перед вами. Но, господин Незнамов, вы очень дурно воспользовались моей снисходительностью; вы могли

говорить только о своем деле, а вы позволили себе обсуждать мои поступки и давать мне советы. Вы еще очень молоды, вы совсем не знаете жизни; вас окружали с детства, да и теперь окружают люди, далеко не лучшие. Делать заключения вообще о людях вы не смеете, потому что хороших людей вы почти не видали и среди их не жили. Вы видели жизнь только…

Шмага. Из подворотни?

Кручинина. Я не то хотела сказать.

Шмага. Отчего же? Нет, так лучше, вернее.

Незнамов. Все равно, не в словах дело.

Кручинина. Я опытнее вас и больше жила на свете; я знаю, что в людях есть много благородства, много любви, самоотвержения, особенно в женщинах.

Незнамов. Будто?

Кручинина. Вы ничего этого не видали?

Незнамов. Не случалось.

Кручинина. Очень жаль.

Незнамов. Где ж такие редкостные экземпляры находятся?

Кручинина. Везде, стоит только поискать; они не редки, их много. Да вот, недалеко ходить, вы знаете, что такое сестры милосердия?

Незнамов. Знаю.

Кручинина. Что побуждает их переносить лишения, невероятные труды, опасности?

Незнамов. Я этого не знаю.

Кручинина. Да и не одни сестры милосердия, есть много женщин, которые поставили целью своей жизни — помогать сиротам, больным, не имеющим возможности трудиться, и вообще таким, которые страдают не по своей вине… Да нет, этого мало… Есть такие любящие души, которые не разбирают, по чужой или по своей вине человек страдает, и которые готовы помогать даже людям…

Незнамов. Вы ищете слова? Не церемоньтесь, договаривайте.

Кручинина. Даже людям безнадежно испорченным. Вы знаете, что такое любовь?

Незнамов. Из романов знаю.

Кручинина. Вас любил кто-нибудь?

Незнамов. Как вам сказать… Настоящим образом нет… Меня нельзя любить.

Кручинина. Почему?

Незнамов. Да за что же любить человека безнадежно испорченного? Что за интерес? Разве с целью исправить? Так, во-первых, не всякого можно исправить; а во-вторых, не всякий позволит, чтоб его исправляли.

Кручинина. Можно и такого любить.

Незнамов. Сомневаюсь.

Кручинина. Разве сестры милосердия, со всей любовью, ухаживают только за теми, кого можно вылечить? Нет, они еще с большей любовью заботятся и о безнадежных, неизлечимых. Теперь вы, вероятно, согласитесь, что бывают женщины, которые делают добро без всяких расчетов, а только из чистых побуждений. Отвечайте мне. Бывают?

Незнамов *(потупясь)*. Да, бывают.

Кручинина. С меня и довольно. Вы раздражены, расстроены; подите успокойтесь и подумайте о том, что вы сейчас сказали!

Незнамов. Ну, Шмага, пойдем! Мы свое дело сделали — пришли и нагрубили хорошей женщине. Чего ж еще ждать от нас!

Шмага. Грубить — это твое дело, а я человек деликатный. Что такое был наш разговор? Это только прелюдия, серьезное будет впереди. Я имею другую тему, у меня теперь пойдет мотив в минорном тоне. Но без свидетелей мне будет удобнее.

Незнамов. Нет, нет, говори при мне, а то я тебя знаю.

Шмага. Мадам, мы пришли в гостиницу, чтоб объясниться с вами по делу, вам известному, но

вы были заняты. Ну, знаете ли, увлечение молодости, буфет, биллиард… соблазн… и при всем том недостаток средств. Вам, конечно, известно, что такое бедный артист. Одним словом, мы задолжали в буфете.

Незнамов *(строго)*. Что, что?

Кручинина. Не беспокойтесь, я велю сейчас заплатить. *(Незнамову.)* Пожалуйста, не претендуйте, доставьте мне это удовольствие.

Шмага. Да-с… мерси! Впрочем, иначе и быть не может; вам и следует заплатить. Мы не виноваты, что вы не могли нас принять. Не в передней же нам ждать. Мы артисты, наше место в буфете.

Незнамов. Ну, поговорил, и будет. Пойдем, марш!

Шмага. Ах, Гришка, оставь! Оставь, говорю я тебе! *(Кручининой.)* Но я вам должен сказать, мадам, что и дальнейшее наше существование не обеспечено. Вы — знаменитость, вы получаете за спектакль чуть не половину сбора; а еще неизвестно, от кого зависит успех пьесы и кто делает сборы, вы или мы. Так не мешало бы вам поделиться с товарищами.

Незнамов молча берет Шмагу сзади за воротник и ведет его к двери.

Шмага *(на ходу оборачиваясь то в ту, то в*

другую сторону). Гриша, Гриша!

Незнамов *(проводив Шмагу до двери)*. Уходи!

Шмага быстро скрывается.

Явление пятое

Кручинина и Незнамов.

Кручинина. Вам стыдно за вашего товарища?

Незнамов. Нет, за себя.

Кручинина. Зачем же вы дружитесь с таким человеком?

Незнамов. А где ж я, в моем звании, других-то возьму? Его, конечно, нельзя считать образцом нравственности; он не задумается за грош продать лучшего своего друга и благодетеля, но ведь, сколько мне известно, очень многие артисты не лишены этой слабости. Зато он имеет и неоцененные достоинства; он не зябнет в легком пальто в трескучие морозы, он не жалуется на голод, когда ему есть нечего, он не сердится, когда его ругают и даже бьют. То есть он, может быть, в душе и сердится, но ничем своего гнева не обнаруживает.

Кручинина. Он и зимой в летнем пальто ходит?

Незнамов. Вот как вы его видели, весь его гардероб тут.

Кручинина *(достает из портмоне десятируб-*

левую бумажку). Передайте ему, пожалуйста, от меня.

Незнамов. Что вы, что вы! Не надо. Он их пропьет сейчас же.

Кручинина. Ну, да уж как он хочет.

Незнамов. Это даром брошенные деньги.

Кручинина. Да ведь ему приятно будет получить их?

Незнамов. Еще бы! Конечно, приятно.

Кручинина. Ну, вот я представляю, как ему будет приятно, и мне самой делается приятно. Я люблю дарить. Да, вот что я вас попрошу. Не можете ли вы купить ему пальто готовое, получше? Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?

Незнамов. Да тут и труда нет никакого. *(Кланяется.)*

Кручинина. До свиданья.

Незнамов *(помолчав)*. Позвольте мне у вас руку поцеловать!

Кручинина. Ах, извольте, извольте!

Незнамов. То есть вы мне протянете ее, как милостыню. Нет, если вы чувствуете ко мне отвращение, так скажите прямо.

Кручинина. Да нет же, нет; я очень рада.

Незнамов. Ведь, в сущности, я дрянь, да еще

подзаборник.

Незнамов берет руку Кручининой.

Кручинина *(отвернувшись, тихо)*. Не говорите этого слова; я не могу его слышать.

Незнамов целует ее руку. Она прижимает его голову к груди и крепко целует.

Незнамов. Что вы, что вы! За что?

Кручинина. Извините!

Незнамов. Вы же еще просите извинения! Эх, бог с вами! *(Уходит.)*

Иван в дверях: «Ступай, ступай! Сказано, что не принимают!»

Кручинина. Иван, с кем ты там?

Входит Иван.

Явление шестое

Кручинина, Иван, потом Галчиха.

Иван. Тут, сударыня, одна полоумная попрошайка все таскается, господам надоедает.

Кручинина. Я дам ей что-нибудь.

Иван. Да ведь она повадится, от нее не отвяжешься. Нет, я ее спроважу лучше. *(Уходит.)*

Кручинина *(заглянув в дверь)*. Ах, ах! Кто это? Это она! Веди, веди ее сюда, Иван!

Входят Иван и Галчиха.

Архиповна! Узнаешь ты меня?

Галчиха. Как не узнать, ваше сиятельство; в прошлом году тоже не оставили своей милостью бедную старуху, сироту горькую.

Кручинина. Ты погляди на меня хорошенько, погляди!

Галчиха. Виновата, матушка, запамятовала. В запрошлом году сапожки-то пожаловали… Как же, помню…

Кручинина. Иван, кто это? Как ее зовут? Арина Галчиха?

Иван. Она самая-с.

Кручинина. Ну, ступай!

Иван уходит.

Где похоронили моего Гришу? *(Берет Галчиху за плечи.)* Моего ребенка, моего ребенка?

Галчиха. Не занимаюсь, матушка, годов пятнадцать не занимаюсь. А было время, брала ребят, брала деньги; жила ничем невредима, а теперь бедствую; без роду, без племени, сирота круглая.

Кручинина. Да ты вглядись в меня, вглядись хорошенько!

Галчиха. Матушка, да никак… неужто ж вы… как это… Любовь Ивановна, что ли?

Кручинина. Да, я, я, она самая…

Галчиха. Ну, как же, помню, матушка! Благодетельница!

Кручинина. Поедем же на могилку, поедем!

Галчиха. Куда, матушка, на какую?

Кручинина. Сын был у меня, сын.

Галчиха. Да, да, сын, точно… Как его звали-то? Много у меня ребят-то было, много. Генерала Быстрова помните? Всех детей принимала.

Кручинина. Да не то: все не то ты говоришь.

Галчиха. А то вот еще купцы были богатейшие у Здвиженья; так сама-то без меня ничего. Я ее и пользовала.

Кручинина. Да нет, мой сын, мой сын!

Галчиха. Да я про то ж и говорю; и ваш сын… А то еще вдова; за рекой дом, такой большущий и мезонин… и в этом мезонине…

Кручинина. Да не то… Сын мой, Гриша…

Галчиха. Гриша? Да, да, помню…

Кручинина *(сажая Галчиху на стул)*. Еще он тогда захворал; захворал вдруг страшной болезнью. Захрипел, ну, помнишь? И умер.

Галчиха. Выздоровел, матушка! Бог дал, выздоровел!

Кручинина. Что ты говоришь, Архиповна! Пожалей ты меня!

Галчиха. Выздоровел, выздоровел!

Кручинина. А потом, что потом?

Галчиха. Потом бедность меня одолела. Как в

те поры хорошо жила, всего было довольно; а тут и нет ничего. Хоть бы из одежонки что-нибудь пожаловали.

Кручинина. Да вот деньги, вот! Все отдам, только говори! *(Кладет на стол деньги.)* Где Гриша, что вы с ним сделали?

Галчиха. Ах, да… Бог меня наказал, вот за это за самое и наказал.

Кручинина. Да за что «за это»? Ты говоришь, что он выздоровел?

Галчиха. Выздоровел, выздоровел; как же! скорехонько выздоровел! *(Косится на деньги.)* Хорошо, кого господь-то наградит; а я вот горькая…

Кручинина. Ведь уж я сказала, что эти деньги будут твои, только говори. Прошу тебя, умоляю.

Галчиха. Да что, матушка, говорить-то?

Кручинина. О Грише, о моем Грише!

Галчиха. Беленькой такой мальчик?

Кручинина. Да, беленький. Ты говоришь, что бог тебя наказал за него. За что же?

Галчиха. Вспомнила, матушка, вспомнила.

Кручинина. Боже мой! Вспомнила! Ну, ну! *(Становится перед ней на колени и глядит ей прямо в глаза.)*

Галчиха. Как это он выправляться-то стал, так все маму спрашивал да кликал.

Кручинина *(рыдая)*. Ты говоришь: маму?

Галчиха. Да. Ручонки-то вытянет да говорит: «мама, мама!»

Кручинина. О, боже мой! О, боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше!

Галчиха. Думаю, куда его деть?.. Держать у себя — так еще будут ли платить… сумлевалась. Уж запамятовала фамилию-то… муж с женой, только детей бог не дал. Вот сама-то и говорит: достань мне сиротку, я его вместо сына любить буду. Я и отдала; много я с нее денег взяла… За воспитанье, говорю, мне за два года не плочено, так заплати! Заплатила. Потом Григорью… как его… да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: так и так, мол, отдала. И хорошо, говорит, и без хлопот. Еще мне же зелененькую пожаловал.

Кручинина. А потом, потом?

Галчиха. И все так хорошо, прекрасно.

Кручинина. Так ты видела его, навещала часто?

Галчиха. Как же, видала, видала… Да вот и недавно видела.

Кручинина *(с испугом)*. Недавно?

Галчиха. Бегает в саду, тележку катает; рубашечка синенькая.

Кручинина *(отстраняясь)*. Что ты, что ты! Да

ведь ему теперь двадцать лет.

Галчиха. Каких двадцать? Нет, маленький.

Кручинина. Да, Архиповна! Арина, Арина, что ты говоришь?

Галчиха. Ах, матушка, простите вы меня! Польстилась вот на деньги-то… Вы приказываете говорить; я и говорю, говорю, утешаю вас, а сама не знаю что… совсем затмилась… Затуманилось в голове-то, сама ничего не разберу. Передохнуть бы малость.

Кручинина. Ну, поди отдохни! *(Ведет Галчиху в другую комнату.)*

Галчиха. Коли что знаю, так я вспомню… *(Уходит.)*

Кручинина *(садится у стола)*. Какое злодейство, какое злодейство! Я тоскую об сыне, убиваюсь; меня уверяют, что он умер; я обливаюсь слезами, бегу далеко, ищу по свету уголка, где бы забыть свое горе, а он манит меня ручонками и кличет: мама, мама! Какое злодейство! *(Рыдая, опускает голову на стол.)*

Действие третье

ЛИЦА:
Кручинина.
Дудукин.
Муров.
Коринкина.
Незнамов.
Шмага.
Миловзоров Петя, первый любовник.

Женская уборная: обои местами прорваны, местами облупились; в глубине дверь на сцену; стол, перед ним мягкое потертое кресло, остальная мебель сборная.

Явление первое

Коринкина в задумчивости полулежит в кресле. Входит Миловзоров.

Коринкина. Кто там?

Миловзоров. Я, мой друг.

Коринкина. Затвори дверь!

Миловзоров. Зачем?

Коринкина. Шляются тут и подслушивают.

Миловзоров. У вас, мой друг, нервы.

Коринкина. Ну да, нервы; будут тут нервы. Не понимаю. Просто все помешались; в здравом уме таких вещей нельзя делать.

Миловзоров. Вы это про кого?

Коринкина. Про публику, про вчерашний спектакль. Ну, что такого особенного в Кручининой, чтобы так бесноваться? Ну, скажи? Я тебя спрашиваю, что в ней особенного?

Миловзоров. Тонкая французская игра.

Коринкина. Дурак! Убирайся от меня! Зачем вы ходите ко мне в уборную? Чтобы глупости говорить. Так я этого не желаю. Ведь ты меня злишь, злишь нарочно.

Миловзоров. Разве же я не могу свое мнение иметь?

Коринкина. Конечно, не можешь, потому что ты ничего не понимаешь. Да это и не по-товарищески. Пусть публика с ума сходит, а вам что! У вас есть своя актриса, которую вы должны поддерживать. Вы ни меня, ни моего расположения ценить не умеете. И ты-то, ты-то! Кажется, должен бы…

Миловзоров. Ах, мой друг, я очень, очень чувствую ваше расположение.

Коринкина. Я тебя и манерам-то выучила. Как

ты себя держал? Как ты стоял, как ты ходил? Ну, что такое ты был на сцене? Цирюльник!

Миловзоров. Я вам благодарен; но зачем же такие выражения? Это резко, мой друг. *(Хочет поцеловать руку у Коринкиной.)*

Коринкина. Что за нежности! Поди прочь от меня! *(Встает.)* Ничего нет особенного, ничего. Чувство есть. Что ж такое чувство? Это дело очень обыкновенное; у многих женщин есть чувство. А где ж игра? Я видала французских актрис, ничего нет похожего. И досадней всего, что она притворяется; скромность на себя напускает, держится, как институтка, какой-то отшельницей притворяется… И все верят — вот что обидно.

Миловзоров. Скромности у ней отнять нельзя.

Коринкина. Опять заступаться? Нет, уж ты про ее скромность рассказывай кому-нибудь другому, а я ее похождения очень хорошо знаю.

Миловзоров. И я знаю.

Коринкина. Что же ты знаешь?

Миловзоров. Да, вероятно, то же, что и вы. Мне Нил Стратоныч рассказывал.

Коринкина. Хорош! С меня взял клятву, что я молчать буду, а сам всем рассказывает. Да и отлично; пусть его болтает, и я молчать не намерена; очень мне нужно чужие секреты беречь!

Миловзоров. Да ведь уж это давно было; а после того она…

Коринкина. Что «после того она»? Нет, ты меня выведешь из терпения. Неужели вы все так глупы, что ей верите? Это смешно даже. Она рассказывает, что долго была за границей с какой-то барыней, и та оставила ей в благодарность за это свое состояние. Ну, какой чурбан этому поверит? С барином разве, а не с барыней. Вот это похоже на дело. Мы знаем, есть такие дураки, и обирают их. А то с барыней! Оставляют барыни состояние за границей, это сплошь да рядом случается, да только не компаньонкам. А коли у ней деньги, так зачем она в актрисы пошла, зачем рыщет по России, у нас хлеб отбивает? Значит, ей на месте оставаться нельзя, вышла какая-нибудь история, надо ехать в другое; а в другом — другая история, надо — в третье, а в третьем — третья.

Миловзоров. Она много добра делает, я слышал.

Коринкина. Для разговору. С деньгами-то можно себя тешить. Она вон и за Незнамова просила. А для чего, спросите у нее? Так, сама не знает. Она-то уедет, а мы тут, оставайся с этим сахаром.

Миловзоров. Жаль, что она едет-то скоро, а то бы он показал ей себя.

Коринкина. Да это можно и теперь; у меня со вчерашнего дня сидит мысль в голове. Только положиться-то ни на кого из вас нельзя.

Миловзоров. Ах, зачем же такие слова, мой друг. Я для вас все, что угодно…

Коринкина. Ну, смотри же! Честное слово?

Миловзоров. Благородное, самое благородное.

Коринкина. Слушай, я хочу попросить Нила Стратоныча, чтобы он пригласил Кручинину к себе сегодня вечером; ведь спектакля у нас нет. Пригласим и Незнамова, подпоим его хорошенько; а там только стоит завести его, и пойдет музыка.

Миловзоров. Да Незнамов, пожалуй, не поедет к Нилу Стратонычу; он дичится общества.

Коринкина. Ну, уж я умаслю как-нибудь. А ты прежде подготовь его, дай ему тему для разговора. Распиши ему Кручинину-то, что тебе жалеть ее. Ведь уж тут вертеться, мой милый, нельзя; я должна знать наверное: друг ты мне или враг.

Миловзоров. С ним разговаривать-то немножко страшно, он сильнее меня.

Коринкина. Ну, уж это твое дело. Как же ты осмеливаешься играть драматических любовников, если ты боишься пожертвовать собой, хоть раз в жизни, для меня, за все, за все…

Миловзоров. Ну, хорошо, мой друг, хорошо.

Коринкина. Ты только вообрази себе, какой это будет спектакль! Что за прелесть!

Дудукин за дверью: «Можно войти?»

Коринкина. Да, конечно, что за вопрос! *(Тихо Миловзорову.)* Отойди!

Входит Дудукин.

Явление второе

Коринкина, Миловзоров и Дудукин.

Миловзоров. Здравствуй, Нил. *(Вынимает у Дудукина из бокового наружного кармана портсигар, достает несколько папирос и кладет в свой, на что Дудукин не обращает никакого внимания.)*

Дудукин *(Коринкиной)*. Как ваше здоровье, моя прелесть? Вы вчера были как будто расстроены?

Коринкина. С чего вы взяли! Я совершенно здорова.

Дудукин. Ну, тем лучше, тем лучше. Очень рад.

Миловзоров. У тебя запас большой?

Дудукин. Бери, сделай милость, без церемонии.

Миловзоров. Когда же я с тобой, Нил, церемонюсь; ты меня обижаешь *(Кладет обратно Дудукину в карман портсигар.)*

Дудукин *(Коринкиной)*. Позвольте вашу белоснежную ручку прижать к моим недостойным губам. *(Целует руку Коринкиной.)*

Коринкина. Я-то здорова, Нил Стратоныч, совершенно здорова; вот вам бы с доктором посоветоваться не мешало. Я за вас серьезно опасаться начинаю.

Дудукин. Что так? Нет, я, грех пожаловаться, никакого изъяна в себе не замечаю.

Коринкина. Я боюсь, что вы окончательно с ума сойдете. Не болят руки-то после вчерашнего?

Дудукин. А, понимаю, понимаю. Восторгался, в экстаз приходил. Да ведь уж и игра! Ну, вот скажи, Петя; вот ты сам был на сцене. В сцене с тобой, например?

Миловзоров. Со мной, Нил, всякой актрисе легко играть. У меня жару много.

Дудукин. Жару? Однако ты вчера два раза так соврал, что чудо.

Миловзоров. Ах, Нил, я горяч, заторопишься, ну и невольно с языка сорвется.

Дудукин. А как ты иностранные слова произносишь! Уж бог тебя знает, что у тебя выходит.

Миловзоров. Роли плохо переписывают. Да для кого, Нил, стараться-то? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другие-то! Им что ни скажи, все равно.

Ведь у нас какая публика-то!

Дудукин. Ну, уж зато кто понимает, так даже в изумление приходят. Думаешь, боже ты мой милостивый, откуда только он берет такие слова! Ведь разве только в ирокезском языке такие звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся!

Миловзоров. Ну, вот еще. Ты, Нил, прав: не ты один, и другие мне то же говорили; да знаешь, жалованье небольшое, так не стоит очень стараться-то.

Дудукин. А вы, красота моя неописанная, не извольте гневаться. Я изящное люблю во всех видах. У людей со вкусом отношение к изящному совсем другое, особенное, совсем не то, что к живой красоте. Тут ревность неуместна.

Коринкина. Да кто вам сказал, что я ревную! Я вам сейчас докажу противное!

Дудукин. Доказывайте, мое блаженство!

Коринкина. Вы восхищаетесь Кручининой, подаете ей венки, собираете деньги на подарок — вы думаете, это ей нужно? Всего этого она видала много. А вот догадки у вас нет, как доставить ей удовольствие. Она живет в дрянной гостинице, в грязном номере, сегодня спектакля нет: что она будет делать дома вечером? Приедут к ней два-три поношенных театрала с своими, изви-

ните, глупыми восторгами, — вы думаете, это весело? Вы ее не познакомили с обществом, да и с артистами она видится только на репетиции; что бы вам нынче у себя вечер устроить с хорошим ужином и пригласить ее, только чтобы общество было избранное. Вы пригласите кого-нибудь из знакомых; а артисты уж это дело мое, я знаю, кого пригласить. Нравится вам моя мысль? Похоже это на ревность?..

Дудукин. О нет, какая ревность! Вот это идея, идея! Mercі, мое сокровище! Как это: женский ум… женский ум?..

Миловзоров. Женский ум лучше всяких дум.

Дудукин. Вот что правда, то правда! И как это мне в голову не пришло, я, Петя, полагаю, что мы неблагодарны, что мало мы у женщин ручки целуем.

Входит Шмага в новом пальто и в шляпе на ухо. Раскланивается.

Явление третье

Коринкина, Миловзоров, Дудукин и Шмага.

Шмага *(Дудукину)*. Меценату, просвещенному покровителю искусств и всяких художеств! Ну-ка, меценат, одолжите сигарочку!

Дудукин. Из каких тебе?

Шмага. Да уж я постоянно один сорт курю.

Дудукин. Какие же?

Шмага. Чужие.

Дудукин дает ему сигару, которую Шмага завертывает в бумажку и кладет в карман.

Это после, за завтраком.

Миловзоров. Шмага, ты не видал Незнамова? Будет он на репетиции?

Шмага. Кто ж его знает! Я не нянька его.

Коринкина. Вы, кажется, такие неразрывные были.

Шмага. Чего на свете не бывает. И мужья с женами расходятся, а не то что друзья.

Дудукин. Вот чудо-то! Какая кошка между вами пробежала?

Шмага *(важно)*. В убеждениях не сошлись.

Коринкина. Вы не смешите! Ну какие у вас с Незнамовым убеждения?

Дудукин. В самом деле, Шмага, что-то я у тебя прежде убеждений не замечал.

Шмага. Напрасно; убеждения у меня есть твердые. Вчера у меня, сверх всякого ожидания, деньги завелись, так, бешеные набежали, с ветру.

Миловзоров. Да, видим, видим, что ты в обновке.

Шмага. Мое убеждение такое, что надо их непременно пропить поскорее. А вы говорите, что у меня нет убеждений. Чем это не убеждение? И я убеждал Гришку отправиться в трактир «Собрание веселых друзей». Но убеждения мои не подействовали.

Дудукин. Отказался? Неужели?

Коринкина. Да это он сказки рассказывает.

Шмага. И не только отказался, но оскорбил меня словесно и чуть-чуть не нанес оскорбления действием; немножко бог помиловал. Кончено! Гришка погиб для нашего общества!

Миловзоров. Для какого?

Шмага. Для «Собрания веселых друзей». Я потерял лучшего своего друга.

Дудукин. Да что с ним сделалось?

Шмага. Очень просто: нить в жизни потерял.

Миловзоров. Как это нить потерял? Какую нить?

Шмага. Ну, вот еще, какая нить! У всякого своя нить. Ты вот любовник и на сцене, и в жизни, ты свою нить и тянешь, и нам надо было свою тянуть.

Коринкина. В «Собрании веселых друзей»?

Шмага. Конечно. Как человек нить потерял, так пропал. Ему и по заведенному порядку следует в

трактир идти, а он за философию. А от философии нападает на человека тоска, а хуже тоски ничего быть не может.

Дудукин. Незнамов — и за философию!.. странно.

Коринкина. Что его сглазили, что ли?

Шмага. Сглазили.

Коринкина. Кто же?

Шмага. Приезжая знаменитость.

Коринкина. Да ты врешь. Пошел вон!

Шмага. Нет, уж это верно.

Коринкина. Миловзоров, это надо принять к сведению.

Миловзоров. Примем.

Шмага. Кончено… Прощай, голубчик! Нить потерял.

Миловзоров. А ты не теряешь?

Шмага. Еще бы. Что мне за расчет! Вот я хочу к меценату обратиться с предложением услуг.

Дудукин. Благодарю. Каких услуг, мой друг?

Шмага. Я подозреваю, что у вас есть намерение угостить нас, первых сюжетов, завтраком; по этому случаю вы мне дадите денег; а уж я, так и быть, услужу вам, схожу куплю пирогов, колбаски, икорки и прочего.

Коринкина. Только, пожалуйста, не здесь.

Шмага. Ну, вот еще! Завтрак для первых сюжетов, так мы и пойдем туда, где первые сюжеты одеваются.

Миловзоров. Куда ж это?

Шмага. Наверх, на чердак, в общую, где статистам бороды наклеивают.

Дудукин. Услужи, услужи! Подожди немного на сцене, я только повидаюсь с Еленой Ивановной.

Миловзоров. Да коли увидишь Незнамова, так пошли его сюда.

Шмага *(показывая на сцену)*. Да вон он!

Дудукин и Шмага уходят.

Коринкина *(у двери)*. Незнамов, зайдите на минуту!

Незнамов входит.

Явление четвертое

Коринкина, Миловзоров и Незнамов.

Незнамов. Что вам угодно?

Миловзоров. Здравствуй, Гриша!

Незнамов. Здравствуй!

Коринкина. Что вы от нас бегаете?

Незнамов. От кого: «от нас»?

Коринкина. Ну, от меня.

Незнамов *(окидывая ее глазами)*. Да я никогда при вас и не состоял. Этого счастия удостоен не

был.

Коринкина. Кто ж виноват! Вы сами не хотели; вы такой нелюбезный. Не ждете ли вы, что женщины за вами будут сами ухаживать? Хоть это и бывает, да очень редко. Надо, чтоб вы сами…

Незнамов. Не могу. Я в эту должность не гожусь.

Коринкина. В какую?

Незнамов. Ни в пажи, ни в Амишки. Это вот уж их дело. *(Указывая на Миловзорова.)* Что же вам угодно от меня?

Коринкина. Ах, да ничего особенного; только не будьте таким букой, не удаляйтесь от нашего общества. Ну, что вам за компания Шмага!

Незнамов. Позвольте, позвольте! Шмагу не трогайте. Во-первых, он весел и остроумен, а вы все скучны; во-вторых, он хоть дрянь, но искренен: он себя за дрянь и выдает; а вы все, извините меня, фальшивы.

Коринкина. Ах, боже мой, я и не говорю, что мы святые; и у нас есть недостатки: и фальшь, и все, что вам угодно. Да простите нам их, как вы прощаете Шмаге; не судите нас строго!

Незнамов. Простите, не судите. Не хочу я ни судить, ни прощать вас; что я за судья! Я только сторонюсь от вас и буду сторониться, потому что

вы сейчас же поставите меня в дураки и насмеетесь надо мной.

Коринкина. Ах, что вы, что вы!

Миловзоров. Ах, Гриша! Зачем такая недоверчивость, мамочка!

Незнамов. В два голоса принялись!

Коринкина. Вы такой милый и водитесь с Шмагой.

Незнамов. Милый? Давно ли? Что вы мне поете? Ведь вы меня не любите.

Коринкина. То есть… не любила.

Незнамов. А теперь полюбили?

Коринкина. Уж вы многого захотели! Разве так прямо спрашивают! *(Смеется.)* При свидетелях я не признаюсь.

Незнамов. Ну, я как-нибудь вас без свидетелей поймаю.

Коринкина. Тогда другое дело.

Незнамов. Говорите ясней, говорите прямо! Что вам нужно?

Коринкина. Скажу, скажу… Только ведь я вас знаю, вы чудак и очень упрямый… Но на этот раз, пожалуйста, чтоб без отказу.

Миловзоров. Да, мамочка, уж сделай милость.

Незнамов. Да говорите!

Коринкина. Я не знаю, как и начать, уж очень

боюсь вас. Вот видите ли, Нил Стратоныч звал нас сегодня на вечер.

Незнамов. Так что ж? Мне-то что за дело?

Коринкина. Нет, я боюсь, право, боюсь. Да уж рискну, была не была… Так вот: проводите меня к нему, останьтесь с нами весь вечер и отвезите меня домой! Да ну, решайтесь! Ах, какой тюлень!

Незнамов. Что такое вы выдумываете!

Коринкина. Ну, голубчик, ну, милый Незнамов.

Миловзоров. Да какой Незнамов! Просто Гриша.

Коринкина. Ну, Гриша! Милый, сделай для меня это удовольствие! *(Обнимает и целует Незнамова.)*

Незнамов. Что вы! Что вы! Это что еще за новости?

Коринкина. От души, голубчик, от души.

Незнамов. Ну, коли от души, так другое дело. А он-то? Ведь он у вас постоянный, бессменный…

Коринкина. Он другую даму провожает; да он уж и надоел мне.

Незнамов. Ну, что ж, извольте: я сегодня свободен. Только ведь там скучно.

Коринкина. Мы постараемся развлечь вас. Вот это мило! Вот за это душка! *(Делает ручкой и*

уходит на сцену.)

Явление пятое

Незнамов и Миловзоров.

Незнамов. Что это за комедия? Скажи, пожалуйста!

Миловзоров. Никакой комедии, мамочка, все очень просто.

Незнамов. Да зачем именно я ей понадобился? Разве она не могла взять кого-нибудь другого?

Миловзоров. Кого же? Из резонеров или комиков? Разве можно на них рассчитывать? Они и сами не знают, что будет с ними к вечеру. А может быть, мамочка, это женский каприз. Им часто приходит в голову то, чего и не ожидаешь.

Незнамов. Каприз! Не люблю я капризов-то.

Миловзоров. Ах, мамочка, да разве бывают женщины без капризов!

Незнамов. Да ты-то почем это знаешь? Много ли ты женщин видел? И каких? Ты судишь об женщинах по водевилям, где у них, после каждого слова, улыбка к публике и куплет. Что такое нынче у Нила Стратоныча?

Миловзоров. Ничего особенного. Будет бомон и артисты; всё свои люди; Кручинина будет.

Незнамов. Кручинина? Что ж ты мне прежде

не сказал?

Миловзоров. Да об чем говорить-то! Что тут такого необыкновенного, что надо особо докладывать?

Незнамов. А как ты думаешь: Кручинина обыкновенная женщина или нет?

Миловзоров. Актриса, вот и все.

Незнамов. Да актриса-то обыкновенная?

Миловзоров. Публике нравится.

Незнамов. А тебе?

Миловзоров. Говорят, Сара Бернар лучше.

Незнамов. Говорят! А сам-то ты уж ни глаз, ни смыслу не имеешь? Ну, так я тебе скажу: она и артистка необыкновенная и женщина необыкновенная.

Миловзоров. Артистка — пожалуй! Ну, а женщина... *(Улыбается и пожимает плечами.)*

Незнамов *(строго)*. Что женщина? Договаривай!

Миловзоров. Я думаю, такая же, как и все.

Незнамов. Ведь ты меня знаешь; я на похвалы не очень щедр; а я тебе вот что скажу: я только раз поговорил с ней, и все наши выходки, молодечество, ухарство, напускное презрение к людям показались мне так мелки и жалки, и сам я себе показался так ничтожен, что хоть сквозь землю

провалиться. Мы при ней и разговаривать-то не должны! А стоять нам, дурачкам, молча, опустя голову, да ловить, как манну небесную, ее кроткие, умные речи.

Миловзоров. Нет, я со всеми развязен.

Незнамов. О, несчастный!

Миловзоров. Ведь это философия, мамочка!

Незнамов. Замолчи! Сочти так, что ты не слыхал моих слов, что я с этой стеной разговаривал. Ты не знаешь, долго ли Кручинина здесь пробудет?

Миловзоров. Я полагаю, что она скоро уедет.

Незнамов. Почему?

Миловзоров. Да так: открылись некоторые обстоятельства, старые грешки.

Незнамов. Я тебе приказываю говорить об этой женщине с уважением. Слышишь?

Миловзоров. Я бы рад говорить с уважением, если тебе это приятно; но всех молчать не заставишь; я повторяю только чужие слова.

Незнамов. Вы сами же сочинили какую-нибудь гадость, да и расславляете везде. Я вас знаю, вы на это способны. Ты скажи всем, что я обижать ее не позволю, что я за нее…

Миловзоров. Прибьешь? От тебя, мамочка, только того и жди.

Незнамов. Нет, не прибью…

Миловзоров. Не прибьешь, помилуешь?

Незнамов. Я убью до смерти.

Миловзоров *(с испугом)*. Ну, вот, мамочка! Как же можно с тобой разговаривать? Ну тебя! Оставь меня, не спрашивай. Я уйду.

Незнамов. Нет, постой! Ты начал, так договаривай! Только говори правду, одну правду!

Миловзоров. Вот ты сам, мамочка, заставляешь; а начни я говорить, так ты опять…

Незнамов. Нет, говори, говори! Мне нужно знать все. От этого зависит… Не поймешь ты, вот чего я боюсь. Ведь я круглый сирота, брошенный в омут бессердечных людей, которые грызутся из-за куска хлеба, за рубль продают друг друга; и вдруг я встречаю участие, ласку — и от кого же? От женщины, которой слава гремит, с которой всякий считает за счастие хоть поговорить! Поверишь ли ты, поверишь ли, я вчера в первый раз в жизни видел ласку матери!

Миловзоров. Мамочка, это увлечение. Ты, Гриша, влюблен?

Незнамов. Нет, я вижу, что с тобой говорить невозможно. Да вылезь ты из своего дурацкого амплуа хоть на минуту! Это не любовь, это благоговение.

Миловзоров. Ты говоришь, что в первый раз узнал ласку матери? Вот в этом-то ты и ошибаешься.

Незнамов. Что такое? Что за вздор ты говоришь?

Миловзоров. Любовь матери ты можешь искать где угодно, но только не у нее.

Незнамов. Не испытывай ты моего терпения!

Миловзоров. Ее главным образом и обвиняют в том, что она бросает своих детей.

Незнамов. Как бросает?

Миловзоров. Вот здесь, например, несколько лет тому назад она бросила своего ребенка на произвол судьбы и уехала с каким-то барином. Да говорят, это бывало с ней и не один раз.

Незнамов. Кто же ее обвиняет?

Миловзоров. Да все, мамочка. Да чего лучше! Спроси у Нила Стратоныча, он говорил с ней об этом предмете, и она сама ему призналась.

Незнамов. Постой, постой! Это невозможно; нет, это на нее не похоже. У нее в голосе, в разговоре, в манере такая искренность, такая сердечность.

Миловзоров. А ты и растаял, распустил губы-то? Актриса, хорошая актриса.

Незнамов. Актриса, да… но я все-таки тебе не

верю…

Миловзоров. Я и уверять не стану; как хочешь!

Незнамов *(задумывается)*. Актриса! актриса! Так и играй на сцене. Там за хорошее притворство деньги платят. А играть в жизни над простыми, доверчивыми сердцами, которым игра не нужна, которые правды просят… за это казнить надо… нам обмана не нужно! Нам подавай правду, чистую правду! Актриса! *(Задумывается.)* Где Шмага?

Миловзоров. Наверху, в уборной, водку пьет.

Незнамов. Хорошее это занятие. О, как бы я желал, чтобы все это оказалось вздором!

Миловзоров. А если правда?

Незнамов. Ну, тогда я сумею наказать себя за глупую доверчивость; да и еще кой-кому достанется! *(Уходит.)*

Входит Коринкина.

Явление шестое

Миловзоров, Коринкина, потом Кручинина.

Коринкина. Уходи! Сюда идет Кручинина, она хочет отдохнуть. Что Незнамов?

Миловзоров. Подействовало.

Коринкина. То-то он вышел, как в воду опу-

щенный. Значит, вечером будет спектакль.

Миловзоров. Да, этот вечер будет с финалом; Незнамов эффекты всегда к концу приберегает. *(Уходит.)*

Входит Кручинина.

Коринкина. Пожалуйте! Я уезжаю. Уж извините, у нас все уборные плохи! В моей хоть отдохнуть можно; а в других повернуться негде.

Кручинина. Да, у меня неудобно и дует очень.

Коринкина. Здесь все-таки и знакомых принять можно.

Кручинина. Мне некого.

Коринкина. Как знать! У нас ведь постоянно на сцене публика толчется, случается, что и зайдет кто-нибудь! Так до свидания у Нила Стратоныча! За вами Миловзоров заедет.

Кручинина. Да, я уж просила его.

Коринкина подает руку и уходит. Кручинина садится к столу, вынимает роль и читает. Входит Муров.

Явление седьмое

Кручинина и Муров. Кручинина оборачивается, встает со стула и на поклон Мурова молча кланяется.

Муров *(с улыбкой)*. Муров, Григорий Львович!

Честь имею представиться. *(Кланяется.)* Я вчера два раза заезжал к вам в гостиницу, но не имел счастия заставать. Третьего дня я был в театре; говорить о том впечатлении, которое ваша игра производит на зрителей, я не стану. Это вам и без меня известно, но я был поражен еще необыкновенным сходством, которое вы имеете с одной женщиной, мне когда-то знакомой.

Кручинина. Что же вам угодно?

Муров. Я желаю знать, ошибаюсь я или нет. Театральное освещение, румяна, гримировка — все это так изменяет физиономию, что можно найти сходство и там, где его нет.

Кручинина. Ну, вот я теперь без гримировки. Что же вы находите?

Муров. Я изумлен еще более. Такой игры природы не может быть. Когда смотришь на вас, или надо не верить глазам своим, или, извините, нельзя удержаться от вопроса.

Кручинина. Спрашивайте!

Муров. Вы Любовь Ивановна Отрадина?

Кручинина. Да, я Любовь Ивановна Отрадина.

Муров. Но откуда вы явились, где вы были до сих пор, что делали, как поживали?

Кручинина. Я так полагаю, что вам этого ничего знать не нужно; потому что до вас это нисколько

не касается.

Муров. Но откуда ж у вас это имя? Зачем вы явились сюда под чужой фамилией?

Кручинина. Я поступила на сцену, начала новую жизнь, потому и переменила фамилию; это обыкновенно так делается. Я взяла имя и фамилию моей матери. Вы кончили ваши вопросы?

Муров. Вы желаете поскорей отделаться от меня, прекратить разговор и указать мне дверь.

Кручинина. Нет, я жду, когда вы кончите спрашивать.

Муров. Я кончил.

Кручинина. Ну, теперь я вас спрошу. Где мой сын, что вы с ним сделали?

Муров. Да ведь уж я вам писал, что он умер. Разве вы моего письма не получили?

Кручинина. Нет, получила, но вы меня обманули. Он выздоровел, и когда вы мне писали об его смерти, он был жив.

Муров. Если вы это знали, отчего вы не приехали и не взяли его?

Кручинина. Я узнала только вчера. А тогда я не могла приехать, я была очень больна: меня увезли полумертвую. Вы это знали хорошо. Зачем вы меня обманули?

Муров. Один поступок всегда влечет за собой

другой. Я боялся, что вы вернетесь, пойдет разговор, может дойти до моей жены и на первых порах рассорит нас.

Кручинина. Ну, это все равно; дело кончено. Куда вы дели моего ребенка? Говорите только правду, я сама кой-что знаю.

Муров. Мы нашли очень хороших, достаточных людей; я им передал сына своими руками и, отдавая, надел тот медальон, который вы мне оставили.

Кручинина. Так он цел, он у него? Там его золотые волосы, там я и записку положила.

Муров. Какую записку?

Кручинина. Так, маленькую. Я записала день его рождения.

Муров. И больше ничего?

Кручинина. Уж теперь не помню.

Муров. Я этого не знал; я думал, что это так, золотая безделушка, не представляющая никакого документа. Ну, да это все равно. Добрые люди обещали мне никогда не снимать с него медальона. Они, вероятно, считали его за какой-нибудь талисман или амулет, имеющий таинственную силу, или за ладанку, которую надевают детям от грыжи.

Кручинина. Что же дальше?

Муров. Они его растили, учили, воспитывали, а сами богатели. Расширили свою торговлю, завели в нескольких губернских городах большие магазины, выстроили себе большой дом, уж не помню хорошенько где — в Сызрани, в Ирбите или в Самаре; нет, кажется, в Таганроге, и переехали туда на житье.

Кручинина. Давно ли это было?

Муров. Лет восемь тому назад.

Кручинина. А потом вы имели о нем сведения?

Муров. Нет. Они просили меня прекратить все сношения с ними. Мы, дескать, воспитали его, он носит нашу фамилию и будет нашим наследником, так уж оставьте нас в покое. Да и в самом деле, если рассуждать здраво, чего лучше можно ожидать для ребенка без имени. Я мог вполне успокоиться; его участь завидная.

Кручинина. Фамилия этого купца?

Муров. Я уж забыл. Не то Иванов, не то Перекусихин; что-то среднее между Ивановым и Перекусихиным, кажется, Подтоварников. Если вам угодно, я могу собрать справки. Сегодня же я увижу одного приезжего, который знает всех купцов во всех низовых городах, и сегодня же передам вам. Ведь вы будете у Нила Стратоныча?

Кручинина. Да, буду.

Муров. Можно сказать вам еще несколько слов, вы позволите?

Кручинина. Говорите!

Муров. За огорчение, которое я вам причинил, я был наказан жестоко: покойная жена моя сумела из моей жизни сделать непрерывную пытку. Но я все-таки не помяну ее дурным словом; это наказание я заслужил, и притом же она оставила мне огромное состояние. После моей безотрадной жизни, когда я опять увидел вас, старая страсть запылала во мне. Я ведь не юноша, не преувеличиваю своих чувств и научился взвешивать выражения; если я говорю, что запылала, так, значит, действительно запылала, и другого слова для выражения моего чувства нет. Тут только я понял, какое счастие я потерял; это счастие так велико, что я не остановлюсь ни перед какими жертвами, чтоб возвратить его. Вы победили меня, разбили окончательно. Я прошу пощады, прошу мира. Заключимте мир! Я побежденный, вы имеете право диктовать мне условия; я приму их с покорностью, беспрекословно.

Кручинина. Как горько это слышать! Вы не даете никакой цены свежему, молодому чувству простой любящей девушки и готовы унижаться

перед женщиной пожившей, которой душа уж охладела, из-за того только, что она имеет известность!

Муров. Но, Люба, неужели не осталось в тебе ни одной искры прежнего чувства?

Кручинина. Здесь нет Любы; перед вами Елена Ивановна Кручинина.

Муров. Твое чувство было так богато любовью, так расточительно!

Кручинина. Я разучилась понимать такие слова.

Муров. Извините! Я знал женщину; теперь передо мной актриса. Я буду говорить иначе. Не угодно ли вам будет посетить меня в моем имении? Не угодно ли вам будет там остаться и быть хозяйкой? Наконец, не угодно ли вам быть госпожою Муровой?

Кручинина. На все ваши вопросы я вам буду отвечать тоже вопросом. Где мой сын? И пока я его не увижу, другого разговора между нами не будет. Мне пора на сцену. *(Уходит.)*

Муров. До свиданья. *(Идет за Кручининой.)* Я терпелив и надежды не теряю никогда. *(Уходит.)*

Входит Незнамов, мрачный, останавливается у двери и пристально смотрит на сцену.

Явление восьмое

Незнамов, потом Шмага.

Незнамов *(у двери)*. Шмага, Шмага, поди сюда! Поди сюда, говорят тебе!

Шмага за дверью: «Бить не будешь?»

Да не буду, очень мне нужно об тебя руки марать!

Шмага входит, Незнамов берет его за ворот.

Говори, говори! Что там шепчутся, что говорят обо мне?

Шмага. Постой, не души! Отпусти на минутку, дай вздохнуть! Все скажу, всю правду скажу.

Незнамов *(выпуская из рук Шмагу)*. Ну, говори!

Шмага. Что говорят-то? Да говорят глупости.

Незнамов. Это я знаю.

Шмага. А коли знаешь, за что ж сердишься!

Незнамов. Да ты не рассуждай, а говори, что слышал.

Шмага. Да я, признаться, и не слушал. Зачем слушать-то? Ведь, кроме глупости, я от них ничего не позаимствую; а этого у нас и дома много.

Незнамов. Да они что-то поминали меня и Кручинину и шептались.

Шмага. Да шепотом ли, вслух ли глупости говорить — разве это не все равно?

Незнамов. Да ведь они смеются. Это ужасно, это невыносимо! Ведь по крайней мере с моей-то стороны было искреннее, глубокое чувство. И зачем я рассказал!

Шмага. Ну вот то-то же.

Незнамов. И этот вечер у Нила Стратоныча, о котором они хлопочут! Нет ли тут интриги, нет ли какой-нибудь подлости? Не хотят ли они глумиться над женщиной, которая заслуживает всякого уважения?

Шмага. Уважения, ты говоришь?

Незнамов *(хватаясь за голову)*. Ах, да я и сам не знаю, уважения или презрения.

Шмага. А не знаешь, так не водись ни с ними, ни с ней.

Незнамов. Постой! Представь себе, что человек бедный, самый бедный, который всю жизнь не видал в руках гроша, нашел вдруг груду золота…

Шмага. Превосходней ничего быть не может!

Незнамов. Погоди! И вдруг эта груда оказывается мусором. Что тогда?

Шмага. Да, если человек жаден, и золото очень мило ему показалось, так после такого превращения уж он непременно зацепит петельку на гвоздик, да и начнет вправлять туда свою шею.

Незнамов. Ну, так слушай!

Шмага *(махнув рукой)*. Философия пошла. Нет, Гриша, нет, ты меня своей философией не май, не томи!

Незнамов. Да ведь есть же разница между добром и злом?

Шмага. Говорят, есть какая-то маленькая; да не наше это дело. Нет, ты меня философией не донимай! А то я затоскую так же, как ты. Направимся-ка лучше в «Собрание веселых друзей».

Незнамов. О, варвары! Что они делают с моим сердцем! Но уж кто-нибудь мне ответит за мои страдания: или они, или она!

Идут к двери.

Действие четвертое

ЛИЦА:
Кручинина.
Незнамов.
Коринкина.
Миловзоров.
Дудукин.
Шмага.
Муров.
Гости и прислуга.

Лунная ночь. Площадка в большом барском саду, окруженная старыми липами; на площадке скамейки и столики ясеневые, на чугунных ножках; на сцену выходит терраса большого дома, у террасы рабатки с цветами и вьющимися растениями. На террасу из дома стеклянная дверь и несколько окон; в доме полное освещение.

Явление первое

На одной скамейке сидят Незнамов и Миловзоров, на другой — Шмага; он смотрит то на луну, то по сторонам, вздыхает и принимает

разные позы.

Миловзоров. Что ты, Шмага, вздыхаешь? Чем недоволен, мамочка?

Шмага. На луну сержусь.

Миловзоров. За что?

Шмага. Зачем она на меня смотрит? И какое глупое выражение! Точь-в-точь круглолицая, сытая деревенская девка, которая стоит у ворот, неизвестно чему рада, скалит зубы и во весь рот улыбается.

Миловзоров. Ты, мамочка, не понимаешь поэзии, а я сижу и про себя думаю: «Эка ночь-то!».

Шмага. Как бы хорошо в такую ночь…

Миловзоров. По Волге кататься?

Шмага. Нет, в трактире сидеть.

Миловзоров. Ну, что за вздор! В трактире хорошо зимой. На дворе вьюга или мороз, квартиры у нас, по большей части, сырые или холодные; в трактире светло и тепло.

Шмага. И весело.

Миловзоров. Ну, а летом там душно, мамочка.

Шмага. А ты вели окно открыть; вот тебе и воздух, и поэзия! Луна смотрит прямо тебе в тарелку; под окном сирень или липа цветет, померанцем пахнет…

Миловзоров. Это от липы-то?

Шмага. Нет, от графина, который на столе стоит. Петухи поют, которых зажарить еще не успели.

Миловзоров. Петухи! Проза, мамочка! Ты, вероятно, хотел сказать: соловьи.

Шмага. Да ведь это по деньгам глядя: много денег, так до соловьев просидишь, а мало, так только до петухов. Соловей зарю воспевает, попоет, попоет вечером да потом опять на заре защелкает; а петух полночь знает, это наш хронометр. Как закричит, значит, наш брат, бедняк, уходи из трактира, а то погонят. *(Смотрит на луну и вздыхает.)* Нет, вот мука-то, я вам доложу! Мы, изволите видеть, к богатому барину в гости приехали! А зачем, спрашивается! Природой любоваться? Сиди да гляди на луну, как волк в зимнюю морозную ночь. Так ведь и волк поглядит, поглядит, да и взвоет таково жалобно. Давай, Гриша, завоем в два голоса! Ты вой, а я подвывать стану с разными переливами; авось хозяин-то догадается.

Незнамов. Тебе, видно, не очень худо; ты еще шутить можешь, а мне, брат, скверно.

Шмага. Ну, и мне не легче.

Незнамов. Ты доберешься до буфета, у тебя и пройдет твое горе.

Шмага. А тебе кто ж мешает?

Незнамов. Мне это средство не поможет; пожалуй, хуже станет.

Миловзоров. Ну, не скажи, мамочка!

Шмага. А ты попробуй, чудак, попробуй!

Незнамов. Не проси; и то, кажется, попробую.

Шмага. Что ж это такое, в самом деле! Назвал человек гостей, а занять их не умеет.

Миловзоров. Ну, уж это ты напрасно, мамочка. Нил свое дело знает. Солидные люди у него играют в карты, молодые разговаривают с дамами.

Шмага. А актеры?

Миловзоров. Чем же актеров занимать? Они сами должны оживлять общество.

Шмага. Так ты прежде нас настрой как следует, подыми тон, придай фантазии, тогда мы и станем оживлять общество.

Миловзоров. Всему свой черед, мамочка. Теперь чай пьют; не хочешь чаю?

Шмага. Нет, уж это сами кушайте! *(Вздыхает.)*

Входит Коринкина.

Явление второе

Незнамов, Миловзоров, Шмага и Коринкина.

Коринкина. Господа, что же вы удаляетесь от общества? *(Незнамову.)* А вы что надувшись си-

дите, отчего нейдете к нам?

Незнамов. Зачем я вам понадобился?

Коринкина. Кручинина уж два раза про вас спрашивала. Она очень хорошо о вас отзывается.

Незнамов. Да хорошо ли, дурно ли, это мне все равно. Я вообще не люблю когда про меня разговаривают. Ах, уж оставили бы вы меня в покое. Точно у вас нет другого разговора!

Коринкина. Да что вы за недотрога! Уж и хорошо-то про вас не смей говорить. Кручинина находит, что у вас талант есть и много души.

Шмага. Ну, душа-то для актера, пожалуй, и лишнее.

Миловзоров. Для комиков — это так; но есть и другие амплуа.

Шмага. Да вот ты каждый день любовников играешь, каждый день в любви объясняешься; а много ль у тебя ее, души-то?

Миловзоров. Я нахожу, что для здешней публики достаточно, мамочка.

Шмага. Для публики достаточно, а для домашнего употребления, брат, мало.

Незнамов. Желал бы я знать, как настоящие великие артисты в обыкновенной жизни себя ведут? Неужели так же притворяются, как на сцене?

Коринкина. Вероятно. Много надо опытности, много надо пожить на свете чтобы выучиться отличать настоящее чувство от поддельного.

Незнамов. Так, значит, надо ждать, пока состаришься? А до тех пор все будут тебя обманывать да дураком звать. Покорно вас благодарю. Лучше совсем не верить никому.

Коринкина. Да, пожалуй, что так.

Шмага. Душа-то у Незнамова есть, это правда; да вот беда-то, смыслу-то у него мало; не знает он, куда ее деть, куда ее расходовать.

Незнамов. Это ты правду говоришь.

Шмага. А вот я хочу узнать, есть ли у вас душа, Нина Павловна?

Коринкина. Это что еще за глупость?

Шмага. Я согласен, что меня, актера Шмагу, можно в порядочный дом и не пускать; ну и не пускайте, я не обижусь. Но ежели пустили и тем более пригласили, то надо принять в соображение мой образ жизни и мои привычки. Если у вас есть душа, то распорядитесь…

Коринкина. Понимаю, понимаю. У меня есть душа, я уж давно распорядилась. Я затем и пришла, чтоб пригласить вас.

Шмага. Пришли с таким приятным известием и молчите до сих пор! Ну, хорошо, что я не

умер от нетерпения, а то могло бы возникнуть уголовное дело. *(Подходит к Незнамову.)* Гриша! Брось философию-то, пойдем! Что нам природа: леса, горы, луна? Ведь мы не дикие, мы люди цивилизованные.

Незнамов. Действительно, брат, скучно. Ну, пойдем, цивилизованный человек. Пойдем в буфет! Пойдем туда, куда влечет меня мой жалкий жребий!

Коринкина *(Миловзорову, тихо)*. Он, кажется, в ударе. Подогрейте его хорошенько!

Миловзоров. Постараюсь.

Идут все к дому; навстречу им выходят Кручинина и Дудукин.

Явление третье

Незнамов, Миловзоров, Шмага, Коринкина, Кручинина и Дудукин.

Кручинина. Куда же вы, господа? Вы не от меня ли бежите?

Коринкина. О, нет; они сейчас же вернутся; я их к вам приведу.

Шмага. Бывают в жизни артиста минуты, когда он стремительно спешит к своей цели, как из лука стрела. Остановить его — напрасный труд!

Кручинина. Когда же эти минуты бывают?

Шмага. Когда загремят ножами и вилками и скажут: закуска готова.

Незнамов. Пойдем! Довольно тебе паясничать!

Коринкина, Незнамов, Миловзоров и Шмага уходят в дом.

Дудукин. Когда Шмага заговорит о закуске, так до пафоса доходит; он возбуждает аппетит; мы за этим его и приглашаем.

Кручинина. Да, это тоже своего рода талант; но едва ли нужно поощрять такие способности.

Дудукин. Что ж делать! Жизнь-то у нас, в провинции, скучна очень, так будешь рад и Шмаге. Я ведь не проповедник; у меня правило: живи сам и жить давай другим. Вы еще не соскучились у нас, не надоело вам?

Кручинина. Да где ж веселее-то? Везде одно и то же. Но отсюда все-таки мне надо уезжать скорее.

Дудукин. Почему же?

Кручинина. Слишком много волнения я испытываю; здесь все напоминает мне мое печальное прошлое.

Дудукин. Прошлое пора позабыть.

Кручинина. Да уж я было и стала забывать, да вот попала случайно на родину, все и ожило в моей памяти.

Дудукин. Забудьте, забудьте! Пора вам поль-

зоваться своей славой, своими успехами, пора успокоиться на лаврах.

Кручинина. И рада бы успокоиться, да не дают. Я чуть было не умерла вчера.

Дудукин. Неужели? Что же случилось?

Кручинина. Оказалось, что я была обманута самым безжалостным образом. Когда мне писали, что мой сын умер, он был жив, он выздоровел. Его отдали кому-то в приемыши.

Дудукин. Кому же?

Кручинина. Ничего неизвестно, никто не знает. У кого только можно было спросить, я спрашивала. Некоторые помнят, что действительно были какие-то приезжие купцы или мещане, а кто говорит, что и господа, что взяли ребенка и уехали; а куда — никто не знает. Так и следов не осталось.

Дудукин. Где ж теперь следов искать! Кому ребенок мешал, кому нужно было его спрятать, так уж, поверьте, спрятали хорошо.

Кручинина. Так вы думаете, что это сделано умышленно, что его хотели сбыть с рук?

Дудукин. Без сомнения. А то зачем же было писать вам, что он умер?

Кручинина. Да, конечно. Ну, вот видите ли… А вы все советуете успокоиться.

Дудукин. Да и думать-то об одном и том же что

хорошего! Пользы никакой не будет, ничего не придумаете, а с ума сойти можно.

Кручинина. Да, можно, можно; я теперь понимаю, что даже легко сойти с ума.

Дудукин. А вы положитесь на судьбу! Коли суждено вашему сыну найтись, так он найдется.

Муров показывается на террасе.

А пока будем жить и веселиться! Жизнь для радостей дана.

Входит Муров.

Явление четвертое

Кручинина, Дудукин и Муров.

Муров. Там последний роббер кончили; новая партия составляется.

Дудукин. Извините! Я побегу, усажу господ играющих и сейчас же возвращусь. *(Уходит.)*

Муров. Вы мне позволите побеседовать с вами?

Кручинина. Вы имеете что-нибудь сообщить мне?

Муров. Имею; но, к сожалению, известие не совсем приятное.

Кручинина. Ничего, говорите! Я приятными известиями не избалована.

Муров. Я видел того человека, о котором давеча

говорил вам.

Кручинина. Что же вы узнали от него?

Муров. Что этот купец Простоквашин…

Кручинина. Вы, кажется, говорили: Иванов?

Муров. Я давеча ошибся, а потом вспомнил. Так вот-с что: купец Простоквашин вместе с приемышем своим, года три или четыре тому назад, уехали в Астрахань по своим торговым делам; оба там захворали какой-то заразительной болезнью и умерли.

Кручинина. Если это и правда, то ведь осталась вдова. Уж вам лучше сказать, что все умерли.

Муров. Нет, как можно! Зачем ей умирать! Помилуйте! Вдова осталась, непременно осталась.

Кручинина. Где ж она, что ж она?

Муров. А она, должно быть, с огорчения, вышла замуж за молодого человека, за своего приказчика.

Кручинина. Как ему фамилия?

Муров. Это неизвестно; впрочем, легко узнать: стоит только спросить, за кого вышла замуж вдова купчиха Непропекина.

Кручинина. Вы сейчас только сказали, что фамилия этого купца Простоквашин, а теперь уж Непропекин!

Муров. Как, неужели? Впрочем, спорить не

смею; я очень часто перепутываю фамилии.

Кручинина. Теперь еще вопрос: во всем том, что вы мне говорили давеча и теперь, есть сколько-нибудь правды?

Муров *(смеется)*. Вопрос категорический! Не сомневайтесь! Есть!

Кручинина. Что же именно?

Муров. Что сын ваш умер, что его давно нет на свете, и пора забыть все это дело.

Кручинина. Забывайте; я вам не мешаю.

Муров. Нет, я вам советую. Занимайтесь своим делом артистическим, благо оно идет у вас так успешно. Вы не семнадцатилетняя девочка; вам уж пора бросить сентиментальность, пора иметь рассудок и смотреть на жизнь серьезнее.

Кручинина. Как вы осмеливаетесь давать мне советы!

Муров. Вы меня сами вынудили. Вы тут ездите по городу, расспрашиваете, нашли какую-то полоумную старуху… Приятно ли мне это — подумайте! Я один из самых крупных землевладельцев, у нас скоро выборы, я баллотируюсь на видную должность, а вы тут заводите сплетни; так и жди какого-нибудь скандала.

Кручинина. Да какое мне дело до вас? Я ищу своего сына; мне запретить никто не может.

Муров. Вот что! Я еще раз предлагаю вам бросить всю эту мелодраму и помириться со мной на самых выгодных для вас условиях. А если не хотите, так по крайней мере уезжайте отсюда.

Кручинина. Я не хочу ни того, ни другого. Я обязана сыграть здесь еще два спектакля, и сыграю их, и уеду тогда, когда мне заблагорассудится.

Муров. Обязаны! Что за обязательства! Сборы здешние, что ли, вас очень прельщают? Так я вам заплачу, заплачу и антрепренеру.

Кручинина. Вы уж заплатили мне злом за добро, а за зло, которое вы мне сделали, у вас не хватит состояния заплатить мне. Я не так богата, как вы, а готова заплатить, что угодно, чтоб только не видать вас, чтоб вы не встречались мне никогда. Я избегала вас, вы сами меня нашли.

Муров. Вот видите ли, я бы для вас и даром уехал отсюда, без всякой платы, да мне нельзя. Я здешний обыватель, здесь все мои интересы, а у вас что здесь? Только одни фантазии. Так фантазировать можно и во всяком другом месте. Послушайте, не ссорьтесь со мной! Вам это будет невыгодно: я человек сильный, у меня большая партия.

Кручинина. Я не боюсь вас. Я знаю, что вы способны на все; но хуже того, что вы сделали, вам

уж не придумать.

Муров *(пожимая плечами)*. Ну, как угодно.

Входит Дудукин.

Явление пятое

Кручинина, Муров и Дудукин.

Дудукин. Вот я и опять у ваших ног. Угодно вам погулять по саду?

Кручинина. Нет, здесь свежо. Я пойду в комнаты. Не провожайте меня, я и одна дорогу найду.

Дудукин. Ну, как вам угодно.

Кручинина уходит.

Муров. Нил Стратоныч, скажите, пожалуйста, этот молодой актер, которого я сейчас у вас видел, имеет способности?

Дудукин. Да, кажется. Жаль только, что поучиться ему не у кого, образцов не видит, так и застрянет в провинции. А теперь-то бы и учиться, пока молод.

Муров. Ну, на вид-то он не очень молод.

Дудукин. Беспорядочная жизнь, кутежи, бессонные ночи их рано старят.

Муров. А как вы полагаете, сколько ему лет?

Дудукин. Да лет двадцать с чем-нибудь, никак не больше.

Муров. Не может быть. Ему, я полагаю, под

тридцать.

Дудукин. Почему вы спросили о нем?

Муров. Да уж очень он ведет себя развязно, громко говорит, судит решительно.

Дудукин. Ну, уж не взыщите! Это их манера, держать себя не умеют.

Муров. Беседку-то вы перестроили?

Дудукин. Перестроил, и эстраду для музыкантов выстроил.

Муров. А кто он, этот артист, и откуда?

Дудукин. Фамилия его Незнамов; а откуда он, кто ж его знает. Да что он вас интересует?

Муров. Нет, я так спросил. В нем что-то такое есть. Видно, что он не простого происхождения.

Дудукин. Ну, происхождения-то своего он и сам не знает.

Муров. Напрасно вы их пускаете.

Дудукин. С ними как-то веселее. Да кому ж они мешают? Я не знаю, со мной они всегда очень учтивы.

Муров. С вами, этого мало. Надо, чтоб они со всеми были учтивы. Я ему заметил, что прежде молодые люди были гораздо почтительнее к старшим, а он имел дерзость возражать. Вероятно, говорит, старики прежде были умнее и почтеннее. Глупый ответ. Так вы говорите, что

ему лет двадцать?

Дудукин. Да, около того.

Муров. Вы пруд вычистили?

Дудукин. Вычистил и рыбы напустил, теперь и не узнаете.

Муров. Любопытно взглянуть.

Дудукин. Пойдемте!

Идут в глубину сада. Из дома выходит Коринкина, за ней Миловзоров.

Явление шестое

Коринкина и Миловзоров.

Миловзоров. Куда вы устремляетесь?

Коринкина. Нужно сказать несколько слов Нилу Стратонычу.

Миловзоров. Еще успеете.

Коринкина. Да ты что, в нежном настроении, что ли?

Миловзоров. Есть тот грех; теперь я и нежен, и красноречив, и умен, кажется, а вы от меня бежите.

Коринкина. Ну, да мало ль что? Ты представь, что мне теперь не до тебя. Что Незнамов, все скромничает?

Миловзоров. Нет, разрешил. Они с Шмагой так и не отходят от стола. Кругом их собралось боль-

шое общество; Шмага острит, а Незнамов всякого, кто чуть заважничает, вздумает говорить свысока или подтрунить над ними, так и режет, как бритвой. А кругом них публика так и грохочет. У них там пир горой, разливанное море. Тот говорит: «Со мной, господин Незнамов, выпьемте!» Другой говорит — со мной! А Шмага только приговаривает: «И я с вами за компанию».

Коринкина. Однако я тут толкую с тобой, а мне надо видеть Нила Стратоныча.

Миловзоров. Да вон он, кажется, сюда идет. Кручинина раза два заглядывала в столовую; заслышит монологи Незнамова и назад.

Коринкина. Надо послать к ней Нила Стратоныча, а то она уедет, пожалуй. Я уж заметила, что она скучать начинает.

Входит Шмага.

Явление седьмое

Коринкина, Миловзоров и Шмага.

Шмага. Вот теперь наслаждаться природой можно. Теперь и луна поумней смотрит.

Миловзоров. А Незнамов где?

Шмага. Все там же.

Миловзоров. Что же ты, мамочка, его оставил?

Шмага. Поди ты к нему, коли тебе охота; он

хоть и друг мне, а в такие минуты я стараюсь держать себя поодаль.

Миловзоров. Друг, а боишься; хорош, мамочка!

Шмага. Ну, сунься поди! Вон он идет; хочешь, натравлю?

Миловзоров. Нет, нет, мамочка, оставь, пожалуйста, оставь!

Входит Незнамов.

Явление восьмое

Коринкина, Миловзоров, Шмага и Незнамов.

Незнамов *(Коринкиной)*. А! Вы здесь!

Коринкина. Здесь. Где же мне быть прикажете?

Незнамов. Да мне все равно. А все-таки я вас люблю, я влюблен в вас.

Коринкина. Покорно вас благодарю.

Незнамов. А вы меня любите?

Коринкина. А вы как думаете?

Незнамов. Да как думать? Почем я знаю.

Коринкина. Догадайтесь!

Незнамов. Ну, вот еще, очень нужно мне догадываться. Говорите прямо, начистоту!

Коринкина. Как же, дожидайтесь! Да с чего вы взяли так со мной разговаривать?

Незнамов. Отчего ж не разговаривать?

Коринкина. Да не смейте, вот и все!

Незнамов. Сметь-то, положим, я смею. А знаете ли, ведь вы лучше того, чем я о вас думал.

Коринкина. А что же вы обо мне думали?

Незнамов. Спрашиваете?

Коринкина. Да, спрашиваю.

Незнамов. Я думал, что вы уж совсем никакого интереса не представляете; так все равно, что ничего.

Коринкина. Ах, боже мой! Скажите пожалуйста! Во-первых, милостивы государь, вы еще очень молоды, чтобы разбирать и ценить людей; вы еще мальчишка…

Незнамов. Да, это во-первых, а во-вторых что? Во-вторых-то и не скажете! Хотите, я научу?

Коринкина. Не нуждаюсь.

Незнамов. Да ведь не скажете. Женщина, когда рассердится, так воображает, что может наговорить ужасно много горьких истин. Начнет торжественно; «Во-первых», да в пяти словах все и выскажет; дальше содержания-то и не хватает. «Во-вторых», «во-вторых», а сказать-то нечего.

Коринкина. Ах, какой противный!

Незнамов. Но и тут они не теряются. Когда у них ни слов, ни соображения не хватает, так они

браниться начинают. А во-вторых, скажут: «Ты дурак, невежа». Так, что ли?

Коринкина. Так точно. А во-вторых, ты невежа!

Незнамов. Вот за это мерси! Как вы натурально сердитесь, это хорошо.

Коринкина. А если в другой раз будете подобные глупости говорить, так будет еще натуральнее; я такую залеплю…

Незнамов. Отчего же в другой раз, а не теперь?

Коринкина. Не хочу, вот и все.

Незнамов. Нет, пожалуйста! Ну, я вас прошу. Ну, что вам стоит. Авось труд-то не велик.

Коринкина. Да у меня уж сердце прошло. Теперь это будет в шутку, а я хочу серьезно.

Незнамов. Ну, хоть в шутку.

Коринкина. Да что вы пристаете? Ну, вот вам! *(Треплет Незнамова ласково по щеке.)*

Незнамов. А! Так вы вот как! Ну, теперь берегитесь! Теперь я имею полное право…

Коринкина. Что еще? Какое право?

Незнамов. Поцеловать вас. Чем же еще я могу отплатить женщине за оскорбление?

Коринкина. Да что ты, с ума, что ль, сошел?

Незнамов. Да нет, уж кончено, какие тут разговоры.

Коринкина. Да что вы, Незнамов, что за глупости! Вон Нил Стратоныч идет.

Незнамов. Вот только разве Нил-то Стратоныч, а то бы!.. Ну, да ведь вместе домой-то поедем.

Входит Дудукин.

Явление девятое

Коринкина, Миловзоров, Шмага, Незнамов и Дудукин.

Коринкина. Нил Стратоныч, что же вы Кручинину оставили; она, кажется, домой сбирается.

Дудукин. Как домой! Нет, нет, без ужина нельзя. Удержите ее как-нибудь, мое сокровище!

Коринкина. Да она меня не послушает.

Дудукин. Так пойдемте вместе ее уговаривать.

Коринкина. Пойдемте! Подождите минутку! *(Обращаясь к Незнамову и Шмаге.)* Господа, за ужином и вообще при Кручининой, пожалуйста, не заводите никакого разговора о детях.

Незнамов. О детях? Что такое? Почему?

Дудукин. Ах, да, да, да! Ни под каким видом, господа, ни под каким видом!

Незнамов. Ведь это странно! А если к слову придется? Ну, наконец, войдет мне в голову такая фантазия?

Дудукин. Нет, уж я прошу вас в виде личного

для меня одолжения. Я, как хозяин, забочусь, чтобы не было ничего неприятного для моих гостей.

Незнамов. О детях нельзя; а о совершеннолетних можно?

Дудукин. Сделайте одолжение.

Шмага. Нет, Гриша, давай уж лучше о дедушках и бабушках говорить.

Незнамов *(громко смеется)*. Ха-ха-ха! Именно! Ну, вы можете быть покойны: мы будем говорить о таком возрасте, который очень далек от детского.

Дудукин и Коринкина уходят.

Что за новости, что за дикие распоряжения? Это какая-то новая игра? Ужин с особой программой для разговора!

Миловзоров. Да разве ты забыл, мамочка, что я тебе давеча говорил?

Незнамов. Ах, да. Понимаю теперь. *(Хватается за голову.)*

Миловзоров. Значит, правда, а ты меня, мамочка, убить хотел.

Незнамов. Эка важность! Хоть бы и убили тебя! Ну, чего ты стоишь?

Шмага отходит довольно далеко.

Вот я очень бы доволен был, кабы меня убил кто-нибудь. Эй, Шмага, что ты бегаешь от меня,

чего ты боишься?

Шмага *(издали)*. Учен, так и боюсь.

Незнамов. Поди сюда, болтай что-нибудь.

Шмага. Да что болтать-то? Остроумие что-то на вольном воздухе улетучиваться начинает, подбавить бы его нужно.

Незнамов. А вот погоди, мы подбавим. Надо, брат Шмага, пользоваться случаем. Не всегда нас с тобой приглашают в порядочное общество, не всегда обращаются с нами по-человечески. Ведь мы здесь такие же гости, как и все.

Шмага. Да, это не то, что у какого-нибудь «его степенства», где каждый подобный вечер кончается непременно тем, что хозяина бить приходится, уж без этого никак обойтись нельзя.

Незнамов. Да, здесь нам хорошо! А ведь мы с тобой ведем себя не очень прилично и, того гляди, скандал произведем. То есть скандал не скандал, а какой-нибудь гадости от нас ожидать можно.

Шмага. Похоже на то. Что ж делать-то! Из своей шкуры не вылезешь.

Выходят Дудукин, Кручинина, Коринкина; за ними два лакея: один с бутылками шампанского, другой со стаканами на подносе, и ставят вино и посуду на столах. Из глубины сада выходит Муров, из дома выходят гости, которые частью

остаются на террасе, а частью располагаются отдельными группами на площадке сада.

Явление десятое

Незнамов, Миловзоров, Шмага, Дудукин, Кручинина, Коринкина и Муров, гости и лакеи.

Дудукин. Помилуйте, Елена Ивановна, в кои-то веки дождались такого счастья, что видим вас в нашем обществе; ведь я о вашем посещении на стенке запишу золотыми буквами, а вы нас покидать собираетесь.

Кручинина. Я очень вам благодарна, Нил Стратоныч, и с удовольствием бы осталась, да не могу. Ведь только сегодня свободный вечер у меня, а то каждый день спектакль, мне отдохнуть нужно.

Дудукин. Да еще успеете, успеете и дома быть и отдохнуть; уделите нам хоть полчасика!

Кручинина. Не могу, Нил Стратоныч, не могу. Я вот прощусь с товарищами, найду своего кавалера и поеду.

Дудукин. Нет, нет, без надлежащих проводов мы все-таки вас не выпустим. Надо обряд исполнить как следует. Присядьте вот на диванчик! Вы распорядились, Нина Павловна?

Коринкина. Да, вот готово. *(Лакеям.)* Давайте!

Подают шампанское.

Кручинина. Это напрасно, Нил Стратоныч; я вина не пью, мне вредно.

Дудукин. Без этого нельзя; у нас почетных гостей всегда так провожают! Пожалуйте! Ну, хоть немножко, сколько можете.

Кручинина берет стакан вина.

Господа, пожалуйте, по стаканчику. Выпьем за здоровье Елены Ивановны.

Муров. Я охотно принимаю ваше предложение; я еще не успел поблагодарить Елену Ивановну за наслаждение, которое она нам доставила своим талантом.

Все берут стаканы.

Дудукин. Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглохшее стоячее болото нашей захолустной жизни. Господа, я риторики не знаю, я буду говорить просто. У нас, людей интеллигентных, в провинции только два занятия: карты и клубная болтовня. Так почтим же талант, который заставил нас забыть наше обычное времяпровождение. Мы спим, господа, так будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают нам о том идеальном мире, о котором мы забыли.

Голоса: «Браво, браво!»

Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами: с умом, с сердечной добротой, с душевной чистотой, он представляется нам уже таким явлением, перед которым мы должны преклоняться. Господа, выпьем за редкий талант и за хорошую женщину, Елену Ивановну!

Все чокаются стаканами с Кручининой и пьют.

Незнамов *(чокнувшись с Шмагой)*. Шмага, мы выпьем за хорошую актрису, а за хороших женщин пить дело не наше. Да и кто их разберет, хорошие они или нет.

Дудукин. Незнамов, что вы!

Незнамов. Виноват.

Кручинина. Я за свои труды уже достаточно вознаграждена и нравственно и материально. Господа, честь, которую вы мне оказываете, я обязана разделить с моими товарищами. Господа, я предлагаю тост за всех служителей искусства, за всех тружеников на этом благородном поприще, без различия степеней и талантов!

Дудукин. Справедливо, прекрасно, благородно! Нина Павловна, Миловзоров, Незнамов, Шмага! За ваше здоровье!

Муров. За ваше здоровье, господа!

Шмага. Наконец-то и я сподобился, что за мое

здоровье пьют.

Кручинина. Ну, теперь уж, Нил Стратоныч, я поеду, мне пора.

Незнамов. Нет, куда ж вы! Нет, позвольте! Так нельзя. Надо еще тост предложить. *(Громко.)* Эй! Дайте вина! Вы уж мне позвольте сказать несколько слов; я вас не задержу, не задержу. Мне только бы сказать то, что у меня на душе; не хочется, чтобы оно так оставалось.

Кручинина. Сделайте одолжение! Мне будет очень приятно послушать вас; да я надеюсь, что и всем тоже.

Незнамов. Господа, я получил позволение говорить и потому прошу не перебивать меня.

Дудукин. Говорите!

Миловзоров и **Шмага**. Говори, говори!

Незнамов. Господа, я предлагаю тост за матерей, которые бросают детей своих.

Дудукин. Перестаньте, что вы, что вы!

Кручинина *(пораженная)*. Нет, говорите, говорите!

Незнамов. Пусть пребывают они в радости и веселии, и да будет усыпан путь их розами и лилеями. Пусть никто и ничто не отравит их радостного существования. Пусть никто и ничто не напомнит им о горькой участи несчастных

сирот. Зачем тревожить их? За что смущать их покой? Они все, что могли, что умели, сделали для своего милого чада. Они поплакали над ним, сколько кому пришлось, поцеловали более или менее нежно. И прощай, мой голубчик, живи, как знаешь! А лучше бы, мол, ты умер. Вот что правда, то правда: умереть — это самое лучшее, что можно пожелать этому новому гостю в мире. Но не всем выпадает такое счастье. *(Склоняет голову и на мгновенье задумывается.)* А бывают матери и чувствительнее; они не ограничиваются слезами и поцелуями, а вешают своему ребенку какую-нибудь золотую безделушку: носи и помни обо мне! А что бедному ребенку помнить? Зачем ему помнить? Зачем оставлять ему постоянную память его несчастия и позора? Ему и без того каждый, кому только не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором. А знают ли они, как иногда этот несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливает слезами маменькин подарок? Где, мол, ты ликуешь теперь, откликнись! Урони хоть одну слезу на меня! Мне легче будет переносить мои страдания, мое отчаяние. Ведь эти сувениры жгут грудь.

Кручинина бросается к Незнамову и достает с его груди медальон.

Кручинина. Он, он! *(Шатается и падает без чувств на диван.)*

Все окружают ее.

Дудукин. Ах, боже мой, она умирает! Доктора, доктора! Вы ее сын. Вы убили ее!

Незнамов. Я ее сын?

Дудукин. Да. Сколько лет она искала вас! Ее уверили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видела вас в своих мечтах, разговаривала с вами.

Незнамов. У ней не было других детей?

Дудукин. Что вы, что вы!

Незнамов. А как же мне сказали? Господа, зачем же вы меня обманули?

Коринкина. Тише, тише, она приходит в себя.

Незнамов. Господа, я мстить вам не буду, я не зверь. Я теперь ребенок. Я еще не был ребенком. Да, я ребенок. *(Падает на колени перед Кручининой.)* Матушка! Мама, мама!

Кручинина *(приходя в себя)*. Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама!

Незнамов. Я здесь.

Кручинина. Да, это он… Гриша, мой Гриша! Какое счастье! Как хорошо жить на земле. *(Гладит Незнамова по голове.)* Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь он нашел свою

мать и будет еще лучше.

Незнамов *(тихо)*. Мама, а где отец?

Кручинина. Отец… *(Оглядываясь кругом.)* *Муров отворачивается.*

Отец… *(Нежно.)* Твой отец не стоит того, чтоб его искать. Но я бы желала, чтоб он посмотрел на нас. Только бы посмотрел; а нашим счастием мы с ним не поделимся. Зачем тебе отец? Ты будешь хорошим актером, у нас есть состояние… А фамилия… Ты возьмешь мою фамилию и можешь носить ее с гордостью; она нисколько не хуже всякой другой.

Дудукин. Я думал, что вы умерли!

Кручинина. От радости не умирают. *(Обнимает сына.)*

Не от мира сего*

Семейные сцены в 3 действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Виталий Петрович Кочуев, важный господин, средних лет, служащий в частном банке.

Ксения Васильевна, его жена.

Макар Давыдыч Елохов, пожилой человек, проживший большое состояние.

Фирс Лукич Барбарисов, молодой человек, по наружности очень скромный.

Ардалион Мартыныч Муругов, богатый барин, живущий очень широко.

Хиония Прокофьевна, экономка.

Мардарий, лакей.

Кабинет, изящно меблированный; большой стол, заваленный бумагами, шахматный столик и проч. Две двери: прямо — в большую приемную залу; направо от актеров — в уборную Кочуева.

Явление первое

Елохов входит из приемной, Мардарий входит из уборной с подносом, на котором пустая бутылка шампанского.

Елохов. Что это? Шампанское пьют? Пивали и мы шампанское, пивали, друг, пивали. Кто там у него?

Мардарий. Ардалион Мартыныч. Уж извольте немножко подождать.

Елохов. Посылал ведь он за мной.

Мардарий. Знаю-с. Да приказывали, как придет, говорят, Макар Давыдыч, так попроси подождать в кабинете.

Елохов. Делами занимаются?

Мардарий. Так точно-с.

Елохов. Важными, должно быть?

Мардарий. Само собою-с. Уж важней наших делов нет-с. Потому как через ихние руки большие миллионы свой оборот имеют. При таком колесе без рассмотрения нельзя: каждая малость рассудка требует.

Елохов. То-то они, должно быть, для рассудка шампанское-то и пьют.

Мардарий. Да, ведь уж Ардалион Мартыныч без этого напитку не могут; они даже во всякое время-с. Как они приезжают, так уж мы и знаем-с, без всякого приказания.

Елохов *(садясь)*. Эх, эх! Пивали, друг, и мы.

Мардарий. Как не пить-с! Да отчего ж господам и не кушать, если есть такое расположение?

Хмельного в шампанском нет; только одно звание, что вино; и пьют его больше для прохлаждения: так не с пивом же или квасом сравнять. Да хоть бы и лимонад… Пьешь его — сладко, а выпил — пустота какая-то. Конечно, другой в деньгах стеснение видит, так уж тому ни в чем развязки нет; весь человек связан.

Елохов. Какая уж развязка без денег!

Мардарий. Потому крыльев нет. И рад бы полететь, да взяться нечем.

Елохов. Полететь-то и без крыльев можно; влезь на колокольню повыше, да и лети оттуда. Одна беда: без крыльев сесть-то на землю хорошенько не сумеешь: либо плашмя придешься, либо вниз головой.

Мардарий. Это точно-с. А Ардалиону Мартыныч стеснять себя какая оказия, коли у них состояние даже сверх границ! И характер у них такой: что им в голову пришло, сейчас подай! О цене не спрашивают. Тоже иногда послушаешь их разговор-то…

Елохов. А что?

Мардарий. Да уж оченно хорошо, барственно разговаривают. Спрашивают как-то барин у Ардалиона Мартыныча: «А ведь ты, должно быть, в год много денег проживаешь?» А Ардалион Мар-

тыныч им на ответ: «А почем я знаю. Я живу, как мне надобно, а уж там в конторе сочтут, сколько я прожил. Мне до этого дела нет». Так и отрезали; значит, шабаш, кончен разговор. Благородно. *(Прислушиваясь.)* Кажется, идут-с. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Из боковой двери выходят Кочуев и Муругов.

Явление второе

Елохов, Кочуев и Муругов.

Кочуев. Макар, здравствуй!

Елохов. Здравствуй! *(Кланяется Муругову; тот молча подает ему руку.)*

Муругов *(Кочуеву)*. Ну, так как же, Виталий Петрович?

Кочуев. Не могу, никак не могу; уж я вам сказал. Прошу у вас отпуска по домашним обстоятельствам.

Муругов. Что такое за «домашние обстоятельства»? Я этого не понимаю. Дом, домашние обстоятельства! Что вы птенец, что ли, беззащитный? Те только боятся из гнезда вылететь. У порядочного человека везде дом: где он, там и дом.

Елохов *(Кочуеву)*. Куда это тебя манят?

Муругов. Пикник у нас завтра, легкий обед по

подлиске.

Елохов. А позвольте узнать, почем с физиономии?

Муругов. Рублей по 300 выйдет. Не угодно ли?

Елохов. Ого! Было время, не отказался бы, а теперь не по карману.

Муругов. Недорого: с дамами; букеты дамам прямо из Ниццы, фрукты, рыба тоже из Франции. Разочтите!

Кочуев. Не зовите его; он у нас философ.

Елохов. «Философ»! Пожалуй, и философ, да только поневоле.

Муругов. Как поневоле?

Елохов. Прожил состояние, вот и философствую. Что ж больше-то делать? Все-таки, занятие. А будь у меня деньги, так кто б мне велел? С деньгами философией заниматься некогда, другого дела много. А без денег у человека досуг; вот от скуки и философствуй!

Кочуев. Нет, уж дня два-три, а может быть, и неделю, я не ваш. Деньги, если угодно, я заплачу, а быть не могу.

Муругов. Что вы! Да разве нам деньги нужны? Нам люди нужны. Скучно будет без вас.

Кочуев. Не могу, решительно не могу.

Муругов. Ну, как хотите. После сами будете

жалеть.

Кочуев. Знаю, знаю, что буду жалеть, да что ж делать!

Муругов. Я все-таки завтра за вами заеду: может быть, и надумаете. До свиданья! *(Подает руку Кочуеву и Елохову и уходит. Кочуев его провожает и возвращается.)*

Явление третье

Елохов, Кочуев, потом Мардарий.

Елохов. Ты посылал за мной; ну, вот я и пришел. Зачем я тебе понадобился? В шахматы, что ли, играть? Так давай! Я сегодня в расположении, 300 рублей выиграю и запишусь на пикник.

Кочуев. Я хочу поделиться с тобой радостью.

Елохов. Двести тысяч выиграл?

Кочуев. Больше. Жена приедет.

Елохов. Когда?

Кочуев. Да сейчас или завтра. Сегодня утром депешу получил.

Елохов. Да, действительно радость. Ну, поздравляю! А я было уж думал…

Кочуев. Что?

Елохов. Да нехорошо.

Кочуев. И я было думал, что нехорошо…

Елохов. Да скажи, пожалуйста, что у вас вы-

шло? Отчего она из-за границы не вернулась к тебе, а проехала прямо в деревню?

Кочуев. А вот слушай! Вся моя беда в том, что я женился на очень добродетельной девушке. Это была большая ошибка. На таких девушек надо любоваться издали, а в жены они нам не годятся.

Елохов. Ну, это парадокс! Во-первых, на них расходу меньше.

Кочуев. Что расходы! Расходы не важное дело. А каково иметь перед собой ежеминутно строгого цензора нравов! Ты ждешь от жены наивности, веселости, ласки, а она тебе в душу глядит, точно допрашивает. Ты знаешь, теща моя очень богата, но порядочная ханжа, женщина с предрассудками и причудами какого-то особого старообрядческого оттенка. В таких же понятиях воспитала она и дочерей. Сама-то она из купеческого рода, только была замужем за генералом. При жизни-то его она молчала, рта не смела разинуть, а как муж умер, она вздумала быть генеральшей; ну, и чудит. Мне Ксения понравилась, да и денег обещали за ней очень много, соблазн был очень велик. Я понадеялся на себя, думал, что сумею перевоспитать ее, изменить ее взгляд на жизнь и заставить жить, как все люди живут. Не тут-то было: она оказалась сильней

меня. У них есть своего рода логика, с которой бороться трудно.

Елохов. Сильны-то у них капризы, а логики им не полагается.

Кочуев. Нет, логика. Да вот тебе пример. Уговорил я ее ехать в оперетку. По-моему, хорошо исполненная оперетка самое лучшее средство для развития женщин застенчивых и очень скромных. Тогда приехала из Парижа какая-то опереточная знаменитость. Играли какую-то разудалую пьесу, живо, остроумно, изящно. Только одну арию, довольно скабрёзного содержания, героиня сопровождала уж очень смелыми жестами, по-парижски, ничем не стесняясь. В театре поднялась буря, грохот; стон стоит от восторга; заставляют повторить. Жена моя вся вспыхнула и обратилась ко мне с вопросом: «Что, это хорошо?» Я, знаешь, стал так и сяк оправдывать и актрису, и публику, и этот род представлений. Она ничего слушать не хочет, уставила на меня глаза в упор и твердит одно: «Нет, ты скажи, хорошо это или нет?..» Куда ж тут деваться? Нет, говорю, не хорошо. А если, говорит, не хорошо, так зачем же ты повез меня, зачем и сам ездишь?

Елохов. Да, это действительно логика.

Кочуев. Потом я начал было ее современными

натуральными романами просвещать. Романы она покидала под стол, а один маменьке свезла. От той мне такой нагоняй был, что я не знал, как ноги унести. Тут скоро прослышала она про мои закулисные грешки в оперетке. В этом услужил мне один милый юноша; он вертится кругом моей тещи, за сестрой моей жены ухаживает, то есть за ее приданым. Поднялась буря. Я думал отразить нападение нападением, стал упрекать в ревности, доказывать, какой это гнусный порок, как он разрушает семейное счастье. Не помогло. На мой горячий монолог она мне ответила самым решительным тоном, знаешь что?

Елохов. Почем мне знать? Я не сердцевед.

Кочуев. Нет, говорит, это не ревность. Если б ты увлекся женщиной хорошей, увлекся ее умом, достоинствами, я, может быть, и чувствовала бы ревность; но ты падаешь очень низко, ты перестал быть равным мне, ты попадаешь в число людей, которых я равнодушно презираю. Любить такого человека я не могу, значит не могу и быть его женой; это безнравственно, грешно.

Елохов. Да, это строго.

Кочуев. Я был уничтожен; оставалось одно средство: раскаяние. Я искренно раскаялся. Мое раскаяние она приняла с светлой улыбкой и

простила меня. Тут отчего-то она стала прихварывать, а потом и совсем расхворалась, нервы ее совершенно расстроились. Не знаю, виноват ли я в этой ее болезни, или нет. Должно быть, немножко виноват. Доктора отправили ее за границу. Она до самого отъезда была очень любезна со мной, и мы расстались трогательно. Но вот что странно: начинаю я получать от нее письма с упреками, что я веду без нее безнравственную жизнь, и одно письмо грознее другого.

Елохов. Как это странно!

Кочуев. Из-за границы она даже не заехала ко мне, а проехала прямо в деревню. И оттуда такие же письма. Сначала я оправдывался, потом махнул рукой и перестал отвечать.

Елохов. Да, ты мне тогда сказывал.

Кочуев. Это одно, а теперь другое. Теща всех денег, которые обещала за дочерью, сразу не выдала; остальные, говорит *(а остальных около ста тысяч)*, через год, когда увижу, что вы согласно живете. А уж какое согласие! Сам видишь.

Елохов. Затруднительное положение!

Кочуев. Как я уже сказал тебе, я решился выдержать и не писать к жене, но выдержал не долго. Ты знаешь, в каком я обществе живу; все миллионщики, бросают деньги не жалея, а уж

я от компании отстать не могу. Да и дома без хозяйки пропасть лишнего расходу. Вот я и стал в расчетах путаться. Вот видишь, какая гора счетов разных. Не то чтоб я был должен много, нет; все мелочи; а все-таки неприятно. Нет ничего хуже, как эти мелкие счеты: каретникам да шорникам, мебельщикам да драпировщикам! Вот я и стал о жене подумывать, и чудное дело, братец: чем больше я о ней думал, тем больше в нее влюблялся, тем больше открывал в ней достоинств, которых не замечал прежде. И сел я писать ей письмо. Напишу и изорву, потом примусь за другое, за третье, и все рву. Пишу это я ей письма и чувствую, чувствую, что сам перерождаюсь, становлюсь лучше; жизнь моя мне показалась пошлой, глупой; ну, просто, сам себя стыжусь. Чудо, братец!

Елохов. Нет, это бывает, когда раздумаешься.

Кочуев. Ну, наконец, написал ей большое письмо, нежное, искреннее, перечитал его раз пять и послал. Я ей подробно изложил свое настоящее положение, свой образ мыслей и всю свою прежнюю жизнь.

Елохов. Да уж коли ты решился расстаться с прошлым, так уж надо стряхнуть с себя все, откровенно во всем признаться, покаяться.

Кочуев. Как откровенно! Да разве это можно?

Елохов. А то как же еще? А после, пожалуй, что-нибудь выйдет наружу; она скажет, что ты ее обманывал. Опять недоверие, подозрение.

Кочуев. Нет, зачем ей все знать? Как можно! Помилуй! Стало быть, и про коляску для мадемуазель Клеманс написать, и про все ее магазинные счеты, по которым я платил и еще должен заплатить? Зачем же я ее праведную душу буду грязнить своими признаниями?

Елохов. Да и то правда. Ну, а как насчет жиэнито? Ты решился совсем, окончательно?

Кочуев. Окончательно и бесповоротно.

Елохов. Значит, все оставил?

Кочуев. Все.

Елохов. И мамзель Клеманс?

Кочуев. Конечно, еще бы!

Елохов. Давно ли?

Кочуев. Недавно-то недавно, но только уж все кончено. Да ты, кажется, сомневаешься? Так вот тебе доказательство! *(Берет со стола книгу.)* Видишь? Книг накупил душеспасительных, читаю, стараюсь вникать.

Елохов. И действует?

Кочуев. Да, кроме шуток. Заметно серьезней становлюсь: уж прежнего образа мыслей нет;

вижу, братец, вижу, что все это суета. Теперь уж жизнь пойдет другая; я торгую для Ксении Васильевны имение в Крыму, и мы поедем туда с ней вместе.

Елохов. Когда же ты ждешь Ксению Васильевну?

Кочуев. Да, вероятно, завтра, а может быть, и сегодня если поторопится. Экипаж и человека я уже послал. Надо было поехать самому встретить, да мне необходимо быть в театре, хоть на полчаса, хоть только показаться своим. Новая оперетка нынче. Да Ксения, вероятно, завтра приедет, а впрочем, я скоро ворочусь; если что, так ты пришли за мной. Входит Мардарий.

Мардарий. Фирс Лукич Барбарисов.

Кочуев. Проси.

Мардарий уходит.

Вот он, гусь-то лапчатый! С ним надо осторожней; вероятно, с подсылом от тещи.

Входит Барбарисов.

Явление четвертое

Кочуев, Елохов и Барбарисов.

Барбарисов. Честь имею кланяться! Я к вам по Поручению Евлампии Платоновны.

Кочуев. Извините, мне сейчас нужно ехать.

Барбарисов. Я вас не задержу, я на несколько минут. Евлампия Платоновна поручила мне спросить вас, не имеете ли вы каких известий от Ксении Васильевны?

Кочуев. То есть каких известий? Об ее здоровье, что ли? Так она здорова.

Барбарисов. О здоровье мы знаем; нет ли каких особенных известий?

Кочуев. Особенных никаких.

Барбарисов. Евлампия Платоновна получили телеграмму от Ксении Васильевны.

Кочуев. А получила телеграмму, так, значит, получила и известия.

Барбарисов. Ксения Васильевна уведомляет, что она едет сюда.

Кочуев. Да, я жду ее.

Барбарисов. Евлампия Платоновна интересуется знать, зачем, собственно, Ксения Васильевна приедет.

Кочуев. Представьте, и я тем же интересуюсь, и только что хотел ехать к Евлампии Платоновне спросить у нее, зачем жена моя едет ко мне.

Барбарисов. Вы шутите, вы должны знать.

Кочуев. Решительно не знаю… имею некоторые предположения.

Барбарисов. И мы имеем; но ваши, конечно,

вернее. Так как же вы полагаете?

Кочуев. По зрелом размышлении, я полагаю, что жена моя едет за тем же, за чем все домой ездят. Вот и я тоже, куда ни поеду, в театр ли, в клуб ли, всегда домой возвращаюсь. По русской пословице: в гостях хорошо, а дома лучше.

Барбарисов. Но Ксения Васильевна очень долго не возвращалась, так что можно было думать…

Кочуев. Думать можно все, что угодно, это никому не запрещается. Здесь климат был вреден для ее здоровья.

Барбарисов. А теперь?

Кочуев. А теперь она настолько поправилась, что может жить и здесь. Извините! Мне пора ехать.

Барбарисов. Извините меня, что я вас задержал. Позвольте мне написать у вас две-три строчки Евлампии Платоновне. Я пошлю с кучером, а самому мне заезжать к ней некогда.

Кочуев. Сделайте одолжение! Вот вам и бумага и все, что нужно. *(Идет к двери.)*

Елохов. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Кочуев. Что тебе?

Елохов. Два слова.

Кочуев. Так поди сюда! *(Кочуев и Елохов уходят*

в дверь направо.)

Явление пятое

Барбарисов один.

Барбарисов. Хитрит. Он знает, это по всему заметно. Тут непременно какая-нибудь штука с его стороны. Не к тещиным ли капиталам подбирается? Надо держать ухо востро. *(Садится к столу и пишет письмо, потом, поминутно оглядываясь, разбирает разбросанные в беспорядке по столу бумаги.)* Вот документик-то интересный! Экая прелесть! А вот и еще! Это приобресть не мешает на всякий случай. *(Оглядывается на дверь, берет со стола два листка и кладет в карман. Потом укладывает письмо в конверт, не торопясь, тщательно надписывает адрес.)*

Входят Елохов и Кочуев с шляпой и в перчатках.

Явление шестое

Барбарисов, Елохов и Кочуев.

Кочуев. До свиданья! *(Подает руку Барбарисову и Елохову.)*

Барбарисов. Ничего не прикажете сказать Евлампии Платановые?

Кочуев. Скажите, что почтительнейше целую ее ручки, и больше ничего. *(Елохову.)* Так ты распорядись, как я тебе сказал. *(Уходит.)*

Барбарисов *(берет шляпу)*. Не много же интересного я могу сообщить Евлампии Платоновне.

Елохов. Да что за нетерпение! Завтра же, вероятно, Евлампия Платоновна узнает от самой Ксении Васильевны, зачем она приехала.

Барбарисов. Евлампия Платоновна себя не помнит от радости, что дочь приедет. Зачем бы она ни приехала, ей все равно, только б видеть дочь. У Ксении Васильевны есть сестра Капитолина Васильевна.

Елохов. Знаю.

Барбарисов. Она тоже любит Ксению Васильевну, но благоразумия не теряет. Она находит, что Ксении Васильевне совсем и приезжать не надо.

Елохов. Это почему же?

Барбарисов. Да, помилуйте! Она очень больна, мы имеем верные сведения.

Елохов. Неправда; она сама писала, что здорова.

Барбарисов. Из эгоистических целей беспокоить, выписывать почти умирающую женщину!..

Елохов. Про кого вы это? Ничего ведь этого нет.

Барбарисов. Мне, конечно, все равно; я посторонний человек; одно обидно, что нигде, решительно нигде на свете не найдешь справедливости.

Елохов. О какой справедливости вы говорите?

Барбарисов. Да как же! У Евлампии Платоновны две дочери; она должна любить их одинаково. А это на что ж похоже? Для одной готова душу отдать, а другая, как и не дочь.

Елохов. Да ведь им назначено приданое равное.

Барбарисов. Да что такое приданое? У Евлампии Платоновны и кроме приданого большой капитал. Кому он достаться-то должен, да весь, весь, неприкосновенно? Это видимое дело… Ксения Васильевна и замуж-то вышла против воли матери; детей у нее нет, а теперь больна, много ль ей и жить-то? Вы не подумайте… Я только о справедливости…

Елохов. Матери слепы.

Барбарисов. Да детям-то от этого не легче. Матери к детям слепы, я это знаю; но надо все-таки уметь разбирать хоть посторонних-то людей. Надо же видеть, что один мотает, распутничает, а другой…

Елохов. Кто это другой-то?

Барбарисов. Все равно, кто бы он ни был. Есть такой человек, который давно любит Капитолину Васильевну и давно принят у них в доме, как родственник.

Елохов. Да, понимаю теперь.

Барбарисов. Евлампия Платоновна женщина особенная; требования ее огромные: и непоколебимые нравственные правила требуются, и красноречивые рассуждения на нравственные темы… В этом семействе добродетели довольно суровые, старинные: и отречение от удовольствий, и строгое воздержание в пище, постничанье… По настоящему-то времени много ли найдется охотников? Ведь это подвиг! Надо его ценить!

Елохов. А разве не ценят?

Барбарисов. Ценят-то ценят; нельзя не ценить; а все как-то страшно. Вот любимая дочка явится, глядишь — в маменькином-то капитале и произойдет брешь порядочная. А ведь разочаровываться-то в надеждах не легко. Ведь приносишь жертвы. Тогда только труд и не тяжел, когда имеешь уверенность, что он будет вознагражден впоследствии. Ведь каждую копейку, даром брошенную, жаль. Порок должен быть наказан.

Елохов. А добродетель награждена?

Барбарисов. Да-с. А мы видим противное: на-

граждается-то порок. Может быть, вас удивляет, что я неспокойно говорю об этом предмете? Что ж делать! Я такой человек: несправедливость меня возмущает; я хочу, чтоб каждый получал должное, по своим заслугам.

Елохов. Кабы вашими устами да мед пить.

Барбарисов. До свиданья!

Елохов. Честь имею кланяться!

Барбарисов уходит.

В дверях показывается Хиония Прокофьевна.

Явление седьмое

Елохов и Хиония Прокофьевна.

Хиония. Можно войти?

Елохов. Войдите, Хиония Прокофьевна.

Хиония. Правда ли, Макар Давыдыч, что барыня приедет?

Елохов. Правда, Хиония Прокофьевна.

Хиония. Ох, напрасно, ох, напрасно!

Елохов. Отчего же напрасно?

Хиония. Потому как они дама больная, жить в таком городе для них только беспокойство одно. И опять же новые порядки пойдут: с ног собьешься. То не так, другое не так; на больного человека угодить трудно.

Елохов. Ксения Васильевна не капризна.

Хиония. Хоша и не капризна, все уж не то, как ежели барин один. Мы уж к ним привыкли, даже всякий взгляд ихний понимаем. Виталий Петрович человек самых благородных правил; они во всякую малость входить не станут; ну, а женское хозяйство совсем другое дело. Виталий Петрович любят, чтобы все было хорошо и в порядке; только ими нужно; а уж до кляузов они не доходят никогда: чтобы, к примеру, каждую копейку усчитывать — они этого стыда не возьмут, потому что мужчина всегда лучше себя понимает, ничем женщина, и гораздо благороднее. А ежели дама в хозяйство входит, так тут очень много всякого вздору бывает; другие дамы до такой низкости доходят, что говядину дома на своих весах перевешивают. Какой же прислуге интересно, когда о ней на манер как о воре понимают? Прислуге жить без доходу тоже нельзя: одним жалованьем не много составишь. Барин наш это очень хорошо понимает; где прислуга пользуется, там она этим местом дорожит, чтобы как не потерять его, а где есть сумление, так уж в прислуге старания нет, а все больше с неудовольствием да как-нибудь. Берите с малого! Хоть бы огарки. Неужели им счет вести? И так каждая малость. Господам внимания нестоющее, а нам на пользу.

Входит Мардарий.

Мардарий. Хиония Прокофьевна, барыня приехали.

Елохов. Доложите Ксении Васильевне, что я здесь; может быть, она пожелает меня видеть.

Хиония. Хорошо, доложу-с… *(Хиония Прокофьевна уходит.)*

Елохов. Мардарий, надо Виталия Петровича уведомить. Он в театре.

Мардарий. Да уж я послал. Мы знаем, где их искать. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Елохов один.

Елохов. Живой о живом и думает. Вот и экономка, и та сокрушается, что с приездом барыни ей меньше доходу будет, и откровенно объявляет об этом. Виталий Петрович, как понадобились деньги, об жене встосковался, образ жизни переменил. Барбарисов тоже об живом думает, желает тещино состояние все вполне приобресть, безраздельно, чтоб рубля не пропало. Только одна Ксения Васильевна, женщина с большими средствами, с капиталом, о живом не думает, живет как птица, потому что не от мира сего. Ну, понятное дело, люди, которые о живом-то

думают, додумались и до ее капитала: «Что, мол, он у нее без призрения находится!» И вот уж на ее капитал два претендента: муж да Барбарисов. Как-то они ее разделят, бедную? Где дело о деньгах идет, там людей не жалеют.

Входит Ксения Васильевна.

Явление девятое

Елохов и Ксения Васильевна.

Елохов. Ксения Васильевна, здравствуйте! Давненько, давненько не видались.

Ксения. Здравствуйте, Макар Давыдыч.

Елохов. Как вас бог милует? Устали?

Ксения *(садится)*. Да, устала. Здоровье по-прежнему. Что Виталий Петрович? Как он себя чувствует?

Елохов. Телесно-то он здоров; пока еще изъяну никакого не заметно; ну, а душевного состояния похвалить нельзя. Сердцем болен. Вы в нем много перемены увидите.

Ксения. Ах! Да скажите вы мне, пожалуйста, что тут у вас делается? Вы, вероятно, знаете; он от вас ничего не скрывает.

Елохов. Я все знаю; но что же мне вам сказать-то? Про что изволите спрашивать?

Ксения. Я так этого боюсь… столько я читала

этих ужасов.

Елохов. Ужасов? Ужасов, бог миловал, никаких нет-с.

Ксения. Ну, как? Что вы от меня скрываете! Разве это не ужасы: огласка, следствие, потом этот суд? Адвокаты, прокуроры речи там говорят… всю жизнь человека разбирают, семейство его, образ жизни… ничего не щадят. Да это умереть можно от стыда.

Елохов. Это действительно, Ксения Васильевна; старые люди говорят: от сумы да от тюрьмы не убережешься. Только нам с Виталием Петровичем до этого еще далеко.

Ксения. Далеко ли, близко ли, да ведь это непременно будет… Уж ожидание-то одно…

Елохов. Ну, уж и «непременно»! Этого нельзя сказать-с.

Ксения. Ах, да вы говорите, пожалуйста, откровенно! Не мучьте меня! Я знаю, что есть растрата… Большая она?

Елохов. Вот вы изволите говорить: растрата. Если уж растрата, так большая, конечно, лучше.

Ксения. Да почему же?

Елохов. Когда большая растрата, так дело короче и хлопот меньше. Коли есть характер, так садись равнодушно на скамью подсудимых и

отправляйся, куда тебя определят, а коли нет характера, так пулю в лоб; вот и все-с.

Ксения. Вы меня терзаете.

Елохов. Какое же терзание? Но понимаю. Мы растрату рассматриваем, так сказать, теоретически, без всякого отношения к личностям. А небольшая растрата, так тут хлопот много: мечется человек, убивается, как бы ее пополнить, чтоб не довести дела до суда; страдает, роковой-то День приближается, а все-таки, глядишь, попадется, как кур во щи. Вот и выходит, что лучше воровать-то большими кушами, покойнее.

Ксения. Вы сказали «роковой день»… Какой же это роковой день?

Елохов. Первое число. По первым числам обыкновенно бывает свидетельство касс, а то бывают и внезапные ревизии.

Ксения. Да ведь первое число через два дня.

Елохов. Так точно-с, через два дня.

Ксения *(утирая слезы)*. Хорошо, что я поторопилась. Ну, что ж! Я готова отдать все, чтоб только спасти мужа. Какое же лучшее употребление я могу сделать из своих денег? Да я и постороннему готова…

Елохов. Да-с, вот куда дело пошло! Так успокойтесь! Ничего этого нет, никакой растраты. Дела

его по службе в самом лучшем положении, он, вероятно, скоро будет назначен главным управляющим в одном большом предприятии и будет получать огромное жалование.

Ксения. Так за что же вы меня мучили напрасно?

Елохов. Да зачем же вы спрашивали? Откуда вам в голову пришло, что у вашего мужа растрата?

Ксения. Мне писали.

Елохов. Кто?

Ксения. Письмо было без подписи: «Не доверяйте мужу, берегите себя и свое состояние! Оставьте ваши деньги в руках матери! В городе идет слух, что в том банке, где служит ваш муж, большая растрата. Винят главным образом его».

Елохов. Хорошее письмо! Так жить нельзя, Ксения Васильевна! Или надо совсем разойтись с мужем и утешаться только анонимными письмами, или надо мужу верить и жечь эти письма не читая.

Ксения. Вы сказали, что Виталий Петрович переменился; что же, он похудел?

Елохов. Нет, не похудел. Худеть ему никакого расчета нет. Он стал серьезнее: глупых романов не читает, а читает книги дельные; глупых кар-

тин по стенам не вешает.

Ксения. Да вот и в кабинете обстановка совсем другая; бывало, стыдно войти.

Елохов. Бросил совсем играть в карты, не ездит в оперетку, то есть ездит редко, а не каждый день. Положим, что он, по своей службе, должен постоянно обращаться в компании тузов, миллионщиков, которые проводят время довольно шумно и не очень нравственно, но он с волками живет, а по-волчьи не воет. Прежде, может быть, тоже выл, но теперь перестал. А главная перемена: влюблен.

Ксения. Как влюблен, в кого?

Елохов. В вас.

Ксения *(с улыбкой)*. Ах, какие глупости!

Елохов. Действительно глупости. Жену довольно любить, а влюбленным быть в нее — это излишняя роскошь. Но уж, видно, он так создан; ему мало быть мужем, ему хочется быть еще любовником своей жены. Вот посмотрите, он вам каждое утро будет букеты подносить.

Ксения. Что за пустяки! К чему это!

Елохов. Я сам видел, как он плакал, когда говорил о вас. Это очень понятно: он всегда вас любил; он видит, что вас стараются разлучить, а что теряешь, то кажется вдвое дороже.

Ксения. Я с вами согласна, но зачем преувеличивать! Любовь слово большое. А то вспомнит про жену, вспомнит, что она добрая женщина, появится у него теплое чувство, а ему сейчас уж представляется, что он влюблен. И себя обманывает и жену. Ведь любовью можно покорить какое угодно сердце… Значит, обманывать не надо, грех. Ведь любовь есть высшее благо, особенно для женщины кроткой.

Елохов. Не от мира сего.

Ксения. Ведь это цель нашей жизни, венец всех желаний, торжество! Ведь это та неоцененная редкость, которую ищут все женщины, а находят очень немногие. Женщины кроткие, скромные меньше всего имеют надежды на это счастье; но зато они дороже его ценят. Как они благодарны тем мужьям, которые их любят, на какой пьедестал их ставят! Загляните в душу такой женщины! Ведь это храм, где совершается скромное торжество добродетели. Кроткая женщина не столько радуется тому, что ее любят, сколько торжествует, что род людской не совсем пал, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могут найти себе оценку. Это святое, духовное торжество, это ни с чем несравнимая радость победы добра и честной жизни над злом

и развратом. Ну, вот и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину?

Елохов. Женщину не от мира сего.

Ксения. Вдруг она видит, что тот, кто плакал перед ней, клялся ей в вечной любви, полюбил другую женщину, которая, кроме презрения, ничего не заслуживает. Что у нее в душе-то делается тогда? Вы знаете, как тяжело переносить незаслуженную обиду; ну, так вот такой-то поступок со стороны мужа есть самая горькая, самая тяжелая обида, какую только можно вообразить. Храм разрушен, осквернен, кумир валится с пьедестала в грязь, вера в торжество добра и честности гибнет. Вместо светлой радости какой-то тяжелый, давящий туман застилает душу — и в этом тумане *(уж это наша женская черта)* начинаются мучительные грезы. Поминутно представляется, как он ласкается к этой недостойной женщине, как она отталкивает его, говорит ему: «Поди, у тебя есть жена», как он клянется, что никогда не любил жену, что жены на то и созданы, чтоб их обманывать, что жена надоела ему своей глупой кротостью, своими скучными добродетелями. Со мной уж это было один раз. Я не знаю, как я не умерла тогда. У страстной, энергичной женщины явится ревность, она отомстит или мужу, или

сопернице, для оскорбленного чувства найдется выход, а кроткая женщина и на протест не решится; для нее все это так гадко покажется, что она только уйдет в себя, сожмется, завянет… Да, цветок она, цветок… Пригреет его солнцем, он распустится, благоухает, радуется; поднимется буря, подует холодный ветер, он вянет без всякого протеста. Конечно, можно и не умереть от такой обиды, а уж жизнь будет надломлена. Женщина сделается или озлобленной, сухой, придирчивой моралисткой, или завянет, как цветок, и уж другой бури, другого мороза не выдержит, свернется. *(Пауза.)* Да что он, в самом деле, что ли, опять полюбил меня?

Елохов. Что ж, я взятку, что ль, взял с него?

Ксения встает, взглядывает на себя в зеркало и опять садится.

С какой стати мне, старой, седой крысе, обманывать вас?

Ксения *(приглаживая прическу)*. А вот он взглянет на меня, такую растрепанную, усталую, так авось разочаруется.

Елохов. Да он вас не за красоту любит. У него только и слов о вашем здоровье, о вашем спокойствии. Он уж приторговал для вас имение в Крыму и хочет устроить свои дела так, чтобы

иметь возможность уезжать туда вместе с вами месяца на три, на четыре в год.

Ксения. Неужели? А я так мечтала об этом; он как будто угадал мои мысли.

Елохов. Вот и план имения.

Ксения. Покажите!

Елохов подает план.

Прелестно! Недалеко от моря и от Ялты. Все это очень хорошо! Я не ожидала. *(Опять встает и взглядывает в зеркало.)* Но зачем он влюбился в меня? Мы просто будем уважать или, как там говорится, почитать друг друга. *(Смеется.)* А любовь... Нет, я ее боюсь. Я боюсь... что поверю его любви. Мне как-то больно делается, точно притрагиваюсь к больному месту.

Елохов. Уж это ваше дело. Как хотите, так и размежевывайтесь.

Ксения. Не нуждается ли он в деньгах?

Елохов. Едва ли. А, впрочем, как, чай, не нуждаться! Дом без хозяйки, грабят со всех сторон. Вероятно, путается в расчетах; только серьезных затруднений нет. Да вы с ним сами поговорите, только не пугайте его излишней строгостью.

Ксения. Уж это завтра; нынче я с ним ни о чем не буду говорить.

Елохов. Вот, кажется, он приехал. *(Подходит*

к двери.) Бросился на вашу половину. Он теперь весь дом обегает, будет искать вас. Подите к нему.

Ксения уходит.

Явление десятое

Елохов один, потом Мардарий.

Елохов. Кажется, дело улаживается. Теперь можно и домой отправляться, а завтра что бог даст. Доживем, так увидим.

Входит Мардарий.

Мардарий. Виталий Петрович просят вас подождать их.

Елохов. Подождать? Ну, что ж, можно и подождать. Где он?

Мардарий. В гостиной с барыней разговаривают,

Елохов. Чай, обрадовался, Виталий-то Петрович?

Мардарий. Да как же, помилуйте-с… Столько-то времени не видались… Опять же насчет здоровья сумлевались… Это доведись до всякого, так все одно-с. Мало ли что тут болтали? Прислуга от ихней маменьки ходит., Только, по видимости, все это пустяки. *(Мардарий уходит.)*

Входит Кочуев.

Явление одиннадцатое

Елохов, Кочуев и потом Мардарий.

Кочуев. Ксения Васильевна просит у тебя извинения; она не выйдет, отдохнуть хочет, устала.

Елохов. Ну, как она?

Кочуев. Мила необыкновенно; я уж теперь еще больше влюблен. О деле, говорит, завтра: «Утро вечера мудренее». Поцеловала меня… Холодненько немножко, а все-таки любезно.

Елохов. Ну, не вдруг же.

Кочуев. Ах, Макар, я теперь совершенно покоен и так счастлив, как еще никогда в жизни не бывал. Это я тебе обязан, ты ее настроил. *(Целует Елохова.)* О чем вы тут с ней толковали?

Елохов. Об этом рассказывать долго. Скажу тебе одно: ее против тебя вооружали, но вооружить не сумели; она за тебя и в огонь и в воду готова. Она сейчас за тебя хотела пожертвовать всем своим состоянием.

Кочуев. Как? Что такое?

Елохов. Ты знаешь ли, зачем она поторопилась приехать? Она получила письмо, что у нас растрата, и приехала спасать тебя от Сибири.

Кочуев. Кто ж это? Неужели теща?

Елохов. А кому ж больше? Или она, или Бар-

барисов.

Кочуев. Вот каковы у меня дружки! Они ни перед чем не остановятся. Да пусть говорят, что хотят, теперь уж я их не боюсь. *(Взглянув на стол.)* Ах, какая неосторожность!

Елохов. Какая неосторожность? В чем?

Кочуев. Да тут, на столе, есть бумажонки, которых жене видеть не нужно.

Елохов. Она и не подходила к столу.

Кочуев. Положим, что она никогда моих бумаг не трогает, а все-таки лучше их убрать. *(Разбирает бумаги.)* Помнится мне, тут были два счета. Куда они делись?.. *(Хватает себя за лоб.)* Или я их убрал прежде? Ты говоришь, что она не подходила к столу?

Елохов. Да нет же; она сидела вот тут.

Кочуев *(убирает бумаги в ящик)*. Вот так-то лучше; теперь можно вздохнуть свободно.

Елохов. Что ж это ты так скоро убежал от жены?

Кочуев *(медленно расставляя руки)*. Прогнали.

Елохов. Нужно, брат, в этом горе утешение какое-нибудь.

Кочуев. А вот сейчас. Мардарий!

Входит Мардарий.

Приготовь нам закусить что-нибудь да подай

бутылку шампанского.

Мардарий уходит.

Вот теперь давай в шахматы играть.

Елохов *(подвигая шахматный столик).* Давай, давай! Оно хоть утешение и плохое, да что ж делать? Вот уж теперь я тебя обыграю, потому что у тебя голова теперь совсем другим занята. *(Садится к столу и расставляет шахматы.)*

Действие второе

ЛИЦА:

Кочуев.

Ксения Васильевна.

Евлампия Платоновна Снафидина, мать Ксении.

Капитолии а, другая дочь ее.

Барбарисов.

Елохов.

Прокофьевна.

Мардарий.

Гостиная в доме Кочуевых; две двери: одна, налево от актеров, в комнаты Ксении, другая, в глубине, в залу. С правой стороны окна.

Явление первое

Хиония Прокофьевна смотрит в окно; входит Мардарий.

Мардарий. Виталий Петрович приказали узнать, воротились Ксения Васильевна или нет.

Хиония. Какая уж очень необыкновенная любовь вдруг проявилась!

Мардарий. Да-с, Хиония Прокофьевна, уж даже до чрезвычайности.

Хиония. Недавно, кажется, виделись; целое утро тут в разговорах прохлаждались.

Мардарий. Да-с, точно молодые, точно недавно повенчались. Как, говорит, приедет, так доложи.

Хиония. Ну, да вот нечего делать; она еще у маменьки у своей, потому навестить маменьку это первый долг.

Мардарий. Само собой, ежели визиты, так уж к маменьке завсегда первый визит.

Хиония. А я так думаю, Мардарий Иваныч, что торопиться-то некуда; успеют и наглядеться друг на друга, и надоесть друг другу.

Мардарий. Это вперед человек знать не может, потому ему не дано. А только спервоначалу чувства у барина большие: вчера Виталий Петрович от радости мне десять рублей дали.

Хиония. Вам хорошо! Такого-то барина днем с огнем поискать; а я вот от Ксении Васильевны ничего не видала; а еще исполнительности требует.

Мардарий. Да помилуйте, разве вам мало было подарков и от Ксении Васильевны? Уж это грех сказать.

Хиония. Подарки подарками, а все приятнее,

ежели они от легкого сердца, с удовольствием.

Мардарий. У них другое воспитание.

Хиония. Нет, уж это человеком выходит, родом. У них и маменька… Одна серьезность да строгость, а чувств никаких. А вот кто-то подъехал. Нет, это Фирс Лукич.

Мардарий. Господин Барбарисов?

Хиония. Он. А вот с другой стороны и Ксения Васильевна с маменькой, и Капитолина Васильевна с ними.

Мардарий. Пойти доложить. *(Уходит.)*

Хиония Прокофьевна поправляет на столе салфетку и уходит в залу.

Из залы выходят Ксения Васильевна, Снафидина, Капитолина и Барбарисов.

Явление второе

Ксения, Снафидина, Капитолина и Барбарисов.

Барбарисов. Ксения Васильевна, позвольте вас поздравить с приездом. Счел первым долгом…

Ксения. Благодарю вас. Вы извините меня, я с дороги немного устала.

Барбарисов. Ах, сделайте одолжение, не обращайте на меня никакого внимания! Я только счел приятной обязанностью.

Ксения. Побеседуйте с сестрой; она, я думаю,

сумеет вас занять. Пойдемте, маменька, ко мне, там уютнее.

Снафидина. Мне все равно, пойдем, пожалуй.

Ксения и Снафидина уходят в дверь налево.

Барбарисов. Ну, что же, был какой-нибудь разговор?

Капитолина *(печально)*. Был.

Барбарисов. Что же, какой, какой?

Капитолина. Мало ли что тут было: и слезы, и упреки, и поцелуи, и опять слезы, и опять поцелуи.

Барбарисов. Да чем же кончилось?

Капитолина *(сквозь слезы)*. Отдала все, все отдала.

Барбарисов. О, слабость, проклятая слабость!

Капитолина. Она со мной только строга-то.

Барбарисов. Для чего ж она ей отдала? Зачем Ксении Васильевне деньги понадобились?

Капитолина. Имение в Крыму покупает.

Барбарисов. Вот это отлично придумано, подход ловкий. Женщине и жить-то всего год, много два осталось, а они имение.

Капитолина. Да с чего ты взял? Сестра здорова.

Барбарисов. Поспорь еще! Я у доктора-то спрашивал.

Капитолина. А вот в Крыму поправится.

Барбарисов. Да, пожалуй… мудреного нет… Экое наказание! Вот и верь твоей маменьке, и рассчитывай на ее слова.

Капитолина. Да что ж, разве тебе мало моего-то приданого?

Барбарисов. Смешно слушать! Нет, не мало, не мало, Капитолина Васильевна… И за то я, по своему ничтожеству, должен бога благодарить. Так, что ли, рассуждать прикажете?

Капитолина. Да как хочешь! Что мне?

Барбарисов. Не мало, Капитолина Васильевна; справедливы ваши слова. Да пойми ты, ведь больше-то лучше. Так или нет?

Капитолина. Конечно, лучше.

Барбарисов. Так ведь и я про то же. Что она говорила-то? «Ксения должна разойтись с мужем и жить у меня. Она женщина кроткая; ей ничего не нужно. Все будет ваше, только ведите себя хорошо и во всем слушайтесь меня». Самодурство! Сейчас видно, что из купеческого рода.

Капитолина. «Из купеческого рода»! Туда же. Да сам-то ты кто?

Барбарисов. Я и не хвастаюсь. Не титулованная особа, извините, из разночинцев. Да вот ум имею да способности. Искала бы себе лучше, коли я не пара.

Капитолина. Да где я искать-то стану? Кого я вижу? Меня до двадцати пяти лет держат взаперти. Маменька все шепталась да советовалась с какими-то старухами, да вот и нашли где-то тебя. Маменька мне говорит: «Вот тебе жених; это твоя судьба. Полюби его!» Ну, я и полюбила.

Барбарисов. И прекрасно сделала. Зачем ты только споришь со мной и маменьку свою защищаешь? Уж я даром слова не скажу.

Капитолина. Да я и сама не знаю, что говорю. Скучно мне до смерти, поскорее бы вырваться.

Барбарисов. Да вырвешься, погоди; вот срок кончится.

Капитолина. Когда же он кончится?

Барбарисов. Как я просил твоей руки, она мне сказала: «Извольте, я согласна, но только целый год вы будете на испытании; я хочу прежде узнать ваше поведение и ваш характер». Теперь этому испытанию скоро конец; полтора месяца только осталось. Вот тогда мы поговорим с вами, любезная маменька! Ах, как мне жаль этих денег, просто хоть плакать!

Капитолина. Да и мне жалко.

Барбарисов. Кто-то идет сюда.

Капитолина. Я пойду к ним. Что они там секретничают? *(Уходит в дверь налево.)*

Входит Елохов с букетом.

Явление третье

Барбарисов и Елохов.

Елохов *(положив букет на стол)*. Здравствуйте! Вы уж здесь?

Барбарисов. Поздравить с приездом заехал.

Елохов. А где же Ксения Васильевна?

Барбарисов. Она там, у себя; у нее Евлампия Платоновна и Капитолина Васильевна.

Елохов. Обрадовалась, я думаю, Евлампия-то Платоновна?

Барбарисов. Да-с, обрадовалась, обрадовалась, очень, очень обрадовалась. Перестаньте хитрить-то, перестаньте хитрить-то! Не на того напали.

Елохов. Что вы, какая хитрость? Это не наше занятие.

Барбарисов. Знаю я, хорошо знаю, тут уж вперед все подстроено было. Я вчера говорил вам, что этот приезд недаром. Так и вышло.

Елохов. Ничего не понимаю.

Барбарисов. И как тонко все устроено! Мы с Капитолиной Васильевной не успели и опомниться, а уж готово! Радость, слезы и великодушие! А я думаю, и мы тоже в этом деле заинтересованы, и мы должны иметь голос.

Елохов. В каком деле-то?

Барбарисов. «Маменька, я покупаю имение в Крыму, так пожалуйте денег!» Извольте, дочка, берите, сколько вам угодно, берите, берите без счета.

Елохов. А вас и не спросились? Это действительно обидно.

Барбарисов. И какое имение! Никакого имения нет. Все выдумки, все обман!

Елохов. А если есть?

Барбарисов. Ну, положим, и есть, да за что же награждать-то без разбора?

Елохов. Кого люблю, того и дарю.

Барбарисов. К чему такая слабость непростительная? Зачем распускаться? Евлампия Платоновна не должна забывать, сколько огорчений доставил ей этот брак ее дочери. Она должна помнить, помнить все, что перенесла по милости Ксении Васильевны.

Елохов. «Не должна забывать, должна помнить!..» Вот вы хвалитесь благочестивой жизнью; вы какой же религии придерживаетесь?

Барбарисов. Да что вы: «религия»! Лучше вас я это знаю.

Елохов. А коли знаете, зачем так говорите?

Барбарисов. Заговоришь, когда тебя грабят, и

не тр заговоришь.

Елохов. Нет, вы уж сделайте одолжение, потрудитесь выбирать другие выражения. Вы у Виталия Петровича в доме и так о нем отзываетесь! Это неприлично и неосторожно.

Барбарисов. Разве вы сплетничать хотите? Извольте! Я не боюсь.

Елохов. Сплетничать не сплетничать, а и скрывать не вижу никакой надобности. Виталий Петрович не любит, когда о нем неучтиво отзываются; он вас за это не похвалит.

Барбарисов. Я извинюсь, я извинюсь. Меня все извиняют. Что делать? Я такой человек. Я блаженный; у меня — что на уме, то и на языке. Да я и не считаю, что нахожусь у Виталия Петровича; я у Ксении Васильевны. В их семействе я свой человек; я защищаю их интересы. Мне никто этого запретить не может.

Елохов. Нет, Евлампия Платоновна лучше вас; она рассуждает как следует, как нравственный закон повелевает; по-христиански, всякую обиду, всякое огорчение прощать следует.

Барбарисов. «Прощать, прощать»! Я это знаю. Прибей меня, я прощу. И жена может простить мужа за неверность, и теща, только… только деньгами-то зачем же награждать? Из-за чего же

тогда, из-за каких благ другие-то должны воздерживаться и отказывать себе во всем, если…

Елохов. Значит, по-вашему, покаявшихся прощать можно, только надо с них штраф брать в пользу добродетельных?

Барбарисов. Да, конечно, надо же какую-нибудь разницу…

Елохов. Прекрасно! Это новый кодекс нравственных правил! Нераскаянных грешников судить уголовным судом, а раскаявшихся — гражданским, с наложением взыскания. И все грехи и проступки положить в цену: один грех дороже, другой дешевле! Вот вы и займитесь этим делом: напишите реферат и прочитайте в юридическом обществе. Барбарисов. Смейтесь, смейтесь! Хорошо вам смеяться-то!

Из боковой двери входят Снафидина и Капитолина.

Явление четвертое

Елохов, Барбарисов, Снафидина и Капитолина.

Елохов. Здравствуйте, Евлампия Платоновна!

Снафидина. Ах, Макар Давыдыч! Очень вам благодарна, что навещаете Ксению. Вы человек почтенный, не то, что нынешние кавалеры.

Капитолина. Маменька! *(Пожимает плечами.)*

«Кавалеры»!

Снафидина. Ну, уж не учи мать, придерживай язык-то! Мы с Макаром Давыдычем понимаем друг друга.

Елохов. Понимаем, Евлампия Платоновна, понимаем. Нет, уж где мне за нынешними кавалерами гоняться! Ноги плохи стали.

Снафидина. Как я рада, что Ксения покупает себе дачу в Крыму. Там она успокоится и поправится.

Барбарисов. Только надо, чтоб она себе купила, именно себе.

Снафидина. Как «себе»? Разумеется, себе; а то еще кому же?

Барбарисов. То есть на свое имя. А она может купить на имя Виталия Петровича.

Снафидина. Зачем? С какой стати? Это будет ее имение, ее собственное. Чьи деньги, того и имение. Уж это всякому известно.

Барбарисов. Для этого-то и надо, чтобы купчая была совершена на ее имя.

Снафидина. А коли надо, так ты и скажи ей, научи ее!

Капитолина. Да послушает ли она его?

Снафидина. Ну, вот еще! Скажи, что я приказала. Как она смеет не послушать!

Барбарисов. Если имение будет куплено на имя Ксении Васильевны, так в случае, чего боже сохрани, смерти ее оно должно по наследству перейти к Капитолине Васильевне.

Капитолина. Да, так и надо сделать, чтоб оно мое было. Уж вы, Фирс Лукич, так и постарайтесь.

Снафидина. Вы с Фирсом Лукичем, я вижу, уж что-то очень много о земном хлопочете; не хорошо это, не тому я вас учила. Вы бы почаще о душе подумывали.

Барбарисов. Нельзя же, Евлампия Платоновна, и о земном не думать. На земле живем.

Капитолина. Конечно, после сестры все мне следует.

Елохов. Если она не оставит завещания.

Снафидина. Какого еще завещания?

Елохов. Она по завещанию может отказать свое имение кому угодно.

Снафидина. Без позволения-то матери?

Барбарисов. Да-с, может; она совершеннолетняя.

Снафидина. Ну, уж ты, пожалуйста, молчи. Я не хуже тебя знаю.

Елохов. И суд утвердит такое завещание, потому что против него и спору никакого не может

быть.

Снафидина. Как «никакого спору»? Да я первая начну спор.

Елохов. И вам суд откажет, а завещание утвердит.

Снафидина. Хороши же ваши суды! И как вам не стыдно, Макар Давыдыч!

Елохов. Какой стыд! Чего мне стыдиться?

Снафидина. Вы уж довольно-таки пожилой человек, и вы равнодушно говорите о таких порядках в суде. Или это, по-нынешнему, так и следует?

Елохов. Да и прежде так же было.

Снафидина. Нет уж, не может быть, прежде все было лучше. Не одна я это говорю. А хоть бы и было, так мне все равно; я суду вашему не покорюсь, я в сенат буду жаловаться.

Елохов. И сенат откажет. И сенату тут судить нечего, потому что на это есть очень ясный закон.

Снафидина. Закон, чтобы дети не слушались родителей? Нет, такого закона и быть не может!

Елохов. Я не юрист, спорить с вами не смею.

Снафидина. И давно бы вам так сказать надо было.

Барбарисов. Сенат откажет, Евлампия Пла-

тоновна. Действительно есть такой закон, что совершеннолетние могут…

Снафидина. Ах, молчи, сделай милость! Постарше тебя есть, да не спорят. «Сенат откажет»! Ну, что ж такое? Я и выше пойду. Какой еще там закон! Один закон только и есть: «чтоб дети повиновались своим родителям». И никаких других законов нет. А если и есть, так я их знать не хочу. Пусть кто хочет, тот их и исполняет, а я не намерена. Я стану просить, чтоб запретили судам бунтовать против меня моих дочерей, чтоб их непослушание в судах не оправдывали и не покрывали какими-то своими законами. Нет, со мной трудно спорить: я, батюшка, мать; я свои права знаю; я за дочерей должна на том свете отвечать.

Елохов. Да мы и не спорим с вами, Евлампия Платоновпа.

Барбарисов *(Елохову)*. Не слыхали ли вы, поедет нынче Виталий Петрович на пикник?

Елохов. Нет, не поедет.

Снафидина. Какой это пикник?

Барбарисов. Веселый, со всеми онёрами, с дамами.

Снафидина. Хороши, я думаю, дамы!

Барбарисов. Дорогой пикник: рублей по 300 с

человека. Букеты дамам из Ниццы выписывали.

Капитолина. Ах, вот прелесть-то! Вы не поедете, Фирс Лукич?

Барбарисов. Нет, я на таких пикниках не бываю.

Капитолина. А я так бы и полетела!

Снафидина. Что ты, что ты! Ты только подумай, что ты говоришь!

Барбарисов. Это не Капитолина Васильевна говорит, это ее невинность говорит. Она понятия не имеет о том, что там творится и какие там канканы танцуют.

Снафидина. Да я знаю, что невинность. А то что же? Не заступайся, пожалуйста! Не обижу напрасно. А все-таки ей бы помолчать лучше.

Барбарисов. Уж они бы и дам-то из Парижа выписывали.

Елохов. Что вы толкуете о том, чего не знаете? Не бывали вы на этих пикниках, — дороги они для вас, — так погодили бы осуждать-то.

Барбарисов. Впрочем, зачем дам выписывать? Букетов-то заграничных не было, а дамы-то есть, еще раньше были выписаны. Жаль, очень жаль, что Виталий Петрович там не будет; без него и праздник не в праздник. Он, кажется, у них главным распорядителем.

Елохов. Что вы на Виталия Петровича напраслину взводите? Никогда он у них распорядителем не бывал, а сегодня и подавно.

Барбарисов. Да что ж я, в самом деле? Ведь Ксения Васильевна только что приехала.

Снафидина. Ну, вот, что ж ты болтаешь-то?

Барбарисов. Не бросить же ему, на первых порах, жену для своих приятелей! С ними он каждый день видится, денек-то другой и подождут. Они от него никуда не уйдут, и пикник-то это не первый и не последний. Виталий Петрович свое возьмет; не удалось теперь, так после наведет. Давеча, как вы вошли с букетом, я думал: уже не оттуда ли это, не заграничный ли букет-то?

Елохов. Нет, это здешний.

Барбарисов. А мне уж представилось, что букет оттуда и что Виталий Петрович хочет и Ксению Васильевну вместе с собой на пикник везти.

Снафидина. Какие ты глупости говоришь! Возможно ли это дело?

Барбарисов. Отчего ж невозможно? Конечно, сегодня еще рано, а потом… будет постоянно проводить время в их обществе, так незаметно и сама в их жизнь втянется, и все их привычки усвоит. Вот посмотрите, они ее и канкан выучат танцовать.

Снафидина. Ну, уж ты, кажется, забываешься! Ты должен иметь к ней уважение!

Барбарисов. Чего не сделает любящая жена для своего мужа!

Снафидина. Нет, никогда я себе не прощу, никогда не прощу, что так неосмотрительно ее выдала.

Елохов. Уж теперь дело сделано, так не о чем толковать!

Снафидина. Ах, нет! Я сделала ошибку, я должна и поправлять.

Елохов. А вы не слушайте чужих слов, да сами вглядитесь хорошенько, так увидите, что и поправлять-то нечего.

Снафидина. Я выдала ее замуж не подумавши — моя обязанность и развести ее с мужем.

Елохов. Как развести? Что вы? Да она сама не захочет.

Снафидина. Мало ли чего она не захочет! Разве она в жизни что-нибудь понимает? Ей нужно растолковать, в какую ее пропасть тянут, да уличить мужа-то, да на деле ей показать.

Барбарисов. И все это можно, и все это очень легко.

Елохов. Помилуйте! Да так можно убить ее. Она женщина очень впечатлительная и слабого

здоровья.

Снафидина. А хоть бы и убить! Что ж тут страшного? Я исполняю свой долг. Я убью ее тело, но спасу душу.

Елохов. Да образумьтесь вы, ради бога! Что вы говорите! Ведь это разбой!

Снафидина. А что ж такое «разбой»? Есть дела и хуже разбоя.

Елохов. Да, конечно…

Снафидина. Я дивлюсь на вас. Вы старый человек, а понимаете очень, очень мало. Разбой! Уж будто это такое слово, что хуже его и на свете нет? Напрасно. Знаете ли вы, что разбойник только убивает, а души не трогает; а развратный человек убивает душу. Так кто лучше?

Елохов. Да извольте, согласен с вами; но каким образом все это может относиться к мужу Ксении Васильевны, к Виталию Петровичу? Вы его уж хуже разбойника считаете.

Снафидина. А вот мы посмотрим, мы исследуем; я без оглядки дела не сделаю. И если окажется, что он моей дочери недостоин, тогда уж, не взыщите, я дочь губить не позволю. Вы знаете ли, как я ее люблю?

Елохов. Я в этом уверен.

Капитолина. Да уж, маменька, кажется, вы

слишком…

Снафидина. Ты боишься, что на тебя не останется? На всех, на всех хватит! Не сомневайтесь! Да-с, я ее очень люблю; а уж как в детстве любила, этого словами и выразить нельзя. Я просила, я молилась, чтоб она умерла.

Елохов. Умерла?

Снафидина. Чтобы она умерла еще в отрочестве, девицей. Тогда бы уж туда прямо во всей своей младенческой непорочности.

Елохов. Да-с, это точно, любовь необыкновенная.

Входит Ксения Васильевна.

Явление пятое

Снафидина, Елохов, Барбарисов, Капитолина и Ксения.

Елохов *(подает букет)*. Виталий Петрович просил передать вам.

Ксения. Зачем это! Право, не нужно бы.

Барбарисов. Виталий Петрович современный человек; он знает, что нынче мода такая.

Снафидина. Ничего тут дурного нет. Цветок — ведь это невинность; уж что может быть непорочнее цветка? Я очень люблю цветы.

Ксения. Маменька, так позвольте вам предло-

жить… *(Подает букет.)*

Снафидина. Вот благодарю! Вот уж покорно тебя благодарю! Кроме тебя, ведь никто не догадается. *(Завертывает букет в платок.)*

Барбарисов *(Капитолине тихо)*. Она сто тысяч, а ей букет, вот и квиты.

Елохов *(Ксении тихо)*. Виталий Петрович желает с вами поговорить; он ждет не дождется.

Ксения *(тихо)*. Они скоро уедут.

Снафидина. Что вы там шепчетесь? Говорите вслух! Это неприлично.

Елохов. Да ведь и вслух-то говорить всякий вздор неприлично. Вслух-то надо говорить только то, что может быть интересно для всего общества, а то лучше промолчать или на ухо сказать.

Снафидина. Этого уж я что-то не понимаю.

Елохов. Да вот если у меня зубы болят или под ложечкой неладно, так зачем же я буду кричать во всю залу? Лучше я приятелю на ухо скажу.

Снафидина. А ведь и в самом деле так. Ну, Капитолина, поедем.

Ксения. Маменька, я вечером вас буду ждать; только приезжайте пораньше.

Снафидина. Да, уж, конечно, не по-модному, не в полночь. В полночь-то я уж другой сон вижу.

Ксения. И я тоже.

Снафидина. Ну, поедемте, поедемте! До свиданья!

Дамы целуются, Барбарисов раскланивается. Уходят Снафидина, Капитолина, Барбарисов; Ксения их провожает и возвращается.

Явление шестое

Елохов и Ксения.

Елохов. Ну, Ксения Васильевна, чего я тут наслушался, просто ужас! С непривычки-то, знаете ли, мороз по коже подирает.

Ксения. Я думаю. Я сама в маменьке большую перемену заметила.

Елохов. Что они тут говорили про Виталия Петровича! Они его хуже всякого разбойника считают. А если беспристрастно-то рассуждать, так он гораздо лучше их.

Ксения. Я верю вам, что он лучше их. Немного я давеча с ними говорила, а сейчас же убедилась, что они неправду говорят про моего мужа. И сестру я не узнаю: она какая-то корыстолюбивая стала.

Елохов. Да чего уж! Она о вашей смерти очень равнодушно рассуждает и откровенно заявляет претензию получить наследство после вас.

Ксения. А вот и ошибается. Я все мужу оставлю;

я уж и завещание сделала.

Елохов. Ио завещании был разговор. Мамаша ваша говорила, что вы даже и завещания без ее позволения не смеете написать.

Ксения *(смеется)*. Хоть и грех, а уж в этом деле я маменьку не послушаюсь.

Елохов. А! Скажите, пожалуйста! А все нравственность проповедуют.

Ксения. Нет, они от настоящей-то нравственности куда-то в сторону ушли. Их кто-нибудь путает.

Елохов. Да Барбарисов; кому ж еще?

Ксения. Ну, я сестре не позавидую. Как они ни бранят Виталия Петровича, а я его не променяю на Барбарисова. Вся беда, что маменька словам верит. Кто говорит ей приятное, тот и хороший человек.

Елохов. Да если б Виталий Петрович захотел, так он бы ее очаровал совсем. Он между всеми своими сослуживцами считается самым красноречивым. Да он к таким средствам прибегать не станет.

Ксения. Да, разумеется, это гадко.

Елохов. Вы, пожалуйста, не верьте им. Маменька ваша говорит, что ее священная обязанность развести вас с мужем.

Ксения *(с испугом)*. Ах! Неужели? Благодарю вас, что предупредили. Я теперь буду остерегаться… я теперь ни одному слову их не поверю.

Елохов. Даже если что и глазами увидите, и тому не верьте; и тут может быть обман.

Ксения. Да, да.

Елохов. Смотрите же, помните это! Вас разлучить хотят. Не забывайте! А то беду наживете.

Ксения. Нет, нет, я буду помнить, буду хорошо помнить. Благодарю вас. *(Жмет руку Елохова.)* Благодарю. *(Задумывается.)*

Входит Кочуев.

Явление седьмое

Елохов, Ксения и Кочуев.

Ксения *(все еще в задумчивости)*. Ты мне букет прислал. *(Целует мужа.)* Благодарю, мой милый! Только не нужно этого.

Кочуев. Как тебе угодно: не нужно, так не нужно. *(Целует у жены руку.)*

Елохов. Ну, Виталий Петрович, какие тебе тут панегирики читали! Вот бы ты послушал.

Кочуев. Да я знаю, знаю, мне и слушать не надо. Очень понятно; я им поперек горла стал.

Елохов. Нет, всего не знаешь и даже представить себе не можешь.

Ксения. Зачем вы? Не надо ему рассказывать, не надо. Я знаю, что все это вздор, и ничему не верю.

Кочуев. А вот погоди: я им отомщу отлично.

Ксения. Нет, мстить не хорошо. Оставь, пожалуйста, меня, оставь!

Кочуев. Я так отомщу, что ты сама похвалишь.

Елохов. Ну, оставайтесь с богом! Я вам мешать не буду. Совет да любовь! Не прощаюсь. Вечером забегу. *(Кочуеву.)* Не провожай меня! Не надо! *(Идет к двери.)* А книгу-то ты хотел принести Ксении Васильевне. Забыл?

Кочуев. Извини, Ксения! Я сегодня же отыщу и пришлю.

Елохов уходит.

Явление восьмое

Кочуев и Ксения.

Ксения. Чем же ты хочешь отомстить?

Кочуев. А тем, что мы устроим так свою семейную жизнь, что она будет образцовой, будет служить примером для всех; тогда маменька не осуждать нас, а завидовать нам станет.

Ксения *(с удивлением)*. Что, что ты говоришь?

Кочуев. Садись! Я тебе разовью свои мысли. Теперь, по большей части, мужья с женами, даже

самые согласные, не составляют одного целого, одной души. Они живут вместе, а думают врозь; у них вкусы, привычки, образ мыслей, даже образ жизни — все разное.

Ксения. Да, да.

Кочуев. У них и знакомства, и развлечения разные. У мужа свои приятели, большей частью холостежь, развратная, пресыщенная, вся пропитанная цинизмом; у него свои удовольствия: оперетка, маскарады. Так?

Ксения. Так, так. Я слушаю тебя, слушаю.

Кочуев. Жена в развлечениях мужа никакого участия принять не может: так все там неприлично и грязно. Жена или сидит дома и скучает, или имеет свой кружок из таких же несчастных жен, с которыми проводит все время в сплетнях, осуждении ближних или играет запоем в карты. Хорошо это?

Ксения. Нет, милый, не хорошо, не хорошо.

Кочуев. У нас с тобой будет иначе. Мы никогда не будем разлучаться. Где я, там и ты; куда я, туда и ты. У себя мы будем собирать только умных, солидных людей. Чтоб не было монотонно и скучно, чтоб разнообразить наши вечера, мы будем приглашать музыкантов, певцов, литераторов, ученых, художников, но только известных,

знаменитых, — только таких, с которыми знакомство и приятно, и поучительно.

Ксения. Ах, как это прелестно! Да неужели все это будет? Друг мой, какое счастье ты мне обещаешь!

Кочуев. Отчего же не быть? Все это в наших средствах. Погоди, погоди! Не замечаешь ли ты, что все мы, мужчины, как-то апатичны, пресыщены; что все удовольствия, не говоря уже о невинных, нас мало удовлетворяют; что мы ищем развлечений, все более раздражающих нашу чувственность; что мы все более и более погружаемся в разврат, а многие из нас доходят до последних его пределов? Отчего это?

Ксения. Я не знаю.

Кочуев. А оттого, что мы только и живем удовольствиями, что мы себе отдыха не даем. Мы забыли, что человек создан не для одних удовольствий, забыли, что для человека обязателен труд, что труд врачует, укрепляет душу. Забыли, что человеку нужна свежая голова, что он должен иметь много покоя, отдыха, чтобы быть в состоянии заняться серьезным размышлением о своих поступках, заняться улучшением своей души. Удовольствиям надо отдаваться редко, очень редко; тогда только они и приятны, тогда только

и ценны. Мы забываем дни поста и молитвы.

Ксения *(встает)*. Ах, неужели? И это ты правду говоришь? О, милый!

Кочуев *(с волнением)*. Ну, так вот что, Ксения. Ей-богу, ну, ей-богу, я тебя люблю бесконечно. Возьми ты меня, возьми под свое управление, делай из меня, что хочешь. Я буду самым покорным рабом твоим… Не отталкивай меня!

Ксения. Нет, зачем рабом! Это нехорошо; жена не должна приказывать мужу; в этом есть что-то холодное… Женщина должна любить, подчиняться; вот в чем наше счастье. Ты будешь главой! Ты все лучше меня знаешь.

Кочуев. Может быть, и лучше, но, чтоб исполнить мои замыслы, мне нужна твоя поддержка.

Ксения. О, изволь, изволь!

Кочуев. Да этого мало… мне нужна ласка, любовь твоя.

Ксения. Любовь? Да разве ты сомневался? Все мое существо проникнуто любовью… Любить тебя я считала и считаю счастьем…

Кочуев. Ксения, так поди же… поди же!

Ксения *(бросаясь к мужу на грудь)*. Как я счастлива в твоих объятиях! Какое это блаженство! О, милый, милый! Ты оживил меня. Я теперь жить хочу, хочу жить!

Действие третье

ЛИЦА:
Кочуев.
Ксения.
Снафидина.
Капитолина.
Елохов.
Барбарисов.
Муругов.
Хиония.
Мардарий.

Декорация второго действия.

Явление первое

Хиония подслушивает у боковой двери; из средней входит Барбарисов.

Барбарисов. Ай, ай! Подслушиваете? Не хорошо, Хиония Прокофьевна, не хорошо.

Хиония. Не знаю уж я, хорошо ли, нет ли; для вас стараюсь, Фирс Лукич. Сами научили.

Барбарисов. Старайтесь, старайтесь! Я шучу. Большое вознаграждение получите и от меня, и

от Евлампии Платоновны. Кто там?

Хиония. Ксения Васильевна.

Барбарисов. А еще?

Хиония. Да вот этот старик, Макар Давыдыч. Он совсем тут поселился.

Барбарисов. О чем же они?

Хиония. Хорошо-то я не расслушала… Что-то про мебель… Он говорит: черного дерева, матовую, а она: дубовую резную… Кажется, хочет Виталию Петровичу сюрприз сделать, в кабинет ему новую мебель подарить.

Барбарисов. А еще что?

Хиония. Еще ничего не слыхала явственно; не хочу лгать. Так, через десять слов, мельком, одно или два долетят, а потом и опять ничего не слышно. Но только если эти слова с умом разобрать, так можно понятие иметь.

Барбарисов. О чем понятие?

Хиония. А к чему какое слово сказано. Вот, к примеру, говорит Ксения Васильевна: «Постараюсь», потом не слышу, потом опять громко: «Чтоб ничего не осталось». Ну, к чему она такие слова сказать может? В каком смысле?

Барбарисов. Не знаю. Вам лучше знать.

Хиония. Уж из этих слов кто хочет поймет, что вся-то ее речь такая: «Постараюсь выманить у

маменьки все деньги, чтобы сестре ничего не осталось».

Барбарисов. Вы полагаете?

Хиония. Я как только первое слово услыхала: «Постараюсь», так и догадалась. Ну, думаю, поняла я вас. Потому, рассудите сами, о чем же ей больше стараться? Не о чем! больше; только одно должно быть на уме. Значит, оно так точно и выходит. Побожиться не грех. Уж это вы за верное можете считать, все равно, что сами слышали.

Барбарисов. Однако вы проницательная женщина, Хиония Прокофьевна.

Хиония. Я от вас деньги получаю, так должна свое усердие прилагать. Я тоже свою совесть берегу.

Барбарисов. А как они между собой-то?

Хиония. Наглядеться друг на друга не могут. Прежде Ксения Васильевна была скромная женщина, совестливая, а теперь так на шею и кидается, так и виснет. Которая женщина в пожилых летах, вот как я, так даже глядеть не хорошо. Точно он ее приворожил чем. А ведь это бывает.

Барбарисов. Ну, уж не знаю, как вам сказать.

Хиония. Только чтоб против женщин такое слово знать, надо много греха на душу принять: проклясть надо всего себя в треисподнюю.

Входит Мардарий.

Явление второе

Барбарисов, Хиония и Мардарий.

Мардарий. Вот Виталий Петрович книгу барыне прислали.

Хиония. Положите тут!

Мардарий. Как «положите»? Я должен руками отдать.

Хиония. Так давайте, я снесу.

Барбарисов. Нет, постойте! Дайте мне! Я погляжу, что такое за книга. Я потом сам передам Ксении Васильевне или вам, Хиония Прокофьевна.

Мардарий подает книгу и уходит. Хиония подходит к двери и подслушивает.

Явление третье

Барбарисов и Хиония.

Барбарисов *(просматривая книгу)*. О, какая серьезность! Ловок Виталий Петрович, умеет попасть в тон. А вот мы в эту книжку и закладочку положим. *(Вынимает из кармана Две бумажки и кладет в книгу.)* Хиония Прокофьевна, возьмите! Ничего интересного нет, так, вздор какой-то

написан. Только вы отдайте эту книгу Ксении Васильевне, когда она будет одна. Непременно! Слышите?

Хиония. Слышу, слышу, так и сделаю. *(Берет книгу и прячет ее под фартук.)* А вот, кажется, и голос Виталия Петровича слышен.

Барбарисов. Я уйду. Вы, Хиония Прокофьевна, не говорите, что я здесь был, ни под каким видом не говорите. Скажут, пожалуй: эк он обрадовался, спозаранку приехал. Так не говорите!

Хиония. Хорошо, слушаю-с.

Барбарисов уходит. Хиония, послушав у боковой двери, уходит тихонько в среднюю дверь. Из боковой двери выходят Ксения Васильевна, Кочуев и Елохов.

Явление четвертое

Ксения, Кочуев, Елохов и потом Мардарий.

Ксения. Он меня просит, чтоб я его исправляла от недостатков, а я его прошу, чтоб он меня исправлял.

Елохов. Да какие у вас недостатки? Откуда им взяться? Ваши недостатки в другой женщине были бы достоинствами.

Ксения. Ах, нет, много недостатков. Вероятно, от воспитания. Мы с детства жили взаперти,

время проводили все больше с прислугой, вот и наслушались.

Кочуев. Ну, какие же ты знаешь за собой недостатки? Назови, Ксения, хоть один!

Ксения. Я очень впечатлительна: что меня хоть немножко поразит днем, во всю ночь потом мне представляется и во сне и наяву. А то вдруг мне покажется, что у меня в комнате лягушка, которых я боюсь до смерти, или змея, и я похолодею и вся сожмусь, хотя очень хорошо знаю, что забраться им неоткуда.

Елохов. Нервы расстроены, вам нужно побольше моциона и почаще быть на воздухе.

Ксения. Вот и еще… Да уж это я и сказать совещусь…

Кочуев. Что такое? Что такое? Не стыдись, пожалуйста.

Елохов. Да что вы! Да посмотрите, у наших барынь-то какие привередничества бывают! Уж, вероятно, почище ваших.

Ксения. Знаешь что? Я боюсь людей.

Кочуев. Только-то? Да и надо их бояться; мало ли есть и дурных и злых?

Ксения. Да нет, не то, не то… Я так вдруг, без всякой причины, боюсь человека.

Кочуев. Как же это? Объясни!

Ксения. Вот, например, у тебя есть приятель Муругов…

Кочуев. Да, есть.

Ксения. Я не могу глядеть на него без содрогания.

Кочуев. Да это самый добрейший человек.

Елохов. Он мухи во всю свою жизнь не обидел и не обидит.

Ксения. Может быть, может быть; но как я увижу его, так мне кажется… мне кажется — поверишь ли? — что он пришел за душой моей…

Кочуев. Ксения, ты в бреду.

Ксения. Нет, я в полном рассудке. *(Смеется.)* Я думаю, это оттого, что у меня в детстве была книжка с картинками; я одной картинки очень боялась… Было нарисовано, как к одному бедняку приходит какой-то страшный человек и говорит: «Я пришел за душой твоей». Веришь ли, твой Муругов и этот страшный человек так похожи… Сходство поразительное!.. То же лицо, то же выражение…

Кочуев. Уж пора забыть эту книжку.

Ксения. Нет, вот не забываю. Я и книжки-то боялась, а посмотреть тянет; взгляну, спрячу книжку куда-нибудь подальше, да поскорей бежать из комнаты.

Елохов. Все-таки нервы, все одна причина.

Кочуев. Да, я вижу, с тобой возни много будет, пока твое здоровье в настоящий порядок приведешь. Ну, а еще какие недостатки у тебя?

Ксения. Да не знаю… много… Вот еще испуг постоянный… всего-то я боюсь: и стуку боюсь, и громкого разговора боюсь. И я вдруг или голос теряю, или память, так что ничего не помню, где я, зачем, и всему удивляюсь.

Входит Мардарий.

Мардарий. Господин Муругов!

Ксения. Ах! Вот уж я и помертвела.

Кочуев. Хочешь, я его у себя приму?

Ксения. Нет, не надо; я хочу пересилить себя.

Кочуев. Смотри, Ксения, не повредило бы это тебе.

Ксения. Нет, нет; это будет мой первый урок.

Кочуев *(Мардарию)*. Проси сюда.

Мардарий уходит.

Ксения. Вот я и успокоилась.

Кочуев. Успокоилась, а голос-то дрожит. Что же ты обманываешь?

Входит Муругов.

Явление пятое

Кочуев, Ксения, Елохов и Муругов.

Муругов. А, Ксения Васильевна! Вот уж не ожидали! *(Подает ей руку.)*

Ксения. Здравствуйте, Ардалион Мартыныч!

Муругов *(Кочуеву)*. Вот и разгадка вашего затворничества! *(Подает руку Кочуеву и Елохову.)* Ну, понятное дело. Извините, что мы так настойчиво к вам приставали. Ксения Васильевна, вы так обрадовали нас своим приездом, что на этот раз мы охотно освобождаем вашего мужа в домашний отпуск. Но надеюсь, что вы не совсем отнимете его у нас. Не будьте так жестоки!

Ксения. Нет, нет, не берите его у меня.

Муругов. Ксения Васильевна, он член общества и нарушать своих обязанностей по отношению к кружку, к которому он принадлежит, не должен.

Ксения. Да какие же обязанности могут быть выше семейных?

Муругов. Да, семейные обязанности — это личное дело каждого человека, каждый должен их знать про себя, и они нисколько не должны мешать ни службе, ни отношению к обществу.

Ксения. Нет, нет, семейные обязанности выше всего. *(Берет Кочуева за руку.)* Я не отпущу его.

Муругов. Успокойтесь! Мы и не возьмем его у вас. Мы понимаем, какая это радость в доме — возвращение жены, и мы с глубоким уважением относимся к этой семейной радости.

Ксения. Да, и надо уважать, и надо.

Муругов. Но, Ксения Васильевна, мы живем не в юртах, не в кибитках, не в шатрах. Там действительно каждая юрта, каждый чум составляет свой отдельный мирок, из которого обитатели выползают на четвереньках только в большие праздники, чтобы всем обществом теплую оленью кровь пить. У нас и клубы, и собрания, и множество общественных учреждений.

Кочуев. Не спорьте с ней, Ардалион Мартыныч! У них своя логика, логика сердца.

Муругов. Извините меня, Ксения Васильевна, сделайте одолжение! Я и не думаю спорить. Да мне и спорить не о чем; мои мнения основаны на таком крепком фундаменте, что и не нуждаются в новых аргументах. Но я умею уважать и чужие убеждения. Одно только скажу, что требования Ксении Васильевны слишком высоки для нас, они нам не впору, — очень идеальны. И в истории немного найдется примеров тех чистых семейных добродетелей, каких желает Ксения Васильевна. Кто же? Вот идеальная пара, если

верить Овидию: Филемон и Бавкида. Да ведь и они создание поэта.

Кочуев. Ха, ха, ха! Ксения, он нас с тобой называет Филемоном и Бавкидой.

Ксения. Разве это не хорошо?

Елохов. Ничего лучшего быть не может.

Муругов. Или вот создание другого поэта: Афанасий Иваныч и Пульхерия Ивановна.

Кочуев. Этим сравнением, Ардалион Мартыныч, можно и обидеться.

Муругов. Тоже идиллия.

Елохов. Ну, уж извините, Ардалион Мартыныч! Тут сходства нет; те ели очень жирно и много, и у них нервы были крепки.

Ксения. Вы уж очень строги к женщинам.

Кочуев. Нет, что ты? Он самый любезный кавалер, он только шутит.

Елохов. И очень многие дамы любят Ардалиона Мартыныча за это.

Кочуев. Да нельзя и не любить человека, который оживляет общество.

Муругов. Нет, Ксения Васильевна, я не строг к женщинам; я их люблю и очень многих уважаю глубоко. Вот у меня есть одна знакомая дама, жена адвоката; я очень уважаю ее, несмотря на все ее странности.

Ксения. А какие же у нее странности?

Муругов. Она минуты не может быть без мужа и очень печалится, что муж не берет ее с собой в окружной суд на кафедру. Я бы, говорит, никому не мешала; я бы глядела ему в глаза и держала за руку.

Ксения. Она дура?

Муругов. Нет, примерная жена и пишет стихи очень хорошо.

Кочуев. Видишь, как он мило рассказывает.

Ксения. Да, мило, только как-то больно делается.

Муругов. Ах, извините! Я и не воображал, что своими шутками доставлю вам какую-нибудь неприятность.

Ксения. Нет, ничего… Но я семью чту, как святыню, а вы ее так низко ставите.

Муругов. На свое место, Ксения Васильевна. Представьте, что солдату нужно воевать, а жена его не пускает. И жена, конечно, по-своему права; но ведь право и начальство, которое говорит ему: «Коли ты солдат, так тебе следует воевать, а не на печке лежать». Честь имею кланяться! Спешу к отправлению моих общественных обязанностей. Семьи нет, холост. Коли женюсь, так, может быть, и я заговорю так же, как вы. Позвольте прислать

вам фруктов или цветов. Что вам угодно?

Кочуев. Присылайте фруктов! Неона, так мы съедим.

Муругов уходит. Кочуев его провожает.

Елохов. Ну, как вам показался наш Ардалион Мартыныч?

Ксения. Он умный, только страшный. Он страшней, чем прежде был. Не говорите мужу!

Кочуев возвращается.

Явление шестов

Ксения, Елохов и Кочуев.

Кочуев. Ну, вот, не съел он тебя. Теперь ты его бояться не будешь?

Ксения. Нет, что его бояться!

Кочуев *(берет руку Ксении)*. Говорит: «Что его бояться», а у самой руки поледенели. Ты больна, Ксения?

Ксения. Я не знаю… нет, не больна… Так, немного расстроена.

Кочуев. Как не больна? Ты на себя не похожа.

Ксения. Я очень его испугалась. Смешалась и как-то поглупела вдруг. Сама чувствую, что глупости говорю, а остановиться не могу. Хочу поправиться — и скажу что-нибудь еще глупее.

Кочуев. Конфуз! Одичала ты, живши в деревне-

то. Послушай! Прими капель и ложись, отдохни! Я сейчас пришлю к тебе Хионию Прокофьевну.

Ксения. Не надо. Так пройдет. Со мной это бывает.

Кочуев. Нет, все-таки лучше. Поди успокойся, успокойся, моя милая. *(Целует Ксению в голову.)* Мы тебе мешать не станем. Мы пока с Макаром Давыдычем в шахматы поиграем.

Уходят Кочуев и Елохов.

Явление седьмое

Ксения одна, потом Хиония.

Ксения. Я убита, уничтожена! Он унес мою душу. Какое холодное, безжалостное презрение к женским чувствам, к женскому сердцу! И муж не заступился за меня. Значит, он разделяет мнение Муругова… Значит, он меня только словами утешает, обманывает. Нет, нам, кротким и не знающим жизни женщинам, жить нельзя на свете, и не надо… Кому верить? На кого положиться? Вот муж мой… Я знаю, что он меня любит, но положиться на него я не могу… Он не говорит мне правды; он говорит только то, что мне приятно, старается попасть в мой тон, утешает меня… утешает и обманывает. Он, как ребенка, нянчит меня на руках, говорит мне: «Агу, душенька», —

пляшет передо мной, дарит куклы, конфеты, но умом своим, своим знанием жизни не делится со мной. Вместо того чтобы учить, руководить меня, он со мной соглашается; он боится оскорбить меня моим же невежеством; он боится, что я буду спорить против неоспоримых истин, и прячет их, скрывает от меня. И я уже ему верить не могу. Если он скрывает от меня свои убеждения, может скрывать и что-нибудь другое.

Входит Хиония.

Хиония. Виталий Петрович прислали вам книжку.

Ксения. Хорошо; положи на столик. Поди! Ты мне ненужна!

Хиония уходит.

Прислал книгу… И в этой книге, вероятно, нет правды… не то что нужно для меня, а какие-нибудь идиллии, небывалые добродетели… Филемон и Бавкида… *(Садится в кресло и берет книгу. Сначала смотрит заглавие, потом перелистывает книгу и находит вложенные Барбарисовым бумаги.)* Зачем это здесь? *(Читает.)* «По старому счету за коляску для г-жи Клеманс 500. За новый скат колес и гуттаперчевые шины 300 р. *(Смотрит другой счет.)* За доставленные мадемуазель Клеманс бриллиантовые серьги 2 000 р. По старо-

му счету за взятые ею вещи 1 200 р.» *(Хватаясь за грудь.)* Ай! Ах, боже мой! *(Протирает рукой глаза и опять рассматривает счета, потом кладет их на столик и, медленно поднявшись с кресла, проходит несколько шагов.)* Что это? Что это со мной? Я как будто забыла, что… Что, что я забыла? Да! *(Осматривает свое очень дорогое платье.)* Нет, я не сплю… Я одета… хорошо одета… Зачем я так оделась? Да… мы хотели ехать на вечер… Что ж мы не едем? Ах, да, я сделалась нездорова… Да, да, да, помню теперь… Меня ужалила змея… Где змея? *(Осматривается кругом.)* Да какая змея? Откуда она?.. О, нет! Это я говорила про змею… Он сказал: отдохни, успокойся… прими капель! А я не легла… Надо успокоиться. *(Садится в кресло.)* Я отдохну, успокоюсь… вот так… *(Машинально берет со стола один из счетов и прочитывает про себя.)* Ай! я умираю! *(Без чувств опускается на спинку кресла.)*

Входит Хиония.

Хиония. Маменька приехали и еще гости. Заснула. *(Громко.)* Ксения Васильевна, Ксения Васильевна!

Ксения *(очнувшись)*. А? Что?

Хиония. Маменька приехали и еще гости с ними. Они в зале, и Виталий Петрович там.

Ксения. Кто приехал? Он, он?

Хиония. Кто «он» — то-с?

Ксения. Муругов… Он пришел за душой моей… Ты не пускай его ко мне… Позови Виталия Петровича… Он за меня заступится… Тут змея, тут змея… *(Громко.)* Защитите! *(Опускается на кресло без чувств.)*

Хиония. Батюшки! Что с ней? *(Бежит в валу.)* Виталий Петрович, Виталий Петрович! Ксения Васильевна умирает!

Кочуев и Елохов входят и в испуге останавливаются. За ними тихо входят Снафидина, Капитолина и Барбарисов.

Явление восьмое

Ксения, Кочуев, Елохов, Снафидина, Капитолина и Барбарисов.

Кочуев. Что такое? Что такое? Ей дурно! Спирту дайте, спирту! Ксения! *(Увидав счета.)* О, какое гнусное, гнусное коварство! Это убийство! Ксения, Ксения!

Ксения открывает глаза.

Она жива, она не умрет. Ксения, не умирай, не умирай! *(Показывает ей счета.)* Это коварство, коварство! Ничего этого нет.

Елохов. Я вам говорил: не верьте даже глазам

своим!

Ксения *(тихо)*. Этого нет?

Кочуев. Нет, нет, милая Ксения. Одну тебя, одну тебя люблю я.

Ксения. Сюда, поближе ко мне! *(Кочуев становится подле нее на колени. Она кладет руку ему на плечо.)* Я… люблю… тебя.

Кочуев *(целуя ее руку)*. И прощаешь?

Ксения. И прощаю. *(Умирает.)*

Картина.

20 декабря 1884 г.

Воевода (Сон на Волге)[*]
2-я редакция

Картины из народной жизни XVII века, в пяти действиях, с прологом

Пролог

ЛИЦА:

Нечай Григорьевич Шалыгин, воевода.

Облезлов, подьячий, товарищ воеводы.

Семен Бастрюков, богатый дворянин.

Степан Бастрюков, его сын.

Неустройко, ключник воеводы.

Бессудный, шут воеводы.

Неждан, земский староста.

Роман Дубровин, беглый посадский.

Влас Дюжой, богатый посадский.

Настасья, жена его.

Смирной и Дружина, посадские из лучших люден.

Несмеянов, старик.

Брусенин, Цаплин, Тыра, посадские из средних людей.

Баим, стрелецкий сотник.

Гришка Жилка, отставной подьячий.

Резвый, слуга Бастрюкова.

Щербак, разбойник в виде нищего.

Бирюч.

Слуга воеводы.

Дворяне, служилые люди, стрельцы, слуги во-

еводы и Бастрюкова, крестьяне, женщины, дети, нищие, слепые и убогие.

Площадь в городе. Налево ворота воеводского двора, несколько узких домов, в углу проезд в городские ворота; на заднем плане, за строениями, городская стена, которая постепенно понижается к правому углу; через стену видна Волга и противоположный берег, направо, на первом плане, высокая приказная изба, за ней площадка, видна часть колокольни, далее спуск к Волге, видны крыши домов.

Явление первое

Неждан, Смирной, Дружина стоят у приказной избы, ближе к авансцене; Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра стоят против воеводских ворот; по сцене, от городских ворот к собору и от собора к воротам, проходят разные люди обоего пола; у колокольни сидят слепые с деревянными чашками и стоят нищие, между ними Щербак. При поднятии занавеса слепые поют, слышны голоса нищих и вожаков слепых: «Слепому, убогому!», «Сотворите святую милостыньку».

Слепые

(поют)

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью.
Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые…

Из приказной избы выходит Бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает ее вверх, ребятишки окружают его и смотрят ему в глаза, разиня рот.

Голоса

Бирюч идет, бирюч! Снимайте шапки!

Бирюч

Слушайте-послуша́йте, государевы люди, старшие и меньшие и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государи наказу, ведомо вам буди, чтобы вы посадские и уездных всяких чинов люди и сотские, и пятидесятские, и десятские разбойников и татей и смертных убойцев и ведунов и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде ж вы, посадские и уездных всяких чинов люди, забыв страх Божий и не помня душ своих, учнете разбойников и татей и убойцев и ведунов

и всяких воровских людей у себя держать и таить и понаровки им чинить, и тем людям от великого государя быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы взяты будут на великого государя бесповоротно и разданы в исцовы иски. (*Идет к посаду, дети за ним.*)

Тыра

Проваливай подале, мы слыхали!

Брусенин

Не первый раз, не новая новинка!

Цаплин

Мы думали, что свежи, ан всё те же.

Неждан

Разбойников и татей и убойцев

В посаде нет, разбойничья приезду

Не держим мы; так ни́почто и кликать.

Смирной

Да кличь не кличь, немного проку будет,

Коль не ловить. По селам, по деревням

Разбойники и днем и ночью грабят,

По Волге нет проезду, по лесам
Становятся станами без опаски.
Вот там бы их и брать живьем руками;
А кликать по торгам — какая польза!

Неждан

Зачем же к нам посажен воевода,
Как не затем, чтоб татей и убойцев
Разыскивать.

Дружина

Не до воров ему.
Пригожих баб да девок на посаде
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.

Смирной

Терпенья нам не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина

Воров не ловит — горе;
А как поймает — вдвое: он воров-то

Берет из тюрем на дом, научает
Поклепом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он, по воровскому наговору,
Берет тебя без сыску и пытает
Без царского указу, — мукой мучит,
Огнем палит.

Смирной

Да с пыток-то поминки
Берет на нас, на выкуп выпускает.

Дружина

Довольно с нас, два года потерпели,
Пора писать и челобитье.

Неждан

Слышу
Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.

Смирной

Москва нам дорога́,
С пустыми-то руками не поедешь.

Староста

Ну брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не жалей волос. Во что ни станет,
Да только бы избыть его от нас.

Неждан

Московские расходы разверстаем,
Рассудим, что и как, и много ль денег
На проести собрать да на гостинцы.

Неждан, Смирной, Дружина уходят к собору. Отворяются воеводские ворота, выходят: ключник Неустройко с палкой и слуги с метлами.

Явление второе

Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко, слуги и народ.

Неустройко

Живей, живей! Сейчас пойдет боярин
В собор с гостьми. Чтоб у меня кипело!
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медведь ученый.

Один из слуг

Как еще работать!

Гуляем, что ль? А ты возьми-ка мётлу,

Да помети, чем лаять занапрасно.

Неустройко

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,

Не то что вы, живу у государя:

На части рвусь, куска недоедаю.

А вам одна забота: завалиться

Подальше где, что днем с огнем не сыщешь,

И спать весь день, пока опухнут бельма;

Мол, все равно, работай не работай,

Накормят даром.

Тот же слуга

Даром и побьют.

Тыра

Ну, видно, их не больно жирно кормят:

У нас в посаде только и воруют,

Что воеводские.

Несмеянов

Коль брюхо сыто,

В чужую клеть за ежей не полезешь!

Брусенин

Какие воры, страсть! Концов не сыщешь.

Неустройко

Ты, смерд, молчи!

Цаплин

А ты что за помещик?

Шут выбегает из ворот, держась за голову.

Явление третье

Неустройко, слуги, Тыра, Цаплин, Брусенин, Несмеянов, шут и народ.

Шут

Ой, ой, убил, убил, прошиб до мозгу,

Проклятый пес, паршивая собака!

Издохнуть бы тебе, как басурману!

И чтоб ни дна тебе и ни покрышки,

Поганому. У! Волк тебя заешь!

(Воет.)

Неустройко

Расплакался, аль подзатыльник дали?

Шут

Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж

(передразнивает):

«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! убил, убил, по темю.
Костыль сломал, собака!

Неустройко

Пожалеет.

Шут

Меня-то, что ль?

Неустройко

Нет, костыля-то.

Шут

Дьявол!

(Воет.)

Неустройко

(шуту)

Что воешь-то? Какой детеныш малой!
Не все ль равно тебе, как псу издохнуть
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!

Шут

Не приставай! Всего изъем зубами.

Слуги смеются.

А вам-то что смешно, холопье стадо?
У вас самих увечья не проходят.

Тыра

Влетело, брат!

Цаплин

Влилось!

Брусенин

Попало ловко!

Тыра

Ты к носу три.

Цаплин

До свадьбы заживет!

Шут

Ну, подвернись который, изувечу!
Коль в волосы иль в бороду вцеплюсь,
Не выпущу; так вся в руках и будет,
Ни волоска живого не оставлю.

Тыра

Ну, полно ты! Мы шутим. Ты подумал,
Взаправду, что ль?

Цаплин

Нам что!

Брусенин

Господь с тобой!

Тыра

Обиды нет тебе.

Цаплин

Вестимо, в шутку
Язык чесать.

Брусенин

Не трожь его, робята!

Тыра

А ты скажи нам, милый человек,
За что про что обиду терпишь?

Шут

Даром.
Жениться, черт, задумал...

Тыра

Так. Ну что же?

Шут

Дюжова дочь облюбовал.

Цаплин

Ну, знаем.

Шут

Я сдуру-то сболтни ему неладно,
Мол, старому жениться ненадолго,
Да часто, мол, и не себе, а людям.
И я-то глуп, шутить связался.

Тыра

Верно!
Ты с тем шути, кто любит. Ну, и что же?

Шут

Как вскочит он, затресся, ровно Каин,
Как волк стучит зубамн, словно угли
Глаза зажглись, седая грива дыбом…
Видал ли ты, как окаянных пишут
На папертях? Точь-в-точь.

Цаплин

Какой бедовой.

Неустройко

А вот пойти да скаредные речи
Боярину явить. Бросай, робята!
Боярин вышел.

Шут

Братцы, схороните!

Тыра

Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят.

Шут убегает.

Цаплин

Стрелой летит. Держи его, робята!

Хохот.

Брусенин

На лошади, да разве на хорошей,
А на плохой низа́что не догонишь.

Тыра

Как шкуру-то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирской али соболь!

Цаплин

Ему своя-то, надо быть, дороже.

Входят воевода, Облезлов, несколько дворян, сотник стрелецкий, несколько стрельцов и слуг.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода, Облезлов, Баим, дворяне, стрельцы, слуги и те же, и потом Гришка Жилка.

Воевода

(Облезлову)

Ты говоришь, что местом вышло. Верно.

Воистину.

(Кланяется народу.)

Здорово! Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять,

Гляжу: лиса катит из мелколесья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как желтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь: уйдет, сплутует. Надо
Заворотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бедрам.

(Баиму.)

Что за парень
Особняком стоит? Коль наш — не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.

(Баим отходит. Воевода, оборотясь к Облезлову, продолжает.)

Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места.
Как в землю врос. Уж я его и плетью,
И лаской, нет, — дрожит, трясется, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.

Сотник возвращается.

Какой такой?

Сотник

Из наших, из рыбацкой!

Воевода

Ну ладно.

(Облезлову.)

Вот я слез, перекрестился.
Обшел вокруг три раза, зачурался,
И ничего, — мой конь пошел, как надо.
Так вот и знай, что значит место.

Облезлов

Диво ль!
В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своем саду я летось заблудился
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что Господи помилуй —
Не доведи вперед, умрешь со страху.
Уж и кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.

Входит Жилка и кланяется воеводе в ноги.

Воевода

Всего бывает! Что ты?

Жилка

И бьет челом, боярин, и являет
Твой сирота, былой подьячий Жилка.

Воевода

О чем еще, анафема?

Жилка

О бое
И грабеже денном и об увечье!

Воевода

Которой раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?

Жилка

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Резвый
С товарищи; они ж, боярин, воры,

И картами и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,
И на посад насильством в харях ходят
С потехами, и скаредные песни
И срамные поют и действа деют,
Тебя ж обносят скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью…
В том жалоба моя тебе и явка.

Воевода

А грабежу?

Жилка

Колпак да зипуншко.

Воевода

За что про что?

Жилка

Да якобы с тобою
Я стакався составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу,
Поклепами.

Воевода

Семена Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сел ко мне. Плутам заступник,
Оберегатель земской. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.

Жилка
(кланяется)

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть
Ругателям.

Воевода идет на ступени к собору.
Голоса
(из задних рядов)

Алтынник, кровопивец!
А крест на нем, робята, есть аль нету?
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.

Воевода
(на ступенях)

Кричат, а что: никак не разберу я.
Да мм чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперед и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Не милостив? Все это правда ваша,
Я не святой. А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злому.
Строптивого послушать перед Богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы равны? Так знайте.

Звезда с звездою разнствует во славе,
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И Господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лестнице восходит
От нас к царю и от царя до Бога.
И всяка власть от Бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же

(снимает шапку)

Господь вручил нас всех на попеченье.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
Я вам отец! Не лучше ль нам любовью
И миром жить! Ходите по закону —
И вам целей, и мне милей! За что же
Браниться-то! Нехорошо. Неладно.

(Кивает головой Баиму.)

Пошарь-ка там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.

Да не зевай! Того, Баим, не бойся,

Что в виноватых правый попадется:

Не виноват — укажет виноватых.

Переловить, связать и запереть

Всех накрепко в сторожню, там рассудим.

Уходят: воевода, товарищ и вся свита, кроме стрельцов. Баим и стрельцы ходят в народе.

Голоса

Чего тебе? Ты тише, не толкайся!

Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли?

С посаду бежит народ. Бастрюков Семен, Бастрюков Степан выезжают верхом на лошадях; за ними пешие слуги: Резвый и другие.

Явление пятое

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семен

О чем шумят? Чего не разделили?

Бастрюков Степан

Никак, Баим посадских обижает.

Голоса

Застой за нас! Безвинно бьют и мучат.

Бастрюков Семен

Оставь, Баим!

Баим

А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,
И сыщем их. Пока найдем да свяжем,
Не отступлю.

Бастрюков Семен

А как всполох ударим
На весь посад — и ног не унесете!
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!

(Посадским.)

Робята, расходитесь!

Расходятся.

Не тронет вас никто.

Баим

Не ты в ответе,
А я, с меня и спросят.

Бастрюков Семен

Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе.
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.

Баим

За мной, робята!

Уходят; Бастрюковы, Баим, стрельцы; прислуга уводит лошадей; посадские идут к городским воротам; навстречу им Влас Дюжой и Настасья.

Явление шестое

Влас и Настасья и прежние посадские.

Настасья

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Тыра

Как не видать.

Влас

Иди, как люди ходят.

Настасья

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

Влас

Настасья!
Уймешься ты аль нет?

Настасья

Фу! Смерды!

Цаплин

Шире
Народ, навоз плывет.

Настасья

Да как ты смеешь?
Ты страдник, смерд!

(Мужу.)

Доправь на нем бесчестье!
Ты знаешь, смерд, я теща воеводе.

Брусенин

Ну как не знать!

Влас

Иди добром, Настасья,

Не постыжусь, при всем честном народе

Учить примусь.

Настасья

Толкуй! ты сам не знаешь,

Какая честь на нас.

Тыра

От воеводы

Пристала к вам?

Влас

Иди! Народ смеется.

Ишь срам какой! Вот с дурой-то свяжися,

Так, Господи, и жизни-то не рад.

Настасья

Фу! Смерды! Прочь!

Несмеянов

Иди своей дорогой,

А мы своей; просторно, разойдемся.

Влас и Настасья уходят.

Явление седьмое

Несмеянов, Тыра, Цаплин, Брусенин и потом Дубровин.

Тыра

Ишь дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думает, что тоже
Боярыня; идет и ног не слышит.

Несмеянов

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старик живет, а жены молодые
Все мрут да мрут. Диковина и только!

Тыра

Да ну его!

Несмеянов

Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал невдалеке?

Цаплин

Так что же!

Тебе-то что ж?

Несмеянов

Разбойник лютый, бают.

Тыра

За что ж его разбойником ты лаешь,

Не знаючи? Какой же он разбойник?

Кого разбил? Тебя?

Несмеянов

Меня не трогал,

Мне грех сказать; не грабил, так не грабил.

Цаплин

Так покажи других!

Несмеянов

Чего не знаю —

Не говорю. Казну ограбил, бают.

Тыра

Ты бай не бай — не наше это дело.

Казну разбил, казна про то и сыщет:

А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Несмеянов

Заглазно ничего.

Тыра

А ну услышит,
Помилуй Бог!

Несмеянов

Ты шутишь аль взаправду?

Цаплин

У них везде глаза и уши.

Несмеянов

Ой ли?

Тыра

А вот гляди! Из этих самых нищих
Да из убогих, коль не половина,
Так двое-трое уж наверно есть
Из шайки Худояра.

Цаплин

Беспременно.

Несмеянов

А слышал я, что будто он в Казани
В тюрьме сидел.

Тыра

А ты поверил?

Несмеянов

Слушай!
И будто он достал из печи уголь
И написал косную на полу;
Забрал в нее тюремных всех сидельцев,
Плеснул воды, да в Волгу и уехал.
«Лови, держи!» — А их и след простыл,

Брусенин

Послушать вас, так уши вянут, право!
Обиды да разбои...

Несмеянов

А про что же
Рассказывать прикажешь? Мы не дети;
Не сказки ж говорить! По всем приметам,
Последние приходят времена:

В народе рознь, раздор, в судах неправда,

От сильных утесненье.

Брусенин

Тесно стало,

Так в лес ступай, спасайся, рой пещеру.

Ты слышал ли, что в наших палестинах

Подвижник новый объявился?

Несмеянов

Слышал.

Брусенин

В овраге монастырском, в диком лесе,

Живет затворник, хлебом да водой

Питается, а монастырь растет

Его молитвами и богатеет;

И земли прикупает и луга,

И стены строятся, и колокольня,

И братских келий ряд. Спроси монахов:

«Мол, кто у вас строитель?» — скажут: Бог.

Бессребреник пустынник из пещеры
На утренней заре на горку выдет,
Благословит работу начатую:
И лес и камень явятся и люди
Рабочие сойдутся и мешками
Несут, неведомо откуда, деньги
На монастырское строенье.

Несмеянов

Чудо,
Воистину.

Брусенин

А ты про тесноту.
Заступницы икону принесли
Из дальней пустыни в собор, так видишь:
Народ валит иконе поклониться,
И стар и мал работу покидают,
Последние несут копейки. Значит,
И вера в нас еще не оскудела,
И жить еще на свете можно.

Тыра

Верно.

Дубровин входит и осматривается.

Цаплин

(увидя Дубровина)

Никак, чужой? Чего он ищет?

Тыра

(подходя к Дубровину)

Дядя,
Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь или дела
Пытаешь?

Цаплин

Сват! Ты ближний али дальний?

Тыра

Каких родов, из коих городов?

Несмеянов

Не беглой ли? А может, он, робята,
Коня украл аль мужика убил.
Связать его!

Дубровин

Эх, дедушка, за что же?
Связать меня не хитрость; сам даюсь.
Вязать вяжи, да после не тужи.
Не я один гуляю, нас немало
Останется на воле, всех не свяжешь;
А у тебя домишко на посаде.

(Тихо.)

Поберегай от красных петухов!

Несмеянов

Да что ты, что ты, милый! Я нарочно
Шутил с тобой, а ты и вправду.

Дубровин

Полно,
Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.

Брусенин

Братцы!
Я признаю его!

Цаплин

И мне знакомо

Обличье-то, а как назвать — не знаю.

Дубровин

Я не боюсь и не таюсь: я беглый,
Посадский наш, Роман Дубровин.

Тыра

Братцы,
И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?

Дубровин

На белом свете много
Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.
Где я гулял — там нет меня; теперя
Домой пришел.

Тыра

Ты хочешь объявиться?

Дубровин

Ну, нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?

Тыра

У воеводы.

Дубровин
(хватается за голову)

Ужель к нему попала?

Тыра

Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олену.

Дубровин

Дьявол!

(Задумывается.)

Вот дело-то какое вышло! Эка
Беда моя! На малый час задумал
Вернуться к вам; придется оставаться,
С Шалыгиным считаться за жену.
У нас, людей торговых, так ведется:
Берешь без торгу, так плати что спросят.

Тыра

Вестимо так, да что с него возьмешь-то?

Дубровин

Не деньги ж брать! я денег не возьму;
Жена товар заветный, не продажный.

Тыра

А что завету за жену положишь?

Дубровин

Завет велик положен. На прощанье
С моей Оленой я поклялся богом,
Родителем, своей души спасеньем,
Что если кто ее обидит...

Тыра

Что же
Обидчику?

Дубровин

Я голову сорву
Руками с плеч.

(Помолчав.)

А что, жива, здорова?

Тыра

Тоскует все да плачет, говорят.

Дубровин

Спасибо вам на добром слове, братцы.
Увидите жену, так поклонитесь!
Мол, жив еще и помнит. Недалеко
Гуляет, мол; желает повидаться,
Так случая, мол, ищет. Воеводе
Скажи хоть ты,

(Несмеянову)

что собираюсь в гости,
Чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!

Несмеянов

Никак, ушел? Поотлегло от сердца, —
Перепугал, проклятый. Что ж, робята,
Явить аль нет?

Тыра

А нам какое дело?
Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.
Поди являй, а в послухи не ставь —

Во всем запусь.

Цаплин

И я.

Брусенин

Мы не видали.

Тыра

Помалчивай, так сам целее будешь.

Выходят из собора: воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги. Посадские и народ уходят в глубину площади.

Явление восьмое

Воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги и прежние посадские.

Воевода

(остановясь, не доходя ворот)

Два раза глуп бывает человек:

С младенчества сперва, потом под старость:

Состареешь и поглупеешь, разум

Отымется. Недаром люди стали
Учить меня. Одно и остается:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его, — что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил.

Бастрюков Семен

Да что ж, и впрямь затеяли не дело.

Воевода
(смеется)

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж еще! Не в ноги ж…
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смею. Что приговорите,
Тому и быть.

Облезлов

Нечай Григорьич, полно
Пытать-то нас. На что тебе советы.
Ты сам умен.

Бастрюков Степан

И мы не дураки.

Бастрюков Семен

В чем дело-то?

Воевода

Не знаю, как сказать!
Попутал грех. И молодых и старых

(снимает шапку и кланяется)

Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, седому
И стыдно бы, да человек я слабой,
Летами стар, зато душою молод.

Облезлов

Какой старик, ты лучше молодых, —
И стар, да дюж.

Воевода

Без бабы не живется;

Греха боюсь, — так вздумал оженить-ся.

Облезлов

И в добрый час.

Воевода

И не о том бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюков Семен

Что же
Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! Не дело, так не дело —
Тебе-то блажь, а баба-то засохнет,
За стариком живя.

Воевода

Что значит ум-то!
Не нам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,
Ответу нет; а у него как раз
Умен ответ и скор. Развесьте уши

И слушайте Семена Бастрюкова!
Уж если он, такой разумной, скажет,
Что не женись, Нечай Григорьич, значит,
Что надобно жениться беспременно.

Бастрюков Семен

Ты на смех, что ль?

Воевода

Как хочешь, так и думай;
За что почтешь, не буду спорить.

Бастрюков Семен

Ладно ж!
Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Изранен весь, доспехи боевые
Я сорок лет носил. Литва и немцы
До сей поры боятся Бастрюкова.
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: пустите покормиться!
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да креп-

че!

В Москве бывал, туда дорогу знаю.

Воевода

Москва Москвой; готовься сам к ответу.

В поместье ты, как в омуте, уселся

И думаешь — ты царь, тебе суда нет.

Мы выведем на свежую водицу.

Бастрюков Семен

Меня?

Воевода

Тебя.

Бастрюков Семен

Нет, руки коротки.

Воевода

Длинней твоих. Ты беглых укрываешь,

И зернщиков, и воровское держишь.

Бастрюков Степан

Что ж, батюшка, ты смотришь! Что ж он лает!

Царю челом ударим о бесчестье.

Воевода

Молчи, щенок!

Бастрюков Степан
(бросается на воеводу)

Ах, старая собака!

Его удерживают.
Бастрюков Семен

Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.

(Бросается на воеводу.)
Воевода

Держите их, держите!

Его загораживают.
Облезлов

Семен, уймись! Безлепичное дело
Затеял ты.

Бастрюков Семен
(наступая)

Не я, а он затеял!

Не уступлю, я сам его не хуже.

Голоса

Пречистую, пречистую несут!

Все снимают шапки, некоторые падают на колени. Воевода, Облезлов и их свита уходят в ворота. Бастрюковы Семен и Степан стоят, благоговейно склонив головы.

Действие первое
Сцена первая

ЛИЦА:
Влас Дюжой.
Настасья.
Прасковья, Марья, дочери их.
Недвига, мамка.
Воевода.
Шут.
Степан Бастрюков.
Резвый, Кубас, Шишига, слуги Бастрюкова
Слуги Дюжова и воеводы; сенные девушки.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом; направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынуто; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

Явление первое

Резвый, Степан Бастрюков в кустах, Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый

Кубас, Шишига, забирайте тын,

Да разом в лодку, и лежи как мертвый!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубас, за весла;
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!

Бастрюков

Да поживей!

Кубас

Ты свистни, а мы смыслим.
Перед тобой, как лист перед травой!
Загораживают тын.

Бастрюков

Спасибо вам, робята! Услужили!

Резвый

Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Одно и дело веселить да тешить
Тебя, Степан Семеныч.

Бастрюков

Да еще бы!
Потоль и тешиться, пока живется.
Ведь однова живем на свете белом.

Не в чернецы ж идти! Теперь забота
Одна в уме; одно и сплю и вижу,
Как Марью Власьевну достать.

Резвый

А мы-то!
Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали,
Да и опять поставили, как было.
И разберем и заберем в минуту
Широкий лаз, хоть тройкой поезжай.

Бастрюков

А крепко Влас живет.

Резвый

На всем посаде
Ни у кого нет выше городьбы:
Казну блюдет.

Бастрюков

Ну, мы казны не тронем.

Резвый

А дочерей уж не взыщи. Боярин,
Никак, идут. Схоронимся до время.

Бастрюков

Куда ж?

Резвый

Вот баня!

Бастрюков

Ну, и ладно!

Уходят в баню.

Входят Прасковья Власьевна, Марья Власьевна, Недвига; сенные девушки вносят ковры, подушки и разное шитье.

Явление второе

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сенные девушки.

Марья Власьевна

Нам в терему и тесно да и душно,

Жара, как в бане, а тебе и любо,

Коль у тебя в Петровки стынет кровь.

Ты старая; тебя не манит лето

На волюшку, на шелковы луга,

В тенистый бор, где белым днем потемки,

В зеленый сад, где алый цвет цветет,

Где вишенье, орешенье назрело,

И налилось, и ждет девичьих рук.

Мы не старухи, нам без печки жарко,

Не больно мил нам нов-высок терем.

Недвига

Ну, в сад так в сад; мне все равно, старухе.

Марья Власьевна

Что терем, что тюрьма — одно и то же.

Недвига

Ну будь по-вашему. Вот здесь и сядем.

Садятся; молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В мол-

чанки

Мы, что ль, играть сошлися! Нуте, девки,

Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьевна

Все величать! Довольно! Надоели.

Недвига

Сказать аль нет? Вестимо, что не дело

Холопское о господах судачить,

И промолчать нельзя.

Марья Власьевна

Ну, что такое?

Недвига

Да всё про то же, всё про жениха-то.

Что у кого, а у меня забота

Одна.

Марья Власьевна

Тебе-то что, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьевна

По сердцу не по сердцу, а пойду
И ох не молвлю!

Недвига

Думали, гадали
Родимые, да вот и догадались.
Ну ровня ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком.
Как месяц ни свети, а все не солнце!

Марья Власьевна

Ей что ни поп, то батька: все равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.

Прасковья Власьевна

Само собой. Да разве наша воля
Себе мужьев по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли —
Тебя не спросят.

Марья Власьевна

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна

Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться, Волгу запрудишь.

Марья Власьевна

Другая б плакала, а ты так рада.

Прасковья Власьевна

О чем, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сыченых вволю,
Гора горой пуховики лебяжьи
В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет, лежи: пусть тонет бело тело
И нежится. Да вот сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди как пава, а кругом рабыни
Кроят, и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,

Как расплетут, да но уши повяжут
Волосником, да бабью кику вздену́т.

Недвига

Тебе с ним жить, ну и живи как знаешь,
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнем? Все песни перепели.
Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: нИлюбо — не слушай,
Лгать не мешай!

Прасковья Власьевна

Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна

Ты думаешь, нам очень любы сказки?
От скуки слушаем, одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем; так время и проходит.

Прасковья Власьевна

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига

Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро,

На деле-то не вдруг. Ну вот в ту пору

Сидит себе Никита, кожи мнет.

И держит он, красавицы мои,

В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню,

Взглянул Никита, так вот и затресся;

Со страху ходнем руки заходили,

И разорвал он те двенадцать кож.

Марья Власьевна

Ну, ври еще!

Недвига

Известно, сказка складка,

А песня быль; не мимо говорится.

Марья Власьевна

Не всякая. Сама же ты певала,

Что воля красным девушкам гулять;

Молодкам миновалася гульба.

Мы девки вот, а все живем в неволе.

Недвига

Досказывать аль нет?

Прасковья Власьевна

Ну брось, не надо.
Уж надоело про змеёв-то слушать!

Недвига

Чего же вам?

Марья Власьевна

Любовную скажи!

Прасковья Власьевна

Ты расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь круг терема стоит.
И солнцем не печет, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на нее.

Недвига

А дальше?

Прасковья Власьевна

А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.

Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.

Марья Власьевна

Как добрый молодец прокрался в терем…

Да ты нам все рассказывай, как было.

Недвига

А мать услышит, кто в ответе будет?

Марья Власьевна

Пойдем в малину! Не найдут до завтра.

Недвига

Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!

Вас хлебом не корми, а дай послушать

Соромских сказок. Да и то сказать —

Все взаперти: чужих людей не видим,

Гулять нет воли, миловаться не с кем,

А у живого на уме живое.

Все уходят.

Резвый и Степан Бастрюков показываются из бани.

Явление третье

Бастрюков и Резвый.

Резвый

Рассыпались в кустах.

Бастрюков

Мани легонько!

Резвый свищет. Марья Власьевна подходит к тыну, осматривается; Резвый скрывается, Бастрюков выступает.

Явление четвертое

Бастрюков, Марья Власьевна, Резвый у тына.

Марья Власьевна

Вот диво-то! Не с неба ль ты свалился?

Не вихорь ли занес?

Бастрюков

Да надоело

Через забор вести переговоры.

И видит глаз, да зуб неймет. Поближе

Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок

Речь тайную, любовную держать
И миловаться, как душе угодно.
Мы разобрали тын.

Марья Власьевна

Ты, парень, ловок.

Бастрюков

Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,
Тебе покинуть свой терем высокой,
Чужую сторону узнать, так лучше
С милым дружком тайком уехать! Разве
Узнаешь думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубят век, спихнут за старика
Постылого на горе да на слезы.
Чего же ждать? Что думать! Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке, сядем
Да и поедем.

Марья Власьевна

Как же, дожидайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!

Бастрюков

Ты вот как, Маша!
Уж нелюб стал?

Марья Власьевна

За что тебя любить-то?
Обманщик ты! О святках было, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкой сын, Иван Ковригин.
Зима прошла, весна-красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Не раз, не два я спрашивать пытала
Об имени и отчестве твоем:
Иван Ковригин, только и ответу.
Ну, как тебе не грех? Я все узнала:

Ты не купецкой, а боярской сын
Степан Семеныч, Бастрюковых роду.
И скоморохи-то твои всё слуги,
И сам ты скоморох.

Бастрюков

Тебе же лучше.
Боярской сын, — тебе почету больше,
Со скоморохом веселее жить.

Марья Власьевна

Ну нет, старуха надвое сказала.
Купецкой сын-то женится честь честью.
А у тебя, я знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки;
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А ты женись, как следует, порядком,
Тогда вези, куда душе угодно.

Бастрюков

Да я бы рад, да вишь, Нечай Шалыгин
Берет сестру твою Прасковью замуж,
Он враг заклятый и отцу и мне;

Не то что сватать, мне нельзя и носу
К вам показать.

Марья Власьевна

Ну, станем дожидаться;
Мне лет немного; я не перестарок.

Бастрюков

Толкуй с тобой; а замуж отдадут?

Марья Власьевна

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут — ну тогда, не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твое;
Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.

Бастрюков

Голубушка!

(Обнимает.)

Марья Власьевна

Ты волю-то не очень
Давай рукам, повремени до срока!
Придет пора, ни слова не скажу,

Твоя же буду.

Бастрюков

Жизнь моя, лебедка!

Пройди весь свет от края и до края,

По всем землям, по всем ордам немирным,

Ищи другого парня, не найдешь,

Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша.

По-нашему любить, так вот как: видишь

Булатный нож?

(Вынимает нож из-за пояса.)

Марья Власьевна

Да что ты! Бог с тобой!

Бастрюков

Нет, погоди! Промолви только слово —

И глазом не моргну, по рукоятку

В грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна

Да верю, верю.

Бастрюков

Убей меня Господь на этом месте!

Марья Власьевна

Да лжешь ли, нет ли: сам ответишь Богу,

А слушать сладко.

Бастрюков

Значит, по рукам?

(Подает руку.)

Марья Власьевна

Да что уж говорить! Тебя полюбишь,

Так не разлюбишь скоро. Поведешься

С тобой, так на других потом не взглянешь.

Ишь ты какой пригожий уродился.

(Прислушивается.)

Домой пошли. Пора. Прощай!

(Идет. Навстречу ей выходит шут.)

Ай, ай!

(Прячется в кустах.)

Бастрюков

Чего она?

Резвый

Шутило воеводин.

Прячутся в баню.

Явление пятое

Шут, потом воевода, Влас с Настасьей и девки.

Шут

Авось-то он смирнее у невесты.
А все боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где, с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.
Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!

Входит воевода, за ним Влас и Настасья; девки несут жбаны, чары и ковриги.

Шут

(из-за кустов)

Бывает виноватому прощенье?

Воевода

Хоть редко, а бывает иногда.

Шут
(падая на колени)

Помилуй, дяденька! Вперед не буду.

Воевода

Вставай, собака. С одного вола
Две шкуры не дерут. Да только помни,
Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!

Шут
Всем закажу, и недругу, и другу,
Шутить с тобой! А то накладно, дядя —
Я языком шучу, а ты дубинкой!
Влас

Покрой ковром беседку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,
Изволь, присесть, не нудь боярских ног.

Воевода
(садится)

Мы здесь свои, и вы садитесь рядом.
Вы нареченные мне тесть и теща.

Влас

Не подобает нам, с женишкой Насть-

кой,

Перед тобой, высоким воеводой,

Сидеть да барствовать. Нам, темным людям,

Холопями твоими быть за счастье;

Родня роднёй, честь честью, осударь.

Ты погости у нас, а мы послужим.

Настасья

Да ну-ка ты! Служи один, я сяду.

Я экой чести сроду не видала,

Во сне не грезилось; что я за дура —

Привел Господь сесть рядом с воеводой,

А я не сяду! Ну-ка, дожидайся!

Сажает сам! Хоть малость посижу-то,

А сколько чести у меня прибудет!

Влас

Не осуди! Прискорбна головой,

Сызмальства скудоумна, Бог обидел.

Робячий смысл, нелепое творит.

Воевода

Не тронь, сидит.

Шут

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ка разума, ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить, рядить да речи разводить
С боярами да с думными дьяками!
Поговори-ка с нами, дураками!

Влас
(потчует медом)

Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.

Воевода

Покажи дорогу!
Допреж хозяина и поп не пьет:
Клади начин и подноси по ряду!

Влас

Желаю здравствовать на многи лета!
Храни тебя Господь да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,

Как чествовать и величать тебя.

(Пьет и наливает.)

Воевода

Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.

Влас

(кланяясь)

Хозяюшка!

Настасья

Уж пить ли мне-то, право?

Влас

Да не дури! я кланяться не стану —
Примай да бей челом.

Настасья

(берет чару)

Короток разум
У бабы-то; сказала б, да не знаю,
Грехом обмолвишься, неладно выдет.
Ну, будь здоров!

(Целуются.)

Воевода

Спасибо и на этом.

Влас

Теперь сама проси.

Настасья

Покорно просим.

Воевода

В гостях — в неволе. Отказать не смею.

Я выпью!

(Пьет.)

Знатный мед, стоялый, крепкий,

Хороший мед! Ты, Влас, живешь исправно.

Влас

Да есть-таки запас про всякий случай:

Для праздников, вот дочери невесты.

Так для родни да для попов пасем

Попотчевать послаще. Все ж не ровня

Твоим медам боярским; нам далеко

С тобой тягаться, мы живем черно,

Да и сварить-то путно не умеем.

Ты наше малое поставь в большое.

Воевода

Не диво пиво, дорога любовь.

(Отдаст чару Настасье.)

Недаром говорят: не будь запаслив,
Будь гостю рад.

Шут

Я не обсевок в поле,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирог с крупой и мы с рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода

Не по губам тебе, язык проглотишь.

Шут

Ну, зелена винца!

Влас

Вот есть в сулейке.

Шут

Покланяйся, а я ломаться стану.

Влас

Ты сам себя попотчуй, сколько влезет,

Бери совсем. Своя рука владыка.

Воевода

Ты, волчья сыть, медвежья дрань, дорвался!

Смотри не задури!

Шут

Я помаленьку.

Влас

Пей помаленьку, только выпей все.

Шут отходит.

Воевода

Закону нет глядеть невест до свадьбы,

А мне охота; хоть глазком взглянуть бы.

Влас

Да ты глядел.

Воевода

Не сыто наше око:

Посмотришь раз, манит тебя в другой.

Настасья

Вот женишься, так наглядишься вдоволь:

Неказанному золоту цены нет;

Показано, так всякой цену знает.

Воевода

Здорова? Не скучает?

Влас

Да с чего ей!

Об чем скучать? растет, толстеет, всходит,

Как на дрожжах опара.

Настасья

Ты, боярин,

Не обижай! В любви держи да в холе,

Чтоб нам не плакаться.

Влас

Молчи ты, дура!

Настасья

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,

Я мать родная. Ты меня послушай,

Родимый зятюшка, Нечай Григорьич!

Уж чтоб и мне, старухе, был почет,
Чтоб все таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедне,
Народ без шапок, с кем заговорила —
Чтоб на колени падал.

Влас

Ты очнись;
Коль захмелела ты, поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!

Настасья

На-ка!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.

Воевода

С тобой начни, до завтра протолкуешь.
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Шут

(в кустах)

На след попал, по красному по зверю.
Ты обожди, я погоню на вас.

Влас

Переложил хмельного, брешет спьяну.

Шут

Вот зверь, так зверь; не соболь, не куница,
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!

Выбегает Марья Власьевна.

Явление шестое

Воевода, Влас, Настасья, шут и Марья Власьевна.

Влас

Марья!
Ты как зашла?

Марья Власьевна

С сестрой гуляли, с няней
Мы даве здесь; они домой пошли,

А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.

Настасья

Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!

Воевода
(берет за руку Марью Власьевну)

Постой! Какие очи!
Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своем веку, —
Таких очей не приводилось видеть.
Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?

Влас

Меньшая дочка, Марья.

Воевода

Вы обманом,
Холопы, смерды, обошли меня:
Похуже сбыть товар, так воеводе,
Получше дома приберечь. Я знаю

Купецкую замашку. Ты мне ворог,

Ты плутовством живешь, обманным делом!

Влас

Помилуй, осударь, мы без обману,

По старшинству, Прасковью выдавали —

Таков у нас обычай.

Воевода

Я Прасковью

И видеть не желаю, врозь все дело!

И Марью я не выпущу из рук!

Отдайте мне ее! Ее отдайте!

Ее хочу, ее беру, отдайте!

Я вас озолочу.

Влас

Твоя есть воля.

Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

Настасья

Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?

Да нешто водится?

Воевода

Уйми жену!

Влас

Да как унять, что делать с ней, боярин?

Бью походя, околотил все руки.

Настасья, слушай! Мил тебе аль нет

Свет белый, вольный? Молви только слово

Противное, убью тебя до смерти!

Молчи да в ноги кланяйся за милость.

Благодарим за честь!

Кланяются.

Воевода

Так рукобитье?

Влас

Приказывай; велишь — сейчас ударим.

Воевода

Пойдем в хоромы, там и порешим.

(Настасье.)

Веди невесту, при огне посмотрим,
Здесь тёмно стало. Девица-краса,
Ты не слези свои сокольи очи,
Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не на́ горе ко мне пойдешь, на радость.

Все уходят, кроме шута, который остается на крыльце. Выходят Бастрюков и Резвый.

Явление седьмое

Бастрюков, Резвый и шут.

Бастрюков

Ах, старый пес! Ты слышал, Резвый?

Резвый

Слышал.

Бастрюков

Ведь дело дрянь.

Резвый

Беда ума прикупит.
Ты не кручинься, как-нибудь поправим.

Бастрюков

Поправить нечем, надобно украсть.

Резвый

И я про то же. Лишь бы показалась —
Уж только здесь и видели ее.

Бастрюков

Да выдет ли?

Резвый

Да сердце не утерпит.
Урвется как-нибудь на малой час
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.

Шут

Ай, молодцы! Веселые робята!
Ну, как теперь: явить ли воеводе,
Да и накрыть удалых молодцов?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить ребятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.

(Уходит.)

Бастрюков

Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!

Всю ночь прождать, да только б не с пустыми

Руками нам домой вернуться. Лучше

Не жить на свете, вовсе не родиться!

А уступить нельзя: не мой обычай.

Резвый

Никак, идет.

Бастрюков

Свисти!

Резвый свищет. Марья Власьевна на крыльце.

Ты ль это, Маша?

Явление восьмое

Бастрюков, Резвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна

Я, мой родной! Иду и ног не чую!

Спаси меня, спаси! Мне все постыло,

Мне лучше в омут, чем назад в хоромы:

Отец родной и матушка родима

И продали, и пропили меня.

Бастрюков

Да где ты?

Марья Власьевна

Здесь! Боюсь идти в потемках.

Бастрюков

Свисти в другой!
Резвый свищет.
Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на руках тебя снесем до лодки,
Тын разбирается.
Да и прощай, и поминай как звали.

Входят: воевода, Влас, Настасья, шут и слуги с фонарями.

Явление девятое

Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, воевода, шут, Влас, Настасья, слуги.

Шут

Держите!.. Воры!

Резвый

Осударь, спасайся!

Бастрюков

Авось пробьемся. Мне свою голубку
Неужто бросить!

Воевода

Бросишь поневоле.
И рад бы взять, да руки не достанут.
Вяжите их!

Резвый
(вынимает саблю)

Поди-ка сунься кто!

Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну.

Бастрюков

Прощай, касатка, не моя — чужая!

Марья Власьевна

Ну да, чужая. Пусть владеет силой,
Ни ласки он, ни слова не дождется.
Мне что сказать, мне чем тебя утешить?
Ему не я, а красота нужна.

Так пусть же силой нас и обвенчают,
Пусть что хотят, то делают; я буду
Как мертвая.

Воевода

Так вот, Степан Семеныч,
Ты по каким делам пошел?

Бастрюков

Ошибся,
Ты не узнал, я не Степан Семеныч.
Бастрюков и слуги входят в лодку.

Воевода

Эй! Люди! В лодки, да в погоню живо!

Один из слуг

Что было лодок, все поотвязали
И по воде пустили. Не в чем ехать.

Резвый

Поедем тихо, и пешком догонишь.

Воевода

Смотри, куда поедут — вверх по Волге
Иль вниз?

Слуга

Ни вверх, ни вниз, даются в реку;
Не видно стало, обняли потемки.

Настасья

Вот видели, как девок-то воруют!
Вот погляди! А как за ней усмотришь!

Воевода

Украсть хитро, как сторожей поставлю!

Настасья

Да просто так, возьмут да и украдут.
Не надивлюсь, когда они спознались.

Влас

А вот пойдем притянем всех к допросу,
Всех нянек, мамок, спросим и ее.
Эй, заберите тын, да подоприте
Его путем! Всю ночь ходить дозором!

Воевода

Ну, мы ее побережем покрепче.
Ко мне, в мой дом ее перевезите,

Что на посаде: он пустой стоит;

Там не украдут; пусть живет до свадьбы.

Настасья

Как хочешь сам, а мне не уберечь.

Оно и лучше — от беды подальше.

Иди домой! Ах, батюшки, нейдет.

(Толкает, та понемногу подвигается.)

Воевода

Упрямится. Дай время — обойдется.

Уходят.

Сцена вторая

ЛИЦА:
Степан Бастрюков.
Роман Дубровин.
Резвый.
Кубас и другие слуги.

Сени в доме Бастрюкова.

Явление первое

Бастрюков, Резвый, Кубас и другие слуги входят.

Бастрюков

(садится)

Душа горит, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подевалась,
Моя удача, мой талан да счастье?

Резвый

Степан Семеныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Повеселее будет.

Бастрюков

На роду ли
Мне так написано, аль доля вышла
Спознаться с горем. Ройте мне могилу,
Дубовую колоду приготовьте.
Желтым песком засыпьте!

Резвый

Нас живыми
Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.

Бастрюков
(встает)

Слуги
И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил свое цветное платье —
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги нам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!

Резвый

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потешим
Боярина. Вели, Степан Семеныч,
Мне слово молвить.

Бастрюков

Молви.

Резвый
(кланяется в ноги)

Головы
Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни, как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.

Бастрюков

Ведомого вора
Во двор пустили. Ну как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моем дворе!
В ответе я. По грамоте царевой,
И головой, и животом отвечу,
Поместья отберут на государя
За ваше воровство!

Резвый

Степан Семеныч,
Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато да жена пригожа;
Его томил в остроге воевода —
Все денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;

И ночи там она не ночевала,

К себе ее в хоромы перевел.

В бегах был с год Дубровин, вот вернулся,

Сгрустнулось, повидаться захотелось

С женою.

Бастрюков

Где ж она?

Резвый

У воеводы.

Бастрюков

Так вы его пустили?

Резвый

Да боится

К чужим пристать. Да что ж, Степан Семеныч,

Пускай живет; у нас его не сыщут;

А взыщутся, так мы тогда спровадим,

И след простыл; а нас хоть жги огнями:

И знать не знаем, слыхом не слыхали.

А уж куда на выдумки гораздой!
Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.

Бастрюков

Зови!

Резвый

Кубас, беги! Да ты найдешь?

Кубас

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщик.

(Уходит.)

Резвый

Горе-то убило
Теперь его, а уж куда затейник —
Что слово скажет, то рублем дарит.

Бастрюков

Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коли беду мою бобами разведет,
Печаль-тоску на радость поворотит.

Резвый

Кромя его и некому.

Бастрюков

Посмотрим.

Входит Дубровин.

Явление второе

Те же и Дубровин.

Дубровин

Здорово, осударь Степан Семеныч!

Бастрюков

Живешь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.

Дубровин

Да по́што я тебе? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришел не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришел потиху и уйду потиху.
Пришел я незван и уйду я негнан.

А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликал?

Бастрюков

Дело есть, Дубровин.
Тебе не боязно?

Дубровин

Чего бояться?

Бастрюков

Велю связать, да к воеводе.

Дубровин

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.

Бастрюков

И то шучу. И волосом не тронут.
Нужна послуга.

Дубровин

Будет ли под силу?

Бастрюков

А есть охота?

Дубровин

Твой слуга, боярин.

Бастрюков

Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.

Дубровин

За что про что сыр-бор горит?

Бастрюков

За девку!
В руках была, да отняли из рук.

Дубровин

Здесь девушки по денежке.

Бастрюков

Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжова?

Дубровин

Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!

Бастрюков

А дочек видел?

Дубровин

Чтоб не солгать, раз с десять доводилось.
Молва идет: не знаю, правда ль, нет ли? —
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семеныч,
Я молвлю не в укор, ее жалеешь?
Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а все же кус не твой;
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как не родные точно.

Бастрюков

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалею;
Мы по любви сошлись и столковались.

Дубровин

Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволенья.

Бастрюков

Так и задумал.

Дубровин

Ну!

Бастрюков

Да помешали.
Я за руку, а за другую…

Дубровин

Кто же?

Бастрюков

Все он же, воевода.

Дубровин

Не татарин:
Не женится на двух.

Бастрюков

Да он раздумал
Прасковью взять. Как увидал меньшую,
Так подавай ее, а ту не надо.
Во двор берет беречь, чтоб не украли.

Дубровин

А надо бы украсть. Ужли уступишь?

Бастрюков

Что уступить, что заживо в могилу!

Мне жизнь не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем,

Да каково, слюбившись, расставаться.

Дубровин

Не плакать стать; слезами не поможешь.

Подумать, да за дело.

Резвый

В добрый час!

Дубровин
(оглядываясь)

Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.

Останься, Резвый, ты не помешаешь.

Бастрюков
(слугам)

Идите вон и подождите зову.

Слуги уходят, кроме Резвого.

Дубровин

Боярин, я пришел недаром. Тоже

Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого посадят,
Что век не вылезешь. Одно осталось —
Свое добро у вора воровать.
Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Бастрюков

Из города не выживешь его.

Дубровин

А надо бы. Нам только самого-то
Долой бы с глаз, а челядь наша будет.

Бастрюков

Хитер, собака, не обманешь.

Дубровин

Можно.
На свете нет такого хитреца,
Чтоб не было хитрее. Воевода
Хитер, да не умен.

Бастрюков

Почем ты знаешь?

Дубровин

Не станет умный с ведунами знаться,
А он без ведуна не ступит шагу.
Во всяком деле, важном и не важном,
Мизгирь ему советчик. Так пристойно ль
Боярину ума-то набираться
От мужика?

Бастрюков

А кто таков Мизгирь?

Дубровин

Известный плут; слывет за ведуна
У глупого народа. Он немало
Людей изводит порчей, а другого
Не смыслит чародейства. Уж давно бы
Его казнить пора за лиходейство.
Послать в Москву, там суд короток будет, —
Не волоча, сожгут его живого

За волховство. А умный воевода
Его на воле держит, днем и ночью
Во всякий час к себе в покои водит,
По книгам смотрят, в шестокрыл и в рафли.
Вот дело-то какое. Поклониться
Приходится.

Бастрюков

Кому?

Дубровин

Да мне.

Бастрюков

Изволь.

Резвый

Постой, Степан Семеныч, ты боярин,
Заставь холопей кланяться ему,
У нас спина гибка.

Дубровин

Да вас не надо,
Пусть сам поклонится.

Резвый

На что ж тебе
Его поклоны нужны?

Дубровин

Сердце тешу.
Я кланялся немало и задаром;
Пускай хоть раз поклонятся и мне.
Я денег не прошу, меня не купишь,
А за поклон я душу положу.

Бастрюков

Поклон не в труд и не в бесчестье, если
За дело кланяться и за услугу.
Я поклонюсь, да было бы за что.

(Кланяется.)

Дубровин

Меня Мизгирь боится; прикажу
Из города спровадить воеводу,
Так он спровадит, а послать деньжонок,
Да припугнуть, да посулить еще,
Так завтра же ушлет на богомолье —

И тот пойдет.

Бастрюков

Чем свет пошлю Кубаса.

Резвый

Я сам снесу.

Бастрюков

А много ль денег надо?

Дубровин

Недорого продаст он воеводу.
Чего не жаль, то и пошли.

Бастрюков

Ну, ладно.

Дубровин

Прости, до завтра!

Резвый

Ты, Степан Семеныч,
Опочивать ложись!

Бастрюков

Вели дать меду,

Мне не впервой гулять до бела света.

Резвый уходит.

Ты где бродил?

Дубровин

Не клином свет сошелся.

Бастрюков

Гулял по Волге?

Дубровин

Волей и неволей,
В бурлаках…

Бастрюков

И в удалых молодцах?

Дубровин

Всего бывало.

Бастрюков

И большой дорогой
В ночь темную?

Дубровин

Придет пора, покаюсь.

Ни ты чернец, ни мне конец, боярин.

Бастрюков

Здесь слух прошел про Худояра. Слышал?

Дубровин

Слыхать слыхал.

Бастрюков

А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабит
И на богатых лишь оброк кладет;
Не жалует служилых и посадских,
И нас, дворян поместных?

Дубровин

Ты боишься?

Бастрюков

Мне что бояться, я живу по правде.

Дубровин

Так что ж тебе?

Бастрюков

Да поглядеть охота.

Дубровин

Зачем, боярин?

Бастрюков

Удаль заставляет.

Дубровин

Так вот гляди: мы схожи уродились:
И голосом, и волосом, и ростом;
Один в другого удались точь-в-точь.

Бастрюков пристально смотрит на Дубровина.

Ну, что ж задумался?

Бастрюков

Да я не знаю,
Вязать тебя за схожесть с Худояром
Иль чествовать и величать за удаль.
Являть ли воеводе, иль медами
Поить тебя сыченьими. Спросить бы,
Да некого.

Дубровин

Ты у души спроси;

Душа вернее скажет.

Бастрюков

Правда.

(Стучит по столу.)

Резвый!

Входят: Резвый, Кубас и другие слуги.

Вина давайте, меду. Песни пойте!

Дым коромыслом! С горя загуляем,

А с радости опохмеляться будем.

Слуги

(поют)

Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,

Не пора ли нам, робята, свое затирати?

Солод молод на овине, а хмель на тычине.

Уж и что же вы, робята, приуныли!

Аль у вас, робята, денег нету?

Действие второе

ЛИЦА:
Воевода.
Неустройко.
Настасья.
Марья Власьевна.
Вдова Ульяна.
Мизгирь, колдун.
Олена, жена Дубровина.
Гришка Жилка.
Шут.
Девушки сенные 1-я и 2-я.
Мужская и женская прислуга.
Домовой.

Светлые сени в доме воеводы на посаде. Прямо — входная дверь; налево от актеров — дверь в терем, направо — три небольших оконца задернуты одной тафтяной занавеской; в левом углу изразцовая печь, у печки железная кочерга, по стенам лавки.

Явление первое

Входят: Настасья, Недвига и девушки.

Настасья

Ну, что ж? молчит?

Первая девушка

Не молвит ни словечка.

Настасья

Ни с кем?

Вторая девушка

Ни с кем.

Первая девушка

И рта не разевала.

Настасья

Пойти взглянуть. Ахти, напасть какая.

(Уходит в терем.)

Недвига

Напасть и есть! Не хочет слова молвить!

А вы-то дуры! Нет у вас уменья
Повеселить.

Одна из девушек

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили —
Да не суметь, а то бы попытались.

Недвига

Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну как не распотешить!
Охоты нет! Была царева дочка
На выданье, царевна Несмеяна;
Сидит, не улыбнется, говорит ли,
Не усмехнется. Не-в-котором царстве
Нашелся парень, рассмешил-таки.

Другая девушка

Так парень, а не мы! Чудна́я, право!

Первая девушка

И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе.
Да где же взять?

Недвига

Ты по себе не меряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Так не у всех такие.

Первая девушка

Говорить-то
Не хочется. До брани недалёко,
Как свяжешься.

Недвига

Знать, нечего?

Первая девушка

Навряд ли!

Недвига

Ну, говори!

Первая девушка

С чего она тоскует?
Я слышала. Она сбежать сбиралась,
Да не дали.

Недвига

Так что ж?

Первая девушка

Слюбилась с парнем.

Недвига

А вот и врешь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.

Первая девушка

Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не знавши с кем?

Недвига

Да так же:
Пришел да взял, не станешь упираться,
А взял — повел! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут —
Они идут.

Первая девушка

А может, и взаправду.

Недвига

Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрешь.

(Уходит в дверь налево.)

Входит Неустройко. Ульяна растворяет дверь и оглядывает комнату.

Явление второе

Неустройко и девушки, Ульяна.

Ульяна
(грубо)

Тебе чего? Ты почто тут толчешься?

Неустройко
(передразнивая Ульяну)

Чего, чего! Ты рта не разевай
Широко-то! Сейчас боярин будет.

Ульяна

Так что ж тебе?

Неустройко

Так надо приглядеть,
Обрядно ль все у вас. Я распинался,
Постлал ковры, завесы к окнам вешал,
Полавочники клал на каждой лавке,
Столы сукном завесил.

Ульяна

Погляди!
Разуй глаза! Все чисто, все нарядно.
Уйди добром! Не суйся, где не просят,
А то дождешься брани.

Неустройко

Жениховы
Подарки все порядком я поставил.
Ларцы и зеркала, белила, перстни,
И мыла всякие, и все покупки,
И рухлядь всю расставил и развесил
Лицом на погляденье!

Ульяна

Ну, так что ж?

Неустройко

У вас, гляди, все в кучу сбито.

Ульяна

Сбито?
Не лучше ль, не дельнее ль твоего
Улажено? Поди-ка ты с ученьем

Из терема-то вон, покуда цел!

Глупей тебя я, что ли?

Неустройко

Что ты знаешь?

Ты как жила? Весь век в курной избе.

Ульяна

В курной избе? В курной? Где кочерга-то?

(Берет у печки кочергу.)

Неустройко убегает в дверь. Ульяна бросается за ним с кочергой и натыкается на воеводу.

Входят: воевода и Неустройко.

Явление третье

Воевода, Неустройко, Ульяна и девушки.

Ульяна

Ахти беда! Боярин! Виновата!

(Кланяется.)

Воевода

Воюешь ты? Воюй! Не надо беса,

Когда ты здеся. Мне того и нужно.

Ты слушай в оба! Не по чести место

Дано тебе. Боярские хоромы
Велика честь для вас, людишек малых.
Ты это чувствуй. Вся твоя забота
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, сказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами.
Блюди за ними крепко. Все, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим
С большим наделом деньгами и платьем,
И замуж выдам. Дворню созовите!

Неустройко уходит.

И баб, и сенных девок!

Девушки уходят в терем.

Ульяна

Не трудна работа,
И много милости. Продли Бог веку
Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,
Ну и гляди медведем и свирепствуй!
А за оплошку удавлю. Ступай!

Ульяна уходит. Входят Неустройко и прислужники обоего пола и кланяются; меж ними Олена.

Явление четвертое

Воевода, Олена, Неустройко и прислуга.

Воевода

Я жалую вас милостью боярской:
Не красен дом, не весел господину,
И слугам сиротливо без хозяйки
Боярыни. Благословеньем Божьим
И нашим счастьем мы нашли девицу
Себе по мысли, и понять желаем
Себе в жену, вам в мать и госпожу.

Неустройко

Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.

Кланяются в ноги.

Воевода

Теперь пока до свадьбы
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю.

Неустройко

Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.

Воевода

Наказ короткой —
Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать, от всякого бесчинства
И пьяного питья блюстись всемерно!
Все это присказка, а вот и сказка!

(Встает.)

Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дома сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!

Чтоб сенным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!
Не только вести в дом или из дому
Не проносить; а птица прилетела
С чужих хором, чтоб мне про это ведать!
Я батогов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую
Казненным быть нещадно скорой казнью.

Неустройко

Челом боярину и вон ступайте.

Кланяются и уходят, кроме Олены.

Явление пятое

Воевода, Неустройко и Олена.

Воевода

Олена!

Олена останавливается.

Ты все волком к лесу смотришь.
Змеей шипишь. Пора бы уходиться,
Забыть про вора-мужа.

Олена

Не забуду,
Пока жива.

Воевода

Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас.

Олена

Да что кому за дело
До глаз моих. Гляжу я, как умею.
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,
Я делаю, не выхожу из воли.
Чего ж тебе?

Воевода
(Неустройке)

Стеречь ее покрепче,
Чтоб не сбежала со двора.

Олена

Кто? Я-то?
Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорен по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печет ли солнце, дождик ли сечет
ЯснСго сокола, в живых ли, нет ли, —
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погост —
Над матушкой повыла б, что на горе,
На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на дом пустой — да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски.
Да буду ждать, чем нас Господь рассудит.

(Уходит.)

Неустройко

Нет зверя злой жены лютее.

Воевода

Правда.

Входит Жилка, Неустройко уходит.

Явление шестое

Воевода и Жилка

Жилка

(кланяясь в ноги)

А я давно ищу тебя, боярин.

Воевода

Откуда ты?

Жилка

Из погреба.

Воевода

Треклятый,

Как черт занес на погреб?

Жилка

Посадили.
В гостях гостил у Бастрюковых.

Воевода

То-то
И не видать тебя.

Жилка

Голодной смертью
Околевал-сидел, и кнутьем били,
А на тебя, боярин, челобитье
Написано и услано к Москве.

Воевода

А кто писал?

Жилка

Да я.

Воевода

С ума ты спятил!
Или об двух ты головах?

Жилка

Напишешь
И на себя, как по бокам с плетями

С ордынскими стоят.

Воевода

А кто поехал?

Жилка

По выбору послали. С Бастрюковым
Поехали. И он в Москву.

Воевода

Ну с Богом!
Широкий путь.

Жилка

Роман Дубровин близко.

Воевода

И знаешь где?

Жилка

У Бастрюковых.

Воевода

Точно?

Жилка

Хоть умереть, на месте провалиться!

Воевода

А вот, дай срок, схожу на богомолье,
Нагрянем к ним.

Жилка

Про Худояра вести.

Воевода

Хорошие?

Жилка

Остановился станом
За пустынью. Осиновик-починок
Слыхал когда?

Воевода

Ну вот и кстати будет,
И я иду туда на богомолье.
Беги скорей, вели собрать Баиму
Стрельцов своих и всех служилых. Мигом
Лети к нему: чтоб нынче и в поход,
Чтоб догонять меня; у нас и кони
Оседланы. Не засижусь, я только
Зашел проститься с тещей и невестой!

Жилка уходит. Входят: Настасья, Марья Власьевна, покрытая фатой, Ульяна и Недвига.

Явление седьмое

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, Недвига и женщины, потом шут.

Воевода

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здесь. Как спали-ночевали?

Целуются.

Настасья

Зятек поклонистый, живем, покуда
Господь хранит.

Воевода

Садись в передний угол!
Хозяйкой будь.

Настасья

Хозяйка не садится,
Садись ты, гость.

Воевода

Не гость и не хозяин.

Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом
Ее теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите как хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовых баб и девок. Был женатый,
Так нужны были, а вдовцом остался —
Куда их деть? Хотел уж по осинам
Развешать их, ан вот и пригодились.
Вот и Ульяна, ей наместо мамки.

Настасья

На всем спасибо! Только ты послушай,
Какое дело! Словно кто испортил
Ее у нас. Бывало, день настанет —
Одну ее и слышишь: без умолку
Трещит, болтает, прыгает да скачет;
Теперь ни слова, точно как немая,
И уст не открывает, и ни шагу
Не сделает сама, толкнешь — идет.
Аль сглазил кто?

Воевода

От глазу и от порчи

Мы слово знаем. Молодо — стыдливо.
Глазам-то стыдно, а душой-то рада.
Девичий стыд до мужнина порога,
Лиха беда порог переступить.

Настасья

Не то что стыд, а норовом такая:
Упрямится.

Ульяна

Устанет — перестанет.

Настасья

Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.

Воевода

Тоску прогоним

Шут входит.

Забавами, да играми, да пляской.
Да песнями. Бессудного покличем.

Шут

Здесь, дяденька.

Воевода

Тебя-то нам и надо.

Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,

Да только тешь! А я домой поеду.

Хочу пешком сходить на богомолье,

Благословиться. Крепче дело будет.

Да говорят, круг города удалых

Поразвелось, так надо попугать их.

Дня два проходим да честным пирком

За свадебку. Прощай, моя зазноба!

Не на́долго прощаемся с тобой,

Немного дней пройдет до нашей свадьбы,

Но каждый день протянется мне годом:

Я ночью буду утра дожидаться,

Я утром буду вечер торопить.

Настасья

Убить бы день, а ночи не увидишь.

Воевода

Не крой лица, не прячь своих очей

И ненаглядной красоты девичьей,

Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.

(Открывает покрывало и смотрит на нее; она закрывается.)

Прощай-ка, тещенька.

Настасья

Прощай, зятек.

Все кланяются.

Женщины

В святой бы час, в архангельской.

Воевода

Спасибо!

Настасья

И я домой. Прощай покуда, дочка.

Уходят: воевода, Настасья, Недвига, Ульяна и женщины.

Явление восьмое

Марья Власьевна и шут.

Шут

(прыгает)

Ишь скачет как! Пыль-курево стоит.
Прощай, боярин! С Богом, по морозцу!
Уехал дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.

(Поет.)

Ах ты бедный еж,
Горемычный еж,
Ты куда ползешь,
Куда ежишься?
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему.
К Марье Власьевне.

(Ежится и жмется к Марье Власьевне, она его толкает ногой.)

Спесива ты, дерешься! А не знаешь,
Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа
Во высокий терем,

Как стали ежа

Целовать, миловать,

Оглаживать,

Охорашивать.

Марья Власьевна

(открывает покрывало и сердито смотрит на шута)

Кабы не ты, гуляла б я на воле.

Постылый пес, тебе бы беса тешить!

Ножа-то нет, зарезала б тебя.

Шут

Гляди-кось. Вот так пыль! Чуть жив со страху!

С ковшом на брагу налетели, дядя!

Убил бобра! Нашла коса на камень!

(Уходит).

Входят: Ульяна и Недвига.

Явление девятое

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига

Господь с тобой! С чего ты загрустила,

Красавица, забавница моя?

Ульяна

И сладу нет. Совсем от рук отбилась;
Хоть молода, а норов стар.

Недвига

Да ты бы
Не все грозой, а иногда и лаской,
И дуги гнут не вдруг, а прежде парят.

Ульяна

Да парь не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямее.

Недвига

Мне что за дело,
Какая ты! Твое перед тобою.

(Марье Власьевне.)

Пришла к тебе, а по́што, и не знаю;
Куда гожусь, туда и деньте. Все же
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба — оставь, а нет — домой пусти.

Велишь остаться?

Марья Власьевна кивает головой.

И на том спасибо!

Ульяна

Пойду-ка я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды!
Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворотишь!

(Уходит.)

Недвига

Ах, волк те съешь и с пóтрохом! Откуда
Такое зелье взяли? На лес взглянет —
Так лес завянет. Не велика птичка,
А ноготок востер. Пустили волка
Овец стеречь, небось не отказался,
А говорит: «Что делать! так и быть,
Уж как не как, а надо послужить».
Работу взять пойти, без дела скучно.

Олена входит, робко оглядываясь.

Явление десятое

Марья Власьевна и Олена.

Олена

(падая к ногам Марьи Власьевны)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила…
Боярышня, есть весточка.

Марья Власьевна

Откуда?

Олена

Степан Семеныч шлет.

Марья Власьевна

Не лжешь, так правда.

Олена

На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая женка

Рядком пристала, вглядываться стала,

Взглянула раз и два, заговорила:

«Лицо твое мне, милая, знакомо,

А как назвать, не знаю». Так и так, мол.

«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.

Придешь домой, боярышне тихонько

Шепни, когда улучишь час…»

Марья Власьевна

Скорее!

Ну говори ж! Придут да помешают.

Олена

Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,

Ты выходила. Сторожей не бойся! —

Всех напоят. На даровое падки,

Весь дом напьется к ночи. Я нароком

Фату твою из рук пустила в воду,

Чтоб допустили: будто повиниться

Пришла к тебе.

Марья Власьевна

(целуя ее)

Спасибо!

Олена

Ты Ульяну
Уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идет; из рук не вырвет.
Как молодцы подхватят.

Марья Власьевна

Да не пустит
Из терема.

Олена

Ты подари, попробуй.
Чай, есть чего!

Марья Власьевна

Немало дряни. Идут!

Входят: Ульяна и Недвига; останавливаются и смотрят.

Явление одиннадцатое

Марья Власьевна, Олена, Недвига и Ульяна.

Олена

(на коленях)

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою белую
В воду уронила.

(Кланяется в ноги.)

Марья Власьевна

(с сердцем)

Ну нет! Простить нельзя беду такую,
Какая ты работница! Работать,
Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. В терем
К себе беру. Пусть на меня и служит,
Чтоб от меня не отходила шагу.

Олена

Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.

Хоть казнишь, хоть милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьевна

И вместе спать со мной! Да накормите
С боярского стола ее. Ступай!

Недвига

Вот, поглядишь, господское-то дело —
Не разберешь у них, что гнев, что милость.

Недвига и Олена уходят.

Ульяна

Заговорила? Аль опять надулась?
Житье мое! Уж нечего сказать!
Вот дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! Она и знать не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворотишь.

Марья Власьевна уходит.

Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
Что будет от нее.

Марья Власьевна входит и подает с поклоном

тафтяную рубашку.

Ну вот спасибо!
Как поглядеть, так ты из умных, девка.
Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чем не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой. Вы при людях тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнездам,
Смирнехонько сидите, глазки в землю
Опущены. А дай-ка вам потачку,
Недогляди, откуда прыть возьмется —
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело.
Чем тешатся, не плакали бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало —
Утехи нет одним, без парней скучно.

Не правда, что ль? Сама чудила в девках,

Так знаю вас, меня не проведете.

И ты, как все, не лучше и не хуже,

Да хитрости в тебе уж больно много.

Марья Власьевна уходит.

Опять ушла. Еще не принесет ли?

А ладно бы! У ней добра-то много,

А мне-то где взять?

Входит Марья Власьевна с летником и подает с поклоном.

Что ты! Бог с тобою!

Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.

Марья Власьевна кланяется.

Уж разве взять? Подарок-то хорош.

Непрошеный подарок-то дороже.

И то, возьму. Благодарю покорно!

Да вот беда! Отдаривать придется.

Я брать беру, а отдарить-то нечем.

Поноровлю за это; что захочешь,

Отказу нет, опричь того, что в терем

Чужих водить — и затевать не думай!
Да не пущу и самоё из дому.
А в терему что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чем хочешь, забавляйся.

Марья Власьевна уходит.

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ка! Не надо, не возьму я!
Ахти грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придет охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и брать-то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный норов —
И соблазнюсь, как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза-то завидущи.
Продам тебя, боярин, сердце чует.

Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.

Зажмуривается. Входят: Марья Власьевна с телогреей в руках и Олена.

Явление двенадцатое

Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена

Гляди-ка ты, какая телогрея,
И с выпушкой!

Ульяна
(открыв глаза)

Вот чудо, так уж чудо!
Неужто мне?

Марья Власьевна кланяется.

Олена

Кому же?

Ульяна

Дорогая!
Не нам носить.

Олена

Наденешь, так износишь.

Ульяна

Ох, каравай-то не по рылу. Где нам!
Уж как тебя благодарить, не знаю
И не умею. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мне. Сулил мне воевода,
Да жди-пожди, а он, гляди, обманет,
А ты добрей, ты прежде догадалась.

Олена

Да у тебя и летник — вСшвы бархат
На золоте. Тафтяная рубашка
С запястьями.

Ульяна

Уж разве нарядиться?

Олена

Ты нарядись, а мы посмотрим.

Ульяна

Что ты!
И впрямь пойти.

Олена

Чай, то-то загляденье!

Ульяна

Пойдем со мной, ты мне пособишь.

Олена

Можно.

Ульяна и Олена уходят.

Явление тринадцатое

Марья Власьевна
(одна)

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Немного натолкуешь
Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слыхали.

(Поет.)

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.
Уж я сяду, посижу,

В окошечко погляжу,
В окошечко
Во косящетое.
Милый весточку дает,
Молодого гонца шлет,
Гонца, гонца
Да молоденького.
Что не быть, да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружком.
Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!

(Слышит шорох, садится и молчит.)
Входят: Ульяна и Олена.

Явление четырнадцатое

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.
Олена

Куда красно! И посмотреть, так любо.

Красавица, как есть.

Ульяна

Чему дивишься!
И пень хорош в уборе!

Олена

Не похаять
Тебя и без убора. Всем пригожа,
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.
По красоте твоей за дворянина
Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!

Ульяна

Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена

Как знать, чего не знаешь.

Ульяна

Да нечего и знать-то! По одежке

Протягивай и ножки. А дворяне

Хороший кус, да не для наших уст.

Достатков нет, какая я невеста;

С голодным брюхом, да по добрым людям

Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,

Подавишься. Кормить не станут даром;

И угождай на всякого как знаешь.

Хоть бы вот здесь, смотри за целым домом —

Беда бедой! Будь смирен — так проглотят,

Сердит — проклясть готовы. Вот и казнись!

Здесь не люди, а черти! Как шальные,

Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,

Шатается. Сама за всем и смотришь,

За всякой малостью. А понадейся,

Так пропадешь, не рада жизни будешь.

Сама запру все выходы, все двери,

Да поперек порога здесь и лягу.

Один глазок усни, другой пусть смотрит.

Марья Власьевна дает ей перстень.

Раздобрилась, и не уймешь. А правду

Сказать тебе, так мне тебя и жалко.

Олена

(вздохнув)

А у нас в саду

Соловей поет,

Выговорочки

Выговаривает.

Ульяна

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?

Олена

Сходить бы завтра.

Ульяна

Что ж такое! Сходим

В сумеречки. Большой беды не вижу;

В своем саду, а не в чужом. Боярин

И не велел, да мало ль что! Наказы

Легко давать! Не всяко лыко в строку.

Наказ-то знай, а делай как придется.

Марья Власьевна целует ее.

Ну в сад так в сад! Давно бы ты сказала.

Гуляй себе, когда придет охота;

Хоть днем гуляй, хоть ночью.

Олена

Вот и ладно.

Ульяна

Гуляй, гуляй! Авось повеселеешь,

Хоть улыбнись на нас с Оленой!

Марья Власьевна улыбается.

Ишь ты!

Пошло на лад.

Олена

Дай срок, не то увидишь.

Входит Недвига.

Явление пятнадцатое

Марья Власьевна, Ульяна, Олена, Недвига и девушки.

Недвига

Пора и спать. Чего сидеть в потемках!
Поужинай, чем Бог послал, да на бок
И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то как знаешь:
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.

Ульяна

Кто летом зажигает!
Чай, дворня спит?

Недвига

И куры, и собаки —
Все спят.

Олена

И я, боярышня, прилягу.

(Уходит.)

Недвига

Ну что ж нейдешь? Аль спать-то неохота?
Не то что я. Все ноги отходила,
Все кости, все суставы заболели,
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.

(Садится на скамейку.)

Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя как точно кто мурлычет…
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит,
Так и валюсь и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.
Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
В тридесятом царстве,

(Дремлет.)

Жили два брата,

Да мать брюхата,
Да отец на днях…
Постой! не так. Я что загородила,
Не сплю, а бредится. Начну сначала:
Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.
Говорит богатый бедному брату:
Сам ты убогий, а детей у тебя много.
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза…
Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропасть тебе! Не то все! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Заметалось! Помню только,
Что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву.
И повели дружка к судье Шемяке.

Сидит судья Шемяка, судом судит,

Бороду закусит, да ус разлощит,

Ус разлощит, глаза вытаращит…

Тьфу! пропасть! Не налажу, да и только.

То про Фому начну, то про Ерему.

Из двери выходит домовой с фонарем. Недвига в полусне машет руками.

Явление шестнадцатое

Марья Власьевна, Недвига, Ульяна, девушки (спят) и домовой.

Недвига

Аминь, аминь, рассыпься! Чур меня!

(Засыпает.)

Домовой

Что вечерняя красная зорюшка

Догорает, чуть краюшком теплится,

Загораются частые звездочки,

Рассаждаются по небу чистому.

Докачались головки, домаялись

До пуховых цветных изголовьицев,

Ходит сон по сеням, по новым дрема.
Ты поди, сон-дрема, в головах постой.

По хоромам старым
Я давно брожу;
В тереме чужая,
Дай-ка погляжу.
Новая новинка
К худу иль к добру?
Нет, такая гостья
Нам не ко двору.

Ты на счастье, на радость роженая,
Не про старого мужа рощеная,
Старику-то чернеть да горбы растить
А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость с милым дружком.
Тихой сон — угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грезы девичьи.

За сердечным другом

То ли не житье.
А у нас по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный терем
На короткий час,
Да и пуст покинешь
И бежишь от нас.

Запустеет терем, принаклонится,
Заметет по углам пылью-плесенью,
Понесет по сеням бранью, руганью,
Сип да воп по клетям с перекорами.
Не слыхать-то мне смеху веселого,
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слыхать по ночам бреду жаркого,
Только старым старухам шлыки сшибать,

(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Недвига

(впросонках)

Аминь, аминь, рассыпься!

Марья Власьевна

Ах, как сладко

Уснула я!

Недвига

Аминь, аминь, рассыпься!

(Встает.)

Не разберу: во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдем-ка ужинать да спать ложить-ся.
Вот день прошел, до нас дошел.

(Зевает.)

Ахти мне!
Грехи мои.

(Зевает.)

И-ах… великие!

Уходят.

Действие третье

ЛИЦА:
Воевода.
Неустройко.
Старуха, крестьянка, хозяйка постоялого двора.
Иван, ее сын.
Гаврило и Клим, бортники из Нижнего.
Сидор, лесной промышленник из Унжи.
Курчай и Кулик, целовальники с казенной рыбой и солью.
Слуги воеводы.

Сон воеводы

ЛИЦА:
Степан Бастрюков.
Роман Дубровин.
Резвый и слуги.
Марья Власьевна.

Деревенская изба, направо печь, перед печью люлька с ребенком, налево стол.

Явление первое

Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают), потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.

Гаврило

Вы, тетка, чьи?

Старуха

Поместные крестьяне.

Гаврило

За кем живете?

Старуха

За мурзой крещеным.

Клим

Хорош до вас?

Старуха

Татарин как татарин.

Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.

Вот сын придет.

Гаврило

Ты внучка, что ли, нянчишь?

А где ж сноха?

Старуха

С ребятами в чулане.

Там четверо у ней, вот пятый в зыбке.

Входит Иван.

Иван

Струга пришли, к ночлегу подвалили.

Слышь, матушка? А с лесу воевода

Валит со всем народом; хочет станом

На берегу остановиться на ночь.

Старуха

Чай, лют?

Иван

Вестимо, лют: на то боярин.

Ты ждешь купцов, а тут, гляди, нагрянут

Боярские голодные холопья.

Один разор! От них, что от пожару,

Что есть в земле зарыто, то и цело,

А под руку попало, то пропало.

Ахти, беда!

Старуха

Да что у нас и взять-то?

Иван

У нищего суму и ту отнимут.

Входят: Курчай, Кулик и Сидор.

Иван

С стругов?

Сидор

С стругов.

Иван

Отколь?

Сидор

Из Унжи будем.

Иван

С лубьем?

Сидор

Нешто́!

Иван

А вы, робя?

Курчай

Мы с низу.
Мы в целовальниках идем в насадах,
С казной.

Иван

С какой?

Курчай

С оброчной рыбой в бочках.

Кулик

Вы держите аль нет?

Иван

Чего?

Кулик

Вестимо…

Иван

Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало,
У нас корчмы никто не держит.

Кулик

Будто?

Иван

Да боязно, велик ответ.

Кулик

Не бойся,

Не выведем, не сыщики.

Иван

Ну, право.

Курчай

Поди пошарь. Авось найдешь.

Иван

Пошарю.

Кажись, что есть; себе берег на праздник.

(Уходит.)

Курчай

(Гавриле и Климу)

Хлеб-соль!

Гаврило

Спасибо.

Курчай

Здравствуйте. Откуда?

Гаврило

Из Нижнего гужом идем в обозе.

Курчай

Далеко ли?

Гаврило

До Ярославля, с медом,
Мы бортники.

Сидор
(подсаживаясь)

Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.

Старуха

Варила со снетками.

Гаврило и Клим встают.
Гаврило
(старухе)

Бладарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.

Часок-другой соснем, да и в дорогу.

Уходят.

Старуха

Большая печь, просторно, полезайте.

Входит Иван с вином в кувшине.

Иван

Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.

Кулик

Простое?

Иван

С махом. Люди пьют да хвалят.

Кулик

(пьет)

Не похулим и мы. Нельзя не выпить,

Всё на воде.

Иван

На доброе здоровье!

Едят. Гаврило и Клим входят и лезут на печь.

Старуха

Прибрал в клети?

Иван

В подполицу припрятал.

Стук.

Старуха

Поди, стучат.

Иван

Пущай идут к соседям,
Кого несет!..

Старуха

Не вдруг пускай. Окликни.

Иван уходит.

Курчай

Ишь крик какой! Не лучше ль убираться
С добра́ ума. Хозяйка, не трудись.
Встают. Старуха собирает со стола.
Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдемте спать в струги. За угощенье!

Уходят Курчай, Кулик и Сидор. Иван входит.

Иван

Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,

Опричь хоро́м, со всем двором валится.

Ишь холодно в палатке, так холопы

По избам рыщут, где теплей да чище.

Уж я молил немало.

Старуха

Воля Божья!

Придет беда, так отворяй ворота.

Входят Неустройко и слуги.

Явление второе

Иван, старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко

Давай огня!

Старуха подает лучину, зажигает восковую свечку.

Сдвигайте стол в тот угол!

Ковры, меха стелите, в изголовье

Седло клади!

Иван

(кланяясь в ноги)

Яви такую милость,

Ослободи! Поди к соседям!

Неустройко

Смерды,

Ступайте в хлев! Старуху вон, и с зыбкой.

Слуги подходят к зыбке.

Старуха

Разбойники! младенца-то не троньте!

Кому помеха ангельская душка!

Входят: воевода и слуги.

Явление третье

Воевода, Неустройко, Иван, старуха и слуги.

Старуха

Уйми холопей, закажи им трогать

Младенца!

Воевода

Вон ступайте! Ты, старуха,

Останься здесь с ребенком. Ближе к

детям,

И ангел ближе, место благодатней.

Он не блажит у вас?

Уходят Иван и слуги.

Старуха

В кого родится

Благой у нас; давно мы присмирели.

Воевода

Раздень меня!

Неустройко снимает с него дорожную сулейку; воевода пьет чарку, потом снимает складень, целует и ставит в изголовье, потом снимает оружие.

Неустройко

Опочивай покойно!

Я в сени спать; понадоблюсь, так близко.

(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.

Старуха

(качает зыбку и поет)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Допри́ж деды не видали беды.
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропа́стями,
С правежами беда, всё с побоями.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Нас Бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживем беду за работушкой,
За немилой чужой, непокладною.
Вековечною, злою-страдною.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживем беду.

Изживем беду, пронесет грозу,

Пронесет грозу, горе минется.

Поколь Бог простит, царь сжалится.

(Засыпает над люлькой.)

Воевода

(во сне)

Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,

Вздохнуть не даст ни разу, зачураться!

Ох, смерть моя приходит! Чур меня!

Вся кровь горит, огонь бежит по жилам

И сердце жжет.

(Просыпается.)

О Господи помилуй!

(Садится.)

И сон тяжел, и. сонный бред замучил.

С молитвой лег. Не знаю, что за притча!

И рад не спать, да сон одолевает,

Сомкну глаза, так одолеют грезы...

Старуха

(впросонках)

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая.
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Воевода

И страшен сон, да милостив Господь.
Сосну еще немного и в дорогу!
А что-то дома? Надо Бастрюковых
Пугнуть покрепче! Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Недогляди немного, и увез бы
Жемчужину такую, что и в царских
Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберет он, бражник; та ль, другая ль
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством

И позабыл о ней. А если помнит?
А если помнит? До греха не долго.
Беда моя! Людишки все продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых конях
Скачи весь день, так до ночи доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всем дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, целует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмет ее,
Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил ее и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело,
Привез домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь; свою башку седую

Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрешь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенеть ей к рылу,
Себя продаст, не только что чужую.
А слуги? те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.

(Молчание.)

Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идет, весь мир гуляет, пляшут,
Здоровье пьют, Нечая поминают:
«Берег Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро? Ехать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиновый, Иудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить

бы.

(Подходит к старухе.)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха

Нам, боярин,
И ворожить-то не о чем. Мы Бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы сполáгоря живется.
Ты отойди, здесь ангельское место.
Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Белым тельцем лежишь в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит,
Твой тихий сон сам Господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

Воевода
(садится на постель)

А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет, на кóней и в дорогу.

(Засыпает.)
Старуха

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая.
До зари с зари прибаюкивает,
Тихий сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан с чарой меду, Дубровин, Резвый, Зоря, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.

Воевода

Да вот они. Роман Дубровин, Степка,
Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан! Иди к ответу!

Степан Бастрюков

Повеселей бы что-нибудь, робята!

Резвый

Да вот игра: садись, робята, на пол
Да запоем: «По матушке по Волге!»

Степан Бастрюков

Любимая моя игра. Хмельному

Простору нет в избе, гулять охота.
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я — атаман, Дубровин — есаулом.
Я — на корму, он на нос.

(Резвому.)

Ты с братиной
В середку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе…

Садятся.

Поехали!

Воевода

Далеко не уедешь!

Гребцы
(поют)

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!

Воевода

Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их покрепче!

Гребцы

Раз первой! Раз другой! Еще маленький

разок!

Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются, надевают шапки, берут весла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода

Уехали! Держите их, держите!

Бастрюков

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, а лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведется,
Немало песен на Руси поется,
А всех милей: «По матушке по Волге!»

Гребцы
(поют)

Вниз по матушке по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевалася погодка
Немалая, волнóвая.

Бастрюков

Ты, есаул, вперед верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Дубровин

Да впереди-то чи́рни.

Бастрюков

В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подьячие крючки.
Хотят словить, да врут: мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.

Гребцы
(поют)

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.

Бастрюков

Ты, есаул, вперед верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,

Рассказывай!

Дубровин

Да впереди колода.

Бастрюков

Ну, что колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных?

Дубровин

Есть. Струги гребные.

Бастрюков

Какие, с чем?

Дубровин

Купецкие с товаром,
А царские с казной.

Бастрюков

На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.

Воевода

Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.

Бастрюков

Ты, есаул, вперед верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Дубровин

Да впереди-то терем
Расписанный.

Бастрюков

Пригряньте-ка, робята!

Гребцы

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.
Показывается терем.

Воевода

Не мой терем, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;

Я дома сам, чего же мне бояться?
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали. Да что ж вы, спите, что ли?

Гребцы

Ко Нечаеву подворью.
Да ко Марьину здоровью.

Марья Власьевна сходит с берега.

А Марьюшка выходила.
Гребцам меду выносила.
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали не званы.

Воевода

Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А вот он, вот он!
Возьмет ли, нет ли, только не живую.

Гребцы

Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ка, робята,
К атаману на колени.

Марья Власьевна садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода

(во сне)

В глазах увез. Меня столкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает
Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именье нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнется,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни
Зеленые, зеленая трава,
Песок зеленый! Братцы, помогите!

Входят: Неустройко и двое слуг. В окне утренний свет.

Явление четвертое

Старуха, воевода, Неустройко и двое слуг.

Неустройко

Будить аль нет?

Слуга

Не трожь, пусть сам проснется.

Воевода
(во сне)

Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю!

(Просыпается.)

Где я?

(Встает.)
Неустройко

Господь с тобой! Мы здесь, в избе.

(Берет сулейку, складень и оружие воеводы.)

Слуги собирают постель.

Воевода

Проворней!
Коней, коней!

Неустройко

Оседланы, боярин!

Воевода

Скачи домой живей, чтоб к ночи быть.
Бери людей с собой надежных. Снился
Мне сон дурной; так я боюсь, здорово ль
И цело ли у нас. По обещанью,
Мне надобно дойти пешком в обитель
Молебен отслужить. Так запоздаю:
Сбираешься зайти на малый час,
А там, глядишь, и до ночи задержат.

(Одевается.)

Уходят. Гаврило слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться. Клим слезает, умывается. Гаврило возвращается. Клим уходит.

Гаврило

Слава тебе, Господи, до бела света проспали.

Клим

(возвращается)

Рассвело бело, хоть хлеб ешь.

Старуха

Кушай да кушай на здоровье.

Гаврило

(берет хлеб на столе и режет)

Господи благослови!

Действие четвертое

ЛИЦА:
Воевода.
Пустынник.
Монастырский служка.
Щербак, Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь — разбойники.
Свита воеводы.
Прохожие богомольцы.

Вершина лесного оврага, круто сбегающего к Волге, на нагорной стороне. На авансцене пещера пустынника; далее с одной стороны оврага мост на другую, через который идет дорога в монастырь; перед мостом с дороги тропинка к пещере; далее с одной стороны видно продолжение нагорного берега, на нем вдали из-за лесу видны монастырские стены; другая сторона оврага возвышается и оканчивается крутым обрывом над Волгой; в глубине видна Волга, делающая под монастырем поворот; за Волгой — луговая сторона с кустарниками, озерками и деревеньками на холмах. При начале действия Волга, противоположный берег и вся даль покрыты туманом.

Явление первое

Щербак сидит на пне. Служка спускается по тропинке с ведром в руках, по мосту проходит толпа богомольцев.

Щербак

Тебе чего тут надо?

Служка

Проходи
Своей дорогой, добрый человек!

Щербак

Да не твое здесь место; вам обитель
Построена; живете за стенами,
Тепло и сытно вам; а глушь лесную,
Трущобную, оставьте нам, бездомным,
Обиженным, гонимым. Я хозяин
Лесных болот, оврагов, дебрей диких;
Мое тут место, я его нашел,
Облюбовал и занял.

Служка

Ты ошибся.

Ищи другую дебрь, а эту занял
Допрежь тебя молитвенник-пустынник.

Щербак

Да ты вглядись в меня! Чего уставил
Глаза-то в землю?

Служка

Нам не подобает
Глядеть на вас и речи говорить
С мирянами; соблазну мы блюдемся.

Щербак

Да ведь и мы-то разговоров длинных
Не жалуем; а голову сорвать
Со встречного — вот это наше дело.
И вы того ж с пустынником дождетесь.
Не малый ты ребенок; что же лезешь
К медведю в пасть! Не с бабою убогой,
Что с кузовком за клюквой да грибами
По лесу бродит, повстречался ты,
А с молодцом удалым.

Служка

Бог с тобою!
До удали твоей какое дело
Смиренникам? Твои угрозы глупы:
Не смерти мы боимся, а греха.
У нас черед молитвеннику воду
И хлеб носить, то наше послушанье.
Благословил сегодня настоятель
На этот труд меня, и я пошел.
Ослушаться пославшего не смею;
Пожалуй, хоть убей. А наш пустынник
Уж заживо лежит в гробу, готов
На божий суд. Для отдыха и на ночь
Ложится в гроб молитвенник. Коль хочешь,
Поди взгляни в оконце. На молитве
Поклоны правит иль в гробу лежит.

Щербак

Давай ведро, я сам снесу!

Служка

Изволь!

Отказывать нельзя, коль есть усердье
Для Бога послужить. Поставь у дверки!
Авось Господь во что-нибудь поставит
Труды твои и за грехи зачтет.

(Отдает ведро и уходит на гору.)

Щербак ставит ведро у двери пустынника, глядит в окно и в ужасе отступает назад. Из пещеры показывается пустынник и идет в гору. Щербак кланяется ему в землю и лежит, пока пустынник проходит и скрывается в лесу. Из оврага поднимается туман, открывается освещенная ярким солнцем даль: изгиб Волги, нагорный, покрытый лесом берег, на нем в полугоре белеют стены монастырские; на противоположном, луговом берегу окруженные кустарником озерки, вдали по лесистым холмам несколько деревень и сел. Выше тумана, на горе показывается пустынник и, обратясь лицом к монастырю, становится на колени; туман закрывает его. Из-под мосту, из чащи выходит Дубровин.

Явление второе

Щербак и Дубровин.

Щербак

Челом тебе, Роман Петрович!

Дубровин

Здравствуй!
Товарищи все целы, все здоровы?

Щербак

Здоровы-то здоровы, только скучно:
Работы нет, давно без дела бродим;
Тоска взяла. Зачем ты нас покинул,
Скрываешься?

Дубровин

Да в городе забота
Была дня на два, на три, да такая,
Что не ордой, а надо одному
Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,
Кругом болотца, в задние воротца.

Щербак

Дуван дуванили, тебе на долю
Бухарский лук.

(Подает кожаный налучник, в нем лук и стрелы.)

Дубровин
(принимая)

Давай сюда, годится.

Щербак

Казны пришлось немного.

Дубровин

И не надо.

Щербак

Камки и бархаты, цветное платье…

Дубровин

И рухляди не надо тоже. С низу
Привольного привезено добра,
Что не прожить. Лежит в укромном месте
Припрятано; а там себе иль людям
Достанется, вперед не угадаешь.
Далеко наши?

Щербак

Здесь разбродом бродят,
Поразошлись: кто с кузовком на плечах

Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся у ворот
У монастырских с чашкой; кто в чаще,
В малиннике присел, туда не ходят
И бабы-то, медведей берегутся;
А кто в челнах на Волге, при запасе,
В береговом таится тальнике.
Идет большой дорогой воевода,
Как на войну собрался, сбил народу:
Затинщиков, стрельцов и пушкарей.
Уж не за нами ли? Мы мужичонка
Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал в опушку
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня ночью воры
И поскакали по дороге в город.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет, — и самому не быть живому.
Да я вперед по деревням верст на семь
Послал молву пустить, что ночью бы-

ли;

А спросят, мол, куда ушли, кажите

По Волге к верху, в город. Так и сталось:

Поворотил стрельцов назад.

Дубровин

А много ль

Идет при нем?

Щербак

Десятка два, не больше,

С холопями и челядью.

Дубровин

Немного ж.

Щербак

Теперь в версте они, не дальше. Смотрят

С деревьев наши; чуть вдали завидят,

Придут сказать.

Дубровин

Ударить бы на них

Из-под мосту, стрельцов перевязать,

А воеводу в Волгу.

Щербак

Ты в уме ли?
Да видано ли, слыхано ли дело,
Чтоб зайцы шли войною на собак?
С одним дубьем не сунешься на ратных,
Их голыми руками не возьмешь.
У нас дубье, у них небось пищали;
Пищальные орехи-то не сладки.

Дубровин

За что же нас удалыми прозвали?
Ужли за то, что грабим беззащитных
Да по ночам воруем из клетей?

Щербак

Умей уйти, как заяц, без оглядки,
От сыщиков и от погони скорой,
Умей украсть и схоронить концы!
Вот наша удаль: бегать, укрываться
И на рожон не лезть!

Дубровин

А если кликну

Охотников, да посулю на брата
Вина по жбану да пригоршни денег
Серебряных?

Щербак

Не затевай, оставь!
С удалыми с опаской слово молви!
Подумают, что ты подвесть их хочешь.
И не уйти тогда тебе живому.
У нас теперь другая речь пошла:
Пожива есть внизу; от беглых слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше,
К Саратову идет большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же.
Струги у нас готовы, хоть сегодня
Отваливай; тебя лишь дожидались.

Дубровин

Да мне еще не время.

Щербак

Подождем
Денек-другой, не к спеху дело; разве

Товарищи не захотят; тогда уж

Как хочешь, сам скажи им. Кликать, что ли?

Дубровин
(садится на пень)

Скликай народ удалый к атаману.

Щербак кричит по-птичьему; из лесу ему откликаются.

Щербак

Заслышали, и отклик есть, — сойдутся.

Постепенно сходятся: Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь; в продолжение сцены подходит еще несколько.

Явление третье

Дубровин, Щербак. Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь и другие разбойники.

Каурый
(увидав Дубровина)

Товарищи, вернулся атаман

Заяц

Челом тебе. Долгонько загостился;
А мы совсем собрались. Едем, что ли?

Вотря

Да что за спрос! Мы кругом порешили
Сегодня же отплыть.

Дубровин

А вы спросите,
Поеду ль я!

Калга

Да как же не поедешь,
Коль круг решил, ты больше всех не будешь.
По одному мы слушаем тебя,
А скажет круг, так ты его послушай.

Дубровин

Да дело есть большое, вот что.

(Встает.)

Братцы,
Товарищи, не первый год гуляем
По Волге-матушке; добра чужого

Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поедено, попито
По горлышко. И век гулял бы с вами,
Не расставался, да такое дело,
Уж рад не рад, а вас покинуть надо
Ненадолго. Щербак за атамана
Послужит вам; так и другим скажите.
В Казани подождите, догоню.
Вернусь — так ваш уж вплоть до самой петли,
А не вернусь, не поминайте лихом!

Каурый

Ты не бросай совсем-то!

Заяц

Ты заводишь
Какие-то дурацкие порядки:
Сиротами без атамана плыть…

Вотря

Нигде того не водится.

Калга

Виниться

Не хочешь ли, дьякам в ногах валяться?

Так не помилуют.

Ерголь

Ты не в монахи ль?

Каурый

Да что за дело у тебя? Не баба ль?

Так лучше брось, продаст ни за копейку.

Дубровин

Галдеть? Душа не терпит. Рассердиться

Недолго мне, да как-то вы уймете!

Со мной не спорь! Что сказано, то свято,

Тому и быть. Мне надо рассчитаться

За старый долг со здешним воеводой.

Не верите, так дайте мне любого

В товарищи; посмотрит и поможет

С Шалыгиным расправиться… Коль живы

Останемся, тогда вернемся вместе.

Каурый

Да так-то так; а без тебя-то горе;
Ты голова, мы руки.

Заяц

Ну, как часом
Попутает нелегкая, случится,
В тюрьму влетишь?

Дубровин

Доводу, что ль, боитесь?
На вора вор доказчиком не будет.
Да я живой не дамся в руки, знайте!

Щербак

А плыть так плыть. Покуда воевода
К монастырю дойдет, далеко будем,
За островом. Прощай, Роман Петрович!
Увидимся ль?

Дубровин

Всей силой постараюсь;

А будет то, что будет.

Щербак

В лодки живо!

Несколько разбойников уходят.

Каурый

Свежеет ветер, будет непогода.

Заяц

Откуда дует?

Каурый

Сверху.

Калга

Вот и ладно.
Поставим парус, песню заиграем
Веселую, и поминай как звали.

Вдали гром.

Ерголь

Никак, гроза?

Каурый

С грозою веселей.

Щербак

Кормилец наш, зеленый лес, прощай!
Гроза-подружка, Волга-мать родная
В степной простор удалых понесут.

Уходят: Щербак, Каурый, Заяц, Вотря, Калга, Ерголь и другие.

Явление четвертое

Дубровин, потом пустынник и служка.

Дубровин

Одним-один, ни в тех, ни в сех остался;
Лихих людей оставил, к добрым людям
Пристать нельзя. Головушке бездомной
Одно пристанище в миру — тюрьма.
А чтоб сидеть недаром, попытаюсь
Из-за куста злодея пристрелить.
Я ловок был, бывало, в мету бил
Без промаха издалека; до мосту
Близехонько. Нацелюсь в правый глаз.
Рука не дрогнет, сердце не колыхнет;
Простись, Нечай Григорьич, с вольным светом,

Как тетерев, ты грянешься на землю.

Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать.

Гнездо мое расхитил? Уж не ты ли

И выучил меня по Волге грабить,

В лесных трущобах да в оврагах жить,

Точить ножи булатные и стрелы?

Кажись, что ты? Так сам теперь отведай.

Востра ль стрела, чиста ль моя работа.

Всему пора и время: пожил сладко,

Повластвовал, — теперь пришел конец.

Пустынник сходит по тропинке, за ним служка. Туча надвигается; темнеет; ветер и удары грома.

Какой-то странник.

(Всматривается и с ужасом вскрикивает.)

Батюшко!

(Падает на колени.)

Пустынник

Роман!

Молчание.

Ну, как живешь?

Дубровин

Нехорошо, родимый.

Пустынник
(строго)

А для чего?

Дубровин
(с мольбой)

Не проклинай! Покаюсь
Во всех грехах перед тобою.

Пустынник

Кайся
Не мне, а Богу!

Дубровин

Я тебе покаюсь.
До Бога нам высоко; мы не смеем
И глаз поднять на небо. Окаянство
Греховное горой лежит на плечах
И вниз гнетет. Господня милосердья

Не стою я; от грешных уст молитва
Не примется.

Пустынник

А кто же на кресте-то
Разбойника простил?

Дубровин

Да я-то, грешный,
Не хуже ли разбойника того.

Пустынник

Да хоть и хуже, все ж надежней к Богу
С раскаяньем вернуться, чем бежать
И прятаться от Господа, как древле
Бежал, трясясь, братоубийца Каин.
А что Олена?

Дубровин

Отнял воевода.

Пустынник

А ты?

Дубровин

А я в удалых здесь в овраге.

В сыром бору, на Волге...

Пустынник

Проходи!

(Хочет идти в пещеру.)

Дубровин

Постой, отец!

Пустынник

Поди покайся Богу
И брось гульбу, — тогда поговорим.

Дубровин

Покаялся б, душа-то не готова:
Еще в миру есть счеты да приманки,
Да зло на человека мыслю; душит
Меня вражда, клещами горло давит.
У сердца моего кусок оторван.
Отдай жену по чести воевода,
Тогда смирюсь и зло свое забуду;
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живет да беды на голову копит
До царского и Божьего суда.

Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!

Служка
(Дубровину)

Не говори с ним много, он не любит.

Дубровин

Пред Господом творю тебе обет:
В ваш монастырь великий вклад кладу,
Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыстуюсь. Пришло неправдой,
Пойдет на дело.

Пустынник

Долго дожидаться.
Откладывай грешить, а добрых дел
Не отлагают. Смерть не за горами,
А за плечьми.

Гром.

Произволеньем Божьим,
Из малой тучки гром большой бывает.

Взялось в овраге облачко, по ветру
Пошло гулять, и мечет Божьи стрелы,
И роет Волгу до песку. Давно ли
Она струилась тихо ровной гладью,
А в этот час струга большие топит,
И гибнут души. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с Богом.
А вдруг помрешь?

Дубровин

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чем Бог застанет, в том меня и судит.
Уж мне давно шататься надоело.
Душа просила и в уме бродило
Не смертное убойство, не разбои;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет и давит властный.

Пустынник

У властных власть идет от Бога. Кто

же

Тебе позволил стать над властью?

Дубровин

Сердце

Ретивое, что бьется — не уймется.

Неправый суд царит на белом свете;

В овечьем стаде волки пастухами;

Кто ж застоит за бедных, беззащитных?

Не мы, так кто ж? Нет власти, есть охота.

Затем-то я тюремное сиденье

Сменял на бор сырой. Про это горе

Я в темну ночь над Волгой думу думал

И с соловьями речи говорил.

Пустынник

Об чем тут думать? В мире тесно стало,

Так вон тебе обитель! Успокойся,

Забудь мирскую злобу и молись

За обижающих!

Дубровин

За них молиться?

Да разве мы святые?

Пустынник

Проходи!

Дубровин

Благослови, отец!

Пустынник

Благословляю

Покаяться; а на другое дело

Благословенья нет.

(Уходит в пещеру.)

Служка

Ты здесь пожди!

Что прикажет честной отец, быть может,

Так я тебе поведаю.

(Уходит в пещеру.)

Дубровин

Дождусь.

Ветер бушует, деревья гнутся, гром чаще и сильнее, проливной дождь.

И клонится и гнется лес дремучий,
Прощается со мной. Прощай, дубрава
Зеленая! Я сам тебе челом
Ударюся до матери-земли.

(Кланяется.)

Для всех в тебе есть место: для свя-того
Пещерника приволье — рой где хочешь,
Живи, молись, спасайся бея помехи!
Для грешников овраги да мосты;
Сиди под ним да жди проезжих. Любо!
И мир, что лес; путей-дорог довольно,
Запутаться недолго: иль в чащу
Без выхода, иль в топкое болото
Трясинное по горло забредешь.
И я бродил окольными путями,
Пока отец не вывел на прямой.

Служка возвращается.

Служка

Молитвенник мне дал приказ такой:
«Скажи ему, чтоб он жену Олену
Взял за руку и вел к себе домой».

Дубровин

Да как возьмешь? Назаперти она.

Замки ломать да с сторожами биться?

Служка

Таков приказ; как хочешь, исполняй!

Я повторю тебе опять сначала

Все поряду, что велено сказать.

«Скажи ему, чтоб он жену Олену

Взял за руку и вел к себе домой;

Чтоб старостам в посаде объявился

И сел опять на царское тягло;

Когда устроит дом, чтоб шел в обитель

И полгода молитвой непрестанной,

И строгим послушаньем и работой,

В молчании, на монастырской стройке,

Заглаживал грехи свои пред богом».

Дубровин

Исполню все. Теперь в посады много

К своим дворам, на царское тягло,

Приходит нашей братьи. Кто торгует
На воровские деньги, что припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут; подьячих
Купить недорого. А там годочек,
Другой пройдет, доводчиков не бойся.
Живешь потиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу, я рук не кровенил.

Служка

Ну, Бог тебя благослови! Прощай!
Ты в город, что ль? Так нынче монастырский
Стружок бежит туда; поди, подсадят.
Садись, свезут; а за провоз отдай,
Что на душу тебе Господь положит!

Дубровин

Так я пойду на вашу пристань.

Служка

С Богом!

Дубровин идет по тропинке на гору и переходит через мост; служка идет за ним, останавливается на мосту и смотрит направо по дороге. По мосту проходит толпа богомольцев. Из-под моста выходят: Щербак и Каурый с небольшими тяжелыми мешками в руках.

Явление пятое

Служка (на мосту), Щербак, Каурый, потом пустынник.

Щербак

(Кауpому)

Поди сюда!

(Указывая пещеру.)

Вот здесь его я видел,
Лежал в гробу, а вышел, так светилось
Лицо его. Кажись, не из трусливых,
А как стоял, так я и пал на месте.

Каурый

Вот чудо-то!

Щербак

И всякий ужаснется.

Чему дивиться? Если из иконы

Святой угодник выдет на тебя,

Ведь жутко, брат; а он как есть икона.

И после что ж! Смотрю, пошел он в гору

И поднялся на облаке над Волгой.

Давай мешок, поставим под оконцем;

Найдет казну, за нас молиться будет.

Нам только то и нужно. Ставь рядком!

Ставят у окна мешки с деньгами, из пещеры выходит пустынник. Щербак и Каурый, сняв шапки, в испуге отходят.

Щербак

Уж ты возьми, не погнушайся! Просим!

Кланяются в ноги.

По обещанию.

Каурый

Такой обет мы дали.

Щербак

Вот, видишь ты, мы плыть собрались вниз.

Пустынник

Да бурю Бог послал.

Щербак и Каурый

(вместе)

Ну, вот, так точно.

Пустынник

И начало метать по Волге вас,

И видите, одна косная тонет,

За ней другая.

Щербак

Правда, так и было.

Пустынник

И вспомнили вы Бога.

Щербак

Да, так точно.

Каурый

Ты знаешь все; и говорить не надо.

Пустынник

А на молитве как вас поминать?

Щербак

Да поминай, как знаешь!

Пустынник

За гулящих,
За вольницу удалую молиться?

Щербак

Ну вот, ну вот, за них-то и молись!

Пустынник

Идите с Богом! Я бесперестанно
Молюсь за вас, чтоб вас Господь наставил.

Служка
(на мосту)

Спускаются с горы, подходят к мосту.
Пустынник идет на мост.

Щербак

Навиделись чудес. Пойдем расскажем!

Каурый

Теперь уж плыть не страшно; не по-

тонем.

Щербак и Каурый уходят под мост. Воевода подходит к мосту, за ним свита: стрельцы, холопы и разные богомольцы.

Явление шестое

Пустынник, служка, воевода, его свита и богомольцы.

Пустынник

(на мосту, загораживая воеводе дорогу)

Вернись назад!

Воевода

Да я по обещанью.

Не бражничать, иду молиться Богу.

Пустынник

Вернись назад!

Воевода

Я вклад монастырю

Несу большой.

Пустынник

Твои дары напрасны;

Не примутся они. Приятно Богу,

Когда приносят жертвы с чистым сердцем

И сокрушенным духом.

Воевода

Да почем же

Мое ты сердце знаешь, со смиреньем

Иль обуян гордыней я иду?

Пустынник

Вернись назад!

Воевода

Нельзя. Народу много

Идет за мной. Послушаюсь монаха,

Не воеводой, бабой назовут.

Пустынник

Пошлю сказать, чтоб заперли ворота.

Воевода

И запертые мне отворят живо,

Коль прикажу. Запоры не удержат.

Пустынник

А слышал ты, что было в лихолетье,
Когда хотели воровские люди
Ворота монастырские разбить?
Спалило всех огнем небесным. Видишь
Могилы-то в овраге? Это их.

Воевода

А силой взять нельзя, так торговаться
Давай с тобой.

Пустынник

Грехи-то прежде сбудь.
За деньги Бог грехи не отпускает.

Воевода

Чего же ты желаешь от Нечая
Шалыгина?

Пустынник

Раскаянья, смиренья.

Воевода

Раскаянья? Ну, что ж, изволь; покаюсь.
Давно хочу сложить грехов обузу
На шею исповедника. Пойдем!

Веди меня, отец, в свою пещеру!

Служка

Благословишь звонить во все?

Пустынник

Звоните.

Служка, оборотясь к монастырю, машет рукой. Пустынник и воевода сходят с моста и входят в пещеру; за ними сходят два стрельца с бердышами и становятся у пещеры, один близко, другой поодаль; свита располагается по горе и на мосту: кто садится, кто ложится; в монастыре начинается звон; богомольцы проходят через мост.

Действие пятое

ЛИЦА:
Воевода.
Бастрюков Степан.
Облезлов.
Дубровин.
Шут.
Марья Власьевна.
Ульяна.
Олена.
Сторож.
Неустройко.
Неждан.
Смирной.
Дружина.
Влас.
Несмеянов.
Посадские.
Резвый.
Слуги Бастрюкова.
Слуги воеводы.
Стрельцы.
Народ.
Кубас.

Шишига.
Зоря.

Задний двор: направо заднее крыльцо терема, за теремом проезд с переднего двора, далее угол людской избы; налево забор с калиткой и задними воротами; близ забора дерево, на суку которого повешена деревянная доска, в которую бьют сторожа; в глубине, за легкой изгородью, сад.

Явление первое

Сторож с дубиной и Резвый входят.

Сторож

Спасибо, брат! Употчевал на славу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

Резвый

А мы с тобой не пьяны, —
И молодцы-робята.

Садятся на скамью.

Сторож

Ты, выходит,

На службу к нам задаться хочешь, парень,

За нашего боярина?

Резвый

Нешто́!

Сиротским делом, что дадут деньжонок,

Возьму, пропью, а там навек кабальный.

Давай попьем.

(Достает сулейку и жестяную чарку.)

Сторож

И то гораздо пьяны.

Резвый

Ну вот беда! Проспишься, а назавтра

Опохмелю.

Пьют.

Сторож

Да спать-то не придется.

Терёнька спит как мертвый, не разбудишь

Ничем его. Один я на стороже.

Резвый

Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.

Сторож

Да нешто мы как люди!
Велят тебе беречь пустое место —
И береги. А что украсть-то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну право, так!

Резвый

Давай свою дубину!
Ты ляг, усни, а я стучать примусь,
Послушают и скажут, что исправны.
Да что не пьешь! Допей, остатки сладки.

Сторож

Осилить ли? Тут много.

Резвый

Поневолься.
Не каждый день вино у вас.

Сторож

Вестимо.

Вон люди в праздник пьют, а мы не так:

У нас когда вино, тогда и праздник.

(Допивает.)

Резвый

(показывая на задние ворота)

Ворота заперты, а прикалиток?

Сторож

Гвоздем забит. Ну, парень, забирает

Меня дюжо. Пьяней вина я, парень.

Резвый

Размок язык, так спи.

(Толкает, тот падает и хочет подняться.)

Небось не встанешь!

Другой медведь того не выпьет, сколько

Сегодня ты. Ай, сторожа́!

(Замахивается дубиной.)

Ну! смерти

Аль живота?

Сторож
(в полусне)

Робятушки, он вор!
Робятушки!

Резвый

Немного набормочешь.

Сторож засыпает. Резвый бьет в доску. Входит Ульяна.

Явление второе

Резвый и Ульяна.
Ульяна

У тех ворот два сторожа сидят,
И здесь один, другой лежит, на смену
Готовится. Постукивай почаще,
Чтоб слышать мне, что вы не спите.

Резвый

Ладно.

Ульяна

По голосу-то словно как не наш;

Ты за себя иль за кого другого
На стороже стоишь?

Резвый

Да за Терёньку;
Недужится ему.

Ульяна

А ты-то кто же?

Резвый

Да что с тобой, Ульяна Пантелевна?
Иль не признала? Конюх воеводский
С того двора.

Ульяна

А по чьему приказу
Ты в сторожах стоишь?

Резвый

Мне Неустройко
Приказал и дал ярлык.

Ульяна

Кажи!

Резвый

Не веришь мне, давай народ разбудим,

И за меня поставь кого другого,

А я в конюшню спать. Скажу спасибо.

Другие спят, а ты гляди, как сыч.

Ты всем взяла: и ростом, и дородством,

И поступью, и уж складна, Бог дал;

Опять с лица: глаза ли взять, иль брови…

Так, кажется, и днем с огнем не сыщешь;

Вот только норов…

Ульяна

Не мели пустого!

Резвый

Мне Бог с тобой; я только, что уж очень

Красавица. Я глаз таких веселых

Не видывал, речей таких умильных

Не слыхивал. Я правду говорю.

Ульяна

Да вижу я, что правду.

Резвый

Не обидься!

Ульяна

Да чем тут обижаться! Эх, мой милый,
На красоту мою никто не льстится.
Ни мужа нет, ни милого дружка.

Резвый

Ну, мужа-то, известно, без достатков
Найдешь не скоро; милого дружка
Скорее не в пример.

Ульяна

С оглядкой надо.
Найти найдешь, да как бы не заплакать:
Другой такой навяжется, что жизни
Не рада будешь.

Резвый

Как не пожалеешь,
Сердечную, тебя? Ты выходи-ка
Попозже в сад; усядемся рядком,

Поговорим с тобой сиротским делом.

Выходит из терема Олена.

Ульяна

И то придем.

Явление третье

Резвый, Ульяна и Олена.

Олена

Ульяна Пантелевна,

Боярышня тебя зовет.

Ульяна

Иду.

(Уходит в терем.)

Олена остается на крыльце. Резвый идет к забору и отмыкает калитку.

Резвый

Ты здесь, Кубас?

Кубас входит в калитку.

Явление четвертое

Резвый, Олена, Кубас, потом Дубровин.

Кубас

Мы тут с Шишигой бродим;
У лошадей Зоря.

Резвый

А где боярин?

Кубас

Недалеко гуляет; я с Романом.

Входит Дубровин.

Резвый
(Дубровину)

А ты зачем?

Дубровин

Да за женой пришел.
Пора домой; довольно погостила
В чужих людях.

Резвый
(Кубасу)

Коней держите ближе
Да бережней; не полошить соседей!

Кубас

Да тут всё глушь, всё задворки выходят,

Собаки нет живой; с лица так людно.

Резвый

Пойти взглянуть на вас.

(Уходит в калитку с Кубасом.)

Заныло сердце.
Олёнушка! два года не видались,
Вот Бог привел. Я чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи всё смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга. Люди
Дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех веселый у Олены,
Что слушаешь и сам смеешься с ней».
Уйдешь с двора поутру, в лавку сядешь,
А все с ума нейдет Оленин голос,
А все в ушах веселый смех звенит.
А тут сама бежит ко мне, подсядет,
Прижмется вся, полой ее закрою
По самую по шею, только щеки

Алеются, да черные сокольи
Глаза глядят из-под бровей собольих,
Огнем горят, как звезды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.
В сад входит шут и прячется в кустах.

Явление пятое

Дубровин, Олена, шут в кустах, Резвый у калитки.

Олена

(Бежит к Дубровину.)

Роман, Роман!

(Отвернувшись, плачет.)

Дубровин

С чего же ты, Олена,
Заплакала? От радости иль с горя?

Олена

Да Господи! Да как же! Не во сне ли?
Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!

(Припадает к нему на грудь.)

Ну где ж ты был?

Дубровин

В лесах бродил.

Олена

Да как же

Без крова-то? Весна да осень — дождь,

Зима-то — снег; в лесу-то зверь рыскучий.

На чем прилечь в ночи, а в непогоду

Обсохнуть где?

Дубровин

Да видишь, цел вернулся,

Так что ж тебе? Что было, то прошло.

Олена

Забыл меня, забыл. Да ты бы кликнул

Иль весть прислал: мол, приходи, Олена,

Так разве б я к тебе не убежала,

Не бросилась, стрелой б не полетела?

Дубровин

Куда ж тебя? В лесу бродить по-волчьи?
Не приведи Господь! Да я б тебя
Из рук своих зарезал, чтоб не знала,
Не ведала ты нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Да как же мне тебя, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что же, веку
Не доживя, тебе в аду кромешном
С злодеями кипеть и видеть, слышать,
Грабеж, дележ, питье-литье хмельное,
Да хриплый крик, да пьяный вопль, да драку,
Зуб за зуб брань, ножовые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье, —
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздымает дыбом, леденеет кровь, —
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Обрушит черт, наткнешься на разъезды:
Убьют тебя, так счастье, а как свяжут,

Перекуют попарно да к расспросу
Потянут всех, и ты пойдешь с ворами
Терпеть безвинно воровскую кару…

Олена

Кто ж мыл, кто шил тебе? Чужие руки
Такие ли, как женины? Кажи-ка
Сорочку-то!

(Плачет.)

Суровая какая.
Такие ли я шила! Ишь ты, ворот
Не вышитый. А я, бывало, шелком
И рукава и ворот изошью.
Какой кафтан-то смурый! На бурлаках
Такие-то.

(Плачет.)

Дубровин

А ты молись-ка Богу,
Что сам-то цел!

Олена

Романушка, по-Божьи,

Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровин

Всю правду говорить?

Олена

Ну, говори!

Дубровин

В сиротской нашей доле
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мне, — присядешь, горько всплакнешь,
Придет ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пес, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам со мной.

Олена

(бросается к нему на шею)

Роман, сердечный!

(Плачет.)

Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить; в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.

Дубровин
(утирая слезу)

Уж без тебя не выйду
Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.

Олена
(оглядываясь)

Увидят нас с тобой…

Дубровин

А пусть увидят;
Мне велено прийти и взять тебя.

Олена

А кто ж велел?

Дубровин

Отец.

Олена

Его ты видел?

Дубровин

Привел Господь. И ты его увидишь.

Олена

Возьми меня скорей, Роман, возьми.
Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне — я подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Дубровин

А у тебя и не спрошу, Олена,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж все изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалею,

Да и тебя. Таков уж мой обычай;
Как словно что внутри-то захохочет,
В глазах туман кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!

Олена

Романушка, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то стращал,
Я напрямик ему сказала: руки,
Мол, наложу, отстань. Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела, —
И унялся. На черную работу
Послал меня; а я тому и рада.
Боярышню привел, так взяли в терем,
По нраву ей пришлась.

Дубровин

Веди скорее
Боярышню. Калитку вам отворим.

Олена

Ступай, Роман, и за забором жди,
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,

Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.

Дубровин

Ну, с Богом.

Олена

Дожидайтесь.

Уходят: Дубровин и Резвый в калитку, а Олена в терем.

Шут

Ну, дядюшка, простись с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит
Оленин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнет меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.

Входит Неустройко.

Наткнулся на кого-то.

Явление шестое

Шут, Неустройко, потом Резвый.

Неустройко

Бессудный, ты?

Шут

А где Нечай Григорьич?

Неустройко

В монастыре остался.

Шут

Ты потише,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.

(Показывая на сторожа.)

Ты как прошел?

Неустройко

В ворота.

Шут

Кто же отпер?

Неустройко

Два сторожа сидят: не спят, не дремлют.

А хуже сонных тычутся.

Шут

Послушай!

Все сторожа пьянехоньки, Дубровин

И Бастрюков на задворках гуляют,

Сейчас придет боярышня; калитка,

Вот видишь, та не заперта. Промедли

Ты час еще, и поминай как звали.

Неустройко хочет подойти к калитке.

Не отходи от терема, убьют.

Ты здесь один?

Неустройко

На улице оставил

Людей, стрельцов; двором прошел тихонько

И сказывать не приказал.

Шут

Пошли-ка

В обход стрельцов на задворки. Без шуму

Пускай идут; а сам беги скорее

К Облезлову. Он рядом здесь пирует.

Там пир идет на весь крещеный мир;

Там всех найдешь, посадских и служилых,

И я там был, мед-пиво пил — прогнали.

Бери народ и самого проси:

Одним-то нам не справиться.

Неустройко

Идем.

Неустройко и шут уходят.
Резвый входит и садится на скамью.

Явление седьмое

Резвый
(один, поет)

Я на камушке сижу,

Я топор в руках держу.

Ай ли, ай люли,

Огород горожу!

Огород горожу,
Все капустку сажу.
Ай ли, ай люли,
Все кочаненькую!
У кого нету капусты.
Просим к нам в огород.
Ай ли, ай люли,
Во девичий хоровод.

Выходят из терема: Ульяна, Марья Власьевна и Олена

Явление восьмое

Резвый, Ульяна, Марья Власьевна, Олена.

Ульяна

И крепко мы и весело живем:
Во всех углах по сторожу.

Олена

Веселый,
И в доску бьет и песенки поет.

Ульяна

Пришла ж тебе охота! Не слыхала,

Как соловей поет. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.

Олена

Все же любо
Послушать их весенней-то порой.

Ульяна

Так слушала б из терема. Гулянки
Всё на уме.

Олена

Когда ж и погулять-то.
Гуляй, пока заботы нет, а после
И не придется: в тереме запрут.

Ульяна

Так добрые-то люди днем гуляют,
А ночью спят.

Олена

Мы выспаться успеем.
Мы круглый год всё спим. Ночей-то много,
А соловьи поют до Петрова дня,

Перестают потом.

Ульяна

И вам не страшно
Ночной порой в саду?

Олена

Чего ж бояться?
Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут, поди. Не малые мы дети.

Ульяна

Ну, вот пришли, развесили мы уши,
А соловей-то где ж?

Резвый

Сейчас услышишь.

(Свищет.)

Калитка отворяется, Марья Власьевна и Олена убегают, Резвый за ними. В сад входят: Неустройко, Облезлов, Нездан, Смирной, Дружина, Влас Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, другие посадские, стрельцы и народ, слуги воеводы и сенные девушки.

Явление девятое

Ульяна, Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной. Дружина, Дюжой, Брусенин, Цапля, Тыра, посадские, стрельцы, народ, слуги воеводы и сенные девушки.

Ульяна

Ушли, ушли. Держите их!

Неустройко

Держите!

Ульяна

Ахти, беда! Никак, на грех вернулся
Боярин наш?

Неустройко

Боярин не вернулся,
Да легче вам не будет. Перевяжем
И до него рассадим по чуланам,
И сторожей приставим понадежней.

Ульяна
(наступая на Неустройку)

Меня в чулан, меня? Да ты в уме ли?

Тебя связать, ты сторожей-то ставил,
Воров таких же, как и сам.

(Кланяется Облезлову.)

Суди нас,
Сейчас суди! Ты вместо воеводы
Остался здесь. Да ты суди по правде,
Лихим ворам не делай поноровки!
Коль у тебя есть совесть, коли носишь
На шее крест, вели его держать,
Покуда я не выскребу когтями
Бесстыжих глаз его! Потом рассудишь.
Кто прав из нас, кто виноват.

Неустройко

Постой!
Коль нас судить по правде, надо камень
Потяжелей надеть тебе на шею,
Да за ноги, да в Волгу; а потом уж
Судить тебя!

Вбегает Марья Власьевна, за ней шут.

Явление десятое

Ульяна, Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной, Дружина, Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, Марья Власьевна, шут, посадские, стрельцы, народ, слуги воеводы, сенные девки, потом Степан Бастрюков, воевода.

Ульяна

Недалеко ушла.

(Берет Марью Власьевну за руку.)

Задумала хитро, да как ни бегай,
А рук моих тебе не миновать.
Держите-ка ее покрепче, девки!

Неустройко
(шуту)

Ну, что ж вы там? Людишек Бастрюкова
Побрали всех?

Шут

И всех перевязали
Одним концом; как жемчуг нанизали
На ниточку.

Неустройко

Дубровина Романа?

Шут

Тому почет особый. Впятером
Насилу одолели.

Стрельцы вводят связанных Резвого, Кубаса, Шишигу, Зорю, Олену и Дубровина.

Вот они!

Неустройко

А Бастрюков Степан?

Шут

К нему не скоро
Подступишься.

Вбегает Степан Бастрюков, отмахиваясь саблей.

Бастрюков

Не подходи никто!
Не тронь меня холопскими руками,
По локоть отрублю.

Облезлов

Его оставьте!
Он не уйдет и сам. Степан Семеныч,
Негоже, брат, дворянам-то служилым
С холопями да с беглыми людьми
Ночным разбоем промышлять.

Бастрюков

Разбоем
Живете вы с Шалыгиным;
Не на разбой, мы за своим пришли.

Облезлов

С холопями твоими суд короток:
Велю их бить нещадно батожьем,
Дубровина в тюрьму до воеводы…
А как тебя судить, — не знаю, право.

Олена
(Дубровину)

Убей меня!

Дубровин

И рад бы я, да связан.

Слуга

Наехал сам боярин воевода.

Входит воевода, долго осматривается.

Воевода

Ты здесь, Облезлов; мне тебя и надо.
В Москву гонца пошли, не медля, завтра ж,
Отписывай, что наш, мол, воевода
Нечай Шалыгин, убоясь Бога
И страшного суда его, поволил
От суетного мира удалиться,
Изведать труд подвижнической жизни
И дней своих остаток посвятить
Служенью Богу в иноческом чине.

Облезлов

Нечай Григорьич, что ты!

Воевода

Слушай дальше!
Сдаю тебе печать городовую
И всякую казну и все запасы:
Наряд, и зелье, и свинец; а буде
Чего сполна не сыщется, отвечу

Казной своей; по искам, челобитьям
За прежние убытки и обиды.
Обиженным уплачиваю вдвое.
Так и пиши! Ты судишь тут, я вижу.
Суди, суди!

Облезлов

Я без тебя судья,
А при тебе — товарищ. Сам суди!

Воевода

Никто себя не судит. Вместе с ними
В ответе я перед твоим судом.

Облезлов

А что не так я рассужу?

Воевода

Поправим,
Ошибка в грех не ставится.

Облезлов

Изволь!

Степан Бастрюков

На воеводу челобитчик я.

Вели пустить Дюжова дочку Марью;
Она моя невеста; он насильно
Увез ее.

Облезлов

А чья она невеста —
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.

Степан Бастрюков

Спроси у ней.

Облезлов

Да нешто девка знает,
Кто ей жених? Ее ли это дело?
К кому пойдешь?

Марья Власьевна

К Степану Бастрюкову.

Облезлов

А все отца и мать спросить.

Степан Бастрюков

Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда

К себе ее. Пойдешь?

Марья Власьевна

Пойду.

Степан Бастрюков

Вот видишь,
Сама идет, так разговор короток.

Неждан

Да вот отец! Спросить его!

Дюжой

Да что уж!
Коль здесь украл, так нам с женой по-давно
Не уберечь. Пущай берет.

Степан Бастрюков

Спасибо!

Дюжой

А все-таки по чести, чин по чину
И с рукобитьем взять из дому лучше.

Степан Бастрюков

На все готов. Бери ее с собой,

А завтра жди меня на рукобитье.

(Облезлову.)

Вели пустить людей моих на волю,
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.

Облезлов

Пустите их!

Степан Бастрюков
(всем кланяется)

На свадьбу приходите!
Поклон и вон.

(Уходит, слуги за ним.)

Неустройко

А ведомого вора,
Дубровина Романа, тоже пустишь?

Воевода

А ты спроси, кого Дубровин грабил?

Облезлов

Посадские! Кого Дубровин грабил?

Нежданн

Не грабил нас.

Смирной

Не знаем.

Облезлов

А убойства?

Нежданн

Не ведаем, и слыхом не слыхали.

Облезлов

А воровства с поличным?

Дружина

Не видали.

Смирной

На воровстве не пойман. Воевода
В тюрьме его тогда держал напрасно.

Облезлов
(Дубровину)

Ты был в бегах?

Дубровин

Я бегать — бегал точно,
Не буду лгать. Теперь домой пришел
И сесть хочу на старом пепелище,
На царское тягло.

Облезлов

Уж я не знаю,
Каким судом и как его судить.

Воевода

Аль ты забыл царев наказ о беглых?
Указано повсюду воеводам
Их сыскивать и на посад сажать.
Устраивать строеньем, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб вам, живя в посаде, не сбежать,
И подати платить царевы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы вам не заложиться,
И льготы им давать.

Облезлов

А на поруки

Возьмет ли кто Дубровина?

Воевода

Да я
Беру его.

Посадские

Мы все, мы всем посадом,
Берем его.

Облезлов

Я чаю, крепко будет
С поруками такими.

(*Слугам.*)

Развяжите
Дубровина.

Дубровин

Вели пустить Олену.

Облезлов

Твоя она, так и бери.

Олена

Роман,
Где голову приклоним?

Неждан

На посаде
Дворов немало; приютим, покуда
Отстроитесь.

Облезлов
(Неждану)

Подайте завтра запись
Поручную по нем. Теперь не время
Дела вершить; на это день, а ночью
Себе и людям надо дать покой.
Прощай, Нечай Григорьич! Расходитесь!

Воевода

Посадские и все честные люди,
Не надолго я к вам вернулся; вскоре
Переберусь в обитель; кто обижен,
Кто изубытчен мною, приходите:
За все воздам смиренно и с моленьем
Простить меня и отпустить обиды.

Посадские

Господь тебя прости, а мы прощаем.

Комментарии

Не от мира сего[*]

Печатается по тексту журнала «Русская мысль», 1885, № 2, со сверкой по автографу, хранящемуся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Островский работал над пьесой в конце 1884 года, будучи тяжело болен, стараясь выполнить обещание, данное артистке П. А. Стрепетовой, написать новую пьесу для ее бенефиса. «Я пишу обставленный лекарствами, — писал он ей 13 декабря 1884 года, — нервы разбиты до последней степени; малейший шум меня пугает; я не сплю и не ем почти ничего» («Ежегодник Государственных театров», сезон 1918/1919 г., стр. 94). 20 декабря пьеса была закончена, 22 декабря принята Театрально-литературным комитетом к представлению, и 24 декабря было получено цензурное разрешение. 9 января 1885 года пьеса впервые поставлена в Петербурге на сцене Александрийского театра в бенефис П. А. Стрепетовой. В постановке участвовали: Петипа (Кочуев), Стрепетова (Ксения), Давыдов (Елохов) и другие.

В Москве пьеса была поставлена в Малом театре 16 января 1885 года. В спектакле приняли участие: Ленский (Кочуев), Федотова (Ксения), Медведева (Снафидина), Макшеев (Елохов), Вильде (Муругов), Музиль (Барбарисов), Садовская (Хиония), Живокини (Мардарий) и другие.

Общество драматических писателей присудило драматургу Грибоедовскую премию, но сам он не был доволен своим произведением. В репертуаре пьеса продержалась очень недолго. На советской сцене не ставилась.

Воевода (Сон на Волге). 2-я редакция[*]

Печатается по тексту цензурованной рукописи, хранящейся в Ленинградской центральной театральной библиотеке имени А. В. Луначарского (шифр 28209). Сверено с черновым автографом, находящимся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (шифр М. 3097.5).

Вторая редакция «Воеводы» была создана Островским в 1885 году, через двадцать лет после опубликования первого варианта пьесы в «Современнике». 22 ноября 1885 года рукопись поступила в драматическую цензуру, и на следующий день пьеса была дозволена к представлению. В печати вторая редакция «Воеводы» впервые появилась в 1890 году, в т. IV «Сочинений

А. Н. Островского», изданных В. Думновым.

Островский, видимо, руководствовался целью сделать пьесу более сценичной. Переработку ее драматург производил, положив в основу журнальный текст «Современника». Многие страницы были написаны заново.

В результате переработки значительно изменились архитектоника пьесы и развитие сюжета.

В первой редакции обижаемые воеводой посадские отправляют на него челобитную. В результате царским указом Шалыгин смещается с должности воеводы. Во второй редакции судьба посланного в Москву челобитья остается неизвестной. Не упоминается в новой редакции и об участии в этом деле старшего Бастрюкова. Правда, в черновой рукописи второй редакции на 189-й странице первой книжки «Современника» за 1865 год имеется набросок диалога, где Семен Бастрюков говорит, обращаясь к посадским, что он повезет «завтра же мирское челобитье и выборных… в Москву». Но Островский зачеркнул это место, и оно не попало в окончательный текст. В новой редакции воевода добровольно отказывается от власти и заявляет о своем желании уйти в монастырь.

Изменив развязку, Островский приводит в

соответствие с новым финалом другие части произведения. Характерный штрих вносится драматургом в окончание пролога. В разгар борьбы посадских и Бастрюковых с воеводой и его приспешниками раздаются голоса, возвещающие о том, что несут «пречистую». Уже в прологе новой редакции много говорится о пустыннике, роль которого заметно возрастает. Пустынник сталкивается не только с Дубровиным, отцом которого он теперь является, но и с воеводой Шалыгиным, влияя на обоих действующих в пьесе антагонистов.

В связи с изменением финала пьесы Островский удалил из второй редакции сцену на Постельном крыльце, противоречащую новой развязке.

Во второй редакции, вопреки более отчетливо обозначившейся в ней морально-религиозной тенденции, сохраняется тот демократически-обличительный пафос, который так ярко выражен в первой редакции «Воеводы». Нечай Шалыгин и теперь, несмотря на овладевающее им в конце пьесы покаянное настроение, столь же омерзителен и вместе с тем столь же типичен в своем грабительстве, как и в ранней редакции. Победа и в новой редакции остается за противниками воеводы, которым драматург по-прежнему

отдает все свои симпатии. В пьесе остались и антикрепостническая песня старухи крестьянки, и мятежные слова Дубровина о «волках» и «овцах». Во второй редакции связь Дубровина и его товарищей с движением Разина показана более отчетливо, чем в первой. Устами Щербака здесь прямо говорится о восстании:

Пожива есть внизу; от беглых слышно.
Что Астрахань разграблена, и дальше
К Саратову идет большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же.

Как известно, Астрахань была взята Разиным 24 июня 1670 года, после чего восставшие заняли другие крупные города Нижнего и Среднего Поволжья. Таким образом, вторая редакция «Воеводы» позволяет с еще большей точностью определить время действия пьесы. Оно происходит летом 1670 года, в разгар разинского движения. Интересно, что в черновой рукописи второй редакции фигурирует имя Разина. В первоначальном варианте сцены с пустынником Дубровин говорил:

А я к удалым, в темном лесе.
К Степану Тимофеичу зовут.

В некоторых случаях производимая драматургом переработка текста согласовалась с замечаниями критиков. Последние единодушно осудили, например, сцену преследования Марьи Власьевны воеводой, решившим защекотать ее насмерть. Во второй редакции этой сцены нет.

По мнению рецензента газеты «Голос», Дубровин мог признаться Бастрюкову в том, что он и есть Худояр, уже при первой встрече с сыном бывшего губного старосты, не заставляя молодого человека совершать путешествие к разбойникам («Голос», 1865, № 125). Во второй редакции пьесы младший Бастрюков совсем не появляется среди разбойников в лесном овраге. Свою тайну Дубровин открывает ему, находясь в доме Бастрюковых. Критики писали также о неестественном легковерии воеводы, согласившегося отправиться на богомолье в момент, когда у старика имелись все основания серьезно беспокоиться о безопасности невесты. Во втором редакции уделено большее внимание мотивировке решения воеводы подчиниться требованию Мизгиря. «Воевода, — говорится в этой редакции устами Дубровина, — хитер, да не умен». «Не станет умный с ведунами знаться». В новой редакции подчеркивается абсолютная уверенность Дубро-

вина в успехе затеи с Мизгирем.

Переработка пьесы производилась драматургом с большой тщательностью. Островский устранял длинноты, производил стилистическую правку. В отношении художественной выразительности текст второй редакции в ряде случаев является более совершенным.

Первое представление «Воеводы» состоялось на сцене московского Малого театра 19 января 1886 года в бенефис К. Н. Рыбакова. Постановкой руководил сам А. Н. Островский. Участница спектакля О. О. Садовская так рассказывала о работе Островского с артистами над его пьесой: «Александр Николаевич прочел нам пьесу на сцене за столом. Прошло два дня, назначена была читка, которая происходила в его присутствии. После читки он просил нас собраться на третий день и читать пьесу по выписанным ролям „в тонах“, и когда мы на третий день собрались и начали репетицию, то оказалось, что каждый из нас знал уже свою роль наизусть. Случилось это само по себе, — мы и не думали сговариваться. А. Н. был страшно этим тронут. „Вы меня балуете!“ — говорил он и всех горячо благодарил» («Театральная декада», 1936, № 4, стр. 12).

Роли были распределены следующим образом:

Шалыгин — А. П. Ленский, Семен Бастрюков — М. П. Садовский, Степан Бастрюков — А. И. Южин, Дубровин — К. Н. Рыбаков, Олена — М. Н. Ермолова. О. О. Садовская исполняла две роли — Недвиги и старухи крестьянки. Роль пустынника исполнял П. Я. Рябов. Он же исполнял роль Гришки Жилки. Островский был удовлетворен игрой артистов. В своем дневнике он записал 18 января 1886 года: «Генеральная репетиция „Воеводы“. Выдаются: Рыбаков, Садовский, Южин. Садовская очаровательна. Декорации художественны» (т. XIII, стр. 287).

23 января он снова отметил в дневнике: «Малый театр. „Воевода“, успех пьесы идет кресчендо» (там же, стр. 288).

Этому успеху в немалой степени содействовала своей игрой О. О. Садовская. Говоря об исполнении ею роли Недвиги в спектаклях позднейших лет, С. Н. Дурылин замечает, что перед зрителями вставала «живая, седая мамушка XVII века. Необычайным добродушием, смешноватой недалекостью веяло от этой нянюшки». Но особенно вдохновенным было исполнение той же артисткой роли старухи крестьянки. «Садовская только сидела, пела и качала колыбель, — пела старушечьим, увядшим голосом, но в ее голосе,

в хватающем за душу покорном напеве ее песни было что-то до того трагическое и вместе с тем простое, несомненно правдивое, что казалось, в этой люльке лежит не „мил внучоночек“, „крестьянской сын“, а вся Русь крепостная, крестьянская, холопская… В песне, в ее потрясающих звуках, Садовская являлась великой трагической артисткой» (С. Дурылин, О. О. Садовская, изд-во «Искусство», 1947, стр. 67, 68)

Пьеса «Воевода» с успехом ставилась на сцене Малого театра и в советское время. Осенью 1922 года театр возобновил постановку этой пьесы. Роли была распределены так: Шалыгин — С А. Головин, Семен Бастрюков — Н. И. Рыжов, Степан Бастрюков — А. А. Остужев, Недвига — В. О. Массалитинова, старуха крестьянка — В. Н. Рыжова, Дубровин — П. М. Садовский. «Роль Романа Дубровина, — писал рецензент Захаров-Менский, — любимая роль Садовского; в ней его игра достигает той глубины, которой отмечено дарование этого артиста» («Сегодня», 1922, № 9-10, стр. 6).

«Воевода» ставился на сцене Центрального театра Советской Армии и Горьковского драматического театра.